

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КАЗАНСКИЙ ФИЛИАЛ

ИЗВЕСТИЯ КАЗАНСКОГО ФИЛИАЛА

СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

2

ТАТКНИГОИЗДАТ
КАЗАНЬ 1957

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КАЗАНСКИЙ ФИЛИАЛ

ИЗВЕСТИЯ КАЗАНСКОГО ФИЛИАЛА

СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Выпуск 2

ТАТКНИГОИЗДАТ
РЕДАКЦИЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
КАЗАНЬ 1957

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
Казанского филиала Академии наук СССР

Редакционная коллегия:

Доктор исторических наук профессор Н. И. Воробьев, доктор филологических наук Л. Э. Залая, кандидат филологических наук Х. Ф. Хайруллин (отв. редактор), кандидаты исторических наук Х. Г. Гимади и М. К. Мухарямов.

п 18661
ЦЕНТРАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
А.Н. Киргизской ССР

Х. Г. ГИМАДИ

ОБ ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ТАТАРСКОЙ АССР ЗА 40 ЛЕТ

(Краткий обзор)

Советский народ, вооруженный историческими решениями XX съезда КПСС, победоносно идет по пути к коммунизму. В этом поступательном движении огромную роль призвана сыграть советская наука, в том числе и историческая.

XX съезд вскрыл серьезные недостатки на историческом фронте и осудил чуждый духу марксизма-ленинизма культ личности, умалявший роль партии и народных масс в историческом развитии. Съезд со всей силой подчеркнул, что „подлинными творцами новой жизни являются народные массы, руководимые Коммунистической партией“¹. Съезд уделил большое внимание изучению истории советских национальных республик и призвал усилить борьбу со всякими проявлениями буржуазной идеологии.

В свете решений XX съезда большие, ответственные задачи возлагаются и на работников исторического фронта Татарской АССР. К 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции Татария, как и вся наша страна, приходит с замечательными успехами. За годы Советской власти она превратилась в высокоразвитую индустриально-колхозную республику. Расцвела культура татарского народа, национальная по форме, социалистическая по содержанию. Декада татарской литературы и искусства в Москве еще раз продемонстрировала триумф ленинской национальной политики Коммунистической партии.

Большие успехи достигнуты и в области развития научной мысли. В Татарии имеется 12 вузов и десятки научно-исследовательских учреждений, создан филиал Академии наук СССР.

Значительный шаг сделан в развитии исторической науки, в частности, — в изучении истории Татарии.

Казань и до Октябрьской революции была крупным центром востоковедения. Один из старейших в стране Казанский университет имел славные научные традиции; в стенах его работали крупнейшие ученые.

Велика была роль университета в изучении народов Поволжья — татар, чуваш, мари, удмуртов и др. Особенно следует подчеркнуть заслуги „Общества археологии, истории и этнографии“ и его печатного органа — „Известий“. Наряду с русскими учеными в работе „Общества“ принимали участие и татарские — просветитель Каюм Насыров, историки Ш. Марджани, Г. Ахмаров и другие. Говоря об исторической науке в прошлом, не следует забывать, что в усло-

¹ XX съезд Коммунистической партии Советского Союза (стенографический отчет), т. II, стр. 424.

виях - царизма и капиталистического строя были две России, две культуры: господствующая (дворянско-буржуазная) и демократическая культура. Если представители первой искажали историю народных масс, то представители второй культуры всегда выступали в защиту интересов этих масс, ратовали за дружбу между народами, желали им освобождения от социального и национального гнета. В лице передовых людей русского общества нерусские национальности всегда находили для себя искренних друзей.

Великая Октябрьская социалистическая революция освободила народы нашей страны от векового гнета и открыла новую эру в истории человечества.

Было положено начало и планомерному научному изучению истории освобожденных революцией народов. Коммунистическая партия и Советское правительство с первых же лет уделяют большое внимание развитию исторической науки. Так, несмотря на трудности, связанные с гражданской войной и неурожаем 1921 года, правительство выделяет значительные средства для планомерного изучения истории Татарии и памятников материальной культуры народа. Открылись двери архивов, исследователи получили возможность изучить их богатейшие фонды. В результате многие страницы истории народов должны были получить совершенно новое освещение.

В первые годы Советской власти перед исторической наукой в Татарии стоял и ряд трудностей, кроме отмеченных выше. Часть старой профессуры не захотела сотрудничать с новым советским строем. Кафедры общественных наук при университете фактически перестали существовать. А вновь созданные в 1922 году при Восточно-педагогическом институте кафедры были тогда слабы, и их внимание было направлено в основном на обучение. Особенно не хватало работников из коренного населения. Многие из них еще находились под влиянием буржуазно-националистической идеологии.

Создание и воспитание новых, марксистских кадров историков являлось важнейшей задачей Татарской областной партийной организации.

В 20—30 гг. в деле подготовки научных кадров историков, особенно национальных, большую роль сыграли Восточно-педагогический институт, Татарский коммунистический университет, Татарский научно-исследовательский институт марксизма-ленинизма и другие учреждения. Следует также указать и на Центральный краеведческий музей ТАССР и его роль, прежде всего, в организации археологических и этнографических экспедиций.

Начиная с 20-х годов организуется ряд экспедиций для изучения развалин Булгарского городища — ценнейшего памятника материальной культуры народов Среднего Поволжья. Одновременно изучаются Билярское городище, булгаро-татарские эпиграфические и другие памятники края. В эти годы изучением отдельных сторон истории, археологии и этнографии края занимались В. Ф. Смолин, Н. И. Воробьев, Н. Ф. Калинин, Г. Ибрагимов, Али Рахим, Г. С. Губайдуллин, Е. И. Чернышов, А. С. Башкиров, Н. Н. Фирсов и другие. Заслуживает внимания ряд работ археологов, в которых освещается древнейшая история народов Поволжья. К числу таких исследований можно отнести книги проф. В. Ф. Смолина „По развалинам древних Булгар“ и „Археологический очерк Татарской Республики“ (Казань, 1926 год). В этом же году проф. Н. Н. Фирсов печатает свою небольшую работу под названием „Прошлое Татарии“, а затем книгу „Чтения по истории Среднего Поволжья“. В 1929 году вышла книга проф. А. С. Башкирова „Памятники булгаро-татарской культуры на Волге“. Интересна также статья Али Рахима „Татарские эпиграфические памятники XVI века“, опубликованная в I томе „Трудов общества

изучения Татарстана“ (Казань, 1930 г.). Перечисленные авторы собрали большой фактический материал, без которого нельзя было приступить к систематическому изучению истории татарского и других народов Среднего Поволжья. Однако эти работы в методологическом отношении были далеки от марксистского понимания истории. В. Ф. Смолин, А. С. Башкиров и другие в эти годы еще находились под сильным влиянием „школы“ М. Н. Покровского, а Н. Н. Фирсов многие вопросы истории освещал с позиций народничества.

В освещении вопроса этногенеза татар проф. Смолин следовал за Н. И. Ашмариним, считавшим единственными потомками булгар только чуваш. Казанских татар проф. Смолин был склонен отождествлять с монголами Чингиз-хана. В его работах преуменьшаются разрушительные последствия монгольского завоевания.

Проф. Н. Н. Фирсов в изучении вопросов истории Татарии, по сравнению с дореволюционными буржуазными учеными, сделал шаг вперед. Он правильно подчеркивал, что одними из потомков булгар являются казанские татары, которые унаследовали их культуру. Однако многие вопросы социально-экономической истории в трудах Н. Н. Фирсова излагались с позиций Ключевского и Покровского. Причину изменений в жизни общества он зачастую объяснял внешними или климатическими условиями. По его мнению, Булгарское государство являлось „торгово-промышленным основой всего булгарского народа. По его словам, была материальной основой всего булгарского народа. „При помощи этой основы, — писал Н. Н. Фирсов, — булгары-коммерсанты удерживали в зависимости от себя, от городской буржуазии, тюркские и финские массы земледельцев и звероловов“¹.

В эти же годы на территории республики начаты были этнографические исследования. Материальной и отчасти духовной культурой татар в 20—30 гг. занимались Б. Ф. Адлер², П. М. Дульский³, М. и К. Губайдуллины⁴, Н. И. Воробьев, В. В. Егоров⁵ и др. Особенно плодотворно работал над изучением этнографии татар Н. И. Воробьев. Результатом его многолетних экспедиционных работ явился большой труд „Материальная культура казанских татар“ (Казань, 1930 г.). В книге изложен большой и ценный фактический материал. Читатель впервые получил в обобщенной форме данные о быте и материальной культуре татарского народа. Однако это монографическое исследование страдало и недостатками. Многие вопросы не нашли анализа с марксистских позиций. Так, например, не везде подчеркиваются особенности быта и материальной культуры у различных социальных групп татарского населения.

Позднее, характеризуя этнографические исследования тех лет, Н. И. Воробьев писал, что они „в теоретическом отношении принципиально мало чем отличаются от лучших работ дореволюционного периода“⁶.

Великий Октябрь открыл новую страницу в развитии исторической науки в нашей стране. Расширились горизонты для работы советских историков. Буржуазные ученые превращали историю в жизнеописание отдельных личностей, царей и полководцев. Они всячески умаляли роль настоящих творцов исторического процесса —

¹ Н. Н. Фирсов. Прошлое Татарии. Казань, 1926.

² Б. Ф. Адлер. Коллекция Сиклера, Казанский музейный вестник, 1922, № 2.

³ П. М. Дульский. Искусство казанских татар. Москва, 1925.

⁴ М. и К. Губайдуллины. Пища казанских татар. „Вестник научного общества татароведения“, 1927, № 6.

⁵ В. В. Егоров. Самобытное разделение народностей Казанского края. Там же, 1928, № 8.

⁶ Н. И. Воробьев. Казанские татары. Казань, 1953, стр. 40.

народных масс. Культ личности был свойственен и народникам, которые защищали субъективистскую теорию „героев“ и „толпы“. Против этих теорий постоянную борьбу вел марксизм-ленинизм, который учит, что творцом истории является народ, что трудящиеся массы, создающие материальные и духовные ценности, являются двигателями исторического процесса общественного развития.

В отдельные периоды советскими историками допускались серьезные ошибки при изучении истории нашей страны. На них неоднократно указывала наша партия. Не свободны были от этих ошибок и историки Татарии. Многие работы, написанные в первые годы Советской власти, содержали еще великодержавные и националистические тенденции. Советская историческая наука развивалась и крепла в борьбе с проявлениями буржуазной идеологии. Центральный Комитет Коммунистической партии всегда направлял работу советских историков по правильному пути. Это помогало им решать многие важные проблемы исторической науки. Уже в 20-х гг. внимание историков Татарии направляется на изучение революционного движения на территории республики. В целях изучения истории местной партийной организации в 1920 году был создан Истпартотдел при Обкоме РКП(б). В 1922 году при Истпарте стал выходить журнал „Пути революции“. Журнал публиковал статьи, документы и мемуары по истории партийной организации Татарии, некоторые из которых не потеряли своего значения и по сей день. Сотрудниками Истпарта и других научных учреждений был опубликован ряд монографий. Сюда относятся работы С. Е. Лифшица, Е. Грачева, Н. Ежова, Г. Ибрагимова и др. С. Е. Лифшиц объектом своих исследований избрал историю рабочего и социал-демократического движения в Татарии. Так, в 1922 году он опубликовал „Очерки истории Казанской социал-демократии“, а в 1930 году „Казань в годы первой революции“. Однако эти труды в настоящее время заметно устарели и в идейно-теоретическом отношении не отвечают требованиям современной исторической науки.

Интенсивно занимался исследованием вопросов революционного движения среди татар выдающийся ученый и писатель Галимджан Ибрагимов. Заслуживают, например, серьезного внимания его книги „Революционное движение среди татар“ (Казань, 1926 г.)¹ и „Урал“ и „уральцы“ (Казань, 1927 г.). Эти книги в настоящее время являются библиографической редкостью, и поэтому мы считаем нужным сказать о них несколько подробнее.

Работа „Революционное движение среди татар“, написанная в связи с 20-летием первой русской революции, является крупным исследованием. Автор глубоко изучил фактический материал о жизни татарского общества начала XX века и сумел правдиво раскрыть роль различных классов в революции 1905—1907 гг. Впервые в татарской историографии (после Х. Ямашева) дается научное освещение совместной борьбы русских и татарских трудящихся против общих врагов — царизма, помещиков и буржуазии. Татарский пролетариат, — указывает автор, — шел рука об руку с русским. „Рабочие-татары не стремились создать свою отдельную организацию“. Они „присоединились к интернациональной социал-демократической партии...“ На конкретных фактах Ибрагимов показывает антинародное лицо представителей татарского либерализма („иттифаковцев“), которые стремились использовать революционное движение масс в интересах татарских баев.

¹ На русском языке „Татары в революции 1905 г.“. Казань, 1926, перевод под редакцией Г. Ф. Липсера.

В 1927 году Г. Ибрагимов выпустил на татарском языке книгу „Урал“ и „уральцы“. В ней описывается история возникновения среди татар периодической печати вообще и большевистской газеты „Урал“ в частности. Мощный толчок развитию татарской культуры и печати дала первая русская революция. В период этой революции у татар появились газеты самых различных направлений, что объяснялось наличием в татарском обществе антагонистических классов. Г. Ибрагимов выделяет 4 основных направления в татарской печати: 1) пролетарское (газета „Урал“); 2) консервативно-клерикальное, черносотенное („Дин ве магишат“); 3) буржуазно-либеральное („Казан мухбире“) и 4) мелкобуржуазное („Тан“). Единственной защитницей интересов трудящихся, — указывает Ибрагимов, — была газета „Урал“. Автор особо подчеркивает проводившуюся газетой мысль о том, что „рабочие должны объединяться не по национальному, а по классовому принципу“ (стр. 36). Рассматриваемая работа, как и предыдущая, несмотря на некоторый объективизм в изложении фактов, является марксистским исследованием революционного движения среди татар и не потеряла своего значения по сей день. В 20—30 гг. усиливается внимание и к изучению истории Великой Октябрьской социалистической революции. Здесь можно упомянуть работы Е. Грачева¹, А. Тарасова, Ф. Демашева, В. Кудрявцева и Е. Медведева², Е. Чернышова³ и др. Эти исследования написаны на основе изучения местных архивных фондов. В них собран значительный фактический материал. Однако во многих отношениях они явно устарели. Среди работ, посвященных событиям Октябрьской революции в Татарии, заслуживает положительной оценки книга Назара Ежова „Военная Казань в 1917 году“. Будучи сам активным участником Октябрьских боев в Казани, автор показывает процесс революционизирования армии и переход ее на сторону большевиков и Советской власти.

В оживлении научно-исследовательской работы в области общественных наук в республике известную роль в 20—30 гг. сыграли и научные общества. До 1931 года существовало „Общество археологии, истории и этнографии“ при Казанском университете. В его „Известиях“ печатались статьи по истории местного края. В 1923 году при Академическом центре Татнаркомпроса учреждается Общество татароведения, которое издавало журнал „Вестник научного общества татароведения“. В 1928 году появилось „Общество изучения Татарстана“, которое также выпускало свои „Труды“. В 1929 году произошло слияние этих обществ. Новое общество начало печатать журнал „Татарстан“. Перечисленные общества, объединявшие местные научные силы, выпустили ряд сборников, в которых освещались отдельные вопросы быта, истории, этнографии и археологии народов края, в т. ч. и татар. Активное участие в работе этих обществ принимали Г. Ибрагимов, Н. И. Воробьев, Н. Ф. Калинин, Е. И. Чернышов, П. М. Дульский, В. В. Егерев, П. Е. Корнилов, А. Рахим, Р. Ш. Тагиров, Дж. Валидов, Н. Н. Фирсов и другие.

Следует отметить, что многие работы, опубликованные в печатных органах обществ, были написаны не с марксистских позиций. Некоторые из них были проникнуты националистическими идеями. Идеализировалось прошлое Татарии, особенно времена Золотой Орды и Казанского ханства. Очень мало внимания уделялось вопросам современности, раскрытию роли народных масс, освещению благотворного влияния передовой русской культуры на развитие

¹ Е. Грачев. Казанский Октябрь. Хроника событий. Казань, 1926.

² Е. Медведев, Ф. Демашев, А. Тарасов, В. Кудрявцев. Казанская большевистская организация в 1917 г. Казань, 1933.

³ Е. Чернышов. Из истории крестьянских движений в Казанском крае в 1917 г. Казань, 1926.

культуры татарского народа. В целом развитие исторической науки в Татарии, как и во всей стране, еще сильно отставало от задач социалистического строительства. Многие исследования носили отвлеченный, схематический характер. Теоретический уровень их был низок. Кроме того, отрицательно влияли на историков антимарксистские, по сути дела ликвидаторские взгляды так называемой „исторической школы Покровского“. В условиях Татарии это привело к таким фактам, как отсутствие исторического факультета при Казанском университете и ликвидация научно-исторических обществ и их журналов.

Коммунистическая партия своевременно вскрыла и осудила субъективно-идеалистические ошибки „школы Покровского“. Огромное значение в деле научной разработки истории народов СССР, в т. ч. и Татарии, сыграло известное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 г. „О преподавании гражданской истории в школах СССР“. В этом постановлении не только были отмечены недостатки, но и указаны пути развития подлинно марксистской исторической науки. Большое внимание было уделено также разработке истории отдельных народов, в т. ч. и татарского. Эта работа проводилась силами центральных и местных научных учреждений. Основным тормозом в организации научных исследований являлось отсутствие единого центра и целеустремленной плановой работы.

Большую помощь Татарии оказывала Академия наук СССР. В 30-х годах Институт истории АН СССР выпустил ряд ценных документальных сборников по отдельным важным периодам истории Татарии. К ним следует отнести: „Материалы по истории Татарской АССР“ (М., 1937 г.); „Писцовые книги города Казани 1565—1568 гг. и 1646 г.“ (Л., 1932 г.); „История Татарии в документах и материалах“ (М., 1937 г.); „Аграрный вопрос и крестьянское движение в Татарии XIX века“ (М.—Л., 1936 г.). К последнему сборнику была предпослана большая вступительная статья, в которой давалась характеристика пореформенной экономики Татарии и особенностей движения татарских крестьян 1878—1879 гг.

Открытие в 1939 году при Казанском государственном университете историко-филологического факультета способствовало дальнейшему оживлению научно-исследовательской работы в области истории.

В начале 40-х гг. историки Татарии больше внимания обращают на исследование вопросов революционного движения и популяризацию имен выдающихся революционеров и деятелей культуры. В этом отношении заслуживают положительной оценки два сборника „Жизнь замечательных людей в Казани“ (Казань, 1940 г.). Здесь в научно-популярной форме рассказывалось о жизни и деятельности в Казани В. И. Ленина, Я. М. Свердлова, С. М. Кирова, М.-Н. Вахитова и других. Большое место авторы сборников отвели казанскому периоду жизни Н. И. Лобачевского, Л. Н. Толстого, Габдуллы Тукая и др. К серии научно-популярной литературы, вышедшей в этот период, можно отнести также книги: И. Н. Фирсова „1905 год в Казани“ (1940 г.), М. Бубенинова и А. Валеева „Освобождение Казани от белогвардейцев в 1918 году“ (Казань, 1939 г.), А. Тарасова „Разгром контрреволюционной авантюры татарской буржуазии в 1918 году“ (1940 г.). Ценным пособием для изучения истории большевистской организации Татарии явился вышедший в 1941 году сборник документов „Листовки казанских большевиков 1903—1907 гг.“ (составитель И. А. Айнетдинов). Статьи, освещающие историю революционного движения и социалистического строительства в Татарии, печатались также в журналах Татарского обкома ВКП(б) „Большевик Татарии“ и „Татарстан большевика“. Борьба

за социалистическое переустройство республики нашла отражение в сборниках „XX лет Татарской АССР“ (1940 г.) и „XXV лет Татарской АССР“ (1945 г.). В эти годы продолжалось одновременно изучение древней истории Татарии и памятников материальной культуры. Серьезное внимание уделялось Булгарскому городищу. Если раньше памятники Булгар изучались от случая к случаю, то начиная с 1938 года изучение приняло плановый характер. Эта работа осуществлялась Институтом истории материальной культуры АН СССР, Центральным государственным историческим музеем и краеведческим музеем ТАССР под общим руководством проф. А. П. Смирнова. В экспедициях активное участие принимали казанские археологи Н. Ф. Калинин, А. М. Ефимова, О. Н. Хованская и др. Основное внимание А. В. Збруевой (ИИМК АН СССР) было сосредоточено на изучении памятников первобытных культур Прикамья. Экспедициями А. В. Збруевой были добыты весьма ценные материалы, относящиеся к т. н. ананьинской культуре. Результаты деятельности археологов обобщены в трудах А. П. Смирнова¹ и А. В. Збруевой².

В 1941 году была написана интересная работа акад. Б. Д. Грекова „Волжские булгары IX—X вв.“³ В ней на основе исторических документов дается обстоятельный анализ социально-экономического строя волжских булгар в период установления феодальных производственных отношений.

Из работ по истории народного образования, вышедших до войны, следует упомянуть содержательную книгу В. М. Горохова „Реакционная школьная политика царизма в отношении татар Поволжья“ (Казань, 1941 г.).

Расширение объема работ потребовало централизации научных исследований. Исходя из этого, в 1939 году в Казани был создан Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Коллективу института было поручено создание трудов по татарскому языкознанию, литературе и истории Татарии. Однако в первые годы молодой институт не справлялся со своими задачами. В трудах некоторых историков и литераторов были допущены ошибки идеологического характера, выразившиеся в идеализации Золотой Орды и восхвалении ханско-феодального эпоса об Идееге. Главное свое внимание сотрудники института уделяли изучению прошлого в ущерб актуальным темам современности. Ошибки и недостатки в освещении истории Татарии и татарской литературы были вскрыты в известном постановлении ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 года „О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации“. Перед историками была поставлена задача научной разработки истории Татарии. При этом особое внимание следовало обратить „на исследование и освещение истории совместной борьбы русского, татарского и других народов СССР против чужеземных захватчиков, против царизма и помещичье-капиталистического гнета, а также на историю социалистического преобразования Татарии в период Советской власти и популяризацию выдающихся деятелей, ученых и революционеров татарского народа и его сынов — героев Отечественной войны“⁴.

¹ А. П. Смирнов. Прикамье в первые тысячелетия нашей эры. Сборник по археологии СССР. М., 1939.

Его же. Очерки по истории древних булгар до конца XIII в. (Труды ГИМ, вып. II, 1940).

Его же. Сувар (Итоги раскопок 1937—1938 гг. Труды ГИМ, вып. 16, 1941).

² А. В. Збруева. Происхождение ананьинской культуры (Краткие сообщения ИИМК, т. IX, 1941).

³ Исторические записки, 1945, № 14.

⁴ О партийной и советской печати. Сборник документов. Москва, Издательство „Правда“, 1954, стр. 528—529.

В 1945 году решением Советского правительства основывается Казанский филиал Академии наук СССР, при котором создается Институт языка, литературы и истории. Институт объединил вокруг себя историков, археологов и этнографов, занимающихся историей местного края, и приступил к разработке фундаментальной „Истории Татарской АССР“. Многие вопросы истории Татарии требовали еще проведения научных дискуссий. К числу этих вопросов относилась проблема этногенеза татарского народа. Среди историков по данному вопросу не было единого мнения. Одни придерживались мнения о монгольском происхождении татар, а другие — о болгарском. В 1946 году Отделение истории и философии АН СССР совместно с ИЯЛИ КФАН провели специальную научную сессию, посвященную этногенезу казанских татар, в которой участвовали крупнейшие ученые Москвы, Ленинграда и Казани. Несмотря на недоговоренность по частным вопросам, сессия пришла в принципе к выводу о том, что казанские татары как народность сформировались на месте их современного обитания из местных и пришлых тюркоязычных племен. Причем роль решающего компонента в их сложении сыграли болгарские и отчасти кипчакские племена. Материалы научной сессии были опубликованы в 1946 году в журнале „Советская этнография“¹. Сессия помогла историкам Татарии увереннее и глубже изучать отдельные вопросы истории татарского народа. Итоги монографических исследований в 1949 году были обобщены в большом сборнике, выпущенном ИЯЛИ КФАН, „Материалы по истории Татарии“ (вып. 1). В сборник вошли работы: 1) „Древнейшее население Татарии“ (Н. Ф. Калинин); 2) „Булгария до монгольского завоевания“ (он же и акад. Б. Д. Греков); 3) „Народы Среднего Поволжья в период господства Золотой Орды“ (Х. Г. Гимади); 4) „Христианизация нерусских народностей как один из методов национально-колониальной политики царизма“ (А. Н. Григорьев); 5) „Татария в период разложения феодально-крепостнической системы“ (Е. И. Чернышов); 6) „Татария в период реформы 1861 года“ (он же); 7) „Крестьянское движение в Татарии в период реформы 1861 года“ (Е. И. Устюжанин).

Одной из важнейших задач, вытекающих из постановления ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г., является изучение истории передовых общественных идей. Поэтому следует считать положительным факт опубликования КФАН в 1948 г. сборников статей о крупнейшем татарском просветителе XIX века Каюме Насырове² и народном поэте-демократе Габдулле Тукае³. Сборники положили начало изучению развития общественной мысли среди татар. До сих пор это было одним из самых слабых участков в изучении истории Татарии и татарской литературы.

В годы Великой Отечественной войны было положено начало собиранию и изучению материалов этого периода. Сборники „В боях за советскую Родину“ (Казань, 1946 г.), „Татарская АССР в годы Великой Отечественной войны“ (Казань, 1948 г.), „Книга героев“ (Казань, 1944 г.), „Путь побед“ (Казань, 1945 г.) характеризуют ратные и трудовые подвиги трудящихся Татарии в дни суровых испытаний. За последние годы по отдельным вопросам истории Татарии в период Отечественной войны защищены кандидатские диссертации. Мы имеем в виду диссертации тт. Калишенко, Люшина, Гайфуллина и др. Однако в целом героический подвиг трудящихся Татарии еще

изучен слабо и ждет своих исследователей. Нужны серьезные монографии, в которых были бы ярко показаны патристические дела трудящихся республики в дни Отечественной войны.

В послевоенные годы основное внимание историков Татарии было сосредоточено на подготовке к печати „Истории Татарской АССР“ с древнейших времен до наших дней. Над созданием этого труда работают коллектив филиала Академии наук, а также историки Москвы, Казанского университета и педагогического института. I том „Истории Татарской АССР“, охватывающий период с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции, вышел массовым тиражом в 1955 году. Одновременно коллектив историков разрабатывал и II том „Истории Татарской АССР“. В начале 1956 года тиражом в 200 экземпляров издан макет этого тома в виде материалов для обсуждения. II том охватывает историю республики со времени Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней.

Наряду с написанием „Истории Татарской АССР“ за последнее время заметно усилилась работа над монографиями о важнейших событиях истории Татарии. Историками Казани были подготовлены к печати и опубликованы монографии по истории первой русской революции¹, Великой Октябрьской социалистической революции², иностранной военной интервенции и гражданской войны³ и т. д.

Положительную оценку у читателей получила монография Н. Ф. Калинина „Казань“ (исторический очерк), вышедшая в 1951 году. (В 1955 году монография вышла вторым, дополненным изданием.)

Заслуживают внимания работы казанских ученых по истории демократических и социалистических идей в Татарии. За последние годы появились интересные труды Г. Вульфсона и Е. Бушканца, К. Ф. Фасеева⁴, А. М. Валеева⁵, Х. Х. Хасанова⁶ и др.

У нас все еще мало изучается история заводов и фабрик. Поэтому выход книги А. Ключевича „История Казанского жиркомбината им. М.-Н. Вахитова“ надо всячески приветствовать.

За последние годы в научно-исследовательских учреждениях и вузах Казани чаще стали выходить „Ученые записки“ и другие подобные им издания. В „Трудах“ и „Известиях“ КФАН, „Ученых записках“ университета и педагогического института напечатаны ценные работы по истории народов местного края. Так, достойны упоминания работы доцента Е. И. Устюжанина о колхозном строительстве в Татарии в 1918—1925 годах, доцента И. М. Климова о помощи русского народа трудящимся Татарии в период голода 1921

¹ Татария в дни первой русской революции (Сб. подготовлен к печати КФАН). Казань, 1955. Ш. Хамматов. Казанская организация большевиков в годы первой русской революции. Казань, 1955.

² Е. И. Медведев, А. Н. Григорьев и М. Р. Булатов. Об Октябрьском вооруженном восстании в Казани в 1917 г. Казань, 1948.

³ А. Тарасов. Казанские большевики в период подготовки и проведения Октябрьской революции. Казань, 1956.

⁴ М. К. Мухарямов. Из истории иностранной военной интервенции и гражданской войны на территории Татарии. Казань, 1954.

⁵ А. М. Валеев. Освобождение Татарии от интервентов и белогвардейцев в 1918 г. Казань, 1956.

⁶ Г. Вульфсон и Е. Бушканец. Общественно-политическая борьба в Казанском университете в 1859—1861 гг. Казань, 1955.

К. Ф. Фасеев. Из истории татарской передовой общественной мысли. Казань, 1955.

⁷ А. М. Валеев. Н. Е. Федосеев — один из первых марксистов в России. Казань, 1952.

⁸ Х. Х. Хасанов. Хусани Ямашев. Казань, 1954.

¹ „Советская этнография“, 1946, № 3 и сб. Происхождение казанских татар, Казань, 1948.

² Сб. Каюм Насыри. Татгосиздат, 1948.

³ Сб. Габдулла Тукай. Татгосиздат, 1948.

года и др.¹ Научно-популярную краеведческую литературу выпускает также Государственный музей Татарской АССР.

Положительным явлением следует считать возросшее внимание к публикации исторических документов. За последние годы изданы сборники архивных документов „Безднинское восстание“ (составители Г. Н. Вульфсон и А. И. Сочалов), „Листовки казанских большевиков в период первой русской революции 1905—1907 гг.“ (подготовлен Институтом истории партии при Татарском обкоме КПСС) и др. Архивы республики совместно с научно-исследовательскими учреждениями подготовили сборники „Татария в период первой русской революции“ и „Татария в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции“. Однако следует признать, что в области публикации документов мы еще заметно отстаем, и эту работу следует усилить.

За последние годы большой размах на территории Татарии и отчасти в соседних республиках получили археолого-этнографические исследования, которые осуществляются ИИМК АН СССР, Казанским филиалом АН СССР и научными работниками Казанского университета и Государственного музея. К этой работе привлечены также научные работники Чувашской и Марийской АССР. Общее руководство археологическими экспедициями последних лет осуществлял доктор исторических наук проф. А. П. Смирнов (ИИМК). Плодотворна была работа археологов Н. Я. Мерперта, А. В. Збруевой, казанских ученых Н. Ф. Калинина, А. Х. Халикова, О. С. Хованской, А. М. Ефимовой и других. Основное внимание археологов было сосредоточено на изучении древнейших памятников в зоне затопления Куйбышевской ГЭС, в районе Булгарского городища, а также на территории Марийской АССР. Учеными открыты новые культуры (например, приказанская), палеолитические стоянки, не известные до сих пор, собран и обобщен очень богатый и ценный материал эпохи бронзы и железа. Полученный материал позволил сделать новые выводы по древнейшей и средневековой истории народов Поволжья, в частности по их этногенезу. Результаты археологических экспедиций обобщены в последних работах А. П. Смирнова, Н. Я. Мерперта, Н. Ф. Калинина, А. Х. Халикова, А. В. Збруевой, О. С. Хованской, А. М. Ефимовой и др.² В дело изучения булгаро-татарских эпиграфических памятников много труда вложили Н. Ф. Калинин и Г. В. Юсупов. Их материалы дают немало ценного для выяснения вопросов этногенеза казанских татар и их культуры³.

Этнографические исследования осуществлялись под руководством доктора исторических наук проф. Н. И. Воробьева. Основные исследовательские работы велись на территории Татарии (Н. И. Воробьев, Г. М. Хисамутдинов, Е. П. Бусыгин и др.), а также за ее пределами — в Чувашии (Н. И. Воробьев и группа чувашских ученых) и на территории Куйбышевской и Саратовской областей (Е. П. Бусыгин). Объектами изучения этнографов являлись материальная культура татар, чуваш и русского населения края, а также современный быт колхозного крестьянства. Многолетние исследования дали воз-

¹ См. „Ученые записки“ Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина, т. 114, кн. 5, а также „Ученые записки“ Казанского государственного педагогического института, серия историко-филологическая, 1956.

² Куйбышевская археологическая экспедиция. МАИ, т. 42, издательство АН СССР, 1954 (труды указанных авторов). А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. Москва, 1952; Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков. Итоги археологических работ 1945—1952 гг. Труды КФАН, 1954.

³ Альбомы булгаро-татарской эпиграфики. Рукоп. фонд ИЯЛИ (составитель Н. Ф. Калинин). Г. В. Юсупов. Булгаро-татарские эпиграфические памятники XIII—XVII вв. (кандидатская диссертация).

можность написать обобщающие труды по этнографии народов. Здесь следует упомянуть работы Н. И. Воробьева¹, Е. П. Бусыгина².

Серьезным недостатком в этнографическом изучении следует считать отсутствие марксистских трудов по духовной культуре народов края. Мало еще сделано и для изучения современного быта рабочих и колхозников. В ближайшие годы основное внимание наших этнографов должно быть направлено на решение этих задач.

Большой толчок оживлению научно-исследовательской работы в области этнографии и археологии дала состоявшаяся в декабре 1956 года научная конференция по вопросам археологии древней и средневековой истории народов Поволжья. Конференция была созвана Институтом истории материальной культуры и Казанским филиалом АН СССР совместно с Государственным музеем ТАССР. В работе конференции приняли участие ученые Москвы, Ленинграда, Татарии, братских республик Поволжья, Горького, Саратова и других городов. Конференция заслушала более 50 докладов, в которых были подытожены результаты археологических и этнографических исследований последних лет, особенно в зоне затопления Куйбышевской ГЭС. Конференция показала, что наряду с большой работой, проделанной археологами и этнографами, имеются еще и недостатки. Серьезным пробелом является, например, неравномерность изучения отдельных районов Поволжья. Плохо обстоит дело с подготовкой и использованием таких специалистов, как этнографы, нумизматы, эпиграфисты и т. д.

В конце обзора следует сказать несколько слов и о защищенных диссертациях. В послевоенные годы в этой области проделана значительная работа. По отдельным вопросам истории Татарии и местной партийной организации защищено более 40 кандидатских диссертаций. Большинство из них посвящено вопросам революционного движения в прошлом и истории социалистического преобразования Татарии за годы Советской власти. Например, историей революции 1905—1907 гг. занимались М. И. Абдрахманов, Х. Х. Хасанов, М. Н. Лосьякова, Ш. Х. Хамматов и другие.

Ряд историков объектом исследования избрал периоды подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны. Мы имеем в виду диссертации А. А. Тарасова, С. К. Каримовой, Д. Д. Ананьева, М. Р. Булатова, И. М. Ионенко и др. О борьбе за победу социализма в Татарии писали О. Н. Чеснокова, Л. И. Куликова, И. А. Громов, А. А. Петрова, Г. М. Хисамутдинов, Ш. М. Еналиев, К. Л. Байрамов и т. д. К сожалению, большинство защищенных диссертаций до сих пор еще не подготовлено к печати. Этот пробел следует быстро ликвидировать.

Некоторые историки Казани работают над большими монографиями по советскому периоду (Е. И. Устюжанин, И. М. Климов, М. К. Мухарямов и др.).

Сделанный нами далеко не полный обзор свидетельствует, что за 40 лет Советской власти историки Татарии проделали известную положительную работу. Это результат заботы о советской науке со стороны Коммунистической партии.

Однако справедливость требует сказать, что развитие исторической науки в Татарии еще не отвечает задачам, поставленным XX съездом КПСС. Серьезно отстает изучение истории КПСС и советского общества. Это, пожалуй, самый отсталый участок нашей

¹ Н. И. Воробьев. Казанские татары (этнографическое исследование). Казань, 1953. Н. И. Воробьев, А. Н. Львова, Н. Р. Романов, А. Р. Симонина. Чуваши. Этнографическое исследование, ч. I, Чебоксары, 1956.

² Е. П. Бусыгин. Материальная культура русского населения Татарской АССР (кандидатская диссертация, 1951).

идеологической работы,— подчеркивал на XX съезде партии А. И. Микоян.

При разработке некоторых вопросов истории Татарии допускались и отдельные срывы. Немалая путаница и неразбериха имели место, а порою встречаются и в настоящее время при оценке некоторых национальных движений, национально-колониальной политики царизма и т. д. Это явилось результатом догматического и неглубокого изучения исторических фактов. Много вреда нанесли науке вульгаризаторские взгляды Н. Я. Марра, особенно в освещении вопросов этногенеза народов. Не были свободны от этих ошибок и наши историки.

Особенно неблагоприятно обстояло дело с изучением истории советского общества. От многих печатных трудов, а также защищенных диссертаций веет духом начетничества и схематизма. Глубокий научный анализ конкретных исторических фактов и явлений заменяется нагромождением цитат и славословием. Чуждый марксизму культ личности препятствовал созданию объективно-научных исторических исследований. Во многих трудах приукрашивалась историческая действительность, замалчивались трудности, которые успешно преодолевал наш народ. Все наши победы, одержанные под руководством Коммунистической партии, приписывались отдельной личности. Таким образом культ личности и лакировка действительности приводили к умалению роли народных масс в строительстве коммунистического общества и роли партии как единственного руководителя трудящихся. В работах по советскому периоду все положения „Краткого курса истории ВКП(б)“ воспринимались нами как неоспоримые. Это неизбежно сковывало развитие научной мысли. В трудах многих историков мало использовались архивные материалы и документы, а также решения партийных и советских органов. Все эти недостатки имеют место и в подготовленном ИЯЛИ КФАН макете II тома „Истории Татарской АССР“, а также в диссертациях по советскому периоду истории Татарии. Полное преодоление последствий культа личности является нашей важнейшей задачей.

Серьезно мешало научным исследованиям отсутствие доступа ко многим архивным фондам. После XX съезда КПСС этот барьер ликвидирован. Настало время усилить работу по публикации исторических источников, сборников документов, особенно по советскому периоду. Точно так же должно быть усилено внимание к изданию статистических справочников и публикации важнейших решений местных партийных и советских органов („Съезды Советов Татарии в решениях и постановлениях“, „Татарская партийная организация в постановлениях и решениях“ и т. д.). Все это значительно облегчит работу наших историков в деле создания больших монографических исследований, особенно по советскому периоду.

Значительно тормозит работу историков отсутствие необходимой координации между научными учреждениями Казани. Это дело должны возглавить Казанский филиал АН СССР, Казанский университет и Институт истории партии при ОК КПСС.

Решения XX съезда КПСС требуют повышения идейно-теоретического уровня научных исследований. Это обязывает нас усилить критику и самокритику в своей работе и, в частности, шире проводить творческие дискуссии по важнейшим вопросам исторической науки. К сожалению, это отстающий участок нашей работы.

Сознавая свою ответственность перед народом, историки Татарии сделают все, чтобы выполнить решения XX съезда КПСС и добиться нового подъема в развитии исторической науки своей республики.

М. К. МУХАРЯМОВ

ПЕРВЫЕ ШАГИ В РАЗРЕШЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА В ТАТАРИИ ПОСЛЕ ПОБЕДЫ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Многонациональное Советское государство, прочность и могущество которого блестяще доказаны его славной историей, является для всего мира примером и образцом подлинного равноправия и содружества наций и демонстрирует великое торжество ленинской национальной политики Коммунистической партии Советского Союза. Наша социалистическая отчизна служит лучезарным маяком, освещающим путь всему человечеству.

Еще в начале 1918 года В. И. Ленин писал: „Пример социалистической Советской республики в России будет стоять живым образцом перед народами всех стран, и пропагандистское, революционизирующее действие этого образца будет гигантским“¹.

За годы Советской власти трудящиеся нашей страны прошли славный путь великих достижений. В результате проведения в жизнь национальной политики Коммунистической партии народы Советского Союза превратились в передовые социалистические нации.

„В своей национальной политике партия исходила и исходит из ленинского положения о том, что социализм не только не устраняет национальных различий и особенностей, а, наоборот, обеспечивает всестороннее развитие и расцвет экономики и культуры всех наций и народностей“².

Коммунистическая партия всегда уделяла и уделяет огромное внимание воспитанию советских людей в духе пролетарского интернационализма и дружбы народов. Важность этой работы еще раз подчеркнута в решениях XX съезда КПСС.

Изучение истории борьбы партии и трудящихся нашей Родины за разрешение национального вопроса как по Союзу в целом, так и в отдельных советских национальных республиках имеет большое значение.

Вопрос о первых шагах борьбы за разрешение национального вопроса в Татарии после установления Советской власти относится к числу мало разработанных в нашей исторической литературе проблем. Мы можем указать лишь одну опубликованную работу, специально посвященную этой теме, а именно брошюру А. А. Тарасова „Разгром контрреволюционной авантюры татарской буржуазии в начале 1918 года в г. Казани“ (Казань, Татгосиздат, 1940). В 1948 году в Академии общественных наук при ЦК ВКП(б) по кафедре истории партии была защищена кандидатская диссертация А. Г. Валиуллиной,

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 407.

² Из резолюции XX съезда Коммунистической партии Советского Союза по отчетному докладу Центрального Комитета КПСС (XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет, М., 1956, ч. II, стр. 422).

посвященная борьбе большевиков за осуществление национальной политики Коммунистической партии в первый год существования Советской власти (на примере Татарии). Работа тов. Валиуллиной направлена главным образом на изучение общих вопросов и привлекает лишь некоторые материалы из истории Татарской АССР, в ней недостаточно использованы первоисточники.

Кроме того, борьба трудящихся края за разрешение национального вопроса попутно находит некоторое отражение в общих работах, посвященных истории Октябрьской революции в Татарии¹.

В целом же тема о национальном вопросе в Татарии в период Великой Октябрьской социалистической революции еще не нашла своего всестороннего освещения.

Настоящая статья ставит своей задачей показать общую картину борьбы за разрешение национального вопроса в Татарии в течение первых месяцев после победы Октябрьской революции.

* * *

Великая Октябрьская социалистическая революция означала всемирно-исторический поворот в истории наций и национальных взаимоотношений. Революция не оставила камня на камне от мрачного здания тюрьмы народов, какой была царская Россия. С первых же дней революции практически начала проводиться в жизнь ленинская национальная политика Коммунистической партии.

В первом акте молодого Советского государства — обращении „Рабочим, солдатам и крестьянам“ 25 октября 1917 г. II Всероссийский съезд Советов торжественно объявил, что Советская власть обеспечит всем нациям, населяющим Россию, подлинное право на самоопределение.

Ленинская национальная политика партии нашла свое воплощение в таких всемирно-исторических документах, как „Декларация прав народов России“, „Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа“, первая Советская Конституция, программа Коммунистической партии, принятая VIII съездом РКП(б). В этих документах были провозглашены равноправие и суверенность народов России, право на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства, отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений, свободное политическое, хозяйственное и культурное развитие всех народов, населяющих территорию нашей страны.

В деле революционизирования восточных народов России, в том числе и татар, огромное значение имело Обращение Совета Народных Комиссаров „Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока“ от 20 ноября (3 декабря) 1917 года.

Важнейшим документом явилось Обращение Народного Комиссариата по делам национальностей к „Советам Казани, Уфы, Оренбурга, Екатеринбургa, Совнаркому Туркестанского края и другим“.

В борьбе за осуществление национальной политики партии большая роль принадлежит Народному Комиссариату по делам национальностей, созданному по инициативе В. И. Ленина.

Трудящиеся нерусских народов Татарии, находившиеся в течение веков под социальным и национальным гнетом царизма, лишенные прежде даже элементарных политических и гражданских прав, полу-

¹ Е. И. Медведев, А. Н. Григорьев, М. Р. Булатов. Об Октябрьском вооруженном восстании в Казани в 1917 г. Татгосиздат, 1948; А. А. Тарасов. Казанские большевики в период подготовки и проведения Октябрьской революции. Таткигиздат, 1956.

чив в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции равноправие, стали активно участвовать в политической, экономической и культурной жизни страны. Народы края совместно боролись за установление и упрочение Советской власти.

Важнейшую часть борьбы трудящихся Татарии за упрочение Советской власти составляла работа по проведению в жизнь национальной политики партии. В деятельности советских, партийных и военных органов Казанской губернии национальный момент занимал большое место. Этим органам на первых же шагах их деятельности пришлось встретиться со сложным лабиринтом вопросов, связанных с проведением в жизнь национальной политики.

После победы Октябрьской революции влияние татарской буржуазии и ее идеологов на трудящиеся массы было все еще довольно сильным. Буржуазия упорно продолжала борьбу за руководство татарскими рабочими, солдатами и крестьянами. В этом отношении весьма примечателен следующий пример.

12 ноября 1917 года, т. е. вскоре после победы Октябрьского вооруженного восстания, в Казани состоялось объединенное заседание татарских организаций. Здесь участвовали представители Центрального мусульманского Харби-шуро (Военного совета), губернского Милли-шуро (Национального совета), общества мусульманского духовенства, социалистического комитета, рабочей фракции Совета рабочих и солдатских депутатов, Казанского военного комитета, Казанского военного округа, Центрального бюро учителей, губернского бюро учителей, бюро мусульманок и бюро солдаток. Уже сам этот перечень говорит о многом. Заседание было организовано не по классовому, а по национальному признаку. Это было объединенное заседание и революционных и контрреволюционных организаций. Председателем собрания был избран руководитель Харби-шуро Ильяс Алкин, заместителем его — Шагид Ахмадеев¹.

На заседании обсуждался вопрос о текущем моменте и о национальных задачах татар. Первым выступил Ильяс Алкин. В своей речи он доказывал, что в России нет власти, и призвал участников заседания идти по стопам Украинской Рады. Оратор ратовал за создание буржуазно-националистической автономии татар. Наджип Халфин, один из видных деятелей казанской буржуазии, предлагал принять конкретные меры к созданию татарского государства и обрушился на татарских солдат, которые „присоединились к большевикам“.

Иного характера были речи передовых представителей татарского общества. Камиль Якубов говорил: „Мы должны действовать вместе с другими нациями. Почему наши войска стали большевистскими? Потому что в результате политики большевиков мы получили равноправие“. Противоречивый характер носило выступление Шагида Ахмадеева. С одной стороны, он сказал: „Мы должны помогать Советскому правительству, которое сделало многое для спасения России и нас от катастрофы“, — но в то же время он предлагал ставить вопрос об автономии перед Уфимским национальным собранием мусульман, к созыву которого усиленно готовилась тогда татарская буржуазия.

Заседание началось в 8 часов вечера 12 ноября и продолжало свою работу до трех часов утра 13 ноября. Было принято предложение Н. Халфина о передаче вопроса об организации „татарской федерации“ Национальному собранию мусульман внутренней России и Сибири². Таков был первый шаг татарских национальных органи-

¹ Ш. Ахмадеев в то время стоял во главе Общества приказчиков, принимал активное участие в работе Мусульманского социалистического комитета.

² „Йолдыз“ № 1848, 16 ноября 1917 г.

заций после победы Великой Октябрьской социалистической революции.

Партийным и советским органам Татарии предстояла огромная работа по сплочению нерусских народов края под интернациональным знаменем пролетариата — авангарда революции.

В начале декабря 1917 года Казанский Совет в одном из своих постановлений отметил: „Со времени Октябрьской революции всякий из населяющих Россию народов получил право устраивать свою жизнь по-своему. Советская народная власть не различает ни татар, ни чуваш, ни черемис, ни русских — все граждане, все равны, все свободны. Под солнцем русской свободы всем хватит места... Советская народная власть является верным защитником всех национальностей и глубоко верит, что в нужный момент, когда наступит опасность для дела свободы, — и русские и мусульманские войны плечо к плечу встанут на ее защиту“¹.

Большевистская организация Казани боролась за правильное проведение в жизнь национальной политики, и в частности за то, чтобы народы края широко пользовались своими политическими правами. 14 декабря 1917 г. общее собрание Казанского Совета по предложению руководителя местной партийной организации Я. С. Шейнкмана приняло резолюцию: „...ввиду того, что население Казанской губернии состоит из русских..., мусульман..., чуваш..., необходимо, чтобы во главе губернии были представители указанных национальностей, представляющих значительную часть населения“. Это важнейшее решение не осталось на бумаге. Оно проводилось в жизнь.

В декабре 1917 года III Казанский губернский съезд Советов крестьянских депутатов, обсудив национальный вопрос, принял развернутую резолюцию, которая имела особенно большое значение в связи с тем, что на съезде были представлены все уезды и волости. Вот это решение: „Казанская губерния населена различными национальностями, имеющими свой язык, свои нравы, обычаи, религию, свою культуру. Поэтому национальный вопрос в Казанской губернии имеет громадное значение и от благоприятного разрешения его зависит прочность и дальнейшее развитие завоеванной свободы...“² В резолюции по текущему моменту съезд заявил, что „...будет всеми силами и средствами бороться со всеми стремлениями контрреволюции разжечь национальную вражду“³.

Большевики Татарии в период борьбы за упрочение Советской власти, как и в период подготовки Октябрьской революции, развертывая работу среди трудящихся татар, широко использовали такую революционную организацию, как Мусульманский социалистический комитет (МСК) и его газету „Кзыл байрак“.

В течение первых месяцев Советской власти МСК и его руководитель, выдающийся татарский революционер Мулламур Вахитов⁴, сыграли большую положительную роль. МСК работал в контакте с местными партийными и советскими органами. Уже 31 октября ревком Казани постановил, что в его работе должен участвовать и Мусульманский социалистический комитет.

Особого внимания заслуживает роль МСК в пропаганде среди трудящихся татар большевистской политики, равноправия и дружбы народов. МСК и его печатный орган много сил уделяли пропаганде совместных действий трудящихся татар и русских. Вопросы дружбы народов, единство интересов трудящихся всех наций, противополож-

ность интересов татарской буржуазии и татарского народа были ярко освещены, например, в статье „Не выйдет!“ („Кзыл байрак“, № 24, от 28 января 1918 г.) и в статье „Проснись, беднота!“ („Кзыл байрак“, № 30, от 8/23 февраля 1918 г.).

До организации в Казани Мусульманского комиссариата, т. е. в течение более трех месяцев, МСК был единственной национальной революционной организацией трудящихся татар. В течение двух-трех месяцев после Октября орган МСК „Кзыл байрак“ оставался единственной революционной газетой на татарском языке¹.

Партия большевиков и великий Ленин считали необходимым выработать особые формы для привлечения трудящихся масс мусульманских народов к участию в государственном управлении. К числу таких мер относилась и организация 17 января 1918 года Комиссариата по делам мусульман внутренней России в составе Наркомнаца². Комиссаром по делам мусульман был назначен Мулламур Вахитов. Заместителем Вахитова был назначен известный татарский писатель и видный общественный деятель Галимджан Ибрагимов, который являлся в то время членом партии левых эсеров.

Мусульманский комиссариат проводил работу, связанную с укреплением Советской власти в районах, которые были населены мусульманскими народами, и вел борьбу против татарской буржуазии. Комиссариат издавал свою газету „Чулпан“ („Утренняя звезда“). В первом номере газеты 18 января была опубликована редакционная статья „Нация и классовая борьба“. В ней правильно освещалась противоположность интересов татарских трудящихся и татарской буржуазии. В статье было сказано, что „...мусульманские рабочие, солдаты и крестьяне и в Казани и в Уфе, войдя в Советы, объединившись с русской демократией, стремятся укрепить власть нынешних Советов... Татарская буржуазия, присоединившись к Дутовым, Калединам, Милюковым и Пуришкевичам, направит свои усилия против власти нынешних Советов, но рабочие, солдаты и крестьяне-мусульмане, надеясь на ликвидацию экономического рабства, встанут в ряды защитников Советской власти“³. Таким образом, с первых же шагов своей деятельности газета сумела дать правильное освещение вопросов нации и классовой борьбы.

О выходе газеты „Чулпан“ орган Центрального Комитета партии „Правда“ в заметке „Новая социалистическая газета“ писала: „В г. Петрограде начала выходить социалистическая интернационалистическая на татарском языке газета „Чулпан“ („Утренняя звезда“). Газета издается членами Народного Комиссариата по Национальным делам мусульман внутренней России...“

Газета издается с целью широкой пропаганды социалистических идей среди мусульманских трудовых масс и борьбы с реакционным влиянием мусульманского духовенства“. В этой заметке „Правда“ указывала, что в издании газеты участвует „известный татарский литератор Ибрагимов“⁴.

Вскоре после своего возникновения Мусульманский комиссариат Наркомнаца приступил к организации своих губернских и уездных отделов.

21 февраля 1918 года Мусульманский комиссариат был организован и при Казанском Совете. Комиссариат состоял из ряда отделов.

¹ Т. Насыров „Совет властенин беренче елларында татар вакытлы матбугаты“ („Татарская периодическая печать в первые годы Советской власти“), журнал „Совет эдэбияты“, 1956, № 9.

² „Газета Временного рабочего и крестьянского правительства“ № 12, 19 января 1918 г.

³ „Чулпан“ № 1, 18 января 1918 г.

⁴ „Правда“ № 17 (244), 5 февраля (23 января) 1918 г.

¹ „За землю и волю“ № 25, 11 декабря 1917 г.

² Там же, № 32, 19 декабря 1917 г.

³ Там же, № 35, 22 декабря 1917 г.

⁴ См. статью „Вахитов Мулламур“, Большая Советская Энциклопедия, изд. 2-е, т. 7, стр. 61—62.

В его работе активное участие принимали Сахипгирей Саидгалеев, Шагид Ахмадеев, Гиззениса Тазетдинова, Галиулл Касимов, Бадретдин Зиганшин и др. С 12 марта комиссариат начал издавать свою газету „Эш“, которая стала первой в Казани советской газетой на татарском языке.

2 марта 1918 года был создан Чистопольский уездный мусульманский комиссариат. Его работой руководили Билялов и Хамзин¹. Чистопольский комиссариат принял решительные меры для обуздания националистической контрреволюции, которая вела борьбу против Советской власти. Местное отделение Харби-шуро в своей антисоветской деятельности опиралось на помощь казанских шуристов. Так, в феврале 1918 года из Казани в Чистополь был направлен карательный эскадрон под командой белого офицера Абдуллы Кильдишева. В начале 1918 года из Чистополя в Муслюмкино был послан отряд под командой сына городского муллы Гумера Амирханова. В Муслюмкине отряд учинил избиение бедноты — сторонников Советской власти.

Уездный мусульманский комиссариат всемерно стремился к организации крестьянской бедноты на борьбу за упрочение Советской власти. 1 марта 1918 года комиссариат созвал уездный крестьянский мусульманский съезд, который сыграл положительную роль в борьбе против контрреволюции. Силами уездного исполнительного комитета и партийной организации большевиков 3 марта 1918 года военные силы местного Харби-шуро были разоружены².

В марте 1918 года были созданы также Тетюшский, Мамадышский и другие уездные мусульманские комиссариаты.

Наиболее обобщенно задачи мусульманских комиссариатов, создание которых непосредственно связано с именем Ленина, можно определить так: с одной стороны, борьба за упрочение Советской власти в соответствующих национальных районах, с другой — борьба против националистической контрреволюционной буржуазии. Мусульманские комиссариаты были составной частью советских органов на местах и работали под руководством последних. Они активно боролись за проведение в жизнь национальной политики партии большевиков.

При Казанском Совете были организованы комиссариаты и других народов, составлявших значительную часть населения губернии, — чуваш, мари, удмуртов и т. д.

Через эти специфические национальные органы, которые были составной частью общих Советов, в значительной мере проявлялась революционная творческая активность трудящихся края.

Одна из характерных особенностей борьбы за разрешение национального вопроса в Татарии заключается в том, что в течение первых месяцев Советской власти против татарской буржуазии применялись *мирные формы борьбы*. Ни один орган татарской буржуазии не был разгромлен. Не было ни одного случая применения репрессивных, насильственных мер к политическим организациям татарской буржуазии и к руководящим деятелям этих организаций. Все они действовали свободно.

Выходили все буржуазные газеты, даже такие открыто контрреволюционные и антисоветские, как „Курултай“ и „Иль“. Особенно отличалась своим черносотенным направлением газета „Иль“, издаваемая в Москве эсером Гаязом Исаковым. Свободно продолжали свою деятельность Милли-шуро, Харби-шуро и другие организации.

Различные буржуазные организации проводили свои заседания и совещания, не встречая сопротивления или препятствий со стороны центральных и местных органов Советской власти.

В письме „К вопросу о национальностях или об „автономизации“ в декабре 1922 года, разбирая так называемый „грузинский инцидент“, В. И. Ленин указывал, что „...лучше пересолить в сторону уступчивости и мягкости к национальным меньшинствам, чем не досолить“¹.

Партия стремилась к тому, чтобы трудящиеся татары шаг за шагом на собственном опыте осознавали сущность классовой борьбы, роль буржуазии в революции и внимательнейшее отношение Коммунистической партии к национальному вопросу.

Какова же была в это время политика татарской буржуазии?

После Октябрьской революции она отказалась от лозунга культурно-национальной автономии и провозгласила на своем уфимском национальном собрании лозунг территориальной автономии. Буржуазия стремилась создать свою националистическую Урало-Волжскую республику, независимую от центральных и местных органов Советской власти.

Активную антисоветскую борьбу вела военная организация татарской буржуазии Харби-шуро, которая выступила с претензией на политическую власть. Отказываясь от признания Советской власти, шуристы маскировали свои контрреволюционные действия требованием передать власть Учредительному собранию. Так, 3 декабря 1918 г. Харби-шуро постановил: „Вся власть должна принадлежать Учредительному собранию“².

В середине января 1918 г. газета „Кзыл байрак“ опубликовала статью „Татарские солдаты и Харби-шуро“, направленную на разоблачение контрреволюционной сущности шуро и шуристов. В статье говорилось: „Организации вроде „Харби-шуро“ начали показывать свою физиономию. Сейчас уже чувствуется, что вокруг них сосредоточиваются не только богачи татарские, но и русские, еврейские, украинские, а также богачи других наций. Собрав вокруг себя татарских солдат, „Харби-шуро“ стремится защищать интересы этих богачей. Тщась воспитать татарские войска в духе „Чингиза“, он желает воздвигнуть *фундамент вражды между татарскими и русскими солдатами*. Однако солдат-татарин отличает правое от левого. Он очень хорошо понимает, кто за что, он идет совершенно другой дорогой...“³.

Контрреволюционная и антисоветская деятельность Харби-шуро получала надлежащий отпор со стороны трудящихся татар, и в первую очередь рабочих Казани. 12 января 1918 г., когда начал свою работу Второй мусульманский военный съезд, рабочие-татары Казани приняли следующую резолюцию: „1. Рабочие-мусульмане находят в высшей степени вредным для мусульманской нации и ее возрождения вступление мусульманской демократии в соглашательство с мусульманской буржуазией и открыто осуждают политику Всероссийского Мусульманского Военного Шуро и других сочувствующих организаций, направленную к такому соглашательству.“

2. Всякую попытку к восстановлению власти капиталистов и буржуазии, в чем бы она ни выражалась — в открытом ли соглашательстве или в скрытом способствовании их планам и стремлениям, рабочие-мусульмане считают выражением контрреволюции“⁴.

¹ В. И. Ленин. О национальном и национально-колониальном вопросе, Госполитиздат, 1956, стр. 549—550.

² „Безнен тавыш“ № 62, 2 января 1918 г.

³ „Кзыл байрак“ № 21, 15 января 1918 г. (Подчеркнуто нами — М. М.).

⁴ „Знамя революции“ № 9, 14 января 1918 г.

¹ ЦГАКА, ф. 185, оп. 2, д. 657, л. 37, ЦАКА — 95.

² Партавтор Татарского ОК КПСС, ф. 36, д. 192, лл. 44—45, воспоминания тов. Билялова.

8 января 1918 г. открылся Второй Всероссийский мусульманский военный съезд. Съезд стоял на контрреволюционных позициях. Тем не менее большевики Татарии не только не запретили съезд, но и решили использовать его трибуну для разоблачения националистической политики шуристов. Съезд состоял в основном из сыновей богачей, мулл, торгашей.

Однако часть делегатов, выражая волю солдатских масс, стояла на советских позициях. Делегат от мусульманских солдат X армии (город Молодечно в Белоруссии) Нурмагомет Нивманович Алимов (Нур Алимов), прибыв в Казань на съезд, заявил от имени фронтовиков, что мусульманский военный съезд должен признать власть Совета Народных Комиссаров, а в противном случае должен быть разогнан мусульманскими солдатами¹.

В работе съезда приняла участие фракция татарских большевиков, состоявшая из 22 человек и руководимая Сахипгиреем Саидгалеевым и Камилем Якубовым. В состав фракции входили Нур Алимов, Садык Ахтямов, Хасан Урманов, Бадретдин Зиганшин, Галиуллы Касымов и др.

С яркой речью на съезде выступил Я. С. Шейнкман. Он рассказывал о сущности национальной политики Советского правительства и о том, что Совет Народных Комиссаров и Казанский Совет ничего не имеют против той автономии, которую желают мусульмане. Для характеристики национальной политики партии тов. Шейнкман привел пример Финляндии и Украины. В заключение своей речи он заявил, что Советы дают обещание не идти против самоопределения народов, но предупреждают, чтобы не было ссор между русскими и татарскими солдатами².

Татарский большевик Якуб Чанышев сказал, что Советы не пойдут против автономии и что революционные демократы не могут выступать вместе с буржуазией. „Нам нельзя верить Учредительному собранию, — сказал тов. Чанышев в конце своей речи, — того, что нам нужно, Учредительное собрание не даст“³.

Делегат мусульманских военных подразделений, расположенных на Урале, большевик Сахипгирей Саидгалеев рассказал, что татарские части действуют там в тесном контакте с уральскими большевиками. Сидящие в зале сыновья помещиков, капиталистов и мулл встретили речь Саидгалеева с бурным негодованием. Из зала раздавались голоса: „Не накормили ли вас большевики белешами?“

Среди большевистских ораторов, выступивших на съезде, был также председатель вновь избранного Казанского военно-окружного комитета тов. Евлампьев.

Большевики ни в коем случае не тешили себя иллюзиями, что сидящие в зале твердолобые националисты вдруг превратятся из волков в кротких овечек; выступая с трибуны съезда, они имели в виду многочисленные массы мусульманских солдат фронтов и тыловых гарнизонов, татарских рабочих и крестьян, т. е. они использовали трибуну съезда для пропаганды политики партии и правительства.

Члены большевистской фракции обратились к делегатам с рядом выступлений, направленных против шуристов, огласили свою декларацию, в которой разоблачалась контрреволюционная политика последних, и покинули съезд.

В связи с тем, что съезд все более и более становился контрреволюционным, его руководители братья Алкины, Музафаров, Токум-

бетов 28 февраля были арестованы. После этого съезд перебрался в татарскую часть города, расположенную за речкой Булак, и там была провозглашена так называемая „Забулачная республика“. Начинается работа по подготовке антисоветского вооруженного мятежа.

Мусульманский комиссариат Казанского Совета обратился к забулачникам с ультиматумом о сдаче оружия, стремясь ликвидировать гнезда националистической контрреволюции мирным путем. Активный руководящий работник комиссариата, видный публицист Шагид Ахмадеев в одной из своих статей того времени писал, что Мусульманский комиссариат всеми силами стремился предотвратить кровавые столкновения между казанскими мусульманами¹. Но татарская буржуазия продолжала бряцать оружием, ультиматум Мусульманского комиссариата о разоружении был отвергнут.

Лишь после этого, полностью исчерпав мирные формы борьбы, партийные и советские органы приняли решение о применении вооруженной силы для разгрома гнезда националистической контрреволюции. 28 марта части Красной Армии, в том числе татарские роты, совместно с прибывшим из центра отрядом матросов развернули наступление против „Забулачной республики“. К этому времени трудящиеся татары прошли немалую политическую школу и в решающие дни схваток отказались поддерживать авантюристическую политику буржуазии. Во время ликвидации „Забулачки“ не было кровопролития, не было ни одного убитого. Даже татарская буржуазная газета „Йолдыз“, обвинявшая большевиков в „жестокости“, в своей статье „События 28 марта“ указывала, что „убитых не было вообще“².

Итоги борьбы против „Забулачной республики“ широко обсуждались трудящимися массами. 31 марта 1918 г. собрание рабочих-татар Казанского химического завода приняло резолюцию, приветствующую ликвидацию буржуазной авантюры³.

Так большевикам Татарии, борющимся за проведение в жизнь ленинской национальной политики, удалось без кровопролития ликвидировать буржуазную авантюру.

В момент напряженной борьбы против буржуазии было опубликовано „Положение о Татаро-Башкирской республике“.

После опубликования „Положения о Татаро-Башкирской республике“, после провала „забулачной“ авантюры, трудящиеся татары и башкиры еще активнее, еще дружнее становились под знамена Советской власти, все более и более решительно включались в борьбу против националистической буржуазии. Они решительно требовали ликвидации контрреволюционных гнезд „своей“ буржуазии. Большая агитационно-разъяснительная работа дала свои плоды — трудящиеся татары и башкиры поняли контрреволюционную сущность буржуазии, поняли, говоря словами газеты „Кзыл байрак“, что „им не по пути“ с буржуазией⁴.

Лишь после этого со стороны советских органов были приняты меры к ликвидации контрреволюционных организаций татарской буржуазии. Были ликвидированы Харби-шуро, Милли-шуро и Национальное управление мусульман внутренней России, за исключением Духовного управления. Были закрыты наиболее реакционные и антисоветские печатные органы татарской буржуазии — такие, как „Иль“, „Курултай“, „Безнен тавыш“, „Чингис баласы“, „Иттифак“ и др.

Так к концу периода „красногвардейской атаки на капитал“ были разгромлены контрреволюционные организации татарской буржуазии.

¹ „Эш“ № 8, от 31 марта 1918 г.

² „Йолдыз“ № 1881, 19(1) апреля 1918 г.

³ „Эш“ № 9, 2 апреля 1918 г.

⁴ „Кзыл байрак“ № 20, 8 января 1918 г.

¹ „Безнен тавыш“ № 67, 8 января 1918 г.

² „Йолдыз“ № 1862, 11 января 1918 г.

³ Там же.

Важнейшие вопросы развития революции рассматривались на первой конференции мусульманских рабочих России, которая работала в Москве с 8 по 28 марта 1918 г. Среди вопросов, включенных в повестку дня конференции, особое значение имели вопросы о программе Коммунистической партии и Мусульманском социалистическом комитете. Конференция постановила принять важнейшие пункты программы партии, однако в то же время она вынесла резолюцию о дальнейшем расширении сети мусульманских социалистических комитетов, избрала центральный комитет МСК. Конференция тем самым допустила ошибку, так как в условиях развивающейся и углубляющейся революции МСК все больше отставал от ее требований.

В мае 1918 года в Москве состоялось совещание по созыву Учредительного съезда Татаро-Башкирской республики. Совещание открылось речью И. В. Сталина. Участники совещания Мулламур Вахитов, Камиль Якубов, Галимджан Ибрагимов и другие рассказали в своих выступлениях, что „Положение“ встречено народом с удовлетворением¹. Представитель Пермского губернского Совета рассказал о том, что „Положение о Татаро-Башкирской республике“ встречено с восторгом в Осинском, Шадринском и Красноуфимском уездах.

Своеобразную позицию на совещании заняли представители чуваш и марийцев. Одобрив в основном „Положение“, они просили расширить рамки и название автономии и включить в нее районы с чувашским и марийским населением. Так, представитель комиссариата по чувашским делам Казанского Совета Краснов в своем выступлении сказал: „Недостаточность положения о Татаро-Башкирской республике в том собственно и состоит, что рамки этой республики слишком узки, ибо она выкидывает за борт тесно связанные с ней мелкие народности: чувашей, черемис и др. Мы настаиваем на расширении рамок этой республики, на включении мелких народностей“².

Представитель Казанского Совета К. Грассис выступил на совещании против организации Татаро-Башкирской республики. При этом Грассис говорил, будто татарский народ против республики, а татарские большевики — бесхребетны и не сумеют руководить республикой. В таком же духе выступили представители Уральского областного и Симбирского губернского Советов.

Таким шовинистическим и националистическим выступлениям участники совещания дали достойный отпор. Совещание приняло важнейшие решения, оно образовало комиссию по созыву Учредительного съезда Татаро-Башкирской республики. Решения совещания были встречены трудящимися татарами и башкирами с удовлетворением.

В Казани в это время (12—21 мая 1918 г.) проходила конференция рабочих-татар города. Конференция бурными аплодисментами встретила сообщение об итогах Московского совещания по созыву Учредительного съезда Татаро-Башкирской республики. Заслушав доклад Сахипгирея Сандгалеева по текущему моменту, рабочие-татары отметили, что „они хотят всеми своими силами действовать в единстве с рабочими других наций“³.

Состоявшийся в Казани (23—31 мая 1918 года) Третий Всероссийский съезд учителей мусульман в своей резолюции по текущему моменту отметил, что он требует немедленного создания Татаро-Башкирской республики, и выразил готовность всеми силами бороться за эту республику⁴.

¹ „Правда“ № 97, 19(6) мая и № 98, 21(8) мая 1918 г.

² „Известия ВЦИК“ № 100, 21 мая 1918 г.

³ „Эш“ № 34, 4 июня 1918 г.

⁴ „Эш“ № 30, 30 мая 1918 г.

„Положение о Татаро-Башкирской республике“ и итоги московского совещания показали трудящимся татарам и башкирам сущность национальной политики партии¹. Авторитет Коммунистической партии в народных массах края рос изо дня в день. С начала периода кратковременной мирной передышки все чаще обсуждается вопрос о создании организации коммунистов мусульман.

В первой половине июня 1918 года образовалась фракция коммунистов мусульман в составе Мусульманского социалистического комитета. Председателем фракции был избран Камал Каспранский. Прием членов в эту фракцию руководила комиссия из пяти человек. Причем надо отметить, что при приеме членов не обращалось внимания на то, состоял или не состоял данный кандидат до этого в рядах МСК. Организация этой фракции в составе Мусульманского социалистического комитета сыграла очень большую положительную роль.

Во второй половине июня в Казани состоялось совещание коммунистов мусульман. Здесь было провозглашено создание Всероссийской мусульманской коммунистической партии. Совещание приняло программу Коммунистической партии, избрало Центральный Комитет партии коммунистов мусульман. Принятие программы имело большое положительное значение. Однако создание самостоятельной партии и ее ЦК было *серьезной политической ошибкой*².

Организация коммунистов мусульман приступила к работе по политическому воспитанию трудящихся татар. Она широко пропагандировала политику Коммунистической партии и Советского правительства и всемерно разоблачала физиономию врагов нового строя и в частности предательскую роль партии „левых“ эсеров. В дни, когда эсеры организовали в Москве антисоветский мятеж, эта организация в тесном контакте с Казанским губкомом партии развернула большую устную и печатную пропаганду.

Таким образом, с первых же дней после победы Великой Октябрьской социалистической революции в Татарии началась борьба за осуществление ленинской национальной политики Коммунистической партии.

С октября 1917 по июль 1918 года трудящиеся Татарии прошли тернистый путь классовой борьбы. В начале его примечательной вехой является объединенное собрание всех татарских организаций, состоявшееся 12 ноября 1917 года. Важнейшее событие конца рассматриваемого периода — создание организации коммунистов мусульман.

Находясь в одних рядах с рабочими и крестьянами русского и других народов, трудящиеся края татары, башкиры, чуваш, мари и другие как равноправные граждане своей Родины приняли активное участие в борьбе против врагов молодой Советской республики. В годы гражданской войны и иностранной военной интервенции рабочие и крестьяне Татарии совместно с другими народами нашей страны активно боролись против внутренних и внешних врагов диктатуры пролетариата.

В 1920 году была образована Татарская Автономная Советская Социалистическая Республика. За годы Советской власти Татария прошла славный путь великих свершений. В результате проведения

¹ В связи с начавшейся гражданской войной работы, связанные с подготовкой Учредительного съезда Татаро-Башкирской республики, были прекращены. В дальнейшем в течение 1919—1920 гг. были созданы самостоятельные Башкирская и Татарская республики.

² Первый съезд коммунистов мусульман (ноябрь 1918 г.) принял развернутое решение по организационным вопросам, отменил название „Мусульманская коммунистическая партия“, образовал Центральное бюро мусульманских организаций РКП(б).

в жизнь выработанного Коммунистической партией плана индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства Советская Татария в братской семье народов СССР превратилась в передовую индустриально-колхозную республику. В Татарии произошла подлинная культурная революция. В республике победил социализм. Татарский народ превратился в одну из передовых социалистических наций.

В ходе социалистического строительства была решена историческая задача ликвидации унаследованной от времен царизма экономической и культурной отсталости всех народов, населяющих СССР. Народы, ранее лишенные всех прав, обреченные капитализмом на вымирание, распрямили плечи, пробудились к новой жизни. Буржуазные нации преобразовались в нации социалистические, между которыми установились прочная дружба и братское сотрудничество¹.

В годы Великой Отечественной войны трудящиеся Татарии принимали активное участие в боях за свободу и независимость своей любимой социалистической отчизны. В течение послевоенных лет Советская Татария добилась дальнейших успехов в экономике и культурном строительстве. Ныне промышленность республики дает почти в 107 раз больше продукции, чем в 1913 году. ТАССР стала ведущим нефтяным районом Советского Союза.

Своими успехами в политической, экономической и культурной областях трудящиеся Татарии обязаны Коммунистической партии, Советскому правительству и нерушимой дружбе народов СССР. В свободной семье советских народов, как равные среди равных, под мудрым руководством Коммунистической партии и ее ленинского ЦК трудящиеся Татарии идут вперед, к победе коммунизма.

¹ К сорокалетию Великой Октябрьской социалистической революции (1917—1957). Тезисы Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС и Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Издательство „Правда“, М., 1957 г., стр. 22.

Г. М. ХИСАМУТДИНОВ

К ВОПРОСУ О ЛИКВИДАЦИИ ФАКТИЧЕСКОГО НЕРАВЕНСТВА ТАТАРСКОЙ НАЦИИ

До Великой Октябрьской социалистической революции татарский народ в экономическом и культурном отношении был одним из отсталых народов царской России, хотя Казанская губерния и шла несколько впереди Средней Азии и Сибири по развитию промышленности и капиталистических отношений. Так, например, если в самой России, сравнительно отсталой стране, доля промышленной продукции составляла в 1913 году 42% всей валовой продукции народного хозяйства, то в Казанской губернии она не превышала 20%. Количество рабочих, занятых в промышленности, не превышало 25 тыс. человек. По переписи населения 1897 года городское население Казанской губернии составляло всего лишь 8,5%¹. Абсолютное большинство населения губернии занималось сельским хозяйством. Крестьяне составляли более девяти десятых всего населения². Половина крестьянских хозяйств была безземельной и малоземельной, а одна треть безлошадной. По грамотности населения среди 50 губерний России Казанская занимала 44-е место. В 1897 году грамотного населения было 17%, а в сельских местностях еще меньше. Всего общеобразовательных русских школ было примерно 1092, а татарских правительственных и земских школ — всего 35³.

Экономическое развитие края значительно отставало не только от центральных районов России, но даже от некоторых соседних губерний (Нижегородская, Самарская, Саратовская).

Причины экономического и культурного отставания татарского народа, как и многих других народов России, заключались в национально-колониальной политике царизма, тормозившей развитие производительных сил этих народов. Татарский народ испытывал двойной гнет — он подвергался жестокому ограблению как со стороны царизма и правящих классов господствующей нации, так и со стороны своей национальной буржуазии и духовенства. Русская буржуазия не только не боролась за ликвидацию феодальных пережитков, но в целях угнетения и эксплуатации народов России она в тесном блоке с царизмом выступала защитником остатков крепостничества.

Только победа Великой Октябрьской социалистической революции и установление диктатуры пролетариата открыли новую эпоху в истории народов нашей страны — эпоху новых взаимоотношений между ними на началах сотрудничества и взаимопомощи — и положили

¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., т. XIV. Казанская губерния. 1903, стр. IV.

² Там же, стр. VIII.

³ Десятилетие Советского Татарстана. Казань, 1930, стр. 8.

начало практическому осуществлению программы Коммунистической партии по национальному вопросу.

Национальная политика Коммунистической партии после Октябрьской революции не ограничивалась провозглашением прав наций на самоопределение и их равноправия, — она поставила в качестве ближайшей задачи создание условий, которые позволили бы ликвидировать унаследованное от царизма фактическое неравенство наций, подтянуть ранее отсталые народы до уровня передовых.

В. И. Ленин постоянно подчеркивал необходимость внимательного отношения к особенностям и интересам различных наций, правильного проведения политики по национальному вопросу. Он выдвинул задачу обеспечить полное фактическое равенство наций как необходимое условие упрочения интернационализма, сплочения и братской дружбы народов. Интернационализм, — учит В. И. Ленин, — „должен состоять не только в соблюдении формального равенства наций, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большей, то неравенство, которое складывается в жизни фактически“¹.

Коммунистическая партия, руководствуясь учением великого Ленина, неоднократно указывала, что хозяйственная, политическая и культурная отсталость ряда национальностей, их фактическое неравенство служат серьезным препятствием на пути строительства социализма.

Советская власть с первых же дней своего существования приняла ряд мер по национализации земли и ее недр, лесов, транспорта, крупной промышленности, банков и т. д. Этим было положено начало становлению нового социалистического уклада, который явился необходимой экономической основой ликвидации фактического неравенства наций, основой приобщения ранее отсталых народов к строительству социализма. Политической основой преодоления отсталости народов нашей страны послужило установление Советской власти, уничтожившей национальный гнет и осуществившей полное равноправие народов во всех сферах государственной, политической, хозяйственной и культурной жизни. Идеологической основой ликвидации фактического неравенства и формирования социалистических наций стало марксистско-ленинское мировоззрение интернационалистического по своей природе рабочего класса и его руководящей партии.

Залогом преодоления хозяйственной и культурной отсталости народов явилось создание национальных советских социалистических республик и добровольное объединение их в единое советское социалистическое многонациональное государство. Так, например, образованная в 1920 году в составе Российской Федерации Татарская Автономная Советская Социалистическая Республика положила начало советской национальной государственности татарского народа. Этим актом была укреплена политическая основа ликвидации отсталости татарского народа.

Образование многонационального социалистического государства имело огромное значение для государственной системы диктатуры пролетариата. Ленинские принципы советской федерации и автономии явились той формой устройства социалистического многонационального государства, которая обеспечила свободное развитие угнетенных в прошлом народов, ликвидацию их политической отсталости и создание полного фактического равенства между народами нашей страны. „При социализме, — говорил В. И. Ленин, — трудящиеся массы

сами не согласятся нигде на замкнутость по чисто-экономическим... мотивам, а разнообразие политических форм, свобода выхода из государства, опыт государственного строительства — все это будет, пока не отомрет всякое государство вообще, — основой богатой культурной жизни, залогом ускорения процесса добровольного сближения и слияния наций“¹.

Последовательное проведение Коммунистической партией политики самоопределения народов, признание и охрана их суверенности обусловили взаимное сближение и укрепление дружбы между народами нашей страны. Народам Советского государства было ясно, что только в тесном союзе друг с другом, и прежде всего с русским народом, можно сохранить свою независимость и преодолеть вековую отсталость. Это великое единение всех народов страны, союз рабочего класса центральных областей с крестьянским по преимуществу населением национальных окраин явились решающей силой в строительстве социалистического общества, в ликвидации фактического неравенства наций.

Таким образом, советский общественный и государственный строй стал основой для возрождения ранее угнетенных народов. Новые социалистические производственные отношения явились мощным двигателем развития производительных сил не только центральных, но и всех национальных областей нашей страны.

Ликвидация фактического неравенства была обусловлена объективными закономерностями развития советского общественного строя и органически подчинена задаче построения социализма.

В резолюциях X и XII съездов ВКП(б) по национальному вопросу были намечены конкретные пути преодоления отсталости ряда народов нашей страны. Так, в резолюции X съезда партии указывалось на необходимость помочь „трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию“². В то же время указывалось, что осуществление этой задачи требует длительного времени, что ее можно решить лишь в ходе борьбы советского народа за построение социализма.

Мероприятия, намеченные партией в этих решениях, создали широкие возможности для развития народного хозяйства и культуры татарского народа. Благодаря большой материальной помощи Советского государства, татарский народ быстро преодолел тяжелые последствия гражданской войны и голода и одержал первые успехи в строительстве своей экономики и культуры. Если в 1922 году валовая продукция промышленности Татарии составила всего лишь 25% довоенного уровня, то в 1925 году она уже достигла 70% довоенного уровня. В денежном выражении валовая продукция промышленности составила в 1926 году более 68,7 млн. рублей³. Значительные успехи были достигнуты и в восстановлении сельского хозяйства республики. В течение пяти лет (1922—1927) количество плугов в крестьянских хозяйствах Татарии увеличилось почти в 2 раза, а применение других сельскохозяйственных машин в несколько раз⁴. Были проведены большие землеустроительные и другие агротехнические работы. Все это позволило уже в 1926 году достигнуть в основном уровня 1917 года. Вместе с восстановлением народного хозяйства татарский народ делал первые шаги в создании новой социалистической культуры. Однако эти первые успехи были лишь

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 324.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. 1, изд. 7, 1953, стр. 559.

³ Десятилетие Советского Татарстана, Казань, 1930, стр. 23.

⁴ 20 лет Татарской АССР, Казань, 1940, стр. 107.

¹ В. И. Ленин. К вопросу о национальностях или об „автономизации“. „Коммунист“, 1956., № 9, стр. 24.

исходным моментом для дальнейшей борьбы за преодоление хозяйственного и культурного отставания республики.

Большое значение для социалистического развития Татарии имело в этот период разоблачение преступной деятельности татарских буржуазных националистов — султангалиевцев, которая задерживала социалистическое развитие Татарской республики и вела к изоляции татарского народа от русского и других народов Советского Союза. В этот период важнейшей задачей партии стала подготовка и воспитание марксистско-ленинских кадров из местного пролетарского и полупролетарского населения. Нужны были такие кадры, которые под руководством Коммунистической партии повели бы решительную борьбу как с местным национализмом, так и великодержавным шовинизмом.

Для установления правильных взаимоотношений между русским пролетариатом и крестьянством бывших угнетенных национальностей, для ликвидации пережитков былого недоверия ко всему русскому и установления взаимного понимания и классового союза пролетариата с крестьянством огромное значение имела коренизация государственных и партийных учреждений на местах.

К концу восстановительного периода центральной задачей партии становится социалистическая индустриализация страны. Политика индустриализации страны, провозглашенная XIV съездом партии в 1925 г., предусматривала особенно быстрые темпы развития промышленности в национальных областях страны, что диктовалось необходимостью ликвидировать экономическую и культурную отсталость этих областей. Индустриализация Татарской республики занимала одно из важнейших мест в общем плане индустриализации Советского Союза.

Осуществляя указания партии о необходимости подтягивать национальные районы СССР в экономическом и культурном отношении до уровня центральных промышленных областей РСФСР, Советское правительство оказывало Татарии все возрастающую финансовую поддержку. Такая поддержка и обеспечила быстрые темпы роста промышленности и всего народного хозяйства республики.

В годы социалистической индустриализации страны широко развернулось промышленное строительство в Татарской республике. Вступили в строй завод по изготовлению шпал, Поволжский фанерный завод, Казанский холодильник. В 1930 году вошли в число действующих предприятий крупнейший в Советском Союзе Казанский меховой комбинат, мощный силикатный завод, лесозавод „Рационализатор“. Началось строительство ТЭЦ № 1, завода обозных деталей, валяно-обувной фабрики и др. Серьезной реконструкции подверглись ранее существовавшие в Татарии 22 предприятия, в том числе такие значительные объекты, как текстильная фабрика им. В. И. Ленина, Казанская обувная фабрика „Спартак“, Кукморская валяная фабрика и ряд предприятий пищевой, лесной и швейной промышленности. В результате валовая продукция промышленности Татарии увеличилась в денежном выражении с 68,7 млн. руб. в 1926 году до 136 млн. руб. в 1928 году, т. е. в 2 раза¹. Удельный вес промышленности в валовой продукции народного хозяйства достиг 37,3 проц.² Социалистический сектор в промышленности республики занял ведущее и господствующее положение. Удельный вес его поднялся с 79,8% в 1924—1925 гг. до 84,2% в 1926—1927 гг.³

¹ 25 лет Татарской АССР. Казань, 1947, стр. 59.

² Десятилетие Советского Татарстана. Казань, 1930, стр. 34.

³ Там же, стр. 23.

Успешно разрешалась задача подготовки рабочих кадров. Число рабочих в крупной промышленности республики достигло в 1928 году 26,4 тыс. чел.¹ Из этого числа 30 проц. составляли рабочие-татары.

На протяжении этого периода происходил хотя и медленный, но неуклонный рост социалистического сектора в сельском хозяйстве республики. Так, в 1928 году в ТАССР существовал 231 колхоз, объединявший 2647 крестьянских хозяйств². В конце 1929 года число колхозов увеличилось до 1829. Более 50% крестьянских хозяйств, объединенных в колхозы, были татарскими. Однако это были лишь первые шаги. В 1928 году процент коллективизированных крестьянских хозяйств составлял лишь 0,5. Осуществляя ленинский кооперативный план, партийные организации республики провели большую работу по вовлечению крестьянских масс в различные виды кооперации. Так, на октябрь 1928 года сельскохозяйственной кооперацией Татарии было охвачено более 147 тыс. человек³.

Однако сельское хозяйство республики в целом сильно отставало от темпов развития промышленности. Оно не обеспечивало растущих потребностей промышленности в сырье. Особенно отставало зерновое хозяйство, товарная часть которого после восстановительного периода не двигалась дальше и не достигала довоенного уровня. Это объяснялось тем, что в сельском хозяйстве Татарии вплоть до 30-х годов продолжали господствовать старые производственные отношения. Единственным выходом из этого положения был перевод сельского хозяйства республики на путь социализма, замена старых производственных отношений новыми, социалистическими. Такое преобразование было осуществлено в 30-х годах под руководством Коммунистической партии на базе дальнейших успехов социалистической индустриализации страны. Победа колхозного строя имела решающее значение для экономического и культурного подъема национальных республик, для ликвидации фактического неравенства народов.

К концу периода индустриализации были достигнуты серьезные успехи в борьбе за преодоление культурной отсталости народов Татарской АССР. Расширилась сеть начальных и средних школ, увеличилось количество учащихся в них. Число начальных школ достигло в 1929 году 2641⁴. Количество учащихся возросло со 167 тыс. человек в 1927 году до 191 тыс. человек в 1929 году. К этому времени количество ФЗУ достигло 48, а число учащихся в них — 2,4 тыс. человек. В 6 рабфаках училось более 2,7 тыс. человек, в числе которых 32,5 проц. татар. В 22 техникумах было 4,6 тыс. студентов. В пяти высших учебных заведениях республики обучалось 5581 человек. Вузы Татарии за годы индустриализации дали стране значительное количество высококвалифицированных специалистов. В республике был открыт ряд новых научно-исследовательских учреждений, число которых в 1929 году достигло 14. Успешно шла борьба за ликвидацию неграмотности среди взрослого населения, расширялась сеть культурно-просветительных учреждений. Значительных успехов добились татарская литература и искусство.

Таким образом, в период индустриализации трудящимся Татарии под руководством Коммунистической партии удалось достигнуть значительных успехов в преодолении унаследованной от времен царизма хозяйственной и культурной отсталости.

На основе успехов социалистического строительства трудящиеся нашей страны в 1930 году перешли к развернутому наступлению

¹ 25 лет Татарской АССР. Казань, 1947, стр. 59.

² Татарская АССР за XX лет (в цифрах). Казань, 1940, стр. 24.

³ 20 лет Татарской АССР. Казань, стр. 110.

⁴ Социалистическое строительство ТАССР за 15 лет. Казань, 1935, стр. 159.

социализма по всему фронту. В результате коллективизации сельского хозяйства в Татарии, как и по всему Советскому Союзу, была решена труднейшая после завоевания власти историческая задача пролетарской революции — перевод миллионов мелкособственнических крестьянских хозяйств на путь коллективизации, на путь социализма.

Одним из важнейших моментов социалистического строительства и ликвидации фактического неравенства наций являлся вопрос о новом, рациональном размещении производительных сил страны. Огромная диспропорция в экономическом и культурном развитии различных национальностей нашей страны, унаследованная от времен царизма, служила серьезным препятствием для проявления в полной мере основного экономического закона социализма, — закона планомерного и пропорционального развития народного хозяйства. Необходимо было внести коренные изменения в размещение производительных сил страны, быстро поднять хозяйственное развитие всех национальных республик и областей, вовлечь их в общее социалистическое строительство в соответствии с имеющимися в них естественными богатствами, промышленными и людскими резервами.

Эту важнейшую задачу партия и правительство начали осуществлять с первых дней Великой Октябрьской социалистической революции. Политика подтягивания ранее отсталых народов до уровня передовых на базе рационального размещения производительных сил нашла реальное выражение во всех довоенных пятилетних планах развития народного хозяйства страны. Касаясь плана второй пятилетки, В. В. Куйбышев в своем докладе на II сессии ЦИК СССР в декабре 1931 года подчеркнул, что „руководящим принципом здесь должны явиться те указания, которые давал еще Ленин о максимальном продвижении промышленности к основным источникам сырья и топлива. Наряду с этим неуклонное проведение ленинской национальной политики обязывает нас при решении вопроса о размещении производительных сил по территории СССР постоянно учитывать необходимость всемерного подтягивания в хозяйственном отношении национальных районов, создавая тем самым материальную базу для вовлечения отсталых народов в социалистическое строительство“¹. На базе рационального размещения производительных сил в годы довоенных пятилеток происходила специализация основных экономических районов страны и создавалось единое социалистическое комплексное хозяйство, в котором гармонически сочетались хозяйственные интересы отдельных республик и областей. Все это способствовало развитию многосторонней взаимопомощи между советскими республиками и укреплению дружбы народов СССР.

Уже ко времени выполнения первого пятилетнего плана, т. е. к моменту построения фундамента социалистической экономики, задача преодоления отсталости татарского и ряда других народов СССР приближалась к концу. Подводя итоги выполнению первой пятилетки, XVII съезд ВКП(б) отметил, что „особенно значительный хозяйственный и культурный рост имел место в национальных районах Союза, быстро идущих по пути окончательной ликвидации своей отсталости“².

Однако, несмотря на большие успехи в хозяйственном и культурном строительстве, Татарская республика к концу первой пятилетки сохранила еще некоторые элементы отсталости. Хотя доля промышленной продукции к концу первой пятилетки превысила

половину всей продукции народного хозяйства, Татария продолжала оставаться по преимуществу республикой легкой промышленности. Так, в 1934 году доля продукции тяжелой промышленности составляла лишь 20,4% всего промышленного производства¹. Поэтому XVII съезд партии в своем постановлении „О втором пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР“ указал на необходимость широкого промышленного строительства „в таких, прежде в промышленном отношении отсталых районах, как Средняя Волга, Татария... на основе развития в них крупной промышленности“². Элементы культурного и экономического неравенства Татарской АССР сохранялись вплоть до периода завершения строительства социализма.

Подводя итоги первых двух лет второй пятилетки, XVI съезд Советов Российской Федерации отметил значительные хозяйственные и культурные успехи национальных республик и областей РСФСР, быстро идущих по пути окончательной ликвидации своей отсталости. Заслушав отчетный доклад ЦИК ТАССР о советском, хозяйственном и культурном строительстве, съезд отметил, что Татарская АССР, из года в год досрочно выполнявшая свои обязательства перед государством, стала одной из передовых республик. В 1934 году Правительство Союза ССР наградило Татарскую республику орденом Ленина. Всего за эти годы в Татарии вступило в строй 12 новых предприятий, в числе которых ряд крупных заводов тяжелой промышленности. Многие предприятия подверглись коренной реконструкции, в том числе и такие, как швейная фабрика № 2, завод „Строитель“ и ряд предприятий меховой и пищевой промышленности. Началось строительство фабрики киноплёнки, комбината меховой промышленности для переработки кроличьих шкур, завода карбоновых кислот, завода искусственной кожи и др.³ За первые два года второй пятилетки только в промышленность республики было вложено 196 млн. рублей, что значительно превышало общую сумму капитальных вложений за все годы первой пятилетки. Всего же в народное хозяйство республики за эти годы было вложено около 440 миллионов рублей.

Такие значительные капитальные вложения соответствовали задаче второй пятилетки в Татарии, ставившей своей целью окончательную ликвидацию экономической и культурной отсталости республики. В 1934 году основной фонд промышленности вырос по сравнению с 1928 годом почти в три раза, валовая продукция промышленности увеличилась более чем в 4 раза, а удельный вес ее во всей продукции народного хозяйства достиг 66%⁴. Общее число рабочих увеличилось с 23 тыс. в 1930 году до 46 тыс. в 1934 году, т. е. удвоилось. 43% общего числа рабочих составляли татары.

На месте старой татарской деревни, систематически переживавшей трагические периоды голода, выросла новая, социалистическая деревня. В течение 1934 года в колхозы вступило более 22 тыс. единоличных хозяйств. Колхозы охватывали 78% всех крестьянских хозяйств; их обслуживало 53 МТС. В республике было 47 крупных совхозов. Социалистический сектор сосредоточил 88% посевной площади и 83% общего количества рабочего скота⁵.

В области культурного строительства шагом вперед было введение всеобщего обязательного начального обучения; осуществлялся

¹ „Красная Татария“, 24 января 1935 г.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. II, изд. 7, 1953, стр. 60.

³ Партархив Татарского обкома КПСС, ф. 15, д. 40, оп. 15, 1934, л. 54.

⁴ Там же, л. 2.

⁵ Хронологическое собрание законов и указов Президиума Верховного Совета и постановлений правительства РСФСР (1936—1940 гг.). ОГИЗ, 1941, стр. 13.

¹ В. В. Куйбышев. Статьи и речи. Партиздат, 1937, стр. 176.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. II, изд. 7, 1953, стр. 746.

переход к всеобщему обучению в объеме семилетки. Как и по всей стране, в Татарии все более ощущались благотворные результаты продолжавшейся культурной революции. В массовом масштабе строились начальные и средние школы. Организовывались техникумы, рабфаки, высшие учебные заведения.

Наряду с несомненными успехами следует отметить и отставание некоторых отраслей народного хозяйства республики. Не отвечало растущим потребностям населения производство продуктов широкого потребления. Отставала важнейшая отрасль сельского хозяйства — животноводство. Узким участком в народном хозяйстве республики было производство строительных материалов и дорожное строительство. Недостаточны были темпы жилищного и коммунального строительства. В частности, отставало от растущих потребностей строительство школ и больниц. Однако в 1935 году трудящиеся республики под руководством партийных организаций добились некоторых положительных результатов в преодолении этого отставания.

Успешно выполнив планы первых двух лет второй пятилетки, Советский Союз вступил в новый период — период завершения строительства социалистического общества. Экономика СССР перестала быть многоукладной, и социалистический уклад стал безраздельно господствующим во всем народном хозяйстве страны. «Россия неповская стала Россией социалистической»¹. VII съезд Советов, отметив крупные успехи в строительстве социализма, принял решение о необходимости уточнить социально-экономическую основу Конституции СССР, привести ее в соответствие с происшедшими сдвигами в соотношении классовых сил. Победа социализма означала вместе с тем и конец переходного периода, конец нэпа. В итоге переходного периода в нашей стране утвердился социалистический способ производства, были осуществлены требования закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил.

Советская Татария вместе с другими республиками нашей страны прошла великий путь борьбы за торжество социализма в СССР. В соответствии со своими национальными, культурными и бытовыми особенностями, с богатством и характером природных условий, в соответствии с историческими особенностями развития производительных сил республики татарский народ внес свой достойный вклад в великое дело социалистического строительства.

В 1935 году Татарская республика, как и весь Советский Союз, вступила в полосу завершения строительства социалистического общества. На основе успешного освоения новой техники, роста новых кадров и большого размаха социалистического соревнования резко улучшилась работа всех отраслей народного хозяйства республики. В этом году по основным отраслям хозяйства был значительно перевыполнен государственный план. Промышленность Татарии сдала государству на 18 млн. рублей сверхплановой продукции. Валовая продукция ее достигла в денежном выражении 628 млн. рублей. Удельный вес промышленности в народном хозяйстве поднялся до 70%². Некоторых успехов добилось и коммунальное хозяйство. Было сдано в эксплуатацию 20 тыс. кв. метров жилой площади³. Значительных успехов достигло сельское хозяйство. К этому времени до 87% крестьянских хозяйств было коллективизировано⁴.

¹ VII съезд Советов СССР. Стенографический отчет. М., 1935, Бюллетень № 1, стр. 39.

² «Красная Татария», 24 июля 1936 г.

³ Там же, 8 апреля 1936 г.

⁴ «Большевик Татарии», 1936, № 4, стр. 43.

Партия и правительство оказали большую помощь в деле механизации сельского хозяйства. По использованию тракторного парка Татария заняла в 1935 году одно из ведущих мест в Советском Союзе, добившись вспашки до 700 га в среднем на один трактор¹. Средняя урожайность зерновых составляла 10,7 центнера с га².

Увеличение производства продовольственных продуктов в стране позволило в 1935 году отменить карточную систему и перейти к широкой советской торговле. Рост реальной зарплаты рабочих и служащих и доходов колхозников, рост жилищно-коммунального строительства обеспечили повышение материального благосостояния и культурного уровня трудящихся. Зародившееся осенью 1935 года стахановское движение широко распространилось и в Татарской республике. Оно вскрыло новые творческие силы, заложенные в социалистической системе труда, и показало образцы производительности труда, необходимые для успешного выполнения второго пятилетнего плана республики.

Все это дает возможность сделать вывод, что в ходе борьбы за выполнение второго пятилетнего плана, когда наша страна вступила в период завершения строительства социалистического общества, фактическое неравенство татарского народа было в основном преодолено. В 1935 году ЦИК СССР в своем юбилейном приветствии в связи с 15-летием Татарской республики писал, что под руководством Коммунистической партии «в братском союзе с пролетариями всего СССР трудящиеся Советской Татарии показали образцы героической большевистской борьбы за торжество социализма, за полную ликвидацию элементов экономического и культурного неравенства и выдвинули Татарию в число самых передовых республик Советского Востока»³. Газета «Правда» в передовой статье, посвященной юбилею, отмечала: «Татария смело может служить примером торжества нашей национальной политики. Знамена этой республики украшены ныне величайшей наградой Советского Союза — орденом Ленина. Республика эта по праву заслужила звание передовой. Ее путь — путь татарского народа — лучше всего показывает, какую счастливую жизнь строят народы СССР»⁴.

Успехи, достигнутые трудящимися республики в ликвидации фактического неравенства татарского народа, явились результатом братской помощи русского и других народов нашей страны и самоотверженного труда рабочих, колхозников и интеллигенции Татарии. Русский народ оказал татарскому народу политическую и военную помощь в годы пролетарской революции и гражданской войны, в создании советской национальной государственности, в выращивании своих национальных марксистско-ленинских кадров во всех областях народного хозяйства. В годы мирного социалистического строительства он оказал Татарии всестороннюю хозяйственную помощь. Русские инженеры, техники и рабочие помогли татарским трудящимся построить новые заводы и фабрики, оснащенные сложными машинами и станками. Русский народ оказал решающую помощь татарскому народу и в развитии его национальной культуры и политического просвещения.

Социалистические завоевания трудящихся республики были добыты в упорной борьбе с враждебными силами отживающих классов. В этой борьбе трудящиеся Татарской республики еще теснее сплотились вокруг Коммунистической партии, еще больше сблизились с русским и другими народами Советского Союза.

¹ «Большевик Татарии», 1935, № 8, стр. 51.

² Партавторит Тат. обкома КПСС, ф. 15, д. 26, оп. 16, 1935, л. 2.

³ «Красная Татария», 23 июня 1935 г.

⁴ «Правда», 23 июня 1935 г.

Великие завоевания советских народов в строительстве социализма нашли свое полное отражение в новой Конституции СССР, принятой в 1936 году на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов. Эта Конституция законодательно закрепила всемирно-исторические победы советского народа на всех фронтах политического, народно-хозяйственного и культурного строительства.

Принятие Конституции означало, что СССР вступил в новую полосу развития, полосу завершения строительства социалистического общества и постепенного перехода к коммунистическому обществу. Новая Конституция открыла всем народам СССР широкие возможности для дальнейшего развития по пути экономического и культурного подъема, она явилась гарантией нового расцвета нашей страны, важнейшим условием победы коммунизма. Ко времени принятия новой Конституции произошли коренные изменения в жизни советского народа. В Татарской республике, как и во всей стране, к этому времени были ликвидированы эксплуататорские классы, коренным образом изменились рабочий класс, крестьянство и интеллигенция. Вместе с тем изменился и характер взаимоотношений татарского народа с другими народами Советского Союза, укрепились дружба и братское сотрудничество татарского народа со всеми народами СССР в системе единого союзного государства. Все эти завоевания трудящихся Татарии законодательно закрепила Конституция Татарской АССР, принятая XI съездом Советов 25 июня 1937 года. Эта конституция была разработана в полном соответствии с Конституциями СССР и РСФСР. В ней была коротко и сжато констатирована победа социализма в Татарии. Принятие новой Конституции означало дальнейшее укрепление государственного устройства Татарской республики на началах советской автономии. Новая Конституция явилась документом великого торжества национальной политики Коммунистической партии. В ней нашли яркое отражение дружба народов нашей страны, полное равноправие всех наций и рас, пользующихся одинаковыми правами во всех сферах хозяйственной, общественной, государственной и культурной жизни общества.

Таким образом, к началу периода завершения строительства социализма и постепенного перехода к коммунизму фактическое неравенство татарского и ряда других народов СССР было уже ликвидировано. Но хотя многие национальные республики достигли значительного уровня хозяйственного и культурного развития, забота об их дальнейшем процветании остается в центре внимания нашей партии и Советского правительства. Это диктовалось уже не задачей преодоления фактического неравенства, с которым было покончено, — это была новая задача — дальнейший расцвет социалистических наций в период постепенного перехода от социализма к коммунизму.

В конце второй пятилетки и в предвоенные годы Татарская республика достигла дальнейшего подъема социалистической экономики, сопровождавшегося быстрым ростом материального благосостояния и культурного уровня трудящихся.

Огромная помощь, оказанная Татарской республике со стороны Советского правительства, обеспечила ей высокие темпы роста промышленности. К концу второй пятилетки валовая продукция промышленности Татарии увеличилась по сравнению с 1913 годом более чем в 8 раз. За годы второй пятилетки были построены и пущены в эксплуатацию десятки крупных предприятий. Если в первой пятилетке Татария являлась по преимуществу республикой легкой промышленности, то в годы второй пятилетки тяжелая промышленность уже преобладала. Появилось много новых отраслей промышленности, которых не было и не могло быть в дореволюционной Казанской губернии. Татария стала значительным центром металлообрабатыва-

щей, машиностроительной, химической, меховой и других важных видов промышленности. Вступили в строй такие крупные предприятия, как экспериментальная фабрика киноплёнки, Казанская валяная фабрика и многие другие. Одновременно продолжалась коренная реконструкция ранее построенных предприятий. В течение второй пятилетки в Татарии было построено и введено в действие основных производственных фондов в три раза больше, чем за все время существования дореволюционной Казанской губернии¹.

Одним из доказательств высоких темпов обновления основного капитала является тот факт, что в 1937 году 90% всей промышленной продукции Татарии было получено с предприятий, построенных заново или реконструированных за годы первых двух пятилеток². По Советскому Союзу в целом новые и реконструированные предприятия дали в том же году 80% продукции всей промышленности.

Социалистическая индустриализация полностью изменила структуру народного хозяйства Татарской республики. Если в дореволюционной Казанской губернии сельское хозяйство являлось абсолютно преобладающей отраслью, то в 1937 году на долю промышленности Татарии приходилось 76,6% продукции народного хозяйства, а в 1939 году уже 86%. При этом доля крупной промышленности в 1939 г. достигла 77,6%³ всего промышленного производства против 20,4% в 1934 году. Эти далеко не полные данные наглядно показывают, что в конце второй пятилетки промышленность Татарии, опережавшая в своем развитии среднесоюзные темпы роста, заняла ведущее место в народном хозяйстве республики. Таким образом, была создана новая народнохозяйственная структура, отвечающая целям и задачам завершения строительства социалистического общества.

За годы третьей пятилетки в Татарии было построено 84 новых предприятия, в числе которых такие крупнейшие в Советском Союзе, как фотожелатиновый и колоксилиновый заводы, фабрика киноплёнки, ТЭЦ № 2, завод искусственной кожи и ряд других. Только за первые два года третьей пятилетки было введено в действие основных производственных фондов почти столько, сколько за всю вторую пятилетку, и почти в два с половиной раза больше, чем за первую пятилетку⁴.

Быстрое развитие промышленности Татарии наглядно иллюстрируют и следующие данные. С 1931 по 1941 год продукция машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности Татарской республики выросла в 190 раз, а по СССР в целом в 50 раз. По сравнению с 1913 годом продукция химической промышленности в СССР возросла в 15 раз, а в Татарии — в 24 раза, текстильной — по СССР в 3,2 раза, а в Татарии — в 11 раз, пищевой — по СССР в 3,4 раза, а в Татарии — в 7 раз и т. д.⁵ Общий объем промышленной продукции Татарии увеличился за эти годы в 17 раз⁶, в то время как по Советскому Союзу в целом в 12 раз. Численность рабочих крупной промышленности возросла более чем в 4 раза, производительность труда — в 3 с лишним раза⁷. Благодаря индустриальному развитию и возникновению многих новых отраслей промышленности Татария заняла видное место в экономике Советского Союза. В 1939 году Татария производила около половины всей меховой продукции, вырабатываемой в Советском Союзе, 27%

¹ 25 лет Татарской АССР, Казань, 1945, стр. 60.

² «Красная Татария», 23 ноября 1939 г.

³ Партия Татарии, Татарского обкома КПСС, ф. 15, д. 41, оп. 21, 1940, л. 1.

⁴ 20 лет Татарской АССР. Казань, стр. 74; 78, 80.

⁵ Первая сессия Верховного Совета СССР, 1946, стр. 176.

⁶ «Красная Татария», 25 июня 1945 г.

⁷ 25 лет Татарской АССР, Казань, 1945, стр. 62.

валяной обуви, 43% пишущих машинок, 32% фетровых изделий и т. д.¹ Социалистическая промышленность стала ведущей отраслью, имеющей решающее значение для коренной перестройки всего народного хозяйства республики.

На основе индустриального развития страны значительных успехов достигло и сельское хозяйство Татарии. К концу второй пятилетки была завершена коллективизация сельского хозяйства. Социалистическая система хозяйства стала господствующей и в деревне. К 1937 году было коллективизировано 91,4% крестьянских дворов, сосредоточивших до 99% посевной площади². В республике работали 51 совхоз и 91 МТС. К 1940 году количество МТС возросло до 106; их силами обслуживалось около 90% посевной площади³. Накануне Великой Отечественной войны на полях республики работало более 6,7 тыс. тракторов, более 3,3 тыс. комбайнов и десятки тысяч других сельскохозяйственных машин⁴. По использованию сельскохозяйственной техники, особенно тракторов, Татария в течение ряда лет занимала ведущее место по Советскому Союзу. Так, в 1937 году средняя выработка на трактор достигала 828 га, что в два с лишним раза превышало среднюю выработку по Советскому Союзу⁵; зерна было собрано в два с лишним раза больше, чем в 1913 году⁶.

Крупные успехи в деле развития народного хозяйства Татарии привели к росту рабочего класса и инженерно-технического персонала. Были подготовлены десятки тысяч квалифицированных специалистов, обслуживающих все отрасли народного хозяйства республики. Среди них большое место занимали представители коренной национальности. В 1939 году в республике работало около 54 тыс. специалистов, более 18 тыс. из них составляли татары. Значительную долю кадров составляли женщины⁷.

На основе непрерывного роста социалистического производства происходило повышение материального благосостояния и культурного уровня трудящихся. Об этом красноречиво говорит рост бюджета Татарской АССР. Лишь за годы второй пятилетки он увеличился в 3,5 раза⁸. Бюджет республики в 1941 году был в 61 раз больше, чем в 1920 году⁹. В годы второй и третьей пятилеток на социально-культурные мероприятия расходовалось более 50 процентов всех бюджетных средств республики. Большие средства отпускало государство на страхование, здравоохранение, дома отдыха, санатории, на охрану материнства и младенчества.

Среднемесячная зарплата рабочих и служащих Татарии выросла за вторую пятилетку почти в 3 раза¹⁰, а общий фонд зарплат почти в 9 раз¹¹. Благодаря укреплению колхозов ушли в прошлое нищета и бедность в деревне. Неуклонно росли денежные и натуральные доходы колхозов и колхозников. Некоторых успехов добилась Татария и в коммунальном строительстве. Улучшились жилищно-бытовые условия трудящихся. Изменился облик столицы республики Казани — на окраинах ее возникли новые социалистические поселки и промышленные районы. Многие в прошлом глухие селения — такие, как

Зеленый Дол, Юдино, Васильево, — превратились в промышленные города и крупные рабочие поселки.

В результате культурной революции расцвела социалистическая по содержанию и национальная по форме культура татарского народа. Была завершена в основном ликвидация неграмотности взрослого населения. К концу 1939 года грамотность населения Татарии достигала 91%¹, против 16—17% в дореволюционной Казанской губернии². Успешно осуществлялось обязательное семилетнее обучение детей в деревне, подготавливались условия для введения всеобщего десятилетнего обучения в городе. Широкий размах получило развитие высшего образования и науки. Неуклонно росли ряды национальных кадров интеллигенции. В 1940 году в Татарии работало около 3700 общеобразовательных школ с количеством 577 тыс. учащихся. Особенно быстро росли школы — семилетки и десятилетки. В 14 высших учебных заведениях обучалось свыше 11 тыс. и в 51 техникуме — 13,4 тыс. студентов, 50% которых составляли татары³. Интересно отметить, что если в 1939 году в Англии на каждую тысячу населения приходилось 144,9 учащихся, во Франции — 135,6, в Германии — 128,3, в Италии — 120,1, а в СССР — 182,3 учащихся, то в Татарской АССР на каждую тысячу населения приходилось 206 учащихся. Таким образом, еще в довоенные годы ранее отсталые народы, в том числе и татарский, намного обогнали в деле народного образования так называемые „цивилизованные“ капиталистические страны.

Серьезных успехов добилась Татария в развертывании культурно-просветительной и политико-массовой работы. В конце 1939 года в республике насчитывалось около 2 тыс. библиотек, более 3 тыс. клубов⁴, 13 музеев, 455 киноустановок⁵. Издавались газеты 145 названий, из них более половины на татарском языке⁶, 13 журналов, из них 10 татарских. Годовой тираж газет и журналов составил более 53 миллионов экземпляров⁷, тогда как до Великой Октябрьской социалистической революции в Казанской губернии издавалось всего лишь 2 журнала, 5—6 газет, тиражом не более 13—14 тыс. экземпляров⁸. Особенно значительными были изменения в культурной жизни деревни. В татарских деревнях обычными явлениями стали кино, радио, библиотеки, избы-читальни, клубы и т. д. Замечательных результатов добились театральное и музыкальное искусство, татарская советская литература.

Успехи культурной революции завоевывались в борьбе с враждебными марксизму-ленинизму теориями, с чуждыми буржуазно-националистическими тенденциями. Поэтому Коммунистическая партия и Советское правительство обращали особо серьезное внимание на политико-воспитательную работу среди трудящегося населения.

За годы Советской власти коренным образом изменился духовный облик татарского народа, воспитывавшегося в духе советского патриотизма и нерушимой дружбы со всеми народами СССР, в духе пролетарского интернационализма.

В отчетном докладе ЦК КПСС XX съезду партии товарищ Н. С. Хрущев, касаясь национальной политики Коммунистической партии, подчеркнул: „Нашей партии удалось устранить взаимное недоверие, существовавшее между народами царской России, соединить все

¹ „Известия“, 4 июля 1939 г.

² Татарская АССР за XX лет (в цифрах). Казань, 1940, стр. 24.

³ Партархив Татарского обкома КПСС, ф. 15, д. 24, оп. 22, 1941 г., л. 5.

⁴ „Красная Татария“, 24 января 1941 г.

⁵ Партархив Татарского обкома КПСС, ф. 15, д. 640, оп. 9, 1938 г., л. 70.

⁶ Татарская АССР за XX лет (в цифрах). Казань, 1940, стр. 28.

⁷ 20 лет Татарской АССР, Казань, 1940, стр. 185.

⁸ „Большевик Татарии“, 1937, № 7, стр. 56.

⁹ IV сессия Верховного Совета ТАССР. Стенографический отчет, 1940, стр. 5.

¹⁰ „Красная Татария“ от 28 ноября 1939 г.

¹¹ „Большевик Татарии“, 1938, № 3, стр. 19.

¹ Партархив Татарского обкома КПСС, ф. 15, д. 34, оп. 20, 1939 г., л. 40.

² „Социалистический Татарстан“, 1935 г., № 4—5, стр. 56.

³ „Татарская АССР за XX лет (в цифрах)“, 1940, стр. 43.

⁴ С. Картамышев. Советская Татария. М., 1940, стр. 23—24.

⁵ Партархив Татарского обкома КПСС, ф. 15, д. 661, оп. 20, 1939 г., л. 312.

⁶ Там же, ф. 15, д. 41, оп. 21, 1940 г., л. 54.

⁷ 20 лет Татарской АССР. Казань, 1940, стр. 169.

⁸ Партархив Татарского обкома КПСС, ф. 15, д. 36, оп. 9, 1938 г., л. 209.

народы Советского Союза узами братской дружбы именно потому, что она всегда проявляла глубокое внимание к интересам этих народов, к их национальным особенностям и чаяниям, сочетая это с воспитанием трудящихся всех национальностей в духе социалистической общности, заботы об общегосударственных интересах. В результате ранее угнетенные и отсталые нации старой России достигли огромных успехов в своем развитии и заняли равноправное место в дружной семье народов Советского Союза¹.

Исходя из всего сказанного, можно сделать следующий вывод.

Как и для других ранее отсталых народов нашей страны, переходный период от капитализма к социализму был для татарского народа периодом борьбы за ликвидацию своего фактического неравенства и формирование в социалистическую нацию. С победой социализма в СССР была преодолена экономическая и культурная отсталость татарского народа, окончательно сформировавшегося к этому времени в социалистическую нацию.

Решение этой исторической задачи в невероятно короткий срок — около 18—20 лет, — в течение которого трудящимся Татарии под руководством Коммунистической партии удалось ликвидировать унаследованную от прошлого экономическую и культурную отсталость, объясняется победой социалистического строя в нашей стране, героическим трудом миллионов трудящихся, последовательным проведением и торжеством национальной политики Коммунистической партии.

С победой социализма трудящиеся Татарии в братской семье народов СССР приступили в годы третьей пятилетки к осуществлению задач постепенного перехода от социализма к коммунизму, к дальнейшему развитию своей экономики и культуры.

За годы довоенных пятилеток Татарская республика, как и другие республики нашей страны, совершила гигантский скачок от отсталости к прогрессу. За эти годы Татария превратилась из отсталой в прошлом в одну из передовых индустриальных республик Советского Союза.

Разрешение национального вопроса в СССР является одним из великих завоеваний народов нашей страны. На примере ликвидации фактического неравенства наций в Советском Союзе народы всего мира убедились, что социалистический строй является единственной основой для процветания экономических и духовных возможностей каждого малого и большого народа. Опыт Советского Союза ныне успешно используется странами народной демократии в их борьбе за социалистическое переустройство экономической и культурной жизни.

Сбылись пророческие слова В. И. Ленина, сказанные еще в начале 1918 года: „Пример социалистической Советской республики в России будет стоять живым образцом перед народами всех стран, и пропагандистское, революционизирующее действие этого образца будет гигантским“².

¹ Н. С. Хрущев. Отчетный доклад ЦК КПСС XX съезду партии. Госполитиздат, 1956, стр. 101.

² В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 407.

А. М. ЗАЛЯЛОВ

О НЕКОТОРЫХ ИТОГАХ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЛЕНИНСКОГО КООПЕРАТИВНОГО ПЛАНА В ТАТАРИИ К КОНЦУ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОГО ПЕРИОДА

Решения, принятые XX съездом КПСС, являются боевой программой дальнейшей борьбы за построение коммунистического общества в нашей стране, за торжество великих идей марксизма-ленинизма. XX съезд КПСС вновь подчеркнул, что подлинными творцами истории являются народные массы. Съезд осудил чуждый духу марксизма-ленинизма культ личности. Решения XX съезда КПСС исходят из теоретических принципов ленинской программы коммунистического строительства, их дальнейшего творческого развития в новых исторических условиях. Поэтому изучение и обобщение громадного опыта борьбы рабочего класса и трудящегося крестьянства нашей страны за осуществление ленинского кооперативного плана в свете исторических решений XX съезда партии имеет важное практическое значение.

Сущность кооперативного плана В. И. Ленин раскрыл в ряде своих работ¹.

Центральным пунктом кооперативного плана является обоснованное В. И. Лениным положение о том, что кооперация при диктатуре пролетариата — это одно из главных звеньев в строительстве социализма и коммунизма в деревне, одно из главных средств разрешения самой трудной после захвата власти задачи пролетарской революции — социалистического преобразования сельского хозяйства.

Ленинский кооперативный план содержит программу колхозного строительства. „Коммуны, артельная обработка, товарищества крестьян — вот где спасение от невыгод мелкого хозяйства, вот в чем средство поднятия и улучшения хозяйства, экономии сил и борьбы с кулачеством, тунеядством и эксплуатацией“², — говорил В. И. Ленин.

В кооперативном плане В. И. Ленин не только разработал программу колхозного строительства, но и определил пути ее осуществления, что является одним из центральных, коренных вопросов кооперативного плана.

Не менее важное значение имеют всесторонне разработанные в кооперативном плане вопросы социалистического преобразования торговли и кустарной промышленности. В. И. Ленин научно доказал, что кооперация при диктатуре пролетариата является одним из могучих незаменимых орудий в социалистическом преобразовании кустарной промышленности и торговли.

Решающими условиями успехов кооперативного строительства

¹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 189—190; т. 28, стр. 156, 286, 314—325; т. 29, стр. 185—191; т. 30, стр. 173—182, 447—450; т. 32, стр. 308—343, 348; т. 33, стр. 427—435 и др.

² В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 156. См. также т. 28, стр. 323, т. 29, стр. 26.

являются, как показал В. И. Ленин, социалистическая индустриализация страны, всемерное развитие тяжелой промышленности, электрификация народного хозяйства, осуществление культурной революции, укрепление союза рабочего класса и крестьянства, дружбы народов СССР, усиление руководящей и направляющей роли Коммунистической партии в социалистическом строительстве.

Приобщить через кооперацию трудящихся различных национальностей к строительству социализма и коммунизма в нашей стране — вот в чем сущность ленинского кооперативного плана. Дальнейшее творческое развитие ленинский кооперативный план получил в решениях Коммунистической партии и Советского правительства, в практике коммунистического строительства в нашей стране, в строительстве социализма в странах народной демократии.

В настоящее время, когда достигнуты важнейшие результаты в укреплении колхозного строя и расширении кооперативного строительства в нашей стране, когда кооперативное движение широко развернулось в Китайской Народной Республике, а также в других странах народной демократии, — со всей силой подтверждается правильность и великая жизненная сила ленинского кооперативного плана.

* * *

В истории борьбы трудящихся масс за осуществление ленинского кооперативного плана в нашей стране период мирной работы по восстановлению народного хозяйства (1921—1925 гг.) занимает важное место.

Несмотря на большие трудности, к концу 1925 г. по всей стране были достигнуты большие результаты в реализации ленинского кооперативного плана.

В отличие от центральных районов нашей страны, в Татарии борьба трудящихся масс за осуществление ленинского кооперативного плана развивалась в более сложной обстановке, порожденной историческими условиями. Трудности кооперативного движения в изучаемый период в Татарии состояли в том, что оно происходило в отсталой по сравнению с центральными промышленными районами страны национальной республике. Это задерживало кооперативное строительство.

Кроме того, в Татарии не было еще достаточного количества своих национальных кадров, способных самостоятельно развернуть дело социалистической реконструкции деревни. Их надо было готовить в процессе борьбы за социалистическое строительство и, в частности, за осуществление ленинского кооперативного плана.

Трудности кооперативного движения в Татарии заключались также в культурной отсталости деревни, где среди части крестьян еще имело значительное влияние мусульманское духовенство. В то же время трудящимся массам Татарии приходилось бороться против буржуазных националистов, усиливших свою антинародную, враждебную деятельность в восстановительный период.

Строительство советской кооперации в Татарии, как и во всей стране, в первые годы непа задерживала и разруха, вызванная империалистической и гражданской войнами. Неурожай 1921 г. нанес большой ущерб народному хозяйству республики. Чтобы представить всю глубину разрушений, причиненных народному хозяйству Татарии семью годами войны и неурожаем 1921 г., приведем ряд цифр.

Промышленные предприятия республики в 1920 г. давали только 29%, а в конце 1922 г. — 25% довоенной продукции. Продукция валяно-обувной промышленности составляла 20%, мыловаренной —

5% по сравнению с 1913 г.¹ К концу 1920 г. производство льняных тканей упало на 71%, кожевенных товаров — на 87% по сравнению с 1913 г.²

Сельское хозяйство Татарии, влившееся до Великой Октябрьской социалистической революции жалкое существование и еще более подорванное в годы войны, в результате засухи 1921 г. оказалось в катастрофическом положении. Площадь полевого сева с 2051 945 десятин в 1913 г. понизилась до 1724 277 десятин в 1920 г.³ Средний урожай ржи с десятины в 1920 г. составлял 20,8 пуда⁴, т. е. 39,5% по сравнению со средним урожаем ржи за предыдущие 30 лет, а яровых культур — 52,5%⁵. В результате сокращения посевной площади и снижения урожайности уменьшился валовой сбор хлебов. Если в 1913 г. было собрано 140 597 850 пудов, то в 1920 г. только 32 701 пуд, т. е. общий сбор хлебов сократился в 4,5 раза по сравнению с довоенным⁶. С 1917 по конец 1920 г. поголовье рабочих лошадей сократилось на 26,6%; поголовье крупного рогатого скота — на 42,3%, овец — на 50,5%, свиней — на 76,4%⁷. Далее, за полтора года (с конца августа 1920 по 6 февраля 1922 г.) по данным ТСУ число хозяйств сельских местностей в Татарии сократилось на 16,17%⁸, площадь посева озимых уменьшилась с 969 000 десятин до 420 000 десятин, т. е. на 57%⁹. В 1921 г. в Татарии было собрано ржи 2,3 пуда с десятины, пшеницы — 1,74 пуда, овса — 1 пуд. В 1921 г. в республике было собрано только 6,4 миллиона пудов зерна, т. е. в 5 раз меньше, чем в 1920 г.¹⁰ Если в 1920 г. в Татарии было 491 322 головы лошадей, то в 1922 г. осталось только 232 699 голов. Количество коров уменьшилось почти наполовину, овец — в 4 раза, коз — в 1,5 раза, свиней — в 8 раз¹¹. К началу 1922 г. по сравнению с 1920 г. у крестьянского населения республики уменьшилось плугов на 38%, борон на 35,6%¹². Эти цифры убедительно характеризуют тяжелое экономическое положение республики.

Преодолевая эти величайшие трудности, трудящиеся Татарии, как и всей страны, смогли добиться в восстановительный период серьезных результатов в осуществлении ленинского кооперативного плана.

Советская кооперация развивалась в тесной связи со всем народным хозяйством в целом. Поэтому прежде всего необходимо дать характеристику экономики Татарии в этот период.

В продолжение пяти лет рабочий класс и трудящееся крестьянство нашей страны под руководством Коммунистической партии упорно боролись за восстановление народного хозяйства. Самоотверженный и героический труд дал свои результаты.

О темпах восстановления промышленности в Татарии можно судить по следующим данным: в 1922 г. выпуск продукции по сравнению с 1913 г. составлял 25%, к концу 1923 г. — 35%, в 1924 г. — 48%, а в 1925 г. валовая продукция промышленности республики достигла

¹ Материалы к десятилетию Октября в Татарии. Казань, 1927, стр. 14.

² Десятилетие Советского Татарстана (1920—1930). Казань, 1930, стр. 21.

³ Отчет Экономического совета ТАССР 1/1—10/X 1922 г. Казань, 1922, стр. 52.

⁴ "Труд и хозяйство". Орган экономсовета при Татсовнархозе. № 12, 1924 г., стр. 10.

⁵ ЦГА ТАССР, ф. 5874, 1923 г., оп. 2, д. 665, л. 80.

⁶ Отчет Экономического совета ТАССР 1/1—10/X 1922 г. Казань, 1922, стр. 5.

⁷ ЦГА ТАССР, ф. 5874, 1923 г., оп. 2, д. 628, л. 426.

⁸ Там же, ф. 4470, 1922 г., оп. 5, д. 39, л. 51.

⁹ "Труд и хозяйство", 1923, № 6, стр. 48.

¹⁰ 10 лет социалистического строительства в Татарстане. Казань, 1930, стр. 3.

¹¹ См. абсолютные цифры в "Статистическом справочнике по ТАССР". Вып. 1. Изд. 2, Казань, 1925, стр. 58—59, 68—69.

¹² "Труд и хозяйство", 1923, № 9, стр. 67.

70%¹ довоенного уровня, отстав от среднего уровня по Союзу лишь на 5%. В 1925—1926 гг. трестированная промышленность республики выпустила валовой продукции на сумму 30 550 604 руб. и имела прирост в 71,1% по сравнению с 1924—1925 гг.² В 1926 г. валовая продукция промышленности Татарии составляла 90% и, наконец, к октябрю 1927 г. достигла уровня 1913 г. Но это был уровень отсталой в экономическом отношении губернии довоенной царской России.

Несмотря на отставание по темпам восстановления промышленности от общесоюзного уровня, вопрос „кто — кого“ в промышленности Татарии к концу восстановительного периода был решен в пользу социалистического сектора. Если в 1923—1924 гг. в валовой продукции промышленности республики удельный вес социалистического сектора составлял 44,1%, то в 1925—1926 гг. он достиг 92,4% всей валовой продукции промышленности республики³. Таким образом, ведущая и решающая роль в промышленности Татарской республики уже тогда принадлежала государственным социалистическим предприятиям.

Частник занимал значительные позиции в мелкой промышленности, в области кустарного производства. В Татарии же по числу предприятий, а также по удельному весу выработанной продукции кустарная промышленность занимала значительное место. В общей валовой продукции крупной и мелкой промышленности Татарии продукция кустарной промышленности (на четыре пятых частной к концу 1925 г.) составляла в 1923—1924 гг. 23%, а в 1925—1926 гг. — 16%⁴. Но и в мелкой промышленности шло неуклонное вытеснение частника. В этом важнейшую роль играла промысловая кооперация. Уже в середине 1927 г. частные предприятия давали 45,6% всей валовой продукции мелкой промышленности в Татарии⁵.

Несмотря на серьезные трудности, к этому времени продвинулось вперед и восстановление сельского хозяйства республики. Как известно, в сельском хозяйстве была занята основная масса населения республики. Татария в изучаемый период оставалась республикой преимущественно земледельческой. Успешное восстановление сельского хозяйства создавало благоприятные условия для осуществления ленинского кооперативного плана, укрепляло союз рабочего класса с трудящимся крестьянством.

Поэтому Коммунистическая партия и Советское государство проявляли большую заботу о восстановлении сельского хозяйства. Татарская партийная организация, руководствуясь директивами Центрального Комитета и решениями съездов Коммунистической партии, на IV, V, VI, VII, IX, X партконференциях специально обсуждала вопросы подъема сельского хозяйства. По этим вопросам были приняты конкретные решения на II, III, V, VI Всетатарских съездах Советов. Все это способствовало мобилизации трудящихся масс Татарии на успешное выполнение задач восстановления сельского хозяйства.

Посевные площади Татарской республики в 1925 г. достигли 1 898 483 десятины, т. е. составили 92,5% по сравнению с 1913 г. В следующем году посевные площади возросли на 134 766 десятин и составили 2 033 24 десятины⁶ (99% по сравнению с 1913 г.). Таким

¹ ЦГА ТАССР, ф. 787, 1924—1925 гг., оп. 17, д. 32, л. 41.

² Там же, ф. 787, 1925 г., оп. 17, д. 53, л. 55.

³ Резолюция по докладу об основных моментах хозяйственного развития Татарской республики и перспективах на 1926—1927 гг. Стенографический отчет заседаний XII Областной партийной конференции. Казань, 1927, стр. 286.

⁴ „Красная Татария“ № 243, 23 октября 1926 г.

⁵ Десять лет социалистического строительства в Татарстане, Казань, 1930 г., стр. 8.

⁶ Статистический ежегодник по Татарской Социалистической Советской Республике, III, Сельское хозяйство. Казань, 1929, стр. 3.

образом, к 1926 г. был достигнут довоенный уровень посевных площадей.

Вместе с ростом посевных площадей увеличились валовые сборы зерна, а также товарные излишки от полеводства. Если в 1924—1925 гг. Татария дала товарного зерна 17,5 миллиона пудов, то в 1925—1926 гг. — 20,5 миллиона пудов. Поголовье скота в течение 1925 г. по сравнению с 1924 г. увеличилось: лошадей на 26%, коров на 20,4%, овец на 53,9%, свиней на 50%, коз на 34,5%¹. Благодаря такому росту общая продукция животноводства по отдельным видам переросла довоенный уровень. В 1926 г. в республике производство молока составило 108%, производство мяса — 189%, производство шерсти — 163% от 1913 г.²

Этих успехов крестьянство Татарии достигло благодаря огромной помощи, оказанной Коммунистической партией и Советским правительством. В 1921—1924 гг. государство выдало крестьянским хозяйствам Татарии около 11 миллионов пудов семенной ссуды. В конце 1926 г. со всех бедняцких хозяйств Татарии была снята задолженность по семенным ссудам и проценты по ним на сумму до 4 миллионов рублей³. В 1923—1924 гг. республике было отпущено сельскохозяйственного кредита в сумме 925 тыс. руб., в 1924—1925 гг. — 5 039 тыс. руб., т. е. в 5 раз больше, чем в предыдущем году⁴. С 1923 по 1927 гг. через систему сельскохозяйственного кредита в крестьянские хозяйства Татарии было вложено около 12 миллионов рублей.

Однако при всех этих успехах сельское хозяйство Татарской республики в 1925 г. в целом оставалось отсталым.

Сравнительно быстрое восстановление народного хозяйства страны имело первостепенное значение для претворения в жизнь ленинского кооперативного плана. Важнейшими показателями достижений в осуществлении этого плана в Татарии, как и по всей стране, к концу восстановительного периода являлись: рост числа кооперативов, увеличение числа членов в них и все возрастающая степень кооперированности крестьянских хозяйств.

Как показывает таблица 1, к концу восстановительного периода⁵ ведущими линиями кооперирования трудящихся в Татарии были потребительская и сельскохозяйственная кооперация. По темпам развития и охвату населения потребительская кооперация в Татарии с конца 1924 г. начинает обгонять сельскохозяйственную. Особенно успешно развевывалось кооперирование по линии сельской сети потребительской кооперации. Если число членов потребительской кооперации в сельской сети с конца 1924 по 1926 гг. увеличилось почти в 5 раз и степень кооперированности крестьянских хозяйств в них возросла с 6,7% до 32,2%, то в сельскохозяйственной кооперации число членов за это же время увеличилось только в 2,1 раза и степень кооперированности крестьянских хозяйств возросла с 6,4% до 17,0%. Характерным явлением для сельскохозяйственной кооперации в эти годы было укрепление ее низовой сети. Все возрастающими темпами шло кооперирование по линии промысловой кооперации. Если к концу 1924 г. объединенные в кооперативные союзы

¹ Вопросы интенсификации и коллективизации сельского хозяйства Татарской республики (Материалы к докладу НКЗ II сессии ЦИК ТАССР). Казань, 1927, стр. 3.

² Материалы к десятилетию Октября в Татарской Республике. Казань, 1927, стр. 20, 22.

³ Там же, стр. 21.

⁴ Отчет о деятельности Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров ТАССР за 1924—1925 год. Казань, 1925, стр. 22.

⁵ Цифровой материал почерпнут из следующих источников: Кооперация Татарской Республики к десятой годовщине Октябрьской революции. Казань, 1927, стр. 12, 13, 37, 64, 76—77; Потребкооперация Татарской Республики за 10 лет. Казань, 1930, стр. 9, 11.

Таблица 1

Число различных видов кооперативов (объединенных в кооперативные союзы) и их членов в Татарской республике по годам

Виды кооперативов	На 1/X 1924 г.			На 1/X 1925 г.			На 1/X 1926 г.		
	число кооперативов	членов в них	% кооперирования	число кооперативов	членов в них	% кооперирования	число кооперативов	членов в них	% кооперирования
Потребительская кооперация	344	54642		466	103296		535	208235	
В том числе:									
по сельской сети	323	34536	6,7	446	78291	15	515	166509	32,2
по городской сети	21	20106		20	29005		20	41726	
Сельскохозяйственная кооперация	603	38497	6,4	578	68161	12,0	441	81336	17,0
Промысловая кооперация	75	2335	4,5	79	2521	5,0	31	4375	14,6
Другие, в том числе и невалидная кооперация	20	225	0,5	57	449	1,35	116	801	2,26

промышленные кооперативы охватывали 2335 членов, то к концу 1926 г. число членов увеличилось в них в 2 раза и процент кооперированности кустарей повысился с 4,5 до 14,6 от всего числа всех кустарей Татарской республики.

Развертывание широкой кооперативной сети и вовлечение в кооперацию населения имело громадное значение в укреплении и расширении социалистического уклада народного хозяйства, в повышении роли кооперации в экономической жизни республики. Одним из важнейших достижений в осуществлении ленинского кооперативного плана в Татарии к концу восстановительного периода был неуклонный рост социалистического сектора в товарообороте. Процесс вытеснения из товарооборота частного и роль кооперации в овладении рынком иллюстрируются таблицей 2.

Таблица 2

Удельный вес социалистического и частного секторов в общем товарообороте по Татарской республике в процентах¹

Секторы	1923—1924 гг.	1924—1925 гг.	1925—1926 гг.	1926—1927 гг.
Государственный	13,6	15,2	30,7	30,8
Кооперативный	7,2	21,6	33,9	42,1
В том числе:				
а) потребительская кооперация	4,5	16,5	23,9	31,5
б) другие виды кооперации	2,7	5,1	10	10,6
Частный	79,2	63,2	35,4	27,1

Таблица показывает стремительное падение удельного веса частного сектора в общем товарообороте по Татарии при одновременном росте социалистического сектора. Особенно высокими темпами рос товарооборот потребительской кооперации. Оборот потребительской кооперации Татарии поднялся с 11 807 467 руб. в 1924—

¹ Таблица составлена на основе данных статистического сборника „Потребительская кооперация Татарской республики за 10 лет“, Казань, изд. Татсоюза, 1930, стр. 17.

1925 гг. до 19 191 550 руб. в 1925—1926 гг. и достиг в 1926—1927 гг. 27 690 000 руб.¹ Большая часть всего товарооборота кооперативного сектора Татарии приходилась на потребительскую кооперацию, где ведущую роль играл Татсоюз. Таким образом, в области товарооборота вопрос „кто — кого“ в Татарской республике, как и по всей стране, к 1925—1926 гг. был решен в пользу социалистического сектора. Однако удельный вес частного в общем товарообороте республики был значительно большим, чем в среднем по всей стране. Так, если в 1924—1925 гг. оборот частной торговли составлял 25% от общего товарооборота страны², то в Татарии в этом же году частнику принадлежало 63,2% всего товарооборота, а в 1925—1926 гг. — 35,4%. Одной из важнейших причин такого положения было отставание роста потребительской кооперации Татарии от потребностей жизни.

К концу восстановительного периода кооперация Татарии, расширяя свою сеть, вовлекая все новые массы трудящихся в социалистическое строительство, широко развернула хозяйственную деятельность и приобрела важную роль в народном хозяйстве республики. Удельный вес потребительской и сельскохозяйственной кооперации Татарии в 1925—1926 гг. по хлебопродуктам составлял 32,8% от общих плановых заготовок по республике, в 1926—1927 гг. — 46,5%, по яйцегаготовкам — 38,7% в 1925—1926 гг. и 64,5% в 1926—1927 гг. Советская кооперация, организуя заготовки сельскохозяйственных продуктов, помогала кооперированному крестьянству повышать мощность и товарность своих хозяйств.

Из года в год возрастали снабженческие операции сельскохозяйственной кооперации Татарии. Рост ее удельного веса в машиноснабжении сельского хозяйства республики виден из таблицы 3.

Таблица 3

Годы	Общая сумма сбыта машин в республике	В том числе через с.-х. кооперацию	Удельный вес кооперации в %
1922—1923	41.423	1.503	3,6
1923—1924	333.424	40.955	12,2
1924—1925	482.507	466.318	96,7
1925—1926	986.008	866.959	87,9
1926—1927	813.976	771.358	94,7
Всего:	2.657.338	2.147.093	80,8

Таким образом, сельскохозяйственная кооперация Татарии уже в 1924—1925 гг. занимала ведущее место в сбыте сельскохозяйственного инвентаря. За период с 1924 по 1927 г. включительно через систему сельскохозяйственной кооперации в республике было сбыто 30 568 плугов, 1 860 борон, 626 сеялок, 867 уборочных машин, 2 506 молотилок, 3 005 зерноочистительных машин. С 1923 по 1926 г. включительно в Татарию через сельскохозяйственную кооперацию были

¹ Кооперация Татарской республики к десятой годовщине Октябрьской революции. Казань, 1927, стр. 49.

² Внутренняя торговля СССР и ее регулирование. Наркомвнуторг, 1925, стр. 27.

ввезены первые 74 трактора¹. Техническое перевооружение деревни имело громадное значение для роста и развития производительных сил сельского хозяйства.

В Татарии, как и во всей стране, в 1923—1925 гг. наибольшее распространение получило кооперирование трудящихся по линии низших форм кооперации. Это было первой, самой легкой и доступной в те годы для трудящихся ступенью кооперирования. В неразрывной связи с низшими формами кооперации развернулось кооперирование трудящихся и по линии производственной кооперации. Важнейшее место в системе производственного кооперирования трудящихся принадлежало колхозам. На 1 октября 1925 г. в Татарской республике было 333 колхоза, из них артелей 130, коммун 20, товариществ по совместной обработке земли 183. Они объединяли 9714 крестьянских хозяйств с 49324 едоками, имели 30057 десятин посевов, 10321 лошадь, 12312 коров, 15337 овец, 2362 головы свиней². Материалы обследований колхозов Татарии, проведенных в конце 1922 г. Татсельсоюзом и в октябре 1925 г. Татнаркомземом, позволяют нам получить сравнительные данные об экономическом состоянии колхозов. Данные на 1 октября 1925 г. по всем показателям превосходили достижения колхозов к концу 1922 г. Это можно убедительно показать на нижеприведенном материале³.

В среднем в одном колхозе Татреспублики:

	На 1/X 1922 г.	На 1/X 1925 г.
Число крестьянских хозяйств	19,5	29,1
Число едоков	108,1	148,1
Площадь посевов (в дес.)	67,7	90,2
Лошадей	13,7	30,9
Лошадей на 1 хозяйство	0,7	1,0
Коров	14,5	36,9
Коров на 1 хозяйство	0,7	1,2
Овец	34,5	46,0
Овец на 1 хозяйство	1,4	1,5

Таким образом, к концу 1925 г. по сравнению с 1922 г. в среднем в одном колхозе Татарии число крестьянских хозяйств увеличилось почти в полтора раза. Посевная площадь одного колхоза за это же время возросла в 1,3 раза. Значительно улучшилась обеспеченность колхозов рабочим и продуктивным скотом. Словом, к концу 1925 г. первые колхозы Татарии значительно окрепли в экономическом отношении.

Объединение крестьян в колхозы способствовало значительному подъему производительности труда, повышению культуры земледелия, увеличению урожайности и продуктивности животноводства. В 1923—1925 гг. урожаи зерновых культур в колхозах Татарии превышали урожаи в индивидуальных хозяйствах в среднем на 30—50%⁴. Урожаи картофеля и турнепса в колхозах республики в 1926 г. превысили урожаи в индивидуальных крестьянских хозяйствах на 60—70%. Годовые удои молока на фуражную корову в колхозах тоже были более высокими, чем в индивидуальных крестьянских

¹ ЦГА ТАССР, ф. 303, 1926 г., оп. 1, д. 3551, л. 33.

² Там же, ф. 714, 1923 г., оп. 1, д. 68, л. 36; ф. 5874, 1924 г., оп. 2, д. 849, л. 71.

³ Подсчеты произведены автором на основе материалов обследований колхозов Татреспублики в 1922 и 1925 гг. ЦГАО, ф. 4106, 1921—1923 гг., оп. 3, д. 7, л. 5; ЦГА ТАССР, ф. 5874, 1924—1925 гг., оп. 2, д. 849, л. 71; там же, ф. 714, 1923 г., оп. 1, д. 68, л. 36.

⁴ Вопросы интенсификации и коллективизации сельского хозяйства Татреспублики. Казань, 1927, стр. 55.

хозяйствах, — в 1924 г. на 50%, в 1925 г. на 60%. В колхозах, благодаря более высокой урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности животноводства, выше была товарность, а отсюда и доходность хозяйства. Если товарность индивидуальных крестьянских хозяйств в среднем по Татарии в октябре 1926 г. составляла 19,8% от всей валовой продукции сельского хозяйства, то в колхозах товарная часть составляла 25,3%¹. Доходов на одного едока в среднем в колхозах Татреспублики, организованных до 1/X 1927 г., приходилось в 3,8 раза больше, чем в среднем на одного едока в индивидуальном крестьянском хозяйстве². На основе успехов коллективного производства значительно поднялись материальное благосостояние и культурный уровень колхозников. Все это говорило о бесспорных преимуществах колхозов перед мелкими индивидуальными хозяйствами, свидетельствовало о том, что колхозное движение в 1923—1925 гг. не только росло, но и укреплялось качественно.

Производственные достижения отдельных колхозов Татарии к концу восстановительного периода были еще более показательны и еще резче выделялись по сравнению с индивидуальными крестьянскими хозяйствами. Так, колхоз „Луч“, организованный в июле 1921 г. по инициативе 5 бедняков под руководством коммуниста Большакова в д. Сарпалы, Заинской волости, Челнинского кантона, получил в 1925 г. в среднем с десятины ржи 100 пудов, пшеницы 60 пудов, овса 40 пудов, проса 50 пудов, полбы 120 пудов, тогда как урожай ржи и других зерновых культур у окрестных крестьян едва достигал 30—36 пудов³. Средний годовой удой одной фуражной коровы в колхозе равнялся 1580 кг против 750 кг у местного крестьянского населения. К 1926 г. шерстность овец в колхозе поднялась до 5—6 фунтов в год против 3—4 фунтов в индивидуальных крестьянских хозяйствах⁴. С 1 октября 1922 г. по 1 октября 1927 г. доходы колхоза увеличились почти в 10 раз и достигли 3749 рублей⁵. Подобные факты были уже не единичны.

Таким образом, к концу восстановительного периода хозяйственное укрепление колхозов Татарии выражалось в увеличении товарности хозяйства, в накоплении основных средств производства, в улучшении способов и приемов ведения сельского хозяйства, в повышении урожайности и росте производительности труда. В связи с этим в 1925—1926 гг. преимущества колхозов перед индивидуальными крестьянскими хозяйствами проявились более убедительно и полно, чем в первые годы нэпа.

Это было обусловлено следующими фактами. Во-первых, к концу восстановительного периода, по сравнению с 1921—1922 гг., увеличилась помощь Советской власти колхозам, возросла руководящая, направляющая роль татарской партийной организации в борьбе трудящихся за осуществление ленинского кооперативного плана в республике. Во-вторых, усилилась экономическая мощь колхозов. В 1925—1926 гг. в среднем в одном колхозе Татреспублики было больше членов, пахотной земли, посевов, чем в первые годы нэпа. В-третьих, в отличие от первых лет нэпа увеличилась техническая вооруженность колхозов. Колхозы Татарии в 1925—1926 гг. были лучше обеспечены на единицу площади пашни крупным сельскохозяйственным инвентарем, чем в 1921—1922 гг. В-четвертых, большинство колхозов Татарии к этому времени окрепло в организационном отношении.

¹ ЦГА ТАССР, ф. 4580, 1928 г., оп. 8, д. 63, л. 53.

² ЦГА ТАССР, ф. 4580, 1927 г., оп. 7, д. 85, л. 81.

³ ЦГА ТАССР, ф. 303, оп. 1, д. 3901, л. 2.

⁴ Там же, л. 11.

⁵ Там же.

В-пятых, к концу восстановительного периода колхозы при организации своего хозяйства использовали положительный опыт тех колхозов, которые возникли в первые годы социалистического строительства.

Однако на пути развития колхозов Татарии к концу восстановительного периода был еще ряд трудностей: недостаточная обеспеченность тягловой силой, крупным сельскохозяйственным инвентарем, продуктивным скотом, недостаток оборотных средств, незаконченность землеустройства, слабое обслуживание союзами сельскохозяйственной кооперации, инструкторскими и агрономическими силами, недостаток подготовленных кадров. В организационном отношении работу многих колхозов тормозили неналаженность учета и счетоводства, а также несовершенная организация труда, плохо учитывающая личную материальную заинтересованность колхозников.

Важную роль в социалистическом переустройстве сельского хозяйства играли совхозы. Поэтому партия и правительство уделяли много внимания созданию и развитию их. Несмотря на большие трудности, на сопротивление классовых врагов, из года в год росла хозяйственная мощь совхозов Татарии. Если 42 совхоза Татсовхозтреста на 1/X 1922 г. имели 11819 десятин посевной площади (из них было засеяно 1773 десятины), 137 лошадей, 122 коровы, 190 овец, то к 1/X 1924 г. 28 совхозов, объединенных в трест, засеяли 6104 десятины, имели 529 лошадей, 649 коров, 853 овцы, 435 свиней¹. Преодолевая трудности роста, совхозы Татарии к концу 1926 г. достигли значительных результатов в борьбе за качественное улучшение агрикультурной работы и количественное увеличение производства сельскохозяйственных продуктов. Если в 1923 г. в совхозах Татсовхозтреста сортовыми семенами было засеяно 145 га, или 0,34% от всей используемой пашни, то в 1927 г. уже 3018 га, или 50% от всей пашни. Под корнеплодами и травами площади расширились с 5,6% всех посевных площадей в 1924 г. до 10,5% в 1927 г. Средний урожай основной культуры — ржи — в совхозах Татсовхозтреста был доведен в 1927 г. до 73 пудов против среднего урожая индивидуального хозяйства в 43 пуда. Годовые удои коров в совхозах увеличились в связи с утеплением скотных дворов и введением в корм корнеплодов и жмыхов до 1200—1500 литров на фуражную корову, тогда как удои в индивидуальных крестьянских хозяйствах не поднимались выше 750—800 литров. Заметно было улучшение качественного состава крупного рогатого и мелкого скота в совхозах. Племенной сектор совхозных стад в 1927 г. составлял около 60% всего поголовья скота против 30% в 1923 г.² Однако в этот период многие совхозы Татарии из-за слабой оснащенности техникой, недостатка квалифицированных специалистов, организационных неполадок оставались еще нерентабельными.

Хотя позиции социалистического сектора в сельском хозяйстве крепили с каждым годом, совхозы и колхозы в валовой и товарной продукции всего сельского хозяйства Татреспублики к концу восстановительного периода занимали незначительное место. Это видно из таблицы 4.

По товарной продукции удельный вес социалистического сектора в Татарии был несколько выше, нежели по валовой, что указывает на его большую товарность по сравнению с индивидуальным крестьянским хозяйством.

Совхозы и колхозы Татреспублики в конце 1926 г. засеяли всего 35040 га земли, что составляло лишь 1,6% всей посевной площади республики. К этому же времени в совхозах и колхозах

¹ ЦГА ТАССР, ф. 128, 1925 г., оп. 1, д. 1237, л. 72.

² „Красная Татария“ № 277, 3 декабря 1927 г.

Таблица 4

Удельный вес валовой и товарной продукции сельского хозяйства социалистического сектора Татреспублики в 1925—1926 гг. (в тыс. руб. по ценам 1926—1927 гг.)¹

	Валовая продукция	Товарная продукция
Всего по сельскому хозяйству	3 770,2	1 040,9
В % от всего сельского хозяйства Татреспублики	2,9	3,7
В том числе:		
а) растениеводство в абсолютном количестве	2 196,0	517,8
в % от всего растениеводства Татреспублики	2,6	3,5
б) животноводство в абсолютном количестве	1 574,2	523,1
в % от всего животноводства Татреспублики	3,5	4,4

Татарии сосредоточивалось лишь 0,7% всего поголовья мелкого скота². Из этих данных видно, что удельный вес социалистического сектора в земледелии был еще незначителен. Сельскохозяйственное производство в основном было сосредоточено в индивидуальных крестьянских хозяйствах, которые и являлись поставщиками хлеба и других продуктов государству. Однако значение социалистических форм сельского хозяйства было огромно; им принадлежало будущее.

* * *

Трудящиеся советской страны, преодолевая большие трудности, в течение пяти лет добились быстрого восстановления промышленности, сельского хозяйства и на этой основе — оживления товарооборота между городом и деревней. Это были годы напряженной борьбы трудящихся масс под руководством Коммунистической партии за победу социалистического уклада. К концу восстановительного периода вопрос „кто — кого“ в области промышленности и в товарообороте был решен окончательно и бесповоротно в пользу социалистического сектора. За эти годы во всей стране, в том числе и в Татарии, упрочился советский социалистический строй, укрепился союз рабочих и трудящихся крестьян на новой экономической основе, окрепла нерушимая дружба равноправных народов СССР, неуклонно повышалось материальное благосостояние трудящихся.

В рассматриваемый период, в неразрывной связи с важнейшими успехами в осуществлении ленинской программы социалистического строительства, в Советском государстве были достигнуты замечательные результаты в массовом кооперировании трудящихся по линии потребительской, сельскохозяйственной кредитной, промышленной кооперации. Это было отмечено, в частности, на XVIII сессии Совета Сельскосоюза в октябре 1925 года.³

Массовое кооперирование трудящихся по линии низших форм кооперации в восстановительный период имело большое значение в деле подготовки сплошной коллективизации сельского хозяйства и ликвидации кулачества как класса. Вместе с тем оно имело огромное международное значение. Достижения социализма в СССР и, в частности, успехи в осуществлении ленинского кооперативного

¹ Таблица составлена на основе материалов ЦГА ТАССР, ф. 4580, 1928 г., оп. 8, д. 63, лл. 52, 53.

² ЦГА ТАССР, ф. 4580, 1928 г., оп. 8, д. 63, л. 52.

³ „Вестник сельскохозяйственной кооперации“, 1925 г., октябрь.

плана наглядно показывали, что пролетариат в союзе с крестьянством может с успехом строить новое социалистическое общество. Положительные результаты кооперативного строительства в Татарии были особенно показательны потому, что советскую кооперацию здесь строили в братском содружестве, совместными усилиями и упорным трудом трудящиеся различных национальностей: русские, татары, чуваш, марийцы и другие народы. Так, на 1 октября 1924 г. в составе членов-пайщиков сельской сети Татсоюза было татар 49,4%, русских 44,5%, других национальностей 6,1%, а на 1 октября 1926 г. татар было 51,7%, русских 41,2% и других национальностей 7,1% к общему числу пайщиков. В составе членов сельскохозяйственной, кредитной, промысловой кооперации на 1 октября 1925 г. было татар 48,2%, русских 43,7%, чуваш 4,2%, мордвы 1,1%, марийцев 0,6%, других национальностей 2,2%¹. К 1 октября 1925 г. из всех крестьянских хозяйств республики в сельскохозяйственную кооперацию было вовлечено татарских — 11,2%, русских — 15,4%, чувашских — 10,7%, марийских — 13,2%, мордовских — 10,4%². В борьбе трудящихся за осуществление ленинского кооперативного плана в Татарии ведущая роль принадлежала великому русскому народу.

К концу восстановительного периода ведущее место по охвату населения в кооперативном строительстве Татарии занимала потребительская кооперация. Потребительская кооперация сыграла важнейшую роль в вытеснении частника из товарооборота, в укреплении смычки между промышленностью и сельским хозяйством. Важную роль в укреплении социалистического сектора в народном хозяйстве Татарии, как и во всей стране, в этот период сыграла также сельскохозяйственная и промысловая кооперация. Вопреки утверждениям буржуазных националистов о том, что колхозы не будут развиваться в Татарии, строительство колхозов в республике в восстановительный период продвинулось вперед. Колхозы к концу 1925—1926 гг. доказали свои преимущества перед индивидуальными крестьянскими хозяйствами.

Все это говорит о том, что борьба трудящихся масс за осуществление ленинского кооперативного плана в Татарии к концу восстановительного периода дала свои положительные результаты. Успехи и недостатки кооперативного строительства в Татарии к концу восстановительного периода были проанализированы на VI Всетатарском съезде Советов (7—14 марта 1926 г.) и в постановлении Татарского обкома ВКП(б) „Мероприятия по усилению кооперирования населения Татреспублики и по расширению собственных средств кооперации“ от 26 марта 1926 г.

Основа успехов в осуществлении ленинского кооперативного плана социалистического строительства лежала в силе советского народа — творца истории, в советском строе, в преимуществах социалистической системы хозяйства перед капиталистической, в союзе рабочего класса и крестьянства и дружбе народов, в осуществлении ленинской национальной политики и руководящей роли Коммунистической партии. „Все, чего мы достигли, показывает, что мы опираемся на самую чудесную в мире силу — на силу рабочих и крестьян“³, — говорил В. И. Ленин. Коммунистическая партия Советского Союза побеждала и побеждает верностью ленинизму. Об этом еще раз со всей силой говорят исторические решения XX съезда КПСС.

¹ ЦГА ТАССР, ф. 303, 1924 г., оп. 1, д. 1844, л. 58.

² ЦГА ТАССР, ф. 303, 1927 г., оп. 1, д. 3853, л. 92.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 93.

К. Л. БАЙРАМОВ

МАШИННО-ТРАКТОРНЫЕ СТАНЦИИ ТАТАРИИ В БОРЬБЕ ЗА УКРЕПЛЕНИЕ КОЛХОЗНОГО СТРОЯ (ПЕРВЫЕ ГОДЫ ВТОРОЙ ПЯТИЛЕТКИ)

В тридцатых годах Коммунистическая партия Советского Союза разрешила труднейшую после завоевания власти историческую задачу пролетарской революции — перевод миллионов мелкособственных крестьянских хозяйств на путь колхозов, на путь социализма. Колхозы рождались и крепили в ожесточенной классовой борьбе против кулачества. В наиболее сложный период этой борьбы Коммунистическая партия усилила политическую роль машинно-тракторных станций в деревне, создала при них политические отделы и тем самым сделала их достаточно сильными, чтобы они могли участвовать в организационно-хозяйственном и политическом укреплении колхозов. В настоящей статье кратко дается характеристика того, как машинно-тракторные станции Татарии и их политотделы выполнили возложенные на них партией задачи по организационно-хозяйственному укреплению колхозов в первые годы второй пятилетки.

* * *

В результате выполнения первой пятилетки партия добилась того, что в продолжение каких-нибудь трех лет было создано более 200 тысяч колхозов, которые охватывали свыше 70% крестьянских посевов. В Татарии в 1932 году уже насчитывалось 3707 колхозов с охватом 62,6% крестьянских хозяйств и 72,1% посевной площади республики¹. Это была громадная победа социализма в деревне, осуществленная партией на основе гениального ленинского кооперативного плана.

Однако развитие колхозного движения шло пока что по линии увеличения количества колхозов, а не улучшения качества их работы. Хотя в республике уже имелось немало старых окрепших колхозов, многие новые и совсем молодые колхозы представляли из себя еще слабые, не вполне развившиеся хозяйственные организмы.

В работе этих колхозов проявился ряд серьезных недостатков: плохая организация труда, слабая дисциплина, безответственность и обезличка. Доходы делились по едокам, а не по трудодням. Часто лодырь получал хлеба больше, чем старательный колхозник. В результате понижалась заинтересованность колхозников в работе. Это приводило к невыходам на работу, оставлению необработанных посевов под снегом, к уменьшению доходов колхозов. Все эти крупные недостатки были результатом организационной слабости новых колхозов.

¹ Социалистическое строительство Татарской АССР за 15 лет. Казань, 1935, табл. № 4.

Разгромленное в открытом бою экспропрированное кулачество и его замаскированная агентура в партии не замедлили воспользоваться организационной и хозяйственной слабостью колхозов и их недостатками. Они направили всю свою затаенную ненависть на подрыв колхозного строительства. Подрывная деятельность кулаков облегчалась тем, что они резко изменили тактику борьбы против колхозов. Раньше кулаки выступали открыто, — теперь они прикидывались советскими людьми и проникали в колхозы, чтобы пакостить и вредить им изнутри. Они поджигали склады и ломали машины, организовывали саботаж. В своем вредительстве они доходили до того, что прививали колхозному скоту чуму, сибирскую язву, способствовали распространению менингита среди лошадей и т. д.

Немалую услугу кулачеству оказывала его агентура в партии. Агенты классового врага, пролезшие обманном путем в партию, группировали вокруг себя кулацкие, антисоветские элементы, создавали из них воровские банды, расхищавшие хлеб в колхозах, срывали хлебозаготовки, вредили колхозному делу. Они провокационно утверждали, что колхозы нерентабельны, поглощают якобы много средств, и поэтому их целесообразно распустить.

Для того чтобы преодолеть трудности в колхозном строительстве и ликвидировать кулацкое вредительство, партия осуществляла широкую программу помощи колхозам в их организационно-хозяйственном и политическом укреплении. На первый план ЦК ВКП(б) выдвинул ответственность коммунистов в деле руководства колхозами и тем самым подчеркнул, что укрепление партийного руководства колхозами является основным звеном в цепи задач, стоящих перед партией в области колхозного строительства.

Но сама перестройка и укрепление руководства колхозами должны были строиться на базе укрепления государственных предприятий в деревне — машинно-тракторных станций. МТС были призваны стать тем решающим средством, опираясь на которое, партия и социалистическое государство могли оказать колхозам коренную организационно-хозяйственную и политическую помощь.

МТС, ставшие опорными пунктами сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса, к концу первой пятилетки были созданы почти во всех районах Советского Союза. 2446 МТС охватили в 1932 году 51,2 млн. га, или 55,3% всех колхозных посевов, а по Татарии удельный вес посевных площадей колхозов, обслуживаемых МТС, в 1932 году достиг 41,9%.

Однако несмотря на крупнейшую организационно-хозяйственную роль МТС в деле технического перевооружения и социалистического переустройства сельского хозяйства, их политическое влияние на широкие массы колхозников пока еще было недостаточным.

В целях политического укрепления МТС, повышения их влияния на селе и решительного улучшения политической и хозяйственной работы наших партийных организаций в колхозах ЦК ВКП(б) на январском Пленуме в 1933 году решил организовать во всех машинно-тракторных станциях политические отделы во главе с заместителями директоров МТС по политической части. Это решение явилось важнейшим условием в реализации лозунга партии — сделать все колхозы большевистскими.

Политотделы МТС были особой формой партийного руководства, чрезвычайными органами партии, созданными для решения задач организационно-хозяйственного укрепления колхозов и обеспечения окончательной победы колхозного строя.

За два года (1933—1934) было создано 3368 политотделов МТС. ЦК ВКП(б) послал в политотделы МТС тщательно и персонально отобранные лучшие кадры партии, обладавшие большим опытом

партийной и хозяйственной работы. Всего было направлено на работу в деревню 25 тысяч партийных работников, из них 17 тысяч в политотделы МТС¹. В политотделы МТС Татарии Центральным Комитетом партии было послано 218 партийных работников². Деятельность политотделов в Татарии началась в апреле 1933 года.

Политические отделы должны были обеспечить превращение МТС, являвшихся в тот момент преимущественно хозяйственно-техническими центрами на селе, „в центры как хозяйственно-технического, так и политического и организационного руководства и влияния на широкие массы колхозников“³.

Реализуя решения январского Пленума ЦК ВКП(б), политотделы МТС Татарии провели необходимую работу по организационно-хозяйственному укреплению самих МТС и достигли больших успехов в исправлении недостатков в их работе. А недостатков в работе МТС и по Татарии было немало. Они заключались, прежде всего, в плохом использовании тракторов и в неудовлетворительной подготовке к очередным сельскохозяйственным работам, в низком качестве ремонта сельскохозяйственных машин и особенно тракторов. Например, в весеннюю посевную кампанию 1933 г. в Н.-Челнинской МТС в первый же день работы в поле 50 тракторов вышли из строя. При разборке этих тракторов в моторах были обнаружены портянки, лапти, куски железа, песок и т. п.⁴

К началу второй пятилетки в Татарской АССР имелось 10 МТМ (машинно-тракторных мастерских) капитального ремонта, располагавших значительным станочным оборудованием. Несмотря на это тракторный парк в 1932 году ремонтировался крайне медленно и недоброкачественно. (Например, в феврале 1933 года около 600 тракторов МТС стояли не отремонтированными.)⁵ Большинство тракторов МТС было полностью отремонтировано лишь в апреле 1933 года, т. е. только после организации политотделов.

Многие работники МТС нередко допускали преступно небрежное отношение к заданиям партии и правительства, к государственному имуществу. Классово-враждебные элементы, проникая „тихой сапой“ в МТС, пытались усилить антиколхозные настроения среди крестьян.

Многие партийные организации МТС были еще слабы и не разглядели новую тактику классового врага.

К концу 1932 года во всех МТС Татарии были организованы партийные ячейки или кандидатские группы (при МТС насчитывалось 41 ячейка и 11 кандидатских групп)⁶, но они были еще неокрепшими и многие из них плохо справлялись с своей работой. Так, при Арской МТС, организованной в 1930 году, через год был создан партком, который объединил 12 партийных ячеек. В 1932 году он был снова реорганизован в партийную ячейку при МТС, которая объединяла коммунистов 9 предприятий и учреждений: МТС, крахмального завода, электростанции, дома крестьянина, Союзкожи, Союзмяса, инкубаторной станции и др. Партийная ячейка МТС при таком положении по существу не отвечала за состояние дел в МТС. Ячейка МТС, включавшая в свой состав коммунистов из различных организаций и предприятий, не числила в своем составе коммунистов-трактористов. Таким образом, последние были оторваны от партийной работы внутри МТС. Они не обслуживались ни колхозной ячейкой, ни ячейкой

¹ КПСС в резолюциях, ч. II, 1953, стр. 804.

² Партархив Татобкома КПСС, ф. 856, д. 180, л. 20.

³ КПСС в резолюциях, ч. II, 1953, стр. 737.

⁴ Партархив Татобкома КПСС, ф. 856, д. 35, л. 44.

⁵ Газета „Красная Татария“ от 15 февраля 1933 г.

⁶ Там же.

МТС. Такая организационная путаница не могла не отразиться на партийной и массово-политической работе и на производственной деятельности МТС. Работа проходила самотеком, беспланово. Партийные поручения коммунистам не давались, что приводило к безответственности. Поэтому чрезвычайно слабой была роль коммунистов на производстве, их политическая работа в массах. Так, из 19 ударников, премированных в течение летних сельскохозяйственных кампаний, имелся только один коммунист-тракторист. Остальные 6 трактористов членов партии не были ударниками. Коммунисты не стали застрельщиками социалистического соревнования.

В результате в производственной деятельности МТС, в особенности в деле использования тракторного парка, обнаружился целый ряд крупных недостатков. Например, при средней норме на трактор 0,46 га пахоты в час тракторы пахали в мае 0,43 га, в июне — 0,39 га, июле — 0,29 га, августе — 0,29 га, сентябре — 0,36 га. Как правило, норма выработки на трактор в течение всего лета не выполнялась. Низкая производительность тракторов не могла не отразиться на выполнении планов тракторных работ. Например, по зяби было вспахано тракторами лишь 22% плана¹.

Низкая производительность тракторов объяснялась огромными простоями из-за плохой постановки ремонта, слабой организацией труда, наличием прогулов. Так, за 6 месяцев было отработано лишь 22% тракторо-часов всего тракторного парка, остальные 78% тракторо-часов падает на простои. Из них простои по причине неисправности тракторов и прицепных орудий составили 81%.

Все это было результатом того, что партийная ячейка МТС не проявила своей организующей роли. Она не смогла своевременно предупредить простои, улучшить качество ремонта, ликвидировать прогулы трактористов и т. д. Ячейка МТС не стала примером для колхозных партийных ячеек и не оказывала на них никакого влияния.

От партийной организации Арской МТС мало чем отличались партийные ячейки многих других МТС Татарии².

МТС и их партийные организации плохо еще справлялись со своими задачами. Они нуждались в помощи. Эта помощь была оказана им партией через политические отделы. Политотделы развернули широким фронтом работу по организационно-хозяйственному укреплению МТС и МТМ. Окончание строительства и оборудования МТС, закрепление постоянных кадров рабочих и улучшение их материально-бытового положения, развертывание социалистического соревнования, освоение техники тракторного дела, очистка МТС и МТМ от классово-чуждых и разложившихся элементов — вот те боевые задачи, над которыми упорно работали политотделы.

Прежде всего нужно было подобрать проверенный во всех отношениях состав кадров МТС. Поэтому с первых же дней работы политотделы начали основательную проверку рядов трактористов, рабочих и служащих МТС, МТМ и очистку их от кулацких и разложившихся элементов. Очищение МТС от этих людей быстро сказало на улучшении работы.

Большое значение для упорядочения работы МТС и МТМ имело постановление Совета труда и обороны (СТО) „Об организации и использовании тракторного парка“. Это постановление явилось боевой политической программой работы для МТС и их политотделов. Оно было переведено на татарский язык, издано в количестве 10 000 экземпляров и широко распространено среди трактористов, а также было опубликовано во всех 39 политотдельских газетах.

¹ Партархив Татобкома КПСС, ф. 15, оп. 189, лл. 12—13.

² Там же, ф. 15, д. 188, лл. 40—43.

Обсуждали его на партийных, комсомольских собраниях и собраниях колхозников, а также во всех тракторных бригадах.

В борьбе за повышение производительности тракторов, ликвидацию аварийности и простоев, экономии горючего большое значение имела развернутая политотделами деятельность по повышению технической грамотности трактористов и других технических кадров. Во время полевых работ техническая учеба велась непосредственно в поле. Большое внимание уделяли политотделы улучшению материально-бытового положения трактористов, комбайнеров и рабочих МТМ. На полевых работах для всех тракторных бригад было организовано горячее питание. Расчеты по трудодням с трактористами производились в полном соответствии с постановлением СТО от 21 сентября 1933 года. В результате заработка трактористов значительно повысился. Вся эта работа в МТС и тракторных бригадах обеспечила выполнение и перевыполнение норм выработки. В 1933 году насчитывалось уже 107 тракторных бригад, перевыполнивших нормы, что составило 55% к общему количеству тракторных бригад, работавших тогда на полях Татарии.

Так, реализуя решения январского Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б), политотделы провели в первую очередь работу по организационно-хозяйственному укреплению самих МТС и достигли значительных успехов в ликвидации крупных недостатков в их работе.

Однако главная задача политотделов состояла в том, чтобы превратить МТС в главнейший рычаг укрепления колхозов, в средство непрерывного усиления социалистического влияния на колхозников.

До организации политотделов связь МТС с колхозами была очень слабой. Колхозные руководители совершенно не обращались в МТС с вопросами организации хозяйства, севооборота, планирования, организации труда, учета и т. п. Роль МТС состояла лишь в том, чтобы поработать в колхозе и получить с него заработанные деньги. Сведенные на положение прокатного пункта, МТС почти не занимались организацией колхозного производства.

Политотделы подняли ответственность МТС за состояние колхозов, за выполнение последними производственных планов и обязательств перед государством, за хозяйственное и культурное строительство.

Рассмотрим, как МТС и их политотделы добились этого, как они осуществили задачу не только хозяйственно-технического, но и политического и организационного руководства колхозами и влияния на них.

Политотделы МТС начали эту работу с перестройки и улучшения деятельности партийных и комсомольских организаций. Чтобы очистить колхозы от кулацких и вредительских элементов, укрепить колхозы в организационном, хозяйственном и политическом отношении, нужно было прежде всего коренным образом перестроить работу колхозных партийных организаций и сплотить вокруг них широкий беспартийный актив.

Новые условия работы в деревне требовали создания в колхозах крепких производственных партийных ячеек, тесно связанных с колхозными массами, непосредственно участвующих в производстве и способных осуществлять повседневное руководство производственной жизнью колхозов. В этих целях Центральный Комитет партии решил перестроить существующие территориальные деревенские партийные организации таким образом, чтобы наряду с территориальными ячейками сельских учреждений существовали специально колхозные производственные ячейки (постановление „О работе политотделов МТС, о колхозной ячейке и о взаимоотношениях политотделов и райкомов“ от 15 июня 1933 г.). В каждом колхозе из числа

работающих там коммунистов были организованы самостоятельные производственные партийные ячейки, кандидатские группы и группы сочувствующих, которые работали под руководством политотделов МТС.

Политотделы вместе с райкомами партии провели огромную работу по перестройке деревенских партийных организаций и укреплению их руководящими кадрами.

При перестройке колхозных партийных организаций по производственному принципу первоочередное внимание политотделы уделяли подбору и воспитанию руководящих кадров колхозных ячеек. Немало имелось примеров, когда секретарями партийных ячеек являлись люди неспособные и не внушающие политического доверия. Так, секретарем партийной ячейки колхоза им. Сталина Майда-новской МТС работал подкулачник и пьяница, дважды осужденный за убийство и за выдачу кулакам фальшивых документов. От таких „руководителей“ прежде всего очищались колхозные партийные организации и укреплялись честными и способными коммунистами.

В ходе перестройки колхозных партийных организаций в состав руководящих партийных кадров колхозов, обслуживаемых МТС, было выдвинуто секретарями ячеек, руководителями кандидатских и партийно-комсомольских групп, парторганами колхозов и бригад 2309 человек партийного актива, причем 1167 из них являлись рядовыми колхозниками¹.

Политотделы МТС тщательно изучили каждого секретаря ячейки или руководителя партгруппы, организовали повседневную помощь им в работе. Широко проводились совещания секретарей ячеек, руководителей кандидатских групп, партгруппиров по вопросам партийно-политической и сельскохозяйственной работы, создавались краткосрочные курсы и т. п.

Укрепляя колхозные партийные организации лучшими кадрами и помогая им, политотделы обеспечили себе надежную опору в деле развертывания партийно-организационной и политической работы среди масс.

Об этом свидетельствуют такие факты. Политотделы МТС Татарии в 1933 г. обслуживали 1412 колхозов с 2520 производственными бригадами. До постановления ЦК ВКП(б) от 15 июня 1933 года в колхозах было лишь 327 партийных ячеек и кандидатских групп, а к 1 ноября 1933 г. их стало уже 785. Соответственно возросло и число коммунистов в колхозных ячейках. Если к 15 июня 1933 г. членов и кандидатов партии было 4562, то к 1 ноября 1933 г. их стало 5548². Это увеличение шло за счет вовлечения в партию лучшей части колхозного актива, привлечения коммунистов и комсомольцев из районного актива и за счет передвижения коммунистов из территориальных ячеек в производство.

Увеличение числа коммунистов на производстве, правильная расстановка партийных сил в колхозах обеспечили более высокие темпы и качество работы. Так, в Акташской МТС во время уборочной кампании 80% состава парторганизации работало на полевых и других производственных работах. Случаев невыполнения норм выработки со стороны коммунистов не отмечалось. Благодаря их влиянию была обеспечена своевременная уборка хлеба.

В результате перестройки значительно улучшилась внутрипартийная работа в колхозных ячейках. Политотделы добились от них плановости работы, регулярности созыва партийных собраний и проверки выполнения своих решений. Ячейки повернулись лицом к колхозному производству, руководили им конкретно, со знанием

дела и тем самым обеспечили успех летних и осенних полевых работ. Колхозные ячейки обсуждали на своих собраниях вопросы работы колхозных бригад, хлебозаготовок, натуроплаты МТС, распределения доходов, культурного строительства, развития животноводства и т. д.

Большим недостатком партийных ячеек являлся слабый теоретический уровень коммунистов. Политотделы организовали партийную учебу коммунистов, в первую очередь в школах при политотделах. Так, политотдел Бугульминской МТС организовал курсы пропагандистов; все секретари ячеек и парторги, прошедшие через них, наладили партийную учебу в колхозах, снабдили учебными пособиями каждого коммуниста. Большую работу в этой области развернул политотдел Рыбно-Слободской МТС. Политотдел к каждому занятию посылал в ячейку материалы для изучения отдельных вопросов, систематически инструктировал руководителей политшкол, совместно с ними составлял план работы, в котором до деталей предусматривались все вопросы организации работы школы и учебы коммунистов. Так же конкретно руководили политучебой и политотделы большинства других МТС. Разумеется, имелись и недостатки, срывы занятий, но в целом идейно-воспитательная работа была поставлена несравненно лучше, чем до организации политотделов.

В связи с перестройкой работы колхозных партийных ячеек политотделами была перестроена по производственному принципу и работа комсомольских организаций. В результате комсомольские организации значительно увеличились — с 4441 комсомольца на 15 июня 1933 г. до 8768 комсомольцев к концу 1933 года; почти все комсомольцы были направлены непосредственно на работу в колхозное производство. Значительно расширилось комсомольское влияние на беспартийную молодежь в колхозах и бригадах. Количество комсомольских групп в бригадах увеличилось со 118 до 733. Политотделы добились укрепления колхозных комсомольских ячеек, и многие из них стали действительными вожаками колхозной молодежи. Комсомольские ячейки стали примером для молодежи, являлись инициаторами в организации красных обозов и в борьбе за охрану колхозного имущества. С помощью политотделов ячейки ВЛКСМ развернули широкое инициативное движение среди комсомольцев, некомсомольской молодежи и пионеров — дозоры высокого урожая и качества, „легкую кавалерию“, дружины по охране урожая, по сбору колосьев и т. д. Комсомолом было создано широкое массовое движение колхозной молодежи за овладение агрономической наукой.

Таким образом, политотделы, перестроив работу комсомольских организаций, оказывая им систематическую помощь, повысили их роль как верных помощников партийных организаций в борьбе за укрепление колхозного строя.

Если первая задача политотделов состояла в организации и сплочении партийного и комсомольского актива внутри МТС и обслуживаемых МТС колхозах, то вторая задача, которая должна была разрешаться в неразрывной связи с первой, заключалась в том, чтобы сколотить беспартийный актив вокруг партийных ячеек. Через него партийные ячейки и политотделы могли бы лучше влиять на массу колхозников. Ни одно важное мероприятие в колхозе не проводилось без широкого участия в нем передовых людей колхоза. Партийные ячейки все больше и больше стали привлекать к общественной работе лучших колхозников, изучать и политически воспитывать их. К концу 1933 года было сплочено вокруг партийных ячеек и политотделов 18114 человек беспартийного актива, на который опирались в своей работе партийные ячейки и который лично

¹ Партархив Татобкома КПСС, ф. 856, д. 34, л. 195.

² Там же, ф. 856, д. 34, л. 194.

знали работники политотделов, систематически поддерживая с ним непосредственную связь¹.

Партийный и непартийный актив, состоящий из безусловно преданных делу партии, идейно спаянных и закаленных в борьбе с классовыми врагами людей, сыграл роль большевистского ядра на селе и сумел повести за собой всю массу колхозников на борьбу за изгнание вредительских и антиобщественных элементов из колхозов, за организационное и хозяйственное укрепление колхозов.

Политические отделы, опираясь на растущие и укрепляющиеся колхозные партийные и комсомольские организации и на беспартийный актив, развернули большую работу по укреплению колхозов способными руководящими кадрами.

Изучение руководящего состава колхозов показало, что многие колхозы были еще засорены антисоветскими элементами и неспособными работниками. Политотделы произвели основательную чистку колхозов. Например, в колхозе „Роза Люксембург“ (Тетюшский район) были отстранены от руководства председатель, счетовод и бригады. Они составляли ложные протоколы собраний членов артели и ходатайствовали о возвращении в колхоз сосланных кулаков, расхищали колхозное добро, исподтишка дискредитировали мероприятия партии и правительства, агитировали колхозников разделить весь хлеб между собой до выполнения плана хлебопоставки и заготовки семян, умышленно запутали учет трудодней и сожгли записи этого учета. Результаты их вредительской работы не замедлили сказаться: ежедневно не выходило на работу 17—20 человек. Невыходы поощрялись бригадиром и счетоводом — лодырям и своим родственникам они записывали лишние трудодни. На работу колхозники выходили поздно и уходили с работы рано. Все это сорвало уборку хлеба. Потери на уборке достигали огромных размеров. Бригадир не проверял ни количества, ни качества работы. Он не бывал в поле, систематически пьянствовал со счетоводом и с „нужными“ людьми, сколачивал их вокруг себя². Ясно, что от таких „руководителей“ нужно было освобождать колхозы.

Удаляя из колхозов классово-чуждые и разложившиеся элементы, снимая с руководящих постов не справившихся, райкомы и политотделы решительно выдвигали на руководящую работу преданных партии и Советской власти активистов и передовых колхозников. По данным 35 политотделов МТС Татарии, с весны до конца 1933 года на руководящую работу в колхозах было выдвинуто 3914 новых работников³. При этом сменилось больше половины состава председателей колхозов. Это было проведено главным образом за счет выдвижения людей, выросших из партийного и беспартийного актива колхозов. Например, вместо 693 освобожденных от работы председателей колхозов было выдвинуто 505 новых работников, не считая переведенных с такой же работы⁴.

Вновь выдвинутые кадры требовали к себе повседневного внимания и заботы со стороны партийных организаций и политотделов, нуждались в повышении своего идейно-политического уровня. Политические отделы МТС помогли им освоиться с новой работой, повседневно контролировали их деятельность, вскрывали и исправляли ошибки и недостатки, замечали, поддерживали и развивали положительное в их работе. Так под руководством политотделов закалялись настоящие кадры на живой работе, на борьбе с трудностями.

¹ Парта́рхив Татобкома КПСС, ф. 856, д. 34, л. 196.

² Там же, лл. 54—56.

³ Там же, л. 75.

⁴ Там же, л. 192.

Выдвинутые работники в большинстве своем обеспечили большевистское руководство колхозами, умело вели хозяйство. Уже за лето 1933 года они сумели вывести многие колхозы из глубокого прорыва и превратить их в передовые. В организационно-хозяйственном укреплении колхозов исключительно большую роль сыграли женщины. Еще в 1932 году они занимали незначительное место в колхозном производстве, работая в основном на подсобных работах. Они не имели даже своих труд книжек. Трудодни колхозниц записывались в труд книжки мужа, брата, отца. Но уже в 1933 году колхозницы Татарии, как равные, работали на всех видах сельскохозяйственных работ и показали примеры сознательного отношения к социалистическому труду. На колхозных полях Татарии выросло много ударниц-колхозниц, для которых труд стал „делом чести, делом славы, делом доблести и героизма“.

Заметный сдвиг произошел в 1933 году в деле овладения женщинами-колхозницами новой техникой. 220 трактористок и 38 женщин-комбайнеров трудились на колхозных полях Татарии. Вокруг партийных организаций и политотделов был сколочен актив беспартийных колхозниц в 3537 человек, из которого политотделы черпали новые кадры руководящих работников. Женщины председатели колхозов и бригады показали прекрасные образцы работы.

Всеми политотделами проводились мероприятия по подготовке и переподготовке колхозниц для всех видов сельскохозяйственных работ. Не менее 30—35% всего состава курсов председателей колхозов, бригадиров-животноводов, конюхов и др. были женщины. 20—25% из общего количества обучающихся трактористов составляли женщины¹. Большое распространение получила форма подготовки колхозниц-бригадиров путем практиканства в бригаде под руководством опытных бригадиров-полеводов. Важным мероприятием, способствующим освобождению женщин от домашней работы, от ухода за детьми, была повсеместная организация постоянных, сезонных и полевых детских учреждений. В период летних сельскохозяйственных работ в 1933 году только одними яслями в районах деятельности МТС Татарии было охвачено 86168 детей.

В организационно-хозяйственном и политическом укреплении колхозов огромную роль сыграли политотдельские газеты. К концу 1933 года было организовано 39 политотдельских газет; 22 из них выходили на татарском и 17 — на русском языке. С первых же номеров многие газеты начали энергичную борьбу за выполнение решений ЦК от 15 июня 1933 г. Вслед за опубликованием этого постановления появились первые сообщения о ходе перестройки партийных и комсомольских организаций. Политотдельская печать в центр своего внимания ставила колхозную ячейку, коммунистов, особо подчеркивая их ведущую роль на производстве.

Поощряя хороших, силой примера подтягивая отстающих, политотдельская печать бичевала плохо работающих коммунистов и комсомольцев, большое внимание уделяла показу того, как перестройка партийных организаций в деревне, развертывание партийно-массовой работы обеспечили успех в выполнении летних и осенних полевых работ и зернопоставок.

„Покажите человека“, — так формулировала задачу политотдельской печати газета „Правда“. А политотдельской печати было кого показывать. В ожесточенной классовой борьбе с кулаком и его агентурой крепла колхозная деревня. В добросовестном и честном труде на колхозных полях воспитывались новые сотни и тысячи лучших ударников, самоотверженно борющихся за колхозный строй.

¹ Парта́рхив Татобкома КПСС, ф. 856, д. 34, лл. 124—127.

Это они, герои социалистического труда, стали творцами новой жизни. Это они зорко стояли на страже, охраняя священную и неприкосновенную социалистическую собственность, берегли урожай. Политотдельская газета подробно показывала работу ударников, она развешивала перед колхозниками волнующую картину борьбы за хлеб, за продуктивность животноводства. Политотдельская печать показала себя как боевой организатор масс, как хороший пропагандист и агитатор. За сравнительно небольшой срок политотдельские газеты воспитали свыше двух тысяч рабселькоров. Это была довольно крепкая армия колхозников и рабочих МТС, активистов-ударников, которые знали, любили свою печать, боролись за выполнение решений партии, разоблачали недостатки и показывали образцы производственной и партийной работы.

Политотделы с помощью своих газет развивали стенную печать в бригадах. К концу 1933 года в тракторных, полеводческих и животноводческих бригадах выходило 1735 стенок газет. Газеты проявили себя ценными помощниками партийных ячеек и политотделов. С этой точки зрения характерно сообщение начальника политотдела Набережно-Челнинской МТС, который приводит слова бригадира Хорькова: „Если бы не газета, то я бы со своей бригадой сидел в прорыве“.

МТС и их политотделы провели огромную работу по воспитанию колхозников на борьбе за укрепление социалистической собственности. Эта работа развернулась вокруг претворения в жизнь закона от 7 августа 1932 г. „Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности“. Закон о защите социалистической собственности был направлен на защиту нового, социалистического строя, на уничтожение всякой возможности эксплуатации человека человеком.

Поэтому именно кулачество пыталось сорвать борьбу за укрепление колхозной социалистической собственности. В эти годы имели место многочисленные примеры обмана пролетарского государства антиобщественными элементами внутри колхозов. Многие арестованные кулаки дали откровенные показания о том, как они вредительски организовывали пахоту и посев, как воровали семена, как снижали урожай и т. д. Формы воровства были очень разнообразны. Например, в июле и августе на колхозных и совхозных полях появлялись „парикмахеры“ с ножами и ножницами, срезавшие колосья в огромном количестве. Иные поступали осторожнее — колосья не срезали, а засовывали их в мешок и там отряхивали зерно. Колос оставался целым, но пустым. При обмолоте такие поля показывали низкую урожайность. Местные работники удивлялись, разводили руками и говорили: „Ничего не сделаешь, природное бедствие, туман захватил“. Многочисленные факты воровства встречались на элеваторах, заготпунктах, мельницах и т. д.

Кража колхозного хлеба, семян и пр. была не обычным уголовным преступлением, а формой классовой борьбы против колхозов, политическим выступлением против основ советского строя. Вот почему январский Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б), определяя задачи политотделов, всех партийных организаций в деревне, указывал, что важнейшим вопросом, на котором надо перевоспитывать колхозников, является борьба за бережное отношение к общественной собственности; что важнейшим стержнем всей политико-разъяснительной работы среди колхозников должна быть широкая популяризация мероприятий партии и правительства, направленных на защиту общественной колхозной собственности. В решениях январского Пленума ЦК разъяснялось, что „эти мероприятия направлены против

лодырей, рвачей и воров, являющихся агентами классового врага, являющихся врагами рабочих и колхозников“¹.

Выполняя эти исторические решения Коммунистической партии и Советского государства, партийные организации Татарии вскрывали факты вредительской работы в колхозах и МТС, разоблачали подкулачников и организаторов хищений, вели решительную борьбу против расхитителей колхозной собственности, рвачей, лодырей, против небрежного и недобросовестного отношения к живому и мертвому инвентарю колхоза.

Политотделы по-боевому организовали охрану социалистического урожая и привлекли к участию в ней колхозную молодежь и школьников. Каждая колхозная бригада выделяла специальные дозоры, выставляла караулы на полях и т. д. Вся колхозная общественность была поднята на борьбу с ворами, расхитителями колхозной собственности. Политотделы сообщали о массовых примерах стойкости и героизма как взрослых колхозников и колхозниц, так и ребят в борьбе с расхитителями. Например, когда дозорник колхоза им. Сталина, Октябрьского района, задержал вора, последний ударил его топором; но мужественный патриот не отпустил преступника, стал звать на помощь, и подоспевшими колхозниками вор был задержан².

Вот письмо пионерки, которая раскрыла в колхозе шайку воров, расхитителей общественной собственности. Она писала: „Довожу до сведения органов ОГПУ, что в деревне Отрада творятся безобразия. Воровали и воруют колхозное добро. Например, мой отец совместно с бригадиром первой бригады и ихним сродником-кулаком осенью тайным путем во время молотбы и возки хлеба в гор. Спасск все время воровали колхозный хлеб...“

Во время воровства они заставляли меня держать мешки. Я им держала. На душу ложился тяжелый камень. Я чувствовала, что нехорошо, но сделать ничего не могла. Я еще не была пионеркой. Поступив в пионеротряд, я узнала, каким должен быть пионер. И вот я больше не хочу на своей душе носить тяжелый камень... больше молчать не буду. Я должна выполнить свой пионерский долг, иначе эти воры будут продолжать воровство в будущем и совсем развалят наш колхоз. А чтобы этого не случилось, я вывожу все на свежую воду. Дальше пускай высшая власть делает с ними, что хочет“³.

Это был пример героизма в борьбе за охрану социалистической собственности. Все подобные факты говорили об изменении отношения колхозников к общественной собственности и возросшей сознательности колхозных масс, они свидетельствовали, что колхозный строй крепнет и побеждает.

Большое значение для перевоспитания колхозников имела борьба политотделов за правильную организацию труда, трудовую дисциплину.

Главное внимание политотделы сосредоточили на правильной организации и укреплении постоянных производственных бригад, на постановке правильной организации труда в них. До организации политотделов МТС производственные бригады в большинстве колхозов Татарии были предоставлены самим себе.

Существовавшие тогда бригады-дворки, сезонные бригады, а нередко и отсутствие всяких бригад, зачастую использовались враж-

¹ КПСС в резолюциях, ч. II, 1953, стр. 737.

² Партархив Татобкома КПСС, ф. 856, д. 34, л. 58.

³ Материалы к докладу ЦИК ТАССР на XVI Всероссийском съезде Советов, 1934, стр. 110—111.

дебными элементами для нарушения трудовой дисциплины и служили прикрытием лодыря, прогульщика, рвача и т. п. Во многих колхозах работа была еще плохо организована. Например, в 1931 году без всяких бригад работало 62% колхозов Татарии, с бригадами-дворками — 11% и сезонными бригадами — 27% и не было ни одного колхоза с постоянной производственной бригадой. Постоянные бригады в колхозах начали организовываться с весны 1932 года в порядке выполнения постановления ЦК ВКП(б) от 4 февраля 1932 г., но многие колхозы еще работали без них. Только с 1933 года во всех колхозах были созданы постоянные производственные бригады¹. Это стало возможным благодаря большой организаторской и воспитательной работе колхозных партийных ячеек, руководимых политотделами МТС.

Особое внимание политотделы и партийные организации уделяли вопросам организации социалистического соревнования и ударничества в колхозной бригаде. А. А. Жданов, обобщая эту огромную работу, говорил: „Именно в колхозной бригаде ковали мы кадры организаторов социалистического соревнования и ударничества. В колхозной бригаде происходила переделка колхозника, ликвидация индивидуалистических инстинктов и предрассудков, кулацкого влияния“².

Политотделы строили свою воспитательную работу в колхозах также на правильном осуществлении ленинского принципа сочетания личных и общественных интересов. Коммунистическая партия указала конкретную форму осуществления этого общего принципа социализма в колхозном производстве через ликвидацию уравниловки, внедрение сдельщины, установление трудового дня.

Однако к моменту организации политотделов МТС много было недостатков в осуществлении сдельщины в колхозном производстве. Например, в 1932 году только 65% колхозов Татарии завели трудовые книжки. Но от раздачи книжек до организации настоящего учета труда на основе сдельщины было еще далеко. Ни количество, ни качество труда отдельного колхозника тогда еще не научились учитывать. По форме преобладала бригадная сдельщина с уравнительным распределением выработки среди членов бригады. Сдельщина в этих условиях не становилась оружием правильной оценки затраченного труда с учетом его качества и не стимулировала в должной мере его производительность.

Лишь с весны 1933 года сдельщина в полной мере укрепилась в колхозах Татарии. Производственные задания стали доводиться по отдельным видам работ до каждого колхозника, появилась градация работ по их трудности и сложности, наладился настоящий учет труда, стали работать инспекции по качеству. Все это создало условия для полноценного проведения сдельщины, способствовало выявлению подлинных ударников, честно и преданно работающих колхозников. В результате значительно повысилась производственная активность колхозников, чем и был обеспечен успех всех основных сельскохозяйственных работ³.

Если сопоставить сроки окончания основных видов сельскохозяйственных работ в разные годы, то легко можно увидеть, как возрастала организованность колхозного производства по Татарской АССР⁴.

Виды сельскохозяйственных работ	Даты окончания работ		
	1931 г.	1932 г.	1933 г.
Весенний сев	10/VI	6/VI	15/V
Подъем паров	—	15/VI	1/VI
Уборка зерновых и бобовых	12/IX	28/VIII	15/VIII
Озимый сев	1/X	17/IX	2/IX
Зябь	7/XI	20/X	23/IX

Особенно показательны в смысле сокращения сроков работ районы деятельности МТС. Весенний сев в 1933 году был закончен по республике к 15 мая, а по колхозам, находившимся в районах деятельности МТС, яровой посев уже к 1 мая был выполнен на 112%. Подъем паров по республике был закончен к 1 июня, а по колхозам зоны МТС — к 25 мая. По некоторым МТС, как, например, по Исанбаевской, ранний пар был закончен на 102% к 20 мая.

Эти лучшие агротехнические сроки сельскохозяйственных работ были обеспечены тщательной подготовкой, умелой организацией труда, конкретным оперативным руководством со стороны МТС и их политотделов и высокой трудовой активностью колхозников.

Урожайность в 1934 году против 1928 года увеличилась по Татарии на 70%. Это ясно говорило о хозяйственном укреплении колхозов. Особенно показателен был тот факт, что рост урожая в 1933—1934 годах шел главным образом по таким ценным культурам, как пшеница. По сравнению с 1932 годом средний урожай по пшенице и овсу в 1934 году удвоился.

Повышение урожайности и увеличение посевных площадей привели к значительному росту валовых сборов зерна. Если принять валовой сбор 1928 года за 100%, то валовой сбор зерновых 1931 года составил 102%, 1932 г. — 136%, 1933 г. — 183%, 1934 г. — 191% (проценты округлены). Особенно показателен здесь рост в 1933—1934 годах — в период работы политотделов МТС.

Успешное выполнение колхозами Татарии основных сельскохозяйственных работ было результатом коренного улучшения партийного руководства сельским хозяйством. Об этом неоднократно писалось в центральных газетах: „Победа Татарии — победа большевистского руководства сельским хозяйством“, — указывала „Правда“¹.

Центральной задачей политотделов МТС являлось воспитание у колхозников сознания первоочередности выполнения обязательств перед государством.

В этом отношении огромную организующую и воспитательную роль сыграло разъяснение и неуклонное проведение в жизнь постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) „Об обязательной поставке зерна государству колхозами и единоличными хозяйствами“ от 19 января 1933 года. Закон о зернопоставках имел важнейшее значение в деле подъема урожайности, расширения посевных площадей, роста доходности и в организационно-хозяйственном укреплении колхозов.

В отличие от прежних лет, поставка зерна по закону от 19 января 1933 г. производилась не по меняющимся планам, а по твердым и неизменным нормам, установленным законом, и никакие встречные планы по сдаче зерна впредь не допускались ни при каких условиях, а виновные в даче встречных планов привлекались к уголовной ответственности. Это укрепляло положение колхозов, создавало устойчивость в хозяйстве и обеспечивало колхозу возможность заранее

¹ Партия Татарии КПСС, ф. 15, д. 159, л. 39.

² А. А. Жданов. Борьба и победа. „Правда“, 15 января 1935 г.

³ Партия Татарии КПСС, ф. 15, д. 159, лл. 44—45.

⁴ Там же, л. 10—11.

¹ „Правда“, 6 мая 1933 г.

твердо рассчитать свои доходы. Новый закон явился также серьезным предупреждением для тех колхозов, которые в прежние годы наплевательски относились к выполнению своих обязательств перед государством, рассчитывая, что поставки за них выполнят в порядке встречных планов передовые колхозы. Умелое разъяснение смысла этого закона и неуклонное проведение его в жизнь повысили организованность и сознательность массы колхозников.

Политотделы Татарии на основе развертывания широкой массово-политической работы среди колхозников, в результате повседневного руководства колхозами добились полного и досрочного выполнения колхозами своих обязательств перед государством. Колхозы, обслуживаемые МТС, выполнили хлебозаготовки к 7 сентября, тогда как в 1932 году к этому сроку было выполнено только 29,4% годового плана.

Успехи колхозов, обслуживаемых МТС, определили исход борьбы за хлеб по Татарской республике в целом. Только за первую пятидневку сентября 1933 г. республика сдала хлеба государству около 30% годового плана (9 млн. пудов), т. е. столько же, сколько за весь 1928 год¹. Татария начала выполнять свои обязательства по хлебозаготовкам одной из первых в Советском Союзе. В 1931 г. план хлебозаготовок был выполнен на 102% к 1/XII, в 1932 г. — на 104% к 25/X, а в 1933 г. — на 110% уже к 10/IX².

В 1933 году Татарская АССР вышла по хлебозаготовкам на первое место во всесоюзном соревновании.

Возросшая социалистическая сознательность тружеников деревни и их преданность колхозному строю были высоко оценены партией и правительством. За выдающиеся успехи в проведении основных сельскохозяйственных работ, за укрепление колхозов и выполнение обязательств перед государством Татарская АССР была награждена 3 января 1934 года орденом Ленина.

Партия и правительство отметили огромную роль машинно-тракторных станций и их политотделов в деле укрепления колхозов. „За боевое самоотверженное выполнение директив партии и правительства о социалистическом переустройстве деревни, за выдающуюся массово-политическую и организаторскую работу по мобилизации масс колхозного крестьянства, обеспечившую успешное завершение государственных заданий колхозами и МТС в 1933 г., подъем материального и культурного уровня колхозников и колхозниц и укрепление колхозов“³ большая группа работников политотделов МТС Советского Союза была награждена орденами Ленина. В числе отмеченных высокой наградой было много работников политотделов МТС Татарии (начальники политотделов Мамадышской МТС — Смолов, Пестречинской МТС — Кожевников, Исанбаевской МТС — Байрамов и др.).

Колхозы Татарской АССР, аккуратно выполнив свои обязательства перед государством, торжественно проводили распределение дохода по трудодням. В 1933—1934 годах большинство из них сделало крупный шаг на пути к зажиточной жизни. Если в 1932 году на трудодень приходилось в среднем 3—4 килограмма зерна, то в 1933 году на трудодень распределяли по 6—7 килограммов. В 1933 году 464 колхоза в районах деятельности МТС имели от 7 до 15 кг зерна на один трудодень, а в 1932 году таких колхозов было только 215. Кроме того, в 1933 году в 20 колхозах районов деятельности МТС трудодень оценивался по 20 килограммов, а в 1932 году таких

колхозов не было¹. Если учесть, что в 1933 году в колхозах было развернуто большое производственное и культурное строительство, то эти цифры становятся особенно показательными с точки зрения роста колхозных доходов в 1933 году.

Распределение доходов по трудодням проходило как массовое политическое мероприятие, оно принимало форму народного праздника. Колхозники, радостно настроенные, чествовали своих ударников и подвергали общественному осмеянию лодырей и прогульщиков. Политотделы, партийные и комсомольские ячейки широко использовали распределение доходов для массовой воспитательной работы, они наглядно показывали, как честный и добросовестный труд в колхозе вознаграждается обильным урожаем и высоким доходом.

Вместе с ростом зажиточности происходило коренное изменение во взглядах колхозников на труд: сотни тысяч колхозников Татарии с воодушевлением работали в колхозах, берегли общественную собственность. Даже глубокие старики честно и самоотверженно работали на полях. В колхозе „Марс“, Буинского района, семидесятилетний Гази Камалеев регулярно в полтора и два раза перевыполнял нормы выработки на уборке и возке снопов. Он не только сам хорошо работал, но и следил за качеством работы других. Вали бабай из того же колхоза, инспектор по проверке качества, стал широко известен по всей стране. Ряды этих замечательных людей ширились непрерывно. Все новые и новые отряды колхозников вливались в их число.

О значении этих побед на пути колхозного строительства замечательно сказал в 1933 году М. И. Калинин на Всетатарском съезде колхозников-ударников в Казани, на который собралось свыше трех тысяч ударников социалистических полей Татарской АССР. М. И. Калинин, по поручению ЦК ВКП(б) и Советского правительства, приветствовал первый Всетатарский съезд колхозников-ударников и, подчеркивая значение огромных достижений в деле социалистического преобразования сельского хозяйства, сказал, что мы живем в героическое время — время, которое в будущем лучшие поэты мира будут воспевать в величайших творениях. „В самом деле, что у нас происходит? — спрашивал М. И. Калинин. — Можно ли было думать даже пять лет назад, что здесь, в Казани, соберутся 3 тысячи колхозников-ударников, представителей от сотен тысяч коллективных социалистических производителей? Что значит коллективные производители? Это значит, товарищи: я работаю для всех в колхозе, а все работают для меня. Ну, подумайте сами, товарищи, если так просто сказать, кто из крестьян раньше думал, что наступит через пять лет такое время, когда „я буду работать для всех, а все будут работать для меня“? Нам это не ново: идея Коммунистической партии в том и состоит, чтобы построить такое общество, в котором каждый будет работать для всех, а все работают для одного. В этом суть коммунистических идей, в этом заключается центральная идея нашей партии, но в жизнь провести эту идею в крестьянской среде, где каждый был обособленным хозяйчиком, трудно.

Мы провели в три года эту всемирно-историческую работу, — это большая работа революции“².

В результате побед социалистического строительства в деревне была ликвидирована вековая отсталость национальных окраин, унаследованная от царизма. Советская Татария поднялась на уровень

¹ Партархив Татобкома КПСС, ф. 856, д. 34, л. 3.

² Там же, ф. 15, д. 159, л. 51.

³ Там же, ф. 856, д. 34, лл. 21—22, 188.

¹ „Правда“, 13 мая 1933 г.

² М. И. Калинин и н. Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. Партиздат, 1934, стр. 115.

всесоюзных достижений. Удельный вес обобществленного сектора сельского хозяйства в республике достиг в 1934 году 87,4% всех посевных площадей. Колхозы и совхозы Татарии стали основными поставщиками товарной продукции сельского хозяйства. Поступление хлеба по поставкам и закупкам составило в 1934 году 55 миллионов пудов против 20 миллионов пудов в 1930 году. При этом удельный вес колхозов и совхозов в производстве сельскохозяйственных продуктов составил 92,8% против 17,5% в 1930 году¹.

Лозунг о борьбе за большевистские колхозы и зажиточную жизнь колхозников, выдвинутый партией на съезде колхозников-ударников в феврале 1933 года, вошел в сознание и быт колхозников Татарии и стал боевой программой мобилизации широких масс на укрепление колхозов, на общий дальнейший подъем сельского хозяйства. Так за два года укрепились колхозы Татарии в результате громадной помощи, оказанной им Коммунистической партией и рабоче-крестьянским государством.

Всех этих крупных успехов Татария могла достигнуть только на основе неуклонного осуществления генеральной линии Коммунистической партии и ее ленинской национальной политики, только благодаря энтузиазму, пафосу социалистического строительства, которым были охвачены рабочие и колхозники Татарии, как и всей страны, в эти годы.

¹ ЦИК ТАССР. О советском, хозяйственном и культурном строительстве Татарской АССР, Казань, 1934, стр. 7.

Г. И. ШУМИЛОВ

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В ЧУВАШИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ

Народы Советского Союза, досрочно завершив выполнение первого пятилетнего плана, одержали всемирно-историческую победу. Победила генеральная линия партии на индустриализацию страны и коллективизацию сельского хозяйства. Решающими успехами увенчался курс партии и Советской власти на ликвидацию фактического неравенства между советскими народами, на обеспечение расцвета материальных и духовных сил социалистических наций.

Вместе со всей страной трудящиеся Чувашии досрочно выполнили первый пятилетний план. В итоге в республике были созданы очаги крупной социалистической промышленности, осуществлен поворот основной массы крестьянства на путь коллективизации. Социалистические преобразования в экономике обеспечили улучшение материального положения и подъем социалистической по содержанию, национальной по форме культуры чувашского народа.

Вопросы социально-культурного строительства в период первой пятилетки представляют большой интерес для изучения истории социалистического строительства в Чувашии.

Развитию национальной по форме, социалистической по содержанию культуры различных народов СССР Коммунистическая партия и Советское государство всегда уделяли большое внимание, так как культурная отсталость была серьезным препятствием для вовлечения трудящихся масс национальных районов в активное социалистическое строительство.

К началу первой пятилетки в социально-культурном строительстве Чувашии уже имелись значительные достижения. К этому времени, например, грамотность населения поднялась до 45%, тогда как до революции она едва достигала 18%. Выросли расходы на народное просвещение, составив в 1928 г. 38,7% бюджета республики¹. В 1928 г. в Чувашии было 875 школ, в 2 раза больше, чем в 1913 г., и 64 тыс. учащихся, в 2,5 раза больше, чем в 1913 г.²

Серьезно улучшилось дело народного здравоохранения. Если до революции в Чувашии имелось всего 19 больниц с 486 койками и 14 фельдшерских пунктов, то в 1928 г. больниц было уже 34 с 1035 койками и 68 фельдшерских и трахоматозных пунктов. Теперь в республике работало 93 врача, в 4 раза больше, чем в 1913 г.³

Значительное развитие получила культурно-политическая и просветительная работа. В 1928 г. в республике действовало 95 изб-чита-

¹ ЦГА ЧАССР, ф. 202, оп. 2, д. 625, л. 34.

² ПАЧО, ф. 1, оп. 1, д. 344, л. 34.

³ Чувашия за 15 лет в цифрах, Чебоксары, 1935, стр. 16.

лен; десятки клубов и библиотек, 15 киноустановок и т. д.¹ С 1923 по 1928 г. Чувашгосиздат выпустил 427 названий книг. В республике выходили 5 газет и 6 журналов.

Впервые на территории Чувашии проводили работу научные экспедиции, в которых принимали участие молодые национальные специалисты.

В годы, предшествовавшие первой пятилетке, развиваются чувашская советская литература и искусство, родившиеся в период гражданской войны. Их становление и развитие проходит в борьбе с буржуазно-националистической идеологией за утверждение социалистического реализма.

В годы первой пятилетки развернутое наступление социализма по всему фронту потребовало такого же наступления и на культурном фронте. В области культурного строительства партия и правительство на первый план выдвинули задачи, которые способствовали подъему культуры широких масс трудящихся, росту их политической сознательности, особенно в национальных районах. Важнейшей предпосылкой этого являлось проведение всеобщего обязательного обучения и ликвидация неграмотности, на что неоднократно указывал В. И. Ленин. Он говорил: "...Пока у нас есть в стране такое явление, как безграмотность, о политическом просвещении слишком трудно говорить. Это не есть политическая задача, это есть условие, без которого о политике говорить нельзя. Безграмотный человек стоит вне политики..."² XVI съезд партии (1930 г.) в своих решениях указал, что осуществление всеобщего обязательного обучения и ликвидация неграмотности должны стать боевой задачей партии на ближайший период.

Решению этой задачи в Чувашии предшествовала большая подготовительная работа. С каждым годом росли расходы на народное просвещение, расширялось школьное строительство, увеличивалось число учащихся. За первые два года пятилетки ассигнования на народное просвещение выросли на 111%, количество школ 1 ступени увеличилось с 875 до 999, а число учащихся с 64 тыс. до 80 тыс. при росте охвата детей обучением от 58,2% до 76,4%. За это же время было обучено грамоте свыше 77 тыс. человек взрослого населения³.

Опираясь на эти достижения, в июле 1930 г. объединенный пленум Чувашского ОК и ОКК ВКП(б) вынес постановление "О введении всеобщего обязательного начального обучения", в котором говорилось: "В условиях Чувашии те достижения, которые уже имеются в развертывании школьной сети и общего подъема культурности масс, подготовительная работа, проделанная за последние два года, дают полную возможность ввести всеобщее обязательное начальное обучение по всей республике для детей 8—9 лет с 1930—1931 гг..."⁴ С этого года в республике вводилось всеобщее обязательное начальное обучение, а в городах и рабочих поселках — обязательное семилетнее образование.

Для осуществления всеобщего обучения были значительно увеличены ассигнования на развитие народного просвещения, партийные и советские органы проявили большую заботу об улучшении материального положения учителей и снабжении наименее обеспеченных детей учебными пособиями, питанием, одеждой и обувью. За послед-

ние два года пятилетки в народное просвещение было вложено на 122% средств больше, чем за предыдущие два года¹.

Немалую помощь в реализации всеобщего обязательного начального обучения оказывало население. Трудящиеся Чувашии принимали активное участие в проведении субботников по ремонту старых и строительству новых школьных зданий, по обеспечению школ дровами и т. д. Они охотно вносили продовольствие и средства в фонд помощи нуждающимся детям. Силами трудящихся только за два последних года пятилетки было построено 60 школьных зданий².

Особое внимание обращалось на подготовку педагогических кадров. Обком ВЛКСМ в порядке мобилизации направил сотни комсомольцев на педагогическую работу. С подготовкой учителей в Чувашии до 1930 г. дело обстояло плохо. В республике было очень мало педагогов с высшим образованием, значительная часть учителей не имела специальной подготовки.

Для подготовки национальных кадров учителей высшей квалификации осенью 1930 г. в Чебоксарах был открыт педагогический институт — первое высшее учебное заведение республики. А до этого педагогические кадры готовились в вузах Москвы, Ленинграда, Горького, Казани. С 1930 г. число педагогических техникумов в республике возросло с 5 до 7.

В период первой пятилетки задача введения всеобщего обязательного обучения была решена.

Осуществление всеобщего обязательного обучения потребовало улучшения качества всего обучения и воспитания в школе. Поворотным моментом явилось постановление ЦК ВКП(б) от 5 сентября 1931 г. "О начальной и средней школе". Борьба за качество работы школы, за ликвидацию грубейших извращений в области педагогической теории и практики была выдвинута в качестве первоочередной задачи партии в деле коммунистического воспитания молодежи. Постановление ЦК ВКП(б) от 26 августа 1932 г. "Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе" устанавливало твердые основы организации учебного процесса и укрепления режима в школе. Проведение в жизнь этих директив обеспечивало улучшение качества работы в школах Чувашии. Этому же способствовало и то, что в условиях советского строя чувашские дети получили возможность обучаться и иметь учебники на своем родном языке. За время первой пятилетки в республике было издано большое количество учебников для чувашских школ. Только за последние два года пятилетки было издано около 1097 тыс. экземпляров учебной литературы³.

Перестройка и улучшение работы школы в годы первой пятилетки имели не только большое культурное, но и хозяйственно-политическое значение.

Важной задачей национально-культурного строительства в республике явилась также дальнейшая ликвидация неграмотности. В период пятилетки во многих районах Чувашии были объявлены походы за ликвидацию неграмотности. Активное участие в этих мероприятиях принимала широкая советская общественность. Большую работу проводило учительство, комсомольцы, пионеры. Комсомольцы и пионеры Чувашии только за время с 1930 до середины 1932 г. обучили грамоте 21 102 человек⁴. В начале 1930 г. общество "Долой негра-

¹ ПАЧО, ф. 1, оп. 1, д. 344, л. 36.

² В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 55.

³ ПАЧО, ф. 1, оп. 1, д. 344, л. 34.

⁴ Резолюции и постановления II Объединенного пленума ОК и ОКК ВКП(б). Чебоксары, 1930, стр. 25.

¹ ЦГА ЧАССР, ф. 210, оп. 11, д. 123, л. 110.

² В братской семье народов СССР. Чебоксары, 1950, стр. 141.

³ Экономико-статистический справочник Чувашской АССР за 1932 и 1933 гг. Чебоксары, 1935, стр. 370.

⁴ Газета "Красная Чувашия" № 112, 8 июня 1932 г.

мотность" насчитывало в Чувашии 11 тыс. членов. В 1930—1931 гг. около 14 тыс. культармейцев работало по ликвидации неграмотности среди населения.

Громадная работа дала прекрасные результаты. За время пятилетки неграмотность среди трудоспособного населения Чувашии в основном была ликвидирована. Количество обучавшихся в ликбезе в 1932 г. по сравнению с 1927—1928 гг. увеличилось в 3,5 раза. За 4 года — с 1929 по 1932 — было обучено более 167,1 тыс. неграмотных и 97,7 тыс. малограмотных¹.

Враги Советской власти — кулаки, попы, сектанты и им подобные — вели борьбу против ликвидации неграмотности, против всеобщего обязательного обучения детей. Они преследовали активистов ликбеза, учителей, клеветали на них, агитировали женщин не посылать детей в школы и т. д. Опираясь на огромную жажду знаний, на активность трудящихся, Чувашская парторганизация сломала сопротивление враждебных элементов и обеспечила подъем культуры чувашского народа. На I Чувашском съезде культурного строительства в начале 1932 г. отмечалось, что грамотность населения уже достигла 90%, тогда как к началу первой пятилетки она равнялась 45%². Это большое завоевание обеспечивало рост культурного уровня и широкое вовлечение трудящихся масс чувашского народа в активное и сознательное социалистическое строительство.

Проявляя постоянную заботу о трудящихся, партия и правительство увеличивали из года в год расходы на народное здравоохранение. Государственные ассигнования на здравоохранение в Чувашии выросли за годы пятилетки в 2,5 раза³. Увеличилась сеть лечебных учреждений и количество коек в них. Так, число больниц и врачебных пунктов выросло более чем в 2 раза, фельдшерских и трахоматозных пунктов более чем в 4 раза, а число коек в них увеличилось с 1035 до 1440⁴.

Развертывание сети медицинских учреждений потребовало увеличения количества врачей и среднего медицинского персонала. Если в 1928 г. в республике работало 93 врача и 227 чел. другого медперсонала, то в 1932 г. — уже 125 врачей и 398 чел. медперсонала⁵. Следует отметить, что если до революции был только один врач из чуваш, то в 1930 г. — 42, что составляло 37,5% всех врачей⁶. Кадры медицинских работников готовились вне пределов республики, главным образом в медицинских вузах Москвы, Ленинграда, Казани. С 1930 г. средний медперсонал начал готовиться в открытом в Чебоксарах Чувашмедтехникуме.

В годы Советской власти началась борьба с тяжелым наследием царизма — трахомой. В период первой пятилетки эта борьба получила широко организованный массовый характер. В 1928 г. впервые было проведено общереспубликанское медицинское обследование населения, развернута санитарно-профилактическая работа. Большинство выпускников Чувашмедтехникума стало выходить с офтальмологическим уклоном. Медработники совершенствовали свою квалификацию на курсах, организуемых в республике, а также в Казани, Горьком, Москве, Ленинграде. Одновременно готовились кадры трахоматозных сестер, которые проводили большую работу на местах. В борьбе с трахомой активное участие принимали все медицинские работники, общественные организации, широкие слои трудящихся.

Чувашский обком партии постоянно руководил борьбой с трахомой, мобилизовав на это партийный, советский, комсомольский актив, учителей и т. д. В селах были выделены уполномоченные из населения, которые следили за лечением каждого больного. В период первой пятилетки в республике началось гнездовое лечение трахомы, была создана специальная противотрахоматозная сеть. Количество трахоматозных пунктов увеличилось почти в 5 раз. В результате за пятилетку в Чувашии число болевших трахомой сократилось с 47% в 1928 г. до 35% в 1933 г.¹

Советская власть открыла широкие возможности для развития культурного просвещения трудящихся, печати, науки, литературы, искусства, народного творчества.

В период первой пятилетки в Чувашии значительно выросла сеть культурно-просветительных учреждений, усилилась подготовка кадров для них, расширилось распространение газет, журналов, книг на чувашском языке и т. д.

К концу первой пятилетки в Чувашии действовало 10 районных домов культуры, 15 клубов, 308 изб-читален (в 1928 г. их было 95) и свыше 800 красных уголков². В них проводилась большая культурно-просветительная и политико-воспитательная работа: организовывались многочисленные лекции и беседы, пропагандировались и разъяснялись решения партии и правительства, действовали всевозможные кружки и т. д. Особая роль принадлежала сельским избам-читальням, которые стали подлинными очагами социалистической культуры. Они много сделали в деле пропаганды колхозного движения и распространения опыта лучших колхозов. Только в 1932 г. культурно-просветительными учреждениями было проведено 575 бесед и докладов, выпускались 164 стенных газеты, действовали 33 агитхудожественные бригады, 21 агитповозка³. В городах и рабочих поселках культурно-просветительную и политическую работу вели рабочие клубы, созданные при новых промышленных предприятиях.

Все эти учреждения оказывали большую помощь партийным и советским организациям в мобилизации сил трудящихся на развитие социалистической промышленности, колхозного строительства и выполнение первого пятилетнего плана.

В эти годы резко выросла сеть массовых библиотек и улучшилась их работа. Если в 1928 г. насчитывалось 78 массовых библиотек, то в 1932 г. их было уже 198⁴. Наряду с этим изменился и книжный фонд библиотек как по своим размерам, так и по содержанию. Увеличилось количество политической, специальной и художественной литературы на чувашском языке, увеличилось число читателей.

Важное значение в деле культурного воспитания населения в период первой пятилетки имели кино и радио как средства наиболее массовой агитации. Еще XIII съезд партии указывал, что „кино должно явиться в руках партии могущественным средством коммунистического просвещения и агитации“⁵. В Чувашии за пятилетку киносеть выросла с 15 киноустановок до 77⁶. В Казани стали готовиться кадры киномехаников. Во всех районах республики работало

¹ Постановления X сессии 4 (9) созыва Центрального Исполнительного Комитета Чувашской АССР: Чебоксары, 1933, стр. 42.

² По данным ЦГА ЧАССР, ф. 210, оп. 11, д. 123, л. 107 и ф. 221, оп. 3, д. 125, л. 22.

³ ЦГА ЧАССР, ф. 221, оп. 3, д. 125, л. 26.

⁴ Социалистическое строительство и экономика Горьковского края. Экономический справочник, т. I, Горький, 1934, стр. 165.

⁵ КПСС в резолюциях, ч. I, 1953, стр. 880.

⁶ ПАЧО, ф. 1, оп. 3, д. 1687, л. 31.

¹ ПАЧО, ф. 1, оп. 3, д. 1687, л. 30.

² Газета „Красная Чувашия“ № 36, 12 февраля 1932 г.

³ В братской семье народов СССР: Чебоксары, 1950, стр. 107.

⁴ По данным ЦГА ЧАССР, ф. 259, оп. 8, д. 5, л. 145; ф. 259, оп. 6/а, д. 3, л. 14.

⁵ Чувашия за 15 лет в цифрах. Чебоксары, 1935, стр. 16.

⁶ ЦГА ЧАССР, ф. 259, оп. 6/а, д. 3, л. 14.

по несколько киноустановок. Это позволило значительно улучшить кинообслуживание населения. Появление на селе кино было большим событием. Нередко зрители заставляли вторично демонстрировать фильмы, а после просмотра кинокартины приглашали киномехаников к себе как дорогих гостей. В 1931 г. трест „Востоккино“ организовал прокат кинофильмов в Чебоксарах. В 1932 г. в Чувашии впервые стали демонстрироваться звуковые кинофильмы. В том же году закончилось строительство Чебоксарского звукового кинотеатра, были озвучены Ядринский, Алатырский, Цивильский и Марининско-Посадский кинотеатры¹. Появление звукового кино еще глубже раскрывало идейно-политическое содержание фильмов, увеличивало их художественную силу.

Радиофикация в Чувашии началась в 1930 г. В республике было построено 4 радиоузла и 605 радиоточек. В 1932 г. в Чебоксарах начала работать радиовещательная станция. В этом году в республике насчитывалось уже более 3000 радиоточек².

Одним из наиболее ярких показателей культурного подъема чувашского народа явилось развитие печати. Возникновение чувашской советской печати неразрывно связано с Октябрьской революцией. 28 февраля 1918 г. вышел первый номер газеты „Канаш“ („Совет“), с октября стала издаваться вторая чувашская газета „Чухансен сасси“ („Голос бедноты“). Первые советские книги на чувашском языке вышли в Казани и Симбирске.

В годы первой пятилетки чувашская советская печать получила дальнейшее развитие. Наряду с республиканской газетой „Канаш“ (ныне „Коммунизм ялаве“) на чувашском языке создается „Трудовая газета“ — орган обкома ВКП(б) и ЦИКа ЧАССР. Организованная в первые годы Октября рабочими Алатыря, она переименовывается в „Красную Чувашию“ и с 17 октября 1929 г. начинает выходить в Чебоксарах (ныне „Советская Чувашия“). В период первой пятилетки появляются районные газеты, выходят многотиражки на Алатырском паровозоремонтном заводе, на Шумерлинском мебельном комбинате, на Вурнарском фосфоритном заводе. К этому следует добавить множество стенных газет, боевых листков, которые выпускались на предприятиях, в колхозах, МТС, учреждениях, учебных заведениях. В 1931 г. в республике издавалось уже 11 названий областных и районных газет.

Из года в год активизируется участие трудящихся в печати. Количество рабкоров и селькоров в республике с 1500 в 1928 г. выросло до 3500 в 1931 г.³ Их работа способствовала вовлечению рабочих и крестьян в активное социалистическое строительство.

В годы пятилетки расширилось издание общественно-политических и художественно-литературных журналов, среди которых следует отметить „Ленин сүлпе“ („По ленинскому пути“), „Хатёр пул“ („Будь готов“), „Сунтал“ („Наковальня“) и сатирический журнал „Капкан“, пользовавшиеся большой популярностью.

В первой пятилетке была расширена и обновлена полиграфическая промышленность республики. На этой основе увеличились тиражи газет, журналов и книг. Если в 1928 г. общий тираж 5 газет и 6 журналов составлял 3010,6 тыс. экземпляров, то в 1932 г. издавалось уже 24 газеты и 7 журналов общим тиражом в 7192,3 тыс. экземпляров. В. И. Ленин учил, что главная задача печати в период перехода от капитализма к коммунизму — это воспитание масс на живых конкретных примерах из всех областей жизни⁴. Чувашская советская печать

выступает как организатор трудящихся, помогает партии растить кадры для социалистического народного хозяйства, призывает чувашский народ к активной борьбе за строительство социализма, за выполнение первой пятилетки.

О развитии печати в период пятилетки свидетельствует также рост издания книг на чувашском языке. В 1932 г. было издано 314 названий книг тиражом 1892,1 тыс. экземпляров, против 89 названий тиражом в 497 тыс. в 1928 г.¹ Это было серьезным достижением. В дореволюционное время с 1800 по 1917 г., за 117 лет, чувашских книг было издано всего лишь 439 названий², к тому же преимущественно религиозно-миссионерского содержания, тогда как только за последние два года первой пятилетки в Чувашии было издано 489 названий книг политических, специальных, художественных³. Это лучший показатель развития национальной по форме, социалистической по содержанию культуры чувашского народа.

Важную роль в идейном воспитании трудящихся сыграло расширение издания произведений классиков марксизма-ленинизма на чувашском языке, начатое еще в 1919 г. Увеличивалось издание учебников, произведений чувашских писателей, произведений русской и советской литературы в переводе на чувашский язык, политической, сельскохозяйственной, технической литературы и т. д. Все это обогащало культуру чувашского народа.

Культурно-политическая и просветительная работа в республике проходила в борьбе с враждебной идеологией. На основе подъема культуры и просвещения трудящиеся постепенно освобождались от религиозного дурмана. В республике была развернута большая антирелигиозная работа.

Упорное сопротивление разворачиванию культурно-просветительной работы в Чувашии оказывал классовый враг — кулаки, буржуазные националисты. Кулаки, попы выступали против ликвидации неграмотности, преследовали культурных работников. Зачастую вместе с ними действовали различные знахарки, агитировавшие против больниц и лечения у врачей и т. д. Классовый враг стремился воспрепятствовать распространению и работе библиотек, клубов, изб-читален, радио. Например, в Алатырском районе кулаки, используя религиозные настроения, организовали избиение радиолюбителя.

Областная парторганизация вела неослабную борьбу против вылазок классового врага в области культурно-политического просвещения трудящихся. Буржуазные националисты, социально чуждые элементы разоблачались и отстранялись от работы в школах, в культурно-просветительных учреждениях.

Рост культурно-просветительной работы, печати, кино, радио показывает, какой большой шаг вперед был сделан в культурном развитии чувашского народа в годы первой пятилетки.

Следует отметить первые значительные по тому времени успехи научно-исследовательской работы в Чувашии в течение первой пятилетки. В апреле 1929 г. при СНК ЧАССР был организован Совет науки и культуры, состоявший из двух секций: природы и хозяйства и гуманитарных наук. При секции гуманитарных наук начали работать орфографическая и терминологическая комиссии. Самостоятельная научная база в Чувашии была создана только в 1930 г. с открытием комплексного научно-исследовательского института, а затем Чувашского педагогического и сельскохозяйственного институтов.

¹ В братской семье народов СССР. Чебоксары, 1950, стр. 164.

² ЦГА ЧАССР, ф. 221, оп. 3, д. 125, л. 22.

³ Газета „Красная Чувашия“ № 101, 5 мая 1931 г.

⁴ См. В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 80.

¹ Чувашия за 15 лет в цифрах. Чебоксары, 1935, стр. 15.

² ЦГА ЧАССР, ф. 210, оп. 13, д. 242, л. 56.

³ Экономико-статистический справочник Чувашской АССР за 1932—1933 гг. Чебоксары, 1934, стр. 370.

До этого научно-исследовательская работа в Чувашии проводилась силами научных работников и студентов Москвы, Казани, Горького. Они провели целый ряд экспедиций по изучению производительных сил, археологии, этнографии республики, материалы которых были обобщены в ряде опубликованных исследовательских работ. В этих работах принимали участие видные советские ученые: академик Е. А. Ферсман, Л. М. Мировольский (ныне профессор), профессор П. В. Тюрин, профессор А. Я. Гордягин, В. Ф. Смолин, П. Н. Третьяков и др. Их деятельность — пример помощи со стороны русских ученых в деле развития хозяйства и культуры республики.

Создание в августе 1930 г. решением СНК ЧАССР комплексного научно-исследовательского института было серьезным событием в научной и культурной жизни Чувашии¹. Отделы экономики и промышленности, секции сельского хозяйства, культуры и нового быта института в последующие годы развертывают уже самостоятельную работу по изучению производительных сил, археологии, истории, этнографии и языкознания. В целях подготовки национальных научных кадров в 1932 г. при институте организуется аспирантура.

Результаты ленинской национальной политики с особой силой сказались в рассматриваемый период на развитии национальных литератур народов СССР. Глубокие экономические, социальные и культурные изменения в жизни Чувашии, как и всей страны, нашли свое отражение и в чувашской советской литературе, которая в годы пятилетки вступала в пору яркого расцвета. Влияние передовой русской литературы и культурная помощь русского народа способствовали развитию чувашской советской литературы.

В 1927 г. была создана „Чувашская ассоциация пролетарских писателей“. Укрепление позиций социализма, поворот широких писательских кадров в сторону Советской власти обеспечили активизацию чувашских литературных сил, их участие в борьбе за построение социализма, за выполнение первой пятилетки. Этому процессу пытались воспрепятствовать буржуазные националисты. Они делали ставку в первую очередь на разложение молодых писателей. Рост чувашской советской литературы в этот период сопряжен с упорной борьбой против буржуазно-националистических элементов, которые пытались увести чувашскую литературу от конкретных задач социалистического строительства в сферу ложной националистической романтики. Называя чувашскую литературу „чисто крестьянской“, они тянули ее к патриархальному отгораживанию от действительности. В произведениях отдельных писателей нередко проводились националистические взгляды, идеи защиты кулака и пр.

Бюро Чувашского обкома партии 7 мая 1929 г. в решении „О мероприятиях по развитию чувашской художественной литературы“, отметив успехи в развитии чувашской советской литературы, указывало, что обострение классовой борьбы нашло свое отражение и в литературе². В постановлении намечались задачи в области развития чувашской советской литературы по линии преодоления сопротивления классового врага.

В эти годы усиливается приток новых молодых писателей в чувашскую литературу, и развитие ее принимает все более массовый характер. Однако в период развернутого наступления социализма по всему фронту резко проявилась недостаточность теоретического уровня отдельных писателей. В решении о журналах „Сунтал“ и „Есхёрараме“ („Работница“) в сентябре 1930 г. обком партии указы-

вал, что писателям необходимо овладеть марксистско-ленинским учением, что в своих произведениях они должны отразить социалистическое строительство в республике; решение обкома призывало к борьбе с классово-враждебными и националистическими влияниями в литературе¹.

Характерной особенностью чувашской советской литературы этого периода был ее количественный и качественный рост, многообразие тематики, плодотворная учеба у классиков русской и советской литературы. В области поэзии в этот период активно работают Н. И. Шелеби, С. В. Эльгер, П. Хузангай, Уйп Мишши, И. Тукташ, а также молодые поэты Я. Ухсай, А. Эсхель, И. Ивник, С. Шавлы, А. Алга. В области прозы успешно выступают И. Мучи, М. Чалдун, М. Трубина, Л. Агаков, К. Пайраш, молодые писатели А. Талвир, Д. Кибек и др. Новые силы влияют и в драматургию.

Бурный размах социалистического строительства в стране, промышленное строительство в Чувашии, социалистическое преобразование чувашской деревни, развертывание социалистического соревнования, меняющего духовный облик советского человека, — все это привлекает писателей и становится темой многих произведений. В литературе все с большей определенностью вырисовывается облик нового человека, активного строителя социалистического общества.

Тема индустриализации Чувашии получила свое отражение, например, в творчестве поэта Хузангая, создавшего поэму „Гора Магнитная“ („Магнит ту“), и в повести „Золотая гора“ („Ылтан ту“) молодого писателя Талвира. С очерками на эту тему выступает писатель Уйп Мишши. Тема коллективизации ярко раскрылась в творчестве М. Трубиной (повесть „Мучар“), И. Тукташа (повесть „Бычий лог“). Однако новизна тематики и недостаток опыта были причиной еще недостаточно полноценного художественного уровня этих произведений, известного схематизма в изображении сложных процессов жизни.

Постепенное утверждение и развитие социалистического реализма стало столбовой дорогой чувашской советской литературы. Писатели, поэты, драматурги брали темы, идеи, образы из жизни чувашского народа и всего советского народа, из их борьбы за социалистическое строительство. Это было характерно и для чувашского советского театра, музыки, живописи.

В годы первой пятилетки на сцене Чувашского государственного академического театра все больше находит отражение советская действительность. Театральный репертуар обогащается новыми оригинальными произведениями на актуальные темы современной жизни. Так, социалистической индустриализации и коллективизации сельского хозяйства были посвящены пьесы „Взмет“ П. Осипова, „Сила“ В. Алагера, „Мощь“ Л. Агакова, „Шум“ Н. Айзмана, „Идет“ Трубиной и др. Театр с успехом ставит пьесы М. Горького, А. Корнейчука, использует в своем репертуаре лучшие произведения классической и современной русской и чувашской драматургии.

Успешно работал в эти годы и русский драматический театр, неустанно пропагандировавший передовую русскую культуру и оказывавший благотворное влияние на развитие чувашского сценического искусства. В репертуаре театра были пьесы Горького, Тренева, Корнейчука и других советских драматургов, а также произведения классической русской и мировой драматургии.

Дальнейшее развитие чувашского театра требовало подготовки квалифицированных творческих кадров. С этой целью в 1929 г. на базе драматической студии создается Чувашское государственное театральное училище. В годы первой пятилетки состоялся первый

¹ ЦГА ЧАССР, ф. 202, оп. 2, д. 1282, л. 61.

² Резолюции и постановления XIV областной партконференции и важнейшие решения Чувашского областного комитета ВКП(б), Чебоксары, 1929, стр. 65.

¹ См. газету „Красная Чувашия“ № 221, 30 сентября 1930 г.

выпуск его воспитанников. За счет кадров, подготовленных училищем в 1932 г., в Чувашии создается театр юного зрителя, а позже и колхозные театры.

Значительное развитие в годы первой пятилетки получила чувашская музыкальная культура. В этой области также наметился поворот чувашских композиторов к новой тематике.

Большие успехи были достигнуты в области песенного творчества, в развитие которого значительный вклад внесли классик чувашской музыки Ф. П. Павлов и старейшие чувашские композиторы В. П. Воробьев и Г. Г. Лисков. Создается и ряд музыкальных произведений более крупных форм. В эти годы начинают композиторскую деятельность Ф. Лукин, Г. Хирбю. Особо следует отметить роль композитора В. М. Кривоносова, который после окончания в 1930 г. Московской консерватории начал работать в Чувашском музыкальном техникуме. В. М. Кривоносову принадлежит большая заслуга в создании чувашской оркестрово-инструментальной музыки. Велик вклад композитора в дело воспитания одаренной национальной молодежи, из которой вышли признанные народом композиторы Ф. Лукин, Г. Хирбю, Г. Лебедев, А. Орлов-Шузым, Г. Воробьев. Плодотворная деятельность В. М. Кривоносова является примером помощи русского народа в развитии чувашской музыкальной культуры.

В годы первой пятилетки возросла роль художественно-исполнительских коллективов. Созданный в 1920 г. Чувашский государственный хор (ныне Чувашский ансамбль песни и танца), организаторами и руководителями которого были основоположники чувашской музыкальной культуры Ф. П. Павлов и В. П. Воробьев, в рассматриваемый период с большим успехом выступал в городах и селах республики и за ее пределами. С самого начала пятилетки хор часто выезжает в районы, на стройки и в колхозы. Летом 1929 г. хор выступал в Москве. Выступления хора привлекли внимание специалистов и общественности столицы исполнительским мастерством и богатством чувашской народной песни, как сообщала об этом „Трудовая газета“, отмечая большой успех хора¹. Несколько раз побывал хор в Горьком, например, в 1931 г., когда там проводилась декада чувашского искусства.

Создание в 1929 г. Чувашского музыкального техникума способствовало воспитанию музыкальных кадров и дало возможность в 1932 г. организовать симфонический оркестр. Это явилось крупным событием в музыкальной жизни республики.

Массовое распространение в период пятилетки получает художественная самодеятельность. Уже на I музыкальной конференции республики (1931 г.) высказывалось пожелание об организации смотра самодеятельности. Состоявшаяся вскоре после этого конференция культпросветработников наметила конкретные мероприятия по подготовке и проведению такого смотра, приурочив его к 12-летию Чувашской АССР². С одной стороны, перед олимпиадой ставилась задача выявить и показать достижения художественной самодеятельности, с другой стороны, силами и средствами самодеятельности она должна была отразить достижения хозяйственного и культурного строительства республики.

Олимпиада состоялась летом 1932 г. Это был первый смотр художественной самодеятельности в Чувашии. В нем приняло участие 665 человек, съехавшихся из 15 районов. Свое искусство продемонстрировали 12 хоровых коллективов, 6 оркестров, 8 ансамблей,

4 драмкружка и несколько десятков одиночек-исполнителей³. Олимпиада явилась яркой демонстрацией того, как искусство входит в жизнь масс. Лучшие участники смотра выступали на Всесоюзной олимпиаде самодеятельного искусства в Москве в августе 1932 г.

К этому же периоду относятся первые успехи чувашского изобразительного искусства — самого молодого из всех искусств в республике. Работы художников были представлены на выставке, посвященной 10-летию ЧАССР в 1930 г. Здесь выделялись работы М. С. Спиридонова „Вурнарская фосфоритная“, „Молотба в колхозе“ и др. Мастерство участников выставки было еще недостаточно зрелым, но уже имевшиеся достижения свидетельствовали о стремлении молодых чувашских художников к активному участию в социалистическом строительстве.

Под руководством Коммунистической партии чувашский народ добился серьезных успехов в деле социально-культурных преобразований в годы первой пятилетки. Горьковская краевая партийная организация оказывала постоянную помощь национальностям края в их культурном развитии. В постановлении крайкома партии в июне 1931 г. всем парторганизациям края предлагалось усилить внимание к созданию национального искусства и кадров для него⁴. Второй краевой съезд Советов (1931 г.) обсудил вопрос о культурном строительстве в национальных республиках и принял специальное решение о помощи им в деле культурного подъема и подготовки кадров. Съезд отметил бурный рост культурного строительства в национальных республиках края⁵.

История культурного строительства в Чувашии тесно связана с историей борьбы партии и народа за новое, социалистическое общество. Подчеркивая это, А. А. Жданов 3 июня 1931 г. на II краевом партсовещании по культурному строительству говорил: *„Товарищи, каждая новая фабрика, каждый новый гигант, каждый колхоз представляют из себя не только очаг социализма в нашей стране, но и представляют очаг борьбы за культуру, и с этой точки зрения успехи нашей индустриализации, успехи в нашем колхозном строительстве есть величайшие достижения в деле культурной революции“*⁶.

Социально-культурные преобразования в Чувашии в годы первой пятилетки явились результатом проведения в жизнь национальной политики Коммунистической партии и были важнейшей ступенью культурной революции. Они преобразили духовный облик чувашского народа и означали победу социалистической идеологии дружбы и братства народов и пролетарского интернационализма. Социально-культурные преобразования в Чувашии обусловили формирование на основе марксистско-ленинской идеологии духовного облика чувашского народа как социалистической нации.

Подъем материального и культурного уровня трудящихся Чувашии способствовал широкому вовлечению трудящихся масс в социалистическое строительство и досрочному выполнению первого пятилетнего плана.

Чувашский народ, в прошлом отсталый и неграмотный, страдавший от социальных болезней, ликвидировав тяжелое наследие прошлого, под руководством Коммунистической партии продолжает успешно строить свою социалистическую культуру.

¹ ЦГА ТАССР, ф. 221, д. 141, л. 63.

² Газета „Нижегородская коммуна“ № 169, 21 июня 1931 г.

³ ГОАОР, ф. 2626, оп. 1, д. 1052, л. 2.

⁴ Газета „Нижегородская коммуна“ № 182, 4 июля 1931 г.

¹ „Трудовая газета“ № 86, 9 августа 1929 г.

² ЦГА ЧАССР, ф. 221, д. 141, л. 2.

Х. Х. ХАСАНОВ

ТАТАРИЯ В ДНИ ВСЕРОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАЧКИ В ОКТЯБРЕ 1905 ГОДА

В октябре 1905 года революционная борьба масс продолжала нарастать с огромной силой.

Политическая стачка, начавшаяся в Москве, распространялась по всей стране, охватывая город за городом, район за районом. Бастовало свыше двух миллионов человек. 7 октября забастовали рабочие и служащие Московско-Казанской железной дороги.

На территории Татарии с первого дня забастовки сообщение было совершенно парализовано. Газета „Волжский листок“ писала: „На всех узловых станциях Московско-Казанской железной дороги кипучая деятельность прекратилась: вокзалы пустуют..., направляющаяся по линии почта не получается в Казани шестые сутки...“¹. Забастовали также железнодорожники станции Казань. В телеграмме казанского губернатора начальнику штаба отдельного корпуса жандармов говорилось: „Ввиду начавшегося брожения между служащими железнодорожной станции Казань необходимо безусловно присутствие здесь офицера“².

Вся жизнь страны была приостановлена. „Всероссийская политическая стачка, — писал в эти дни В. И. Ленин, — охватила на этот раз действительно всю страну, объединив в героическом подъеме самого угнетенного и самого передового класса *все народы* проклятой „империи“ Российской. Пролетарии всех народов этой империи гнета и насилия выстраиваются теперь в одну великую армию свободы и армию социализма“³.

Казанский комитет РСДРП задолго до всеобщей политической стачки начал готовить массы к открытому выступлению против самодержавия. После того как началась всероссийская политическая стачка, казанские большевики обратились ко всем трудящимся края с призывом присоединиться к ней. В прокламации „Ко всем“, изданной в середине октября, комитет писал, что московских рабочих, поднявшихся на борьбу против самодержавия, единодушно поддерживает пролетариат Петербурга, Харькова, Варшавы, Саратова и многих других городов; теперь, когда революция перекинулась на всю Россию, пора выйти на решительную борьбу против царизма и казанским рабочим. Эта прокламация, проникнутая духом пролетарской солидарности, заканчивалась призывом: „Бросайте работу и присоединяйтесь к всероссийской политической забастовке! Пусть остановится работа на всех фабриках, заводах, в мастерских и мага-

¹ „Волжский листок“ № 301, 1905 г., 14 октября.

² ЦГА ТАСР, ф. 1, 1905 г., л. 9928, л. 169.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 362.

зинах. Пусть прекратится деятельность всех правительственных и учебных заведений. Вооружайтесь, граждане! На бой!¹

На призыв большевиков первыми откликнулись печатники, прекратив 17 октября работу во всех типографиях, за исключением наиболее мелких. Рабочие требовали введения восьмичасового рабочего дня, увеличения на 25 процентов заработной платы, улучшения условий труда, оплаты за время болезни, увольнения рабочих только с согласия выбранных от каждого отдела депутатов и др. Хозяева типографий отказались выполнить эти законные требования, надеясь при помощи полиции сломить волю рабочих. Но бастующие проявили исключительную организованность и большую выдержку. В течение 3 недель в городе не выходило ни одной газеты, кроме бюллетеней и прокламаций Казанского комитета РСДРП, издаваемых ежедневно в нескольких тысячах экземпляров. Работа в типографиях возобновилась только 8 ноября, когда хозяева пошли на некоторые уступки, согласившись сократить рабочий день на один час и увеличить заработную плату на 10 процентов. Рабочие типографий добились также сохранения заработной платы за время забастовки². В некоторых типографиях, например, в типографии Вараксина, забастовка продолжалась до 11 ноября³.

Самоотверженность и стойкость, проявленные печатниками во время забастовки, явились результатом большой разъяснительной работы казанских большевиков, которая велась на протяжении всего предшествующего периода.

Вслед за печатниками 20 октября поднялись на стачечную борьбу рабочие механического завода Свешникова (ныне завод „Серп и молот“). Стремясь облегчить неимоверно тяжелые условия труда, они требовали сокращения рабочего дня до 8 часов, отмены изнурительных сверхурочных работ, повышения заработной платы на 20 процентов, установления за счет заводчика государственного страхования на случай старости и инвалидности, выдачи заработной платы за время болезни, запрещения эксплуатации детского труда и ограничения рабочего времени подростков от 16 до 18 лет шестью часами, отмены штрафов. Наряду с этим забастовавшие настаивали на том, чтобы представители рабочих участвовали в проверке исполнения фабричных законов, в составлении расценок, приеме и браковке материалов, а также в учете результатов работ. Рабочие требовали также установить уголовную ответственность за нарушение законов об охране труда, учредить регулярный надзор за санитарным состоянием завода, отменить обыски, вежливо обращаться с рабочими и уволить ненавистных мастеров. Далее они заявили, что за участие в стачке никто не должен страдать, а за все стачечные дни администрация должна выдать полную заработную плату.⁴ Заслуживает внимания тот факт, что эти требования рабочих были направлены на ограничение власти заводчика и содержали в себе некоторые элементы программы рабочего самоуправления.

В революционную борьбу против самодержавия втянулись и рабочие других предприятий. 17 октября прекратилась работа на заводах Либихта (ныне „Красный путь“) и Рама и на ряде мелких предприятий. Среди последних особенно энергично действовали рабочие мастерских Циммерлинга. После того, как хозяин отверг выдвинутые ими условия, они обратились ко всем портным и портнихам Казани

с призывом не брать у Циммерлинга никакой работы, пока он не удовлетворит требований рабочих¹.

Бастовали не только рабочие промышленных предприятий, но и приказчики магазинов, служащие учреждений. В борьбу против самодержавия включились также студенты Казанского университета и Ветеринарного института. Прекратились занятия в средних учебных заведениях².

Таким образом, стачка казанских рабочих, явившаяся откликом на выступление пролетариата Москвы, Петербурга и других крупных промышленных центров, стала принимать всеобщий характер, охватывая все новые и новые группы населения. Так постепенно назревало народное восстание, к которому усиленно звали большевики.

Революционный натиск народных масс, выступавших под руководством Казанского комитета РСДРП, чрезвычайно встревожил губернские власти. Казанский губернатор решил прибегнуть к широким репрессиям, обрушив их в первую очередь на революционный университет.

16 октября в два часа дня в университете был назначен очередной традиционный народный митинг. Но полицейский наряд, окруживший здание со всех сторон, преградил путь публике, шедшей на митинг. Около главных ворот университета и на улицах, прилегающих к нему, собралась многочисленная толпа, состоящая из рабочих, ремесленников и учащейся молодежи. Небольшой части собравшихся удалось проникнуть во двор³, где они громко распевали революционные песни. Когда обе группы попытались соединиться, конные полицейские и уральские казаки учинили над ними зверскую расправу. Рабочие и студенты, находившиеся во дворе, попытались защищаться, забаррикадировав главные ворота и другие выходы. Но силы были неравны. Вооруженные казаки ворвались во двор и стали зверски избивать всех, кто попадался под руку, действуя нагайками и пиками⁴.

На другой день, 17 октября, решением совета профессоров университета был закрыт. Тем не менее с утра на Воскресенской улице (ныне улица Чернышевского) стали собираться рабочие, студенты и учащиеся средних учебных заведений, намереваясь пройти на митинг. В 4 часа дня, когда возле университета скопилось наибольшее количество людей, на них неожиданно набросились пьяные казаки и конные полицейские, выпущенные со двора первого полицейского участка⁵. Они избивали собравшихся нагайками, топтали лошадьми. Толпа начала разбегаться, многие, отступая, отбивались камнями. В этот момент полиция и казаки открыли беглый огонь. Озверевшие царские опричники расстреливали всех, не разбирая пола и возраста. Стреляли не только вдогонку убегающим, но и в лежащих. Убитых и раненых, истекавших кровью, не давали подбирать. Обстрелу подверглись здания университета, шахматного клуба (ныне библиотека горкома КПСС), пассажа, семинарии (ныне второе здание университета), куда прятались люди, спасаясь от казаков. Окна многих домов на Воскресенской, Проломной (ныне улица Баумана), Рыбнорядской (ныне улица Куйбышева) и других улицах были выбиты, а их стены покрыты следами пуль. Стрельба продолжалась до поздней ночи. Когда улицы опустели, солдаты, стоя на

¹ Листовки казанских большевиков в период первой русской революции 1905—1907 гг. Казань, Таткингонздат, 1955, стр. 133.

² ЦГА ТАССР, ф. 1, 1905 г., оп. 7, д. 6, лл. 60—61.

³ Там же, ф. 1153, 1905 г., оп. 1, д. 160, л. 42.

⁴ Там же, ф. 1, 1905 г., оп. 7, д. 6, л. 84.

¹ „Волжский листок“ № 315, 1905 г., 20 ноября.

² Там же, № 304, 1905 г., 8 ноября.

³ Они пробрались во двор при помощи лестницы, приставленной к каменному забору со стороны Малой Проломной улицы (ныне Профсоюзная).

⁴ ЦГА ТАССР, ф. 2, 1905 г., д. 665, лл. 367—369.

⁵ Участок находился на месте современной пожарной части на ул. Чернышевского.

перекрестках, стреляли во все стороны, лишь только показывалась человеческая фигура¹. От рук царских опричников пали в этот день столяр Максим Сосин, наборщик Николай Шевелев, землекоп Салахутдин Фахрутдинов, кондитер Иван Муньков. Были расстреляны также горничная Мария Каланчакова, ученик музыкальной школы Николай Муравьев и многие другие². Всего было убито и ранено до 40 человек, в большинстве своем рабочие. Бесчинства полиции и казаков продолжались и на другой день³.

Так губернские власти расправились с мирными гражданами.

В ответ на расстрел мирного населения большевики Казани призвали массы к народному восстанию. В экстренном бюллетене № 1, выпущенном в связи с событиями 17 октября, они писали: „К оружию, граждане! Выходите на улицы! Прекратите всякую общественную жизнь! Бастуйте все! Смерть убийцам! Смерть царизму!“⁴

Утром 18 октября в Казани был получен „Манифест 17 октября“, в котором царь лицемерно обещал дать народу гражданские свободы, созвать законодательную думу.

Буржуазия как русская, так и татарская, давно стремившаяся к сделке с царизмом, приняла этот манифест с восторгом. Либеральная газета „Казан мухбире“ („Казанский вестник“) писала: „Величайший по своему значению новый закон 17 октября совершенно изменяет наш государственный строй“⁵. Выступая на митинге Казанского комитета защиты правового порядка, профессор В. Ф. Залесский заявил: „Итак, мы довольны манифестом, ничего России больше не надо, ни о чем просить нам не надо!“⁶ Гласные Казанской городской думы тотчас после получения манифеста отправили царю восторженное приветствие. В ответ они получили телеграмму графа Витте: „Государь император высочайше повелеть соизволил благодарить Казанскую городскую думу за выраженные ему чувства“⁷.

Манифест 17 октября был поворотным пунктом в поведении буржуазии. С этого дня она становится на путь открытой борьбы с революцией. Все свои силы она направляет против широко развернувшегося революционного движения рабочих и крестьян.

Народные массы были недовольны царским манифестом, так как их положение по-прежнему оставалось крайне тяжелым.

Выполняя указания партии, казанские большевики развернули широкую деятельность, направленную на разоблачение царского манифеста, готовя силы к вооруженному восстанию. 18 октября, в день получения царского манифеста, по решению Казанского комитета РСДРП во всех частях города проводились многотысячные митинги с участием рабочих, ремесленников, учащейся молодежи и демократической интеллигенции.

Большой митинг собрался 19 октября утром у здания Городской думы (ныне здание Казанского городского Совета). В нем приняло участие около 20 тысяч человек. Большевики, выступавшие на митинге, говорили, что вынужденную уступку царизма нельзя принимать за победу революции. Царизм еще далеко не капитулировал, — наоборот, он собирает свои силы для подавления революции. Поэтому рабочим и крестьянам необходимо еще теснее сплотиться для того, чтобы одержать полную победу над царизмом.

¹ „Новая жизнь“ № 10, 1905 г., 11 ноября.

² „Волжский вестник“ № 1, 1905 г., 8 ноября.

³ „Волжский листок“ № 304, 1905 г., 8 ноября.

⁴ Листовки казанских большевиков в период первой русской революции 1905—1907 гг., Казань, Таткиноиздат, 1955, стр. 134.

⁵ „Казан мухбире“ („Казанский вестник“) № 1, 1905 г.

⁶ „Волжский вестник“ № 3, 1905 г., 10 ноября.

⁷ Там же, № 5, 1905 г., 12 ноября.

В этот момент в думе шло заседание гласных. Большевики явочным порядком пришли на заседание и потребовали наказания организаторов расстрела мирного населения 17 октября, разоружения полиции, удаления из города казаков и создания народной милиции. Под давлением революционных масс либеральные гласные вынуждены были принять предложения социал-демократов¹.

Подобные митинги происходили также на заводах Алафузова, Крестовникова, в университете. Многотысячным был митинг на Сенной площади, в котором участвовало большое число татарского населения, жившего в этом районе. Здесь оратором выступил член Казанского комитета РСДРП Хусанн Ямашев, который говорил, что нельзя верить царскому манифесту, ибо он выпущен для обмана народных масс, с целью отвлечь их от революционной борьбы. Ямашев звал рабочих к вооруженному восстанию, которое является единственным средством борьбы за уничтожение царизма².

По окончании митингов в городе началось разоружение полиции. Обходя полицейские участки, рабочие, руководимые большевиками, отбирали оружие у полицейских и городских. Снимались полицейские посты также на заводах и фабриках³.

Отобранное у полиции оружие было сложено на подводы и в сопровождении многочисленной толпы, двигавшейся с красными знаменами и революционными песнями, отвезено во двор университетской клиники⁴.

Одна из боевых дружин Казанского комитета РСДРП, состоявшая преимущественно из рабочих и руководимая большевиком Н. И. Дамперовым, попыталась захватить оружие, имевшееся в штабе Казанского военного округа. Когда боевики сделали попытку проникнуть в здание, часовые открыли огонь. Двое из наступавших было ранено. На стрельбу выбежали солдаты, поддержавшие огонь часовых. Вскоре к зданию штаба прискакали казаки, вызванные начальством по телефону. Окруженная со всех сторон немногочисленная группа дружинников⁵ вынуждена была отступить, не достигнув цели. Тем не менее этот факт свидетельствует об исключительно энергичных действиях большевиков Казани, стремившихся к вооружению народа, так как от этого зависел успех борьбы против самодержавия⁶.

Революционные события развернулись после 17 октября и в уездах. Так, 21 октября под руководством социал-демократической группы состоялась политическая демонстрация в г. Елабуге, в которой участвовали главным образом забастовавшие русские и татарские приказчики. С революционными песнями и с лозунгами „Долой царизм!“ они прошли по главной улице, раздавая встречным прокламации местной социал-демократической группы⁷.

Массовые митинги и демонстрации происходили в ряде селений Чистопольского уезда. Так, в Малом Толкише после объявления манифеста 17 октября крестьяне в числе 200 человек устроили демонстрацию с красными флагами и с лозунгами „Да здравствует свобода!“ Вечером в здании волостного управления собрался митинг, на котором присутствовало 150 человек. В принятом решении крестьяне требовали созыва Учредительного собрания на основе всеобщей,

¹ „Новая жизнь“ № 10, 1905 г., 11 ноября.

² Х. Х. Хасанов. Хусанн Ямашев, Казань, 1954., стр. 68.

³ „Новая жизнь“ № 4, 1905 г., 30 октября.

⁴ „Пролетарий“ № 26, 1905 г., 12 ноября.

⁵ Боевая дружина состояла из 18 человек.

⁶ ЦГА ТАССР, ф. 2, 1905 г., д. 665, лл. 386—387.

⁷ Татария в дни первой русской революции, Казань, 1955., Таткиноиздат, стр. 59.

прямой, тайной и равной подачи голосов. Было высказано также желание объединиться с крестьянами других сел в борьбе против помещиков и самодержавия¹. С требованиями об установлении народного правительства происходили митинги в Шереметьевске, Старо-Шешминске, Билярске, Изгарах².

19 октября в обстановке стремительно нарастающего революционного движения народных масс члены Казанского комитета РСДРП собрались на экстренное заседание. На повестке дня стояли неотложные вопросы руководства этим движением. После всестороннего обсуждения сложившегося в городе положения комитет постановил создать вместо упраздненной революционным путем полиции народную милицию для охраны порядка и обеспечения безопасности граждан. Было принято весьма важное решение об учреждении Городской коммуны. Она должна была осуществлять практическое руководство всем движением народных масс, начавшим перерастать в вооруженное восстание. В состав коммуны входили большевики И. А. Саммер, Н. И. Дамперов, Н. Н. Накоряков. Придавая этому факту большое значение, газета „Новая жизнь“ писала: „Социал-демократическим комитетом была образована Городская коммуна, куда вошли представители и других революционных партий“³.

После экстренного заседания Казанского комитета РСДРП началось вооружение народа. Отобранное и свезенное во двор университетской клиники оружие под контролем большевиков раздавалось рабочим, мастеровым, студентам и учащимся средних учебных заведений. Так были сформированы первые отряды народной милиции, предназначенные для поддержания революционного порядка в городе⁴.

Когда раздача оружия закончилась, милиционеры в сопровождении двадцатитысячной толпы совершили торжественное шествие по Воскресенской улице от университета до Городской думы, демонстрируя свою решимость вести борьбу против царского самодержавия до победного конца⁵.

19 октября в 8 часов вечера в городском театре состоялся грандиозный митинг под охраной народной милиции. Всего собралось около 3 тысяч человек.

Театр не мог вместить собравшихся. В течение всего митинга толпы людей стояли на Театральной площади (ныне площадь Свободы). Перед началом митинга вышедший на сцену известный театральный деятель Соболев-Самарин передал привет „от свободных артистов свободному народу“. Затем была исполнена „Марсельеза“. С речами выступили члены Казанского комитета большевиков А. С. Кулеша и др. Они призвали поддержать революционные мероприятия комитета, направленные на вооружение всего народа. В принятой в конце митинга резолюции вновь говорилось о необходимости удаления полиции и казаков и передачи охраны города в руки народной милиции⁶.

Утром 20 октября около здания Городской думы по призыву большевиков снова собрался многотысячный митинг с участием более 10 тысяч человек. Социал-демократы выступали с пламенными речами, призывая массы проявить организованность и решительность в борьбе против самодержавия.

¹ „Волжский вестник“ № 3, 1905 г., 10 ноября.

² Там же, № 4, 1905 г., 11 ноября.

³ „Новая жизнь“ № 10, 1905 г., 11 ноября.

⁴ Там же, № 4, 1905 г., 30 октября.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

В этот момент либеральные гласные, собравшись в отдельную комнату, приняли ряд решений, имевших целью направить революционное движение народных масс на мирный путь. Большевики, явившиеся без приглашения на заседание думы, вскрыли предательский характер этих решений, принятых тайно от народа, и предъявили ряд требований: 1) вывести казаков из города, 2) распустить по домам запасных солдат, 3) продолжать вооружение граждан и 4) предоставить для народных митингов манеж.

Видя, что обсуждение принимает нежелательный для либералов оборот, председатель закрыл заседание и скрылся. Это еще больше усилило возмущение народных масс.

Таким образом, либеральные гласные, отказавшись от прежних „рискованных“ шагов, сделанных ими под давлением революционных масс, открыто стали на путь измены, на путь защиты самодержавно-монархического строя. Указывая на это предательство либералов, один из редакторов газеты „Пролетарий“, соратник Ленина В. В. Воронский в своей статье „Революция и контрреволюция в России“ приводит следующую корреспонденцию, полученную из Казани: „Либеральные крысы, очухавшись от первых моментов опьянения, вызванного негодованием на кровавую бойню 17 октября, и почуяв в корабле течь, поспешили покинуть его“¹.

Большевики, разгадав их замыслы, еще тверже проводили курс на вооружение рабочих, как единственной силы, способной бороться до решительной победы.

В обстановке исключительного революционного подъема 20 октября состоялись похороны жертв кровавой бойни 17 октября. В них участвовало более 20 тысяч человек. Похороны превратились в мощную политическую демонстрацию демократического населения Казани². Рабочие, ремесленники, учащаяся молодежь, пришедшие проводить погибших с траурными и красными знаменами, пели „Марсельезу“ и другие революционные песни. На кладбище состоялся большой митинг, на котором выступали с речами члены Казанского комитета большевиков и передовые рабочие, охарактеризовавшие убитых 17 октября как борцов за свободу и счастье трудящихся.

Возникшая в ходе Октябрьской стачки казанских рабочих Городская коммуна с первых своих шагов развернула энергичную деятельность, руководя борьбой народных масс против царского самодержавия. Она добывала оружие для народной милиции, осуществляла контроль за его раздачей. В результате этой деятельности ряды народной милиции возрастали быстрыми темпами, достигнув к 20 октября 400 человек. Основное ядро народной милиции составляли рабочие казанских предприятий. Наряду с русскими в ней участвовали и рабочие-татары, в числе которых были Мингаз Шагнахметов, Садык Сагеев, Салах Исхаков и др.³

Кроме народной милиции, Городская коммуна создавала боевые дружины. Наиболее энергично действовали в октябрьские дни боевые дружины на заводах Алафузова и Рама, возглавляемые большевиками Е. И. Зарниным и Ф. М. Завьяловым⁴.

Под руководством Городской коммуны народная милиция и боевые дружины поддерживали революционный порядок в городе, вели борьбу против черносотенцев и хулиганов. С момента разоружения полиции в руки народной милиции перешла охрана города. Начальник Казанского губернского жандармского управления Калинин 20 октября 1905 г. сообщил командующему отдельным корпусом жандармов:

¹ „Пролетарий“ № 25, 1905 г., 12 ноября.

² „Новая жизнь“ № 10, 1905 г., 11 ноября.

³ ЦГА ТАСР, ф. 2, 1905, д. 665, лл. 484—486.

⁴ Там же, ф. 1, 1906 г., д. 10036, л. 15—16.

„Сегодня на улицах полицию заменяют студенты, гимназисты, мастеровые и рабочие, вооруженные шашками и револьверами“¹. Милиция охраняла не только личное имущество и личную безопасность граждан, но и заводы и фабрики.

Таким образом, Городская коммуна, руководя восстанием народных масс, фактически осуществляла функции революционной власти.

В течение двух дней — 19 и 20 октября — власть в Казани принадлежала революционному народу. В. И. Ленин в своей статье „Приближение развязки“ высоко оценил события, происходившие в Казани в эти дни².

Однако не дремала и контрреволюция; она готовилась перейти в решительное наступление. Губернатор Хомутов, испуганный страшными результатами кровавой бойни 17 октября, вызвавшей гнев и возмущение всего революционного народа, не осмелился сразу после получения манифеста прибегнуть к новым широким репрессиям. Тем не менее он тайно от народа готовил силы реакции для подавления восстания. Тут же после разоружения полиции он принял меры для ее вооружения, получив в штабе военного округа 150 боевых револьверов, 86000 патронов к ним и 150 шашек³. Не ограничиваясь только этим, губернатор требовал от правительства объявления Казани на военном положении. В своей телеграмме на имя товарища министра внутренних дел он писал: „Подавить начавшееся движение обычными мерами не представляется возможным. Требуется немедленное применение чрезвычайных мер. Ходатайствую об объявлении Казани на военном положении“⁴. Полиция открыто формировала отряды черной сотни, готовя погромы в городе⁵.

21 октября с утра началась „патриотическая“ манифестация черносотенной толпы, инспирированная губернскими властями. Торговцы, попы, домовладельцы и всякого рода деклассированные элементы с портретами царя, трехцветными знаменами, распевая „Боже, царя храни“, прошли по Воскресенской и Проломной улицам, избивая стоявших на посту милиционеров. Около кремля к этой черносотенной толпе присоединились татарские реакционеры, возглавляемые известным клерикалом муллой Галимджаном Баруди. Остановившись у здания Городской думы, в котором находились руководители восстания, черносотенцы стали издеваться над милиционерами и революционными гражданами, стоявшими на площади. На глазах у всех был зверски убит студент⁶.

На помощь черносотенцам пришли заранее приготовленные части юнкеров и войска. Под их напором милиционеры отступили в здание Думы и, забаррикадовав окна и двери, начали отстреливаться. Несмотря на мощный огонь, открытый войсками по зданию, они продержались таким образом до 6 часов вечера. Но видя явное преимущество сил осаждающих и избегая ненужных жертв, революционеры решили сдатьсь. Все находившиеся в здании 130 человек были арестованы и отправлены в пересыльную тюрьму⁷. В числе арестованных оказались руководители казанских большевиков И. А. Саммер, Н. И. Дамперов и другие⁸.

В результате черносотенного разбоя и произвола властей 21 октября улицы Казани вновь были залиты кровью рабочих. По данным

газеты „Волжский вестник“, убитых и раненых насчитывалось около 40 человек¹. Среди убитых были слесарь Федор Иванович Минаев, охранник здания Московско-Казанской железной дороги Александр Павлович Коротченко, дворник Болеслав Болеславович Бродецкий, сторож Городской думы Александр Михайлович Егоров, крестьянин Казанского уезда Василий Тихонович Глушков, чернорабочий Иван Федорович Кудрин, 14-летний неизвестный мальчик-татарин и другие².

Вслед за разгромом Городской коммуны и арестом большевиков по всему городу прокатилась волна погромов и бесчинств, продолжавшихся в течение целой недели. Казанский комитет РСДРП в своих экстренных бюллетенях (№№ 2, 3 и 4) разоблачал эти зверства царских властей и призывал рабочих к вооруженному отпору.

Таким образом, октябрьская стачка казанских рабочих, начавшая перерастать в вооруженное восстание, была жестоко подавлена при помощи войск и черной сотни. Это злодеяние самодержавия свидетельствовало о том, что манифест 17 октября, в котором царь обещал гражданские свободы, являлся сплошь фальшивым.

* * *

В период всероссийской октябрьской политической стачки значительно усиливается борьба крестьян Татарии против помещиков. Особенно широкий размах приобрела она в Чистопольском, Мамадышском, Спасском, Мензелинском, Лаишевском и Тетюшском уездах, где было много крупных землевладельцев. Прося помощи у командующего войсками Казанского военного округа для подавления аграрных волнений, вице-губернатор Кобеко писал: „Глухие брожения в крестьянской среде наблюдаются... в настоящее время во всех уездах губернии, где имеются частные владения“³.

Одной из наиболее распространенных форм крестьянского движения являлась самовольная порубка леса, принадлежащего помещикам. Так, 3 октября крестьяне д. Плаксихи, Мамадышского уезда, производили всем обществом порубку в Гурьевской лесной даче землевладельца Лебедева. Они не допускали сюда ни представителей местной царской администрации, ни полицейских чинов. Уездному исправнику пришлось собрать отряд из 300 человек для того, чтобы подойти к месту порубки. Только под угрозой применения оружия крестьяне перестали рубить помещичий лес⁴.

Самовольные порубки леса в октябре — ноябре происходили также в даче помещика Лихачева в том же Мамадышском уезде, в имении землевладелицы Горловой в Спасском уезде и в ряде других мест.

В борьбе с помещиками крестьяне широко применяли поджоги, предавая огню усадьбы, инвентарь, хлеб и другое барское имущество. Так, 6 октября крестьяне деревни Шентала, Чистопольского уезда, подожгли скотный двор, молотильный сарай с находящимся там хлебом помещика Чегодаева. Убыток, причиненный пожаром, исчислялся в размере 3 тысяч рублей⁵. 19 ноября вспыхнул большой пожар в имении помещика Казем-Бека в Спасском уезде. Воспользовавшись им, крестьяне вывезли хлеб из помещичьих амбаров⁶.

В ряде мест крестьяне Татарии по примеру крестьян других губерний громили дворянские усадьбы и самовольно захватывали землю. Так, 19 ноября в Чистопольском уезде крестьяне разгромили усадьбу княгини Ливен, а в Тетюшском уезде — имение землевла-

¹ ЦГА ТАССР, ф. 2, 1905 г., д. 665, л. 387.

² В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 420.

³ „Волжский Вестник“ № 10, 1905 г., 18 ноября.

⁴ ЦГА ТАССР, ф. 1, 1905 г., д. 9228, л. 236.

⁵ „Новая жизнь“ № 10, 1905 г., 11 ноября.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ ЦГА ТАССР, ф. 2, 1905 г., св. 1, д. 666, лл. 51—52.

¹ По данным полиции, убитых и раненых было около 20 человек.

² „Волжский вестник“, № 1, 1905 г., 8 ноября.

³ ЦГА ТАССР, ф. 1, 1905 г., ф. 9976, лл. 2—3.

⁴ Там же, ф. 1, 1905 г., д. 9954, лл. 3—4.

⁵ Там же, ф. 1, 1905 г., д. 9915, л. 1.

⁶ „Волжский листок“ № 315, 1905 г., 20 ноября.

дельца Людоговского. Испуганные помещики отправляли казанскому губернатору одну за другой телеграммы с просьбами немедленно выслать войска. Дворяне Чистопольского уезда 19 ноября писали: „В имении княгини Ливен на сегодня в ночь крестьянами разграблена усадьба. Мы, соседи, имеем полное основание опасаться того же. Агитаторы, подстрекающие народ, действуют явно безнаказанно. Покорнейше просим ваше превосходительство... принять решительные скорые меры“¹.

В этот период в отдельных уездах появляются революционные крестьянские комитеты, возглавляющие борьбу за захват помещичьих земель. В письме, отправленном 30 октября 1905 года из Казани в Петербург за подписью „П. А.“, сообщалось, что „в деревнях Казанской губернии возникли за последнее время крестьянские комитеты, руководимые социал-демократами“².

Росту аграрного движения осенью 1905 г. заметно способствовала агитация, развернутая в деревнях Казанским комитетом РСДРП. К этому времени он уже имел свои группы в ряде уездов — Чистопольском, Елабужском, Лаишевском и др. Деятельность социал-демократов в деревне была направлена на создание революционного союза рабочих и крестьян в борьбе против самодержавия.

Аграрные волнения были подавлены при помощи карательных экспедиций и черносотенных банд, учинявших зверские расправы над крестьянами, не щадивших ни стариков, ни детей.

Крестьянскому движению осенью 1905 года не хватало организованности и руководства. Не везде крестьяне боролись с одинаковым упорством.

* * *

Октябрьская стачка рабочих Татарии, явившаяся неразрывной частью общероссийского пролетарского движения, была подготовлена всем ходом революционных событий 1905 года. Развиваясь под непосредственным влиянием борьбы рабочих Москвы, Петербурга и других крупных промышленных центров, она охватила широкие слои демократического населения. Кроме забастовавших рабочих, в ней участвовали мастеровые, крестьяне, служащие, приказчики, студенты и учащиеся средних учебных заведений. Важным итогом октябрьской стачки следует считать тот факт, что в ходе ее рабочий класс Татарии получил хороший урок политического воспитания, возросла и окрепла его организованность и сплоченность. Стачка способствовала укреплению боевого союза русских и татарских рабочих, боровшихся рука об руку против самодержавно-помещичьего строя. Татарские рабочие, наряду с русскими, участвовали в забастовках, демонстрациях, выступали на митингах, давали отпор черносотенцам и казакам.

В дни октябрьской стачки рабочие Татарии доказали, что они могут управлять общественной жизнью населения, создав под руководством большевиков Городскую коммуну, которая установила в городе революционный порядок. В ходе октябрьской стачки рабочие Татарии достигли важных политических результатов потому, что подготовкой и проведением ее руководили большевики.

Серьезное значение октябрьской стачки состоит также в том, что приобретенный в ходе ее богатый опыт классовой борьбы рабочие Татарии широко использовали для завоевания победы в Октябрьской социалистической революции, открывшей новую эру в истории человечества — эру крушения капитализма и торжества коммунизма.

М. Г. СОФРОНОВ

РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ СРЕДИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КРЕСТЬЯН КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В 40—50-е ГОДЫ XIX в.

40—50-е годы XIX в. знаменуют собой углубление кризиса феодально-крепостнической системы царской России. В недрах старого феодального общества созрел и формировался новый базис — капиталистические производственные отношения, разлагавшие крепостную систему.

В эти годы Казанская губерния в экономическом отношении по-прежнему оставалась отсталой по сравнению с центральными районами России. Она представляла собой типично земледельческую губернию с абсолютным преобладанием сельского населения. Согласно 9-й ревизии 1851 года крестьяне составляли 93,6 процента населения¹. Здесь так же, как и в России в целом, господствовали феодально-крепостнические отношения, которые уже не соответствовали характеру производительных сил и тормозили их дальнейшее развитие. Причем, в условиях губернии, где население было многонациональным, феодально-крепостнический гнет сопровождался жестоким национальным гнетом со стороны царизма. Это в еще большей степени задерживало экономическое развитие.

Но несмотря на это, социально-экономическое развитие губернии шло по пути дальнейшего роста товарного хозяйства и капитализма. Казанской губернии принадлежало значительное место на внутреннем и внешнем рынках России. Казань являлась крупным торговым центром. В 1846 году военный губернатор отмечал, что „Казань есть пункт, соединяющий торговые сношения России с Азией, в этом отношении она стоит на высокой степени в ряду губернских городов России“². Из губернии в большом количестве вывозились промышленные товары, сельскохозяйственные продукты и сырье. В 1856 году среднегодовой вывоз достиг приблизительно суммы в 10 миллионов рублей³.

Среди товаров, вывозившихся из губернии, первостепенное значение имел хлеб. В 1844 году с пристаней рек края было отгружено хлеба на 2951558 рублей, в 1846 году — на 4259905 рублей. В последующие годы, в связи с неурожаями, вывоз хлеба сократился, но к 1854 году он снова поднялся — в денежном выражении до 3278369 рублей⁴. В 1856 году только водным путем было отправлено хлеба на 4,5 миллиона рублей, что составляло 56% общего вывоза⁵.

¹ П. Кеппен. Девятая ревизия. СПб, 1857, стр. 62, 63.

² ЦГА ТАССР, ф. 1, оп. 2, арх. № 561, 1847, л. 63.

³ Там же, ф. 1, оп. 2, арх. № 1215, 1856, л. 5.

⁴ Материалы для статистики России, вып. IV, СПб, 1861 г., стр. 27—28.

⁵ ЦГА ТАССР, ф. 1, оп. 2, арх. № 1215, 1856, л. 2.

¹ ЦГА ТАССР, ф. 1, 1905 г., д. 3114, лл. 6—7.

² Там же, ф. 2, 1905 г., д. 666, л. 75.

Хотя в промышленном отношении Казанская губерния и отставала от центральных районов страны, она была широко известна кожевенным, мыловаренным, свечным, поташным, кумачным и другими видами производства. Промышленность из года в год развивалась не только в городе, но и в деревне. В 1842 году в губернии насчитывалось 231 предприятие, из них в Казани находилось 152, в уездных городах — 7, в селах и деревнях — 72; в целом эти предприятия выпускали продукции на 1 568 150 рублей в год¹. К 1857 году число предприятий возросло до 263, из них в Казани находилось 127, в уездных городах — 24, в селах и деревнях — 112. Они вырабатывали продукции более чем на 5 миллионов рублей серебром в год². В Казани имелось только 2 предприятия, которые находились в руках дворян. Остальные предприятия принадлежали купцам и мещанам, из них $\frac{2}{3}$ русским и $\frac{1}{3}$ татарам. Это были мануфактуры капиталистического типа, где работало до 3 тысяч вольнонаемных рабочих. В уездных городах и селах часть предприятий принадлежала помещикам (винокурные заводы, суконные, полотняные, поташные и др. заведения). На них применялся малопродуктивный крепостной труд. Удельный вес этих предприятий в общем промышленном производстве год от года понижался. И, наоборот, постоянно возрастало значение купеческих мануфактур, сосредоточенных главным образом в уездных городах и казенных селениях. Так, в 1842 году в деревне Верески имелось 4 купеческих предприятия: 3 кумачных и китаечных³, дававших продукции на 10 427 рублей в год, и одно кожевенное, где выделялось кож на 1600 рублей в год⁴. Нет сомнения, что эти мануфактурные заведения выросли на основе крестьянской кустарной промышленности. Стремление купечества основать мануфактурные предприятия непосредственно в деревне объясняется тем, что там, имелась дешевая рабочая сила — разорившиеся крестьяне, которые в силу крепостнических порядков не могли переселиться на жительство в город. В связи с этим В. И. Ленин отмечал: „Мужика не пускают на фабрику, — фабрика идет к мужику“⁵.

Техническая оснащенность предприятий Казанской губернии была крайне низка, всюду господствовал изнурительный ручной труд. „Способы обработки материалов, — писал в 1845 году военный губернатор о казанских фабриках, — обветшалые и несовершенные, отчего и промышленность сия не имеет желаемого развития“⁶.

Но ростки нового наблюдались и здесь. Несмотря на общую отсталость и крепостнические преграды, начали постепенно возникать фабрики и заводы с машинным оборудованием. В 1844 г. купец Богданов вместе с иностранцем Францем Пфафа выстроил в г. Казани бумагопрядильную фабрику, оснатив ее машинами, приобретенными за границей. Эта фабрика снабжала пряжей местные китаечные мануфактуры⁷. В 1855 г. начал свою деятельность мыловаренный завод братьев Крестовниковых. В эти же годы в Спасском затоне открылись судоремонтные мастерские — „пароходномашинная фабрика общества Кавказ и Меркурий“⁸. Для содействия развитию промышленности и торговли в 1848 году в Казани был открыт „общественный банк“⁹.

¹ ЦГА ТАССР, ф. 1, оп. 2, арх. № 351, 1842, лл. 810—811.

² Материалы для географии и статистики России. Казанская губерния, Спб, 1861, стр. 354.

³ Предприятия, которые вырабатывали ткани.

⁴ ЦГА ТАССР, ф. 1, оп. 2, арх. № 351, 1842, л. 264.

⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 459.

⁶ ЦГА ТАССР, ф. 1, оп. 2, арх. № 470, 1845, л. 27.

⁷ Там же, арх. № 471, 1845, лл. 57—58.

⁸ Материалы для географии и статистики России. Казанская губерния, стр. 356.

⁹ ЦГА ТАССР, ф. 1, оп. 2, арх. № 642, 1848, лл. 31, 32.

Об оживленной деятельности местной промышленности в 50-х гг. XIX в. свидетельствует вторая казанская выставка 1852 г., в которой приняли активное участие казанские предприниматели. Мануфактурный отдел был самым богатым. Кожевенная промышленность демонстрировала здесь прекрасные образцы кожи. Наибольшее одобрение заслужила подошвенная кожа „редкой доброты“, представленная купчихой М. Адашевой. За выставленные кожи хорошего качества были отмечены похвальными листами купцы Апанаев, Азметьев, Петр и Иван Котеловы. Владельцы химических предприятий представили на выставку различные краски, имевшие важное значение в текстильном производстве, сахар и патоку, выработанные из картофеля и т. д. „Химические заводы в Казани, — писал проф. Казанского университета Киттары, — суть заведения самых новейших времен, которые недавно только начали производить свои продукты в столь обширных массах, что сбывают их в Нижний, Москву и др. города“. Купец Савватьев представил прекрасные образцы краски „кровяной соли“, полученной из отвара обрезков кож, копыт, рогов, железной окалины, поташа и пр. „Савватьев, — писал Киттары, — первый открыл в больших размерах приготовление этой краски, первый дал применение продуктам прежде почитавшимся никуда негодными“. Купец Бахран представил на выставку голову „твердого картофельного сахара“, произведенного на его предприятии¹.

Наряду с развитием торговли и промышленности происходил рост буржуазии. Об этом свидетельствует следующая таблица².

Годы	Количество объявленных капиталов			Всего	
	I гильдии	II гильдии	III гильдии	колич. капиталов	сумма, объявл. капиталистами
1846	14	52	467	533	1 642 809
1850	18	43	483	544	1 185 400
1856	15	52	609	676	1 953 000

Из таблицы видно, что за 10 лет количество капиталов, объявленных купцами, возросло на 21,5%.

Вместе с русской развивалась и татарская буржуазия. В 1852 году из 554 объявленных капиталов 116 принадлежали татарским купцам, в том числе 5 — I гильдии, 9 — II гильдии, 102 — III гильдии³.

Таким образом, в 40—50-х гг. XIX в. в Казанской губернии, как и во всей России, несмотря на господство крепостного строя, скрывавшего развитие производительных сил, развивался и укреплялся новый капиталистический уклад. Капиталистические отношения глубоко проникали и в феодально-крепостническую деревню, особенно в государственную (казенную) деревню. В. И. Ленин отмечал, что среди „государственных крестьян меньше царя кабала и быстрее развивалась крестьянская буржуазия“⁴.

Государственные крестьяне, как феодально-зависимые от государства, с начала XVIII в. платили в казну феодальную денежную ренту (оброк), что содействовало разложению натурального хозяйства. В. И. Ленин писал, что „денежные оброки и подати были в свое время важным фактором развития обмена...“⁵.

¹ ЦГА ТАССР, ф. 1, оп. 2, арх. № 782, 1851, лл. 149—151.

² Там же, арх. № 520, 1846, л. 31; арх. № 739, 1850, л. 35; арх. № 1215, 1856, л. 2.

³ ЦГА ТАССР, ф. 1, оп. 2, арх. № 838, 1852, л. 48.

⁴ В. И. Ленин. Соч. т. 13, стр. 302.

⁵ Там же, Соч. т. 3, стр. 126.

В Казанской губернии государственные крестьяне составляли 76,2 процента всего населения¹. В 1851 г. государственных крестьян насчитывалось 502 183 души мужского пола, из них татар — 39,5%, чуваш — 30,3%, русских — 20,7%, мари — 7,7%, мордвы — 1,2%, удмуртов — 0,6%².

В 40—50-е годы XIX в. государственная деревня твердо встала на путь товарного производства и развития капитализма. Некоторое влияние на это оказала реформа управления государственными крестьянами, которая была осуществлена царскими властями в течение 40—50-х годов XIX в. Этой реформой, вызванной сбоистрившимся кризисом феодально-крепостнических отношений, царское правительство стремилось укрепить феодальные органы управления казенной деревней, законодательно закрепить незыблемое право собственности казны на землю, находившуюся в фактическом владении государственных крестьян, и в рамках феодально-крепостнических отношений поднять экономический уровень деревни и тем самым повысить ее способность к выплате феодальной денежной ренты. В связи с этим делалась попытка уравнивать земельные наделы, наделить земель малоземельных крестьян, повысить культуру земледелия, распространить среди зажиточных крестьян высокосортные семена, внедрить посевы картофеля, поощрить развитие крестьянской промышленности. В селениях разрешалось открывать новые торговые пункты (базары) для сбыта продуктов, создавать вспомогательные и сберегательные кассы, дававшие возможность крестьянам получать мелкий кредит. В Казанской губернии первые вспомогательные кассы были открыты в 1845 г. в 5 „наиболее промышленных волостях: Муслимкинской (Чистопольской уезд), Исаковской и Козьмодемьянской (Свияжский уезд), Аленкинской (Царевококшайский уезд), Сундырской (Чебоксарский уезд). Для них было выделено 3 тысячи рублей из „хозяйственного капитала“³. В дальнейшем вспомогательные кассы открывались и в других волостях: в 1856 г. их насчитывалось уже 31⁴.

В результате реформы денежные платежи крестьян значительно возросли. Увеличение размера денежных платежей и развитие товарно-денежных отношений привело к тому, что крестьяне больше стали выносить на рынок продуктов своего труда. В сельских местностях губернии постоянно действовали базары и ярмарки. В 50-х годах XIX в. насчитывалось до 124 базаров и 23 ярмарок. Не было ни одного дня в неделю, чтобы не функционировало где-либо 12—25 базаров⁵. Развитие рыночных пунктов особенно наблюдалось в государственной деревне. Если в 1842 году имелось 9 ярмарок и 78 базаров, то к 1846 г. число базаров увеличилось до 86. На них продавалось различных товаров на 400 тысяч рублей⁶.

Главными предметами торговли являлись хлеб, кожи, мед, воск, масло, сало, деревянная и глиняная посуда, земледельческие орудия, кузнечные изделия, обувь и другие промышленные товары. Среди этих товаров основное место занимал хлеб.

¹ П. Кеппел. Девятая ревизия, стр. 63.

² Материалы для статистики России, вып. III, IV, V, Спб., 1861, стр. 159—162.

³ ЦГААЛ, ф. 383, оп. 7, арх. № 6116, 1844, лл. 2—6; примечание: „хозяйственный капитал“ создавался за счет отчислений из сумм общественного сбора, взимаемого с крестьян, штрафов, мирских оброчных статей и т. п. и предназначался для поднятия культуры сельского хозяйства.

⁴ Там же, оп. 20, арх. № 26839, 1857, л. 26.

⁵ Материалы для географии и статистики России. Казанская губерния, стр. 418—419.

⁶ ЦГА ТАССР, ф. 1, оп. 2, арх. № 351, 1842, л. 214; ф. 91, оп. 3, арх. № 154, 1846, л. 562.

Нужда в деньгах, необходимых для уплаты податей, заставляла многих крестьян продавать почти весь имеющийся хлеб. Хлеб закупался у крестьян как на базарах, так и непосредственно в селениях купцами и их агентами — приказчиками, а также мелкими деревенскими скупщиками — кулаками. По сведениям 1846 г. в казенных селениях постоянно проживало 86 душ мужского пола купцов и 405 душ м. п. мещан, занимающихся торговлей. Кроме них, в деревнях имелось много временно проживающих купцов и мещан, приезжающих для торговли на ярмарках и базарах¹.

Пользуясь тем, что крестьянам в ноябре — декабре нужно было вносить оброки и подати, торговцы назначали низкие цены на хлеб². Зачастую они давали крестьянам деньги вперед, заставляя впоследствии выплачивать долг хлебом по назначенным ими ценам. При торговых сделках купечество обманывало крестьян, особенно чуваш, мари, сплавляя их вином. В базарные дни агенты купцов и мелкие скупщики встречали крестьян за чертой города и, не допуская их до рынка, зазывали к себе во двор, где за стаканом вина крестьянин отдавал последний хлеб по невыгодной цене. В 1843 г. министр государственных имуществ П. Д. Киселев, проезжая через селения Казанской губернии, заметил, что хлеб у чуваш скупался на 25% дешевле, чем у русских³.

На рынке крестьянин сбывал не только продукты своего труда, но и покупал все необходимое для своего хозяйства, например, деготь, колеса, ободья, косы, различные ткани, пряности и т. д. В 50-х гг. XIX в. в одном только Чистопольском уезде на базарах разбирались крестьянами до 12 тысяч импортных кос⁴.

Товарное производство имело место не только в земледелии, но и в мелких крестьянских промыслах. В связи с реформой управления государственными крестьянами ремесло, являющееся дополнением крестьянского хозяйства, стало быстрее развиваться в государственной деревне. В 1842 г. согласно указанию Министерства государственных имуществ Казанская палата государственных имуществ отдала 100 крестьянских мальчиков ремесленникам г. Казани для обучения различному ремеслу, необходимому в быту крестьянина: кузнечному, слесарному, столярному, сапожному, печному и т. д.⁵. Это практиковалось и в последующие годы. В 1846 г. у ремесленников обучались 34 мальчика из казенных крестьян⁶. На северо-восточной учебной земледельческой ферме, созданной в 1846 году, крестьянская молодежь обучалась не только рациональному ведению земледелия, но и ремесленному мастерству: столярному, токарному, тележному, бойдарному, кожевенному и т. п.⁷.

Ввиду отсутствия полных статистических данных (тогда еще не производилось кустарно-промысловой переписи), трудно проследить динамику развития ремесленного производства в деревне. Но отдельные сведения по этому вопросу говорят о наличии ремесла в деревне. Так, в 1850 г. в Цивильском уезде имелось 107 хозяйств, где крестьяне наряду с земледелием занимались ремеслом. В Козьмодемьянском уезде среди государственных крестьян было 80 портных, 25 сапожников, 52 кузнеца, 2 слесаря, 2 столяра, 5 токарей, 100 плот-

¹ ЦГА ТАССР, ф. 91, оп. 3, арх. № 154, 1846, л. 529а.

² Там же, ф. № 1, оп. 2, арх. № 1084, 1856, лл. 8, 9.

³ ЦГИАЛ, ф. 381, оп. 2, арх. № 505, 1843, л. 515.

⁴ Материалы для географии и статистики России. Казанская губерния, стр. 422.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 383, оп. 2, арх. № 1258, 1839, лл. 1, 2, 144, 145; ЦГА ТАССР, ф. 1, оп. 2, арх. № 351, 1842, л. 216.

⁶ ЦГА ТАССР, ф. 91, оп. 3, арх. № 154, 1846, л. 561.

⁷ Журнал Министерства государственных имуществ (ЖМГИ), 1857, ч. 64, стр. 35—37.

ников, 5 овчинников, 65 колесников и санников, 15 кирпичников, 20 пряничников и т. д.¹ По сообщению земского исправника, в Чебоксарском уезде часть крестьян являлась плотниками, кузнецами, мастерами, умеющими делать телеги, сани, колеса, оси и т. д. Чуваши ткали кули и рогожи, производили мочало и корье для продажи. Русские строили речные суда, торговали мочальными изделиями, дегтем². Некоторые крестьяне-ремесленники имели у себя учеников-подмастерьев. Так, в Чистопольском округе в 1855 году на 78 сапожных мастеров приходилось 10 учеников, на 107 портных мастеров — 25 учеников. Средний годовой заработок сапожного мастера достигал 100 рублей, портного — 220 рублей³.

Крестьянское ремесло еще не было оторвано от земледелия. Рассеянные по деревням, крестьяне-ремесленники производили изделия главным образом по заказу потребителя. В. И. Ленин назвал эту стадию крестьянского ремесла „первой формой промышленности, отрываемой от патриархального земледелия...“⁴

Но многие сельские ремесленники были уже связаны с рынком, т. е. производили изделия непосредственно на рынок. Если ремесленник переходит к производству на рынок, писал В. И. Ленин, то он делается товаропроизводителем⁵. О том, что сельские промышленники выступали как товаропроизводители, говорят вышеприведенные факты. Лучше всего это можно проследить на примере Казанского уезда, где у государственных крестьян, — особенно подгородных сел, — ремесло наряду с земледелием играло видную роль. „Выделка разного рода изделий, — писал Целинский, — как, например, делание саней, дровень, тарантасов, телег, колес, ободьев для них, полозьев для саней, изготовление бондарной посуды, равно как и выделка глиняной посуды, — составляют довольно значительные отрасли промышленности здешних крестьян“⁶. В с. Пестрецы крестьяне делали сани, глиняную посуду, в д. Улановой — сани и паркет для полов. В с. Чурилово некоторые крестьяне занимались „красильным мастерством“. В сс. Борисовка и Ометьево многие крестьяне имели гончарное производство, сбывая глиняную посуду в ближайших селах и в Казани. В с. Архангельском крестьяне занимались шапочным, башмачным и сапожным мастерством, в с. Чернополье — делали разные экипажи, кибитки и т. д.⁷

При изготовлении изделий наблюдалось разделение труда между отдельными селами. „Замечательно притом, — писал тот же Целинский, — что им (крестьянам — М. С.) известно разделение труда, этого необходимого двигателя к усовершенствованию и успеху каждой промышленности. Доказательством этому служит то, что по большей части при приготовлении какого-либо рода изделий одни работы, например, деревянные, производятся в одной деревне, в другой же к этим самым изделиям делаются железные принадлежности“⁸.

При таком разделении труда сельский ремесленник уже не мог обойтись без рынка. Ему необходимо было не только реализовать продукты своего труда, но и приобрести нужные полуфабрикаты. Здесь играли большую роль скупщики, занятые операциями по сбыту продуктов и закупке сырья. Постепенно подчиняя себе непосред-

ственных производителей, скупщики зачастую превращались в капиталистов-промышленников. За определенную плату они раздавали материалы ремесленникам-крестьянам, работающим на дому, и превращали их в полунаемных рабочих на дому. Так, многие государственные крестьяне с. Малые Дербышки выделяли у себя на дому кожи для „казанских заводчиков“. Крестьяне с. Высокая Гора также занимались „кройкой сапожного на солдат материала“, раздаваемого предпринимателями-фабрикантами. В д. Верхние Вережи, где имелись китаечные предприятия, принадлежавшие купцам, крестьяне брали на дом ткать китайку из „хозяйских материалов“. В с. Кшкары Больше-Менгерской волости имелась купеческая кумачная „фабрика“. Многие крестьяне этой волости также ткали на дому „кумачи и китайку из хозяйских материалов“¹.

В северо-западной части Казанской губернии (Царевококшайский, Чебоксарский, Ядринский и Козмодемьянский уезды) у государственных крестьян (чуваши, мари) значительное место занимали лесные промыслы, особенно мочальные. Они являлись важным источником для уплаты податей и оброка. Крестьяне этих уездов не только рубили лес и сплавляли его, но и заготавливали в большом количестве мочало, ткали из него рогожи, кули, цыновки.

Центром сбыта этих изделий являлись г. Казань и приволжские села Коротни и Сундырь. В Казань только из Царевококшайского уезда привозилось 216 тысяч рогож в год (3600 подвод). Особенно много привозилось мочала. В Казани имелось специальное предприятие, вырабатывавшее судовые мочальные хомуты. В 1839 г. в с. Коротни было доставлено из Казанской и Вятской губерний до 700 тыс. кулей, 120 тыс. цыновок; в 1840 г. — 250 тыс. рогож; кроме этого, сюда ежегодно доставлялось от 20 до 40 тыс. штук лубьев, от 20 до 25 тыс. пудов мочала. В с. Сундырь привозилось ежегодно около 200 тыс. рогож. Все это сплавлялось по Волге в разные города. Обычно торговый сезон наступал в феврале — марте месяце, когда крестьянам надо было платить подати и оброк. Сбыт этих изделий находился главным образом в руках скупщиков-монополистов, вышедших из среды разбогатевших крестьян². Это свидетельствует о развитии капиталистических отношений в крестьянских мелких промыслах. В. И. Ленин указывал, что „работа на скупщика принадлежит большей частью к капиталистической мануфактуре“³.

Развитие капиталистических отношений в государственной деревне усилило процесс расслоения крестьянства. Государственная деревня Казанской губернии, вопреки крепостническим преградам, постоянно выделяла, с одной стороны, класс сельской буржуазии, а с другой — „класс наемных рабочих с наделом“⁴. В условиях крепостного строя это было прогрессивным явлением. „Разложение крестьянства, — писал В. И. Ленин, — создает внутренний рынок для капитализма“⁵.

Зажиточные крестьяне были во всех деревнях — не только среди русских крестьян, но и среди татар, чуваш, мари, удмуртов. Хозяйственная деятельность их была обширна. Они занимались не только земледелием, но и торговлей. Так, например, в 1855 г. в Цивильском округе среди государственных крестьян было 11 человек, занимавшихся торговлей по торговым свидетельствам; каждый из них имел в среднем оборот на 2960 рублей в год. Кроме них, 92 человека занимались мелочной торговлей, разнося товар по селам. В Цивильском

¹ ЦГА ТАССР, ф. 91, оп. 3, арх. № 154, 1846, л. 112.

² Там же, ф. 1, оп. 2, арх. № 351, 1842, л. 347.

³ Там же, арх. № 1084, 1855, л. 284.

⁴ В. И. Ленин. Соч. т. 3, стр. 285—286.

⁵ В. И. Ленин. Там же, стр. 288.

⁶ ЖМГИ, 1854, ч. 52, стр. 45.

⁷ ЦГА ТАССР, ф. 1, оп. 2, арх. № 1086, 1855, лл. 102, 106, 168, 171—173; ЦГИАЛ, ф. 383, оп. 10, арх. № 9054, 1847, л. 1.

⁸ ЖМГИ, 1854, ч. 52, стр. 45.

¹ ЦГА ТАССР, ф. 1, оп. 2, арх. № 1086, 1855, лл. 101, 107, 137, 138, 139.

² П. Кеппен. О мочальном промысле. ЖМГИ, 1841, ч. II, кн. 3, стр. 17—40.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 402.

⁴ Там же, т. 3, стр. 145.

⁵ Там же, т. 3, стр. 148.

округе на 13912 крестьянских хозяйств приходилось 132 торговца. В Козмодемьянском округе было 76 торговцев, в Мамадышском — 153¹. В д. Янчиковой, Казанского округа, на 562 души м. п. приходилось 11 торговцев, в д. Большая Нурма — на 340 душ м. п. 5 торговцев, в д. Карамыш-Казамбаш — на 417 душ м. п. — до 10 торговцев и т. д.² Среди государственных крестьян встречались — правда, в крайне незначительном количестве — крупные капиталисты — торговцы и судовладельцы³.

В руках зажиточных крестьян находились мирские и казенные оброчные статьи⁴, эксплуатировавшиеся ими за ничтожную арендную плату. До 1845 г. эти статьи сдавались с торгов всем сословиям. Нередко случалось так, что купечество, как экономически наиболее сильное сословие, забирало на торгах большинство статей в свои руки, а затем раздавало в аренду по повышенной плате тем же крестьянам.

В 1845 г. Министерство государственных имуществ, делая известную уступку капиталистическим элементам деревни, распорядилось отдавать в аренду мирские и казенные оброчные статьи в первую очередь государственным крестьянам⁵. Арендаторы этих статей, преимущественно зажиточные крестьяне, получали большие прибыли, увеличивая таким образом свои богатства. Богатей-кулаки брали в аренду или за долги наделенную землю у бедных крестьян, не имевших возможности обработать и обсеменить свои поля и уходивших из деревни на посторонние заработки. Особенно это практиковалось в неурожайные годы, когда многие крестьяне не имели даже семян⁶.

Некоторые богатые крестьяне, не ограничиваясь общинным наделом, покупали участки земли в личную собственность. Количество таких крестьян и земли, приобретенные ими на основе закона 1801 г., постоянно возрастали. Если в 1835 г. собственников-землевладельцев насчитывалось 507 душ м. п., имевших 2334 десятины, то к 1858 г. они уже составляли 1678 душ м. п. и им принадлежало 3668 десятин земли⁷.

Зажиточный крестьянин обычно имел полный двор различного скота. Так, например, у богатого крестьянина-татарина Захредти из д. Епанчино, Казанского округа, насчитывалось 12 лошадей, 5 коров, 25 овец, 6 коз⁸.

Отдельные государственные крестьяне, накопившие крупные капиталы, несмотря на крепостнические преграды, порывали с земледелием и переходили в сословие купечества и мещанства. Так, с 1840 по 1850 г. из состава государственных крестьян Казанской губернии перешло в сословие купцов и мещан 302 души м. п.⁹ Имеются факты, когда целые казенные села изъявляли желание о переходе в городское сословие. В 1841 г. жители с. Сундырь с прилегавшими к нему деревнями (Коновалово, Денисово, Ворошилово, Моляково, Новый Починок) обратились к правительству с ходатайством о переименовании с. Сундырь в город. Село Сундырь

было значительным торговым и промышленным центром. В нем имелось 42 лавки, 6 мельниц, большой базар, 2 перевоза и т. д. Из 1443 душ м. п., пожелавших стать горожанами, 13 человек уже объявили себя купцами. Правда, это стремление казенных крестьян натолкнулось на бюрократические рогаки правительства и только в 1856 г., после длительных и настойчивых хлопот, село Сундырь было переименовано в Марининский Посад¹.

Картина развития капиталистических отношений получилась бы не полной, если бы мы охарактеризовали только растущие буржуазные элементы. Сельская буржуазия не могла существовать без беднейшего крестьянства, без его эксплуатации. Рождаясь сама, она в массовом масштабе порождает и свою противоположность — деревенскую бедноту. Последняя только номинально владела земельным наделом. Она не в состоянии была обрабатывать его, так как не имела рабочего скота, а зачастую и хозяйства вообще.

В 1846 г. казанский земский исправник писал, что в „каждом селении найдется много таких поселян, которые не только что не имеют у себя лошадей, но и никакого хозяйства“². Ярким примером этого может служить д. Янтыки, Шолинской волости, Ланшевского уезда. Согласно подворному списку, составленному в 1840 г. крестьянами этой деревни на предмет получения хлеба в ссуды, из 67 хозяйств 4 имело по 2 лошади, 29 — по 1 лошади, 34 хозяйства были безлошадные, причем в числе безлошадных 25 не имели даже коров, а 3 хозяйства — ни скота, ни домов³. По сведениям 1858 года, среди русских государственных крестьян безлошадные составляли 9,7%, среди татар — 14,2%, чуваш — 4,9%, мари — 5,8%, мордвы — 4,4%, смешанных национальностей — 6,9%⁴.

Деревенская беднота находилась в крайне тяжелом положении. Она подвергалась не только феодальной, но и капиталистической эксплуатации. В 1856 г. Казанская комиссия по уравниванию денежных сборов с государственных крестьян, изучая экономику деревни, отмечала наличие вольнонаемных работников в земледелии, которых „нанимают зажиточные крестьяне“⁵. Для того времени наемный труд был распространен довольно широко. Согласно заключению комиссии, сделанному на основе собранных ею данных, из 100 крестьян 10 „имели наемного работника или работницу“⁶. Правда, случаи найма работников на весь год встречались очень редко. Пользуясь бесплатным питанием и одеждой хозяина, они получали не более 18—20 руб. в год. Женщин-работниц, нанимавшихся на годичный срок, почти нигде не встречалось, за исключением Казанского уезда, где они работали бесплатно, только за „харчи и одежду“. Богатые крестьяне нанимали работников большей частью на 7 месяцев, т. е. на сезон земледельческих работ, с уплатой от 13 до 16 рублей, не считая бесплатного питания. Женщин обычно нанимали только на три месяца, на период уборки хлеба, с оплатой не более 5—6 рублей. Широко применялся поденный наемный труд, особенно в разгар уборки хлебов. Мужской рабочий день стоил в среднем не более 16—18 коп., женский — 10—13 коп. Там, где крестьяне страдали от малоземелья, имелось много свободных рабочих рук, поэтому условия найма были особенно кабальными. В таких местах,

¹ ЦГА ТАССР, ф. 1, оп. 2, арх. № 1084, 1855, лл. 110, 193, 197, 230.

² Там же, арх. № 1086, 1855, лл. 108—121 и сл.

³ Там же, ф. 402, оп. 1, арх. № 4, 1856, л. 161.

⁴ К мирским и казенным оброчным статьям относились мельницы, рыбные ловли, постоянные дворы, базары, неиспользованные земли, предприятия, которые принадлежали или сельской общине, или казне и сдавались в аренду.

⁵ ЦГА ТАССР, ф. 1, оп. 2, арх. № 426, 1844, л. 57.

⁶ Там же.

⁷ ЖМГИ, 1858, ч. 69, стр. 221, 225, 292.

⁸ А. Гастгаузен. Исследование внутренних отношений народной жизни и особенно сельских учреждений России. М., 1870, стр. 336.

⁹ ЖМГИ, 1857, ч. 63, стр. 97.

¹ ЦГИАЛ, ф. 383, оп. 8, арх. № 6966, 1845, лл. 1—9, 36, 94, 181.

² ЦГА ТАССР, ф. 1, оп. 2, арх. № 562, 1847, л. 38.

³ Там же, ф. 91, оп. 3, арх. № 45, 1840, лл. 9, 10.

⁴ Аграрный вопрос и крестьянское движение в Татарии. XIX в. М. — Л., 1936, стр. XXXI.

⁵ ЦГА ТАССР, ф. 402, оп. 1, арх. № 4, 1856, л. 40.

⁶ Там же, л. 94.

по сообщению комиссий, работники нанимались „за самую малую плату, более ради харчей и одежды, а работницы — нипочем“¹.

Деревня не могла полностью поглотить свободные рабочие руки. Голод, нищета и непомерно высокие феодальные денежные платежи заставляли крестьян, особенно бедных и малоземельных селений, искать дополнительных, неземледельческих заработков.

О степени развития неземледельческих отхожих промыслов среди крестьян можно судить по количеству выдаваемых паспортов и билетов, без которых ни один крестьянин не мог отлучиться из деревни.

Сведения о паспортах, выданных государственным крестьянам Казанской губернии, представлены в следующей таблице².

Годы	Число паспортов					
	3-годовых	2-годовых	годовых	полуго- довых	билетов	итого
1843	64	206	3400	2346	—	6016
1844	69	205	3111	2529	—	5914
1845	80	169	3207	2330	36198	41984
1846	60	207	3112	1862	38169	43410

Таблица показывает, что неземледельческий отход среди государственных крестьян занимал большое место. В 1846 г. он отвлёк из деревни 9,4% от общего количества населения мужского пола. Основная масса крестьян уходила из деревни на короткий срок, не больше чем на один сезон, о чём свидетельствует количество выданных полугодовых паспортов и билетов, но многие отлучались и на более длительное время — на год-два, даже и на три.

Наибольшее число занимающихся отхожим промыслом давали Казанский, Мамадышский, Тетюшский и Козмодемьянский округа. Это объясняется не только тем, что здесь крестьяне страдали от малоземелья, но и большей степенью экономического развития этих округов (например, Казанского).

Среди крестьян, бравших паспорта на право отлучки из деревни, много было торговцев, разъезжавших по ярмаркам и базарам. Но основная масса — это трудовое крестьянство, в свободное от полевых работ время уходившее на вырубку и сплав леса, в извоз или нанимавшееся шить одежду, строить дома, бурлачить, работать на купеческих предприятиях, находящихся как в городе, так и в деревне, и т. д.³ Внаем к нарождающейся буржуазии шли в первую очередь бедные, многосемейные и малоземельные крестьяне. „К заработкам прибегают крестьяне обыкновенно для уплаты денежных сборов, — отмечала комиссия для уравнивания денежных сборов, — в особенности бедные или многосемейные, или когда земельный надел недостаточен“⁴.

Наибольшее количество рабочих рук поглощали Волга и Кама. В 1856 г. военный губернатор писал, что по примерному исчислению на Волгу ежегодно уходило бурлачить до 20 тыс. человек⁵. Это

¹ ЦГА ТАССР, ф. 402, оп. 1, арх. № 4, 1856, лл. 40—44, 82—84, 94—95 (ср. „Материалы для статистики России. Казанская губерния“, вып. IV, стр. 34—40).

² Таблица составлена на основе: 1) приложений к отчету МГИ, опубликованных в ЖМГИ, ч. 12, прил. № 5; 1845 г., ч. 17, прил. № 5; 1846 г., ч. 21, прил. № 8; 2) сведений Казанской ПГИ (ЦГА ТАССР, ф. 91, оп. 3, арх. № 154, 1846, л. 717).

³ ЦГА ТАССР, ф. 1, оп. 2, арх. № 351, 1842, лл. 347, 423, 451, 539; арх. № 561, 1847, лл. 64, 65; ф. 402, оп. 1, арх. № 4, 1856, лл. 40, 82, 160.

⁴ Там же, ф. 402, оп. 1, арх. № 4, 1856, л. 161.

⁵ Там же, ф. 1, оп. 2, арх. № 1215, 1856, л. 3.

были беднейшие крестьяне, искавшие средств для существования и для уплаты государственных податей. Каторжный труд бурлака, подрывавший силы и здоровье, оценивался чрезвычайно низко. Капиталисты-судовладельцы самым жестоким, бесчеловечным образом эксплуатировали нанявшихся к ним крестьян. Бурлаки вели стихийную борьбу против своих эксплуататоров. Не вытерпев изнурительного труда, они зачастую бросали работу и убегали, не выполнив заключенного контракта. Это обстоятельство заставило купца Воробьева из гор. Козмодемьянска Казанской губернии обратиться в Министерство государственных имуществ с проектом „об улучшении состояния казенных крестьян, нанимающихся на суда по р. Волге“. Этот „проект“ и переписка, возникшая в связи с ним, интересны не столько своими предложениями, сколько сведениями о тяжком положении бурлаков.

Судовладельцы, сообщает Воробьев, нанимали бурлаков еще в ноябре — декабре — январе, т. е. тогда, когда крестьяне крайне нуждались в деньгах для уплаты податей. Находясь в безвыходном положении, крестьянин вынужден был при найме соглашаться на любые условия, которые ему предлагались. Получив задаток в размере 18—20—22 рублей ассигнациями, он обязывался тянуть бечевой купеческий груз „тысячу и более верст за ничтожную цену, достигавшую только 35—40—45 рублей ассигнациями, на своем содержании“. Денег, выданных в задаток, едва-едва хватало на уплату податей за одну половину года только за 2 ревизских души. Остальные деньги проедались в пути. Крестьянин, нанявшийся в бурлаки, оставлял земледелие и нередко отдавал свою землю в аренду кулаку.

Таким образом, и феодально-крепостническое государство, и купец, и деревенский кулак, как пиявки, высасывали из крестьянина последние соки. Даже жестокий эксплуататор купец Воробьев вынужден был признать, что крестьяне-бурлаки „претерпевают с семействами тяжкие и несносные недостатки в содержании, теряют собственность, силы и здоровье до невероятия, и самую нередко получают смертность люди возмужалые“. Бурлак должен „вечерних и утренних зорь не просыпать“, никаких „отговорок не иметь“, проходить ежедневно по 40—50 верст, не получая даже двухчасового спокойного отдыха в сутки. В таких условиях рабочие в течение одной-двух недель совершенно теряли силы и делались немощными. Тогда хозяева нанимали других, а ослабевших оставляли на чужбине „изнемогшими и без денег“. Когда рабочие получали увечье или заболевали, их безжалостно бросали в пути без всякой помощи, на верную гибель¹.

Такова ужасная картина изнурительного труда бурлаков, нарисованная купцом Воробьевым. Она подтверждается другими документами, возникшими в связи с обсуждением „проекта“ Воробьева. Доктор Септимер, находившийся при госпитале в г. Рыбинске, в своем письме в Министерство государственных имуществ указывает „на несчастное положение многих судорабочих, которые, заболев от чрезмерных трудов, часто умирают без врачебной помощи или же отправляются в госпиталь только тогда уже, когда болезнь сделалась неизлечимой“².

Бурлаки возвращались домой без копейки, изнуренные и больные, питаясь в дороге милостыней. Проходя по Арзамасскому тракту, они, как сообщал об этом управляющий Нижегородской палатой государственных имуществ, „от дурного продовольствия истощаются

¹ См. ЦГИАЛ, ф. 383, оп. 3, арх. № 3064, 1841, лл. 1—5.

² Там же, л. 17.

в силах и заболевают до того, что некоторые умирают в дорогах, а другие не имеют никаких средств к поддержанию жизни¹.

Царское правительство, несмотря на вопиющие факты, отнеслось к участи крестьян-бурлаков чисто бюрократически. Купец Воробьев в „проекте“ предлагал: 1) определить постоянную плату бурлакам в размере 25 коп. серебром в сутки на хозяйском продовольствии; 2) установить, чтобы судно двигалось не более 20 верст в сутки; 3) создать особый вспомогательный капитал для помощи больным и искалеченным, куда каждый судовладелец должен вносить от 20 до 25 коп. серебром с каждого нанятого им человека². Но для царского правительства оказалось неприемлемым даже и то, что предлагал Воробьев. Оно считало, что крестьяне занимаются бурлачеством не от нужды, а „по привычке, ради разгульной жизни“, что их бедственное положение происходит „не от недостатка узаконений“, а „единственно от неточного исполнения сих узаконений“. В связи с этим Министерство государственных имуществ обязало окружных начальников наблюдать, чтобы судовладельцы „достаточно вознаграждали труд крестьян-бурлаков“³. Это была бюрократическая отписка. Крестьяне, создававшие своим каторжным трудом огромные богатства купцам, по-прежнему кровавым потом зарабатывали деньги, необходимые для уплаты подушной и оброчной подати.

Большое количество государственных крестьян работало, особенно в зимнее время, на различных купеческих предприятиях. В 50-х гг. XIX в. число рабочих в Казани, по примерному исчислению, доходило до 3 тысяч. Около 6 тысяч человек работало на предприятиях, находившихся в уездных городах и деревнях⁴. Это были главным образом государственные крестьяне. Комиссия по уравнению денежных сборов в 1856 г. констатировала, что многие казенные крестьяне работают „по найму на казанских и некоторых других кожевенных, мыловаренных, свечных заводах и на ситцевых фабриках“⁵.

Особенно много рабочих рук давал Казанский округ. Крестьяне этого округа — русские и татары — обычно после окончания полевых работ отправлялись работать „на казанские кожевенные“ и др. заводы⁶. Некоторые крестьяне работали на „кумачных“ предприятиях, расположенных непосредственно в деревнях. Так, например, крестьяне дд. Московский Ключ и Байчуринский Ключ, „кроме хлебопашества, находились для заработка на соседних кумачных фабриках, содержащихся купцами“⁷. В Казань приходили крестьяне даже из южных уездов, которые также работали „на многочисленных казанских фабриках“⁸.

В Мамадышском округе многие крестьяне работали на медных рудниках и „медеплавительных заводах“⁹. Некоторые из них уходили на золотые прииски в Сибирь, куда нанимали их целыми партиями приезжавшие подрядчики¹⁰.

Крестьяне, работавшие на купеческих предприятиях города и деревни, подвергались беспощадной эксплуатации. За тяжелый и изнурительный ручной труд они получали ничтожную плату, ютились

¹ См. ЦГИАЛ, ф. 383, оп. 3, арх. № 3064, 1841, л. 17.

² Там же, л. 79.

³ Там же, лл. 7—10.

⁴ Материалы для географии и статистики России. Казанская губерния, стр. 355—356.

⁵ ЦГА ТАССР, ф. 402, оп. 1, арх. № 4, 1856, л. 160.

⁶ Там же, л. 82.

⁷ Там же, ф. 1, оп. 2, арх. № 1086, 1855, л. 105; см. другие деревни, лл. 107, 115, 121.

⁸ Там же, арх. № 561, 1847, л. 65.

⁹ Там же, ф. 1, оп. 2, арх. № 351, 1842, л. 539; арх. № 561, 1847, л. 65.

¹⁰ Там же, ф. 402, оп. 1, арх. № 4, 1856, л. 40.

в городе в сырых и холодных помещениях. „Эти крестьяне, — писал военный губернатор в 1844 г., — живут здесь (т. е. в Казани — М. С.) в тесных сырых и неудобных квартирах, ...предаются пьянству и истрачивают большую часть заработанных денег“¹. Особенно кабарально-тяжелые условия создавались для рабочих-отходников из крестьян нерусских национальностей, которым платили намного ниже, чем русским².

Однако неземледельческий отхожий промысел крестьян представлял „из себя явление прогрессивное“³. Он вырывал крестьян из забитой деревенской жизни, втягивал их в новые общественные отношения, формировал из них первые отряды рабочего класса — „наемных рабочих с наделом“⁴. Эта прослойка крестьян, чье хозяйство было разорено в результате нещадной эксплуатации, фактически уже не занималось земледелием. Она связана была с деревней только обязанностью отбывать феодальные денежные и натуральные повинности. Как показывают источники, многие бедные крестьяне жили главным образом наемным трудом. Летом они работали в хозяйстве деревенского кулака или бурлачили на Волге, а зимой шли в город на фабрики и заводы⁵. Некоторые из них постоянно проживали в Казани по паспортам. Так, в середине 50-х гг. в Казани насчитывалось примерно 1700 человек постоянных рабочих, из них 77% являлись государственными крестьянами⁶.

Неземледельческий отход был важен и в том отношении, что он позволял устанавливать тесное содружество русских крестьян с крестьянами нерусских национальностей. Русский, татарин, чувашин, мариец, встречаясь в одинаково тяжелых условиях труда и жизни на Волге, Каме и на промышленных предприятиях, учились друг у друга ненавидеть своих эксплуататоров, учились совместной борьбе против них.

Крепостнические порядки не давали возможности крестьянам-беднякам, живущим наемным трудом, окончательно оторваться от земледелия, от деревни и перейти в город. В этом заключалась причина слабого роста городского населения. Чтобы перейти в городское сословие, даже государственные крестьяне, у которых степень феодально-крепостнической зависимости была гораздо слабее, чем у помещичьих, должны были преодолеть множество чрезвычайно трудных формальностей, требующих времени и значительных материальных издержек. Они обязаны были не только разделаться со всеми повинностями, но и уплатить в казну специальный налог: при переходе в купечество по 40 руб., в мещанство — по 15 рублей с ревизской души.

Такие условия давали возможность переходить в город на постоянное жительство только зажиточным крестьянам. Что касается деревенской бедноты, то для нее этот путь был закрыт, ибо она не имела денежных средств и на ней всегда висели податные недоимки.

Тем не менее экономическое развитие страны настоятельно требовало постоянных рабочих в городе, не связанных с земледелием и занятых только на производстве. Недостаток свободной рабочей силы ощущался и в городах Казанской губернии. В 1844 г. военный губернатор отмечал, что городского населения, постоянно проживающего в городах Казанской губернии, „весьма недостаточно

¹ ЦГА ТАССР, ф. 1, оп. 2, арх. № 428, 1844, л. 36.

² Там же, ф. 402, оп. 1, арх. № 4, 1856, лл. 44, 82.

³ В. И. Ленин. Соч. т. 3, стр. 505.

⁴ Там же, стр. 145.

⁵ ЦГА ТАССР, ф. 402, оп. 1, арх. № 4, 1856, лл. 83—84.

⁶ Материалы для географии и статистики России. Казанская губерния, стр. 355.

для удовлетворения развивающейся в городах этих торговли и промышленности¹.

Учитывая требования развивающейся промышленности, он предложил правительству при переходе государственных крестьян в городское сословие упростить „многотрудные формальности“ и „немедленно отменить вышеупомянутый налог“². Но царизм боялся формирующегося пролетариата. Он всеми силами старался удержать разоренных крестьян в рутине деревенской жизни. В 1845 г. Комитет министров, после длительных и бесплодных обсуждений, вынес решение: предложение казанского военного губернатора оставить без последствий³.

* * *

Таким образом в 40—50-е годы XIX века, как показывает анализ документальных материалов, в Казанской губернии в целом, в том числе и в государственной деревне, происходил дальнейший рост производительных сил и развитие в недрах старой феодально-крепостнической экономики новых капиталистических производственных отношений.

В государственной деревне наблюдался не только рост товарного производства, имевшего место как в земледелии крестьян, так и в мелких крестьянских промыслах, но и процесс превращения товарного производства крестьян в капиталистическое. В связи с этим усилилось расслоение крестьянства на сельскую буржуазию и сельский пролетариат.

Сельская буржуазия занималась торговлей, заводила промышленные предприятия, наряду с наделенной землей пользовалась путем аренды казенными землями и земельными наделами разорившихся крестьян, приобретала землю в частную собственность, применяла наемный труд в хозяйстве, то есть начинала создавать капиталистический тип хозяйства.

Сельский пролетариат — это разорившиеся крестьяне, вынужденные продавать свои рабочие руки на рынке; в силу господства феодально-крепостнических отношений они были прикреплены к земельному наделу и несли все феодальные повинности и поэтому подвергались и феодальной, и капиталистической эксплуатации. Наличие наемного труда в сельском хозяйстве является важнейшим фактором, свидетельствующим о дальнейшем развитии капитализма в государственной деревне. В. И. Ленин понимал под капитализмом ту стадию „развития товарного производства, когда товаром становятся уже не только продукты человеческого труда, но и самая рабочая сила человека“⁴.

Но дальнейший рост производительных сил и соответствующих им капиталистических производственных отношений тормозился старыми феодально-крепостническими порядками. Объективные условия требовали немедленного уничтожения крепостных порядков. Несмотря на это, царизм на протяжении всей первой половины XIX века стремился сохранить свое господство в неизменном виде. Однако сила экономического развития и обострение классовой борьбы крестьян заставили царское правительство отменить в 1861 г. крепостное право.

¹ ЦГА ТАСР, ф. 1, оп. 2, арх. № 428, 1844, л. 35.

² Там же, лл. 37, 38.

³ ЦГИАЛ, ф. 383, оп. 8, арх. № 7058, 1845, л. 12.

⁴ В. И. Ленин. Соч. т. 1, стр. 77.

Е. И. ЧЕРНЫШОВ

К ИСТОРИИ СТРОИТЕЛЬСТВА КАЗАНСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ¹

К. Маркс считал железные дороги „средствами сообщения, адекватными современным средствам производства“², каковыми были машинная индустрия, океанские пароходы, телеграф и проч. Железные дороги внесли изменения в развитие капитализма, привели к новым формам концентрации и организации капитала. Они послужили основой для возникновения громадных акционерных компаний и стали вместе с тем отправным пунктом для создания банковских и других акционерных обществ.

Появление железных дорог, подчеркивал Маркс, ускорило социальный и политический распад „в государствах, где капитализм захватывал только незначительный верхний слой общества“, а в странах, более передовых в капиталистическом развитии, „ускорило последнюю стадию развития, а следовательно, окончательное преобразование капиталистического производства“³.

В отличие от западных буржуазных государств, в России железнодорожное строительство началось в годы промышленного переворота, что в известной мере определило и быстрое развитие капитализма.

* * *

Капитализм в сельском хозяйстве и промышленности медленнее всего развивался в областях черноземного центра России и в Среднем Поволжье, так как до 1861 г. в них преобладала барщина; после реформы крепостнические пережитки сохранились здесь в большей степени, чем в других местах. Кроме того, черноземный центр и Среднее Поволжье находились в значительной отдаленности от внешних рынков сбыта; водные пути сообщения были уже удовле-

¹ Настоящая статья является результатом изучения большого вопроса, имевшего в истории Казанского края, особенно во 2 половине XIX века, немаловажное значение. Существующие по данной теме работы носят экономический характер. Таковы работы: 1) Н. А. Осокин. Муром-Казанская линия, Казань, 1884; 2) Камско-Волжский край и Сибирская ж. д., Казань, 1884; 3) Значение ж. д. Казань — Екатеринбург, Казань, 1911; 4) Район Заволжской ж. д., П., 1913 и др. Местные историки Н. П. Загоскин и М. Пинегин только упоминали отдельные эпизоды 80-х годов, которые имели место среди капиталистической общественности. Некоторые детали вскрываются и в трудах А. Головачева и Георгиевского, писавших по истории путей сообщения в 80-х и 90-х годах XIX в.

В основу настоящей работы лег еще не опубликованный архивный материал канцелярии казанского губернатора и Дворянского собрания (ЦГА ТАСР, фонды № 1 и 350) за 1850—1901 годы.

² Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, М., 1947, стр. 82—83.

³ Там же.

творительны, так как могли эксплуатироваться не больше 7 месяцев в году.

Необходимой предпосылкой быстрого капиталистического преобразования народного хозяйства России было создание транспорта, который гарантировал бы возможность быстро перебрасывать большие грузы на далекое расстояние. Таким видом транспорта во второй половине XIX в. мог быть только *железнодорожный*.

Железные дороги оказали сильное воздействие на рост товарности земледелия и на форсирование классового разложения крестьянства; они способствовали сбыту промышленной продукции, усиливали связь народного хозяйства России с мировым рынком, поднимали цены на хлеб в производящих районах. Постройка железных дорог сыграла большую роль в развитии капитализма в стране.

Строительство железных дорог в России в более или менее широком масштабе началось с учреждения в 1856 году „Главного общества российских железных дорог“, задачей которого было прежде всего построить магистрали Петербург — Варшава, Москва — Нижний-Новгород, Москва — Курск — Феодосия и Курск — Динабург — Либава. В 1857 году был решен вопрос о постройке магистрали Москва — Саратов.

Поражение крепостнической России в Крымской войне заставило российское правительство приступить к скорейшему сооружению железных дорог. С конца 50-х годов началось проектирование и постройка железных дорог и на юго-запад от столиц, и на восток, а в 60-х годах возник проект Сибирского пути. До 1861 года в эксплуатации было только 1488 верст железнодорожного пути, а через 10 лет — 10 202 версты. Интенсивное строительство железных дорог развернулось в 60-е годы, особенно во второй их половине. В 1894 г. в России было уже 32 562 версты железнодорожного пути.

В 1862 году возник вопрос о соединении бассейнов Оби и Камы, а в 1865 году была утверждена концессия на постройку Московско-Казанской ж. д.

В 1868 году начинается обсуждение проектов постройки магистрали Москва — Тюмень.

Один из авторов — Богданович рекомендовал прокладывать магистраль в направлении Тюмень — Сарапул — Казань — Нижний — Москва, проект Михайлова предлагал строить дорогу от Тюмени на Осу — Глазов — Вятку — Ярославль — Москву с целью оживления севера. Казанский губернатор предложил высказаться по этому поводу местному биржевому комитету, который 27 ноября представил ему две записки членов этого комитета П. Шайкина и Н. Крестовникова.

П. О. Шайкин в своей записке дает характеристику торговли Казани и Камско-Волжского края. Отметив промышленное значение Казани в производстве кожи и мыла, автор подчеркивает громадную роль хлебной торговли, которая одна дает груза 32,7 миллиона пудов, а вместе с другими товарами — 36 млн. пудов¹. Если же

¹ Интересные сведения приводит Шайкин о товарности сельскохозяйственного производства Камско-Волжского края в 60-х годах XIX в., отмечая отгрузку хлебных грузов главным образом с камских пристаней. На первое место он ставит Чистополь, отгрузивший 8 миллионов пудов ежегодно, на второе место Мурзиху, отправлявшую 4 млн. пудов, на третье — Казань, из которой уходило 3,65 млн. пудов. Челны отгружали 2 млн. пудов, Мамадыш — 1,85 млн. пудов, Чебоксары — 1,6 млн., Лобьши и Соболевская — 1,5 млн., Цивильск и Рунга — 1,5 млн., Рыбная Слобода — 1 млн., Березовская — 1,35 млн. пудов. По полумиллиону пудов отгружали пристани Сарапульская, Каракулинская, Чигадинская, Беткинская, Сокольская, Елабужская, Полянская и Козловская.

прибавить к этому грузы в 14 млн. пудов, следующие до Сарапула, то получится 50 млн. пудов, что с полной очевидностью обеспечивает рентабельность именно направления от Сарапула на Казань и Нижний.

„Можно утверждать, — писал Шайкин, — что ни один рельсовый путь в России не дает тех блестящих результатов, которые представляет собою, как справедливо, кажется, можно назвать, Сибирско-Казанская железная дорога“¹. Насколько велико должно было быть движение по Московско-Казанско-Сибирской дороге видно из того, что казанские купцы, как подсчитал Шайкин, только по Нижегородско-Московской новой и короткой линии в 1868 г. сумели отправить 7 млн. пудов зерна.

Крестовников в своей записке рисует Казань как выдающийся центр транзитной торговли, обороты которого еще в конце 30-х годов превышали 22 млн. рублей. По его словам, в Казани капиталов было в 4 раза больше, чем в Вятке, заводов — в 10 раз, а ремесло развито в 15 раз сильнее².

Железнодорожная строительная контора Губонина вела изыскания линии Нижний — Казань — Чистополь — Мензелинск с переходом через р. Каму около Сорочьих Гор или у с. Урая. От Мензелинска линия должна была идти через Красноуфимск на соединение с Тюменской магистралью.

Но одновременно с этим возник проект еще одного направления — от Нижнего на Семенов — Царевсанчурск — Сарапул. Эта линия была бы короче на 112 верст, и стоимость ее дешевле, так как она проектировалась по более ровной местности, оставляя Казань к югу на 120 верст.

Казанская земская управа избрала в 1869 году постоянную железнодорожную комиссию, которая вела переписку со всеми учреждениями для ознакомления с перспективами строительства дороги. Эта комиссия доложила 5-му земскому собранию, что северный проект пользуется „особенным сочувствием правительства, и Комитет министров имеет уже 2 варианта этого пути: первый начинает дорогу от слияния р. Вычегды с Сев. Двиной и ведет ее на Котельнич и Орлов до Кукарской Слободы“³.

Таким образом, определились конкуренты казанскому варианту Сибирской магистрали. Земство решило отбиваться от них и послать в Петербург особую депутацию. В нее вошли С. П. Толстой, В. М. Молоствов, П. А. Костливцев и В. А. Ермолов. Городская дума избрала депутацию из купцов первой гильдии Усманова и Докучаева и коммерции советников Кокорева и Юнусова.

Еще в самом конце 1868 года из Министерства путей сообщения была получена бумага с извещением, что гвардии полковнику Жербинову и статскому советнику Собко разрешено произвести изыскание линии от Нижнего к селу Богородскому на р. Волге с веткой от этой дороги на Казань.

Через Казань из Центральной России только для Сибири проходило до 10 млн. пудов разных товаров. Одной пермской соли через Казань шло до 5 млн. пудов. После каждой Нижегородской ярмарки в Казань приходило кладов 1,8 млн. пудов. Промышленная продукция только одной Казани достигала почти 2 млн. руб. Транзитные грузы с Нижней Волги и Урала составляли почти 10 млн. пудов. ЦГА ТАССР, ф. 1, д. 72, л. 5—7.

¹ ЦГА ТАССР, ф. 1, оп. 85, д. 72, л. 8.

² Там же, л. 14—19.

³ Там же, оп. 2, д. 1233, лл. 245—246. Капиталист Клерке предложил произвести за его счет изыскания линии Казань — Кукарка, но с тем, чтобы вятское и казанское земства поддерживали это направление. Другой проект, — отмечала комиссия, — ведет дорогу отсюда же на г. Вятку и затем через Нолинский и Уржумский уезды на Казань. Эта линия должна была быть длиннее первой на 80 верст, однако именно этот вариант поддерживало вятское земство.

19 января 1869 года железнодорожный департамент Министерства путей сообщения разрешил купцу Шумахеру на свой счет произвести изыскание линии Казань — Сарапул до г. Осы или до Березовской пристани, смотря по тому, где окончится на р. Каме линия Тюменской жел. дороги.

22 марта 1869 г. тот же департамент сообщил о разрешении казанскому земству произвести на свой счет изыскание линии от Казани до р. Белой или до другого пункта на р. Каме. Одновременно с этим Нижегородское и Казанское земства получили разрешение на изыскание линии Нижний — Казань по правой стороне р. Волги.

Наконец 30 апреля 1869 г. Земский комитет просил губернатора о содействии в разработке проекта Казанско-Сибирской ж. д. С этой целью выдан был открытый лист инженер-полковнику Давгирду.

Эти мероприятия внушали и земству, и купечеству надежды на то, что прокладка Сибирской магистрали пройдет через Нижний и Казань.

Однако Пермский комитет, созданный для обсуждения вопроса о проведении линии железной дороги между волжским и обским бассейнами, 17—26 июня 1869 г. разрешил дело в пользу северного направления пути через Вятку и Глазов, минуя и Казань, и Нижний; казанцы настойчиво возражали против проекта, что видно из протоколов комитета, напечатанных в Перми в 1870 году и приложенных к делу. В декабре 1869 г. Казанское земство составило адрес министру путей сообщения. 2 января 1870 г. к земской депутации присоединилась городская — в составе городского головы Д. И. Варакина, купцов И. Апакова, И. Н. Соболева и П. О. Шайкина. Однако все это успеха не имело¹. Обсуждение проектов Сибирской ж. д. закончилось, и Казани грозило остаться в стороне от железных дорог.

В течение первого пятилетия 70-х годов введено было в эксплуатацию 7424 версты пути, но положение Казани не изменилось.

Вопрос о постройке железной дороги через Казань не снимался с обсуждения, но инициатива шла не от казанских, а от екатеринбургских капиталистов. В 1875 году, по постановлению Екатеринбургской городской думы, напечатана была для представления в Петербург „Записка о направлении Сибирско-Уральской жел. дороги“.

Железнодорожная комиссия казанского земства выдвинула мнение, что выгоднее всего соединить Сибирь с Москвой по кратчайшему направлению через те торгово-промышленные центры, „которые истари соединяются торговыми отношениями; такими центрами являются Казань — по значению ее фабричной промышленности, Н.-Новгород — по влиянию его ярмарки, Москва — как центр мануфактурной промышленности“. Она предлагала вести магистраль по направлению Тюмень — Екатеринбург — Красноуфимск — Березовская пристань — Казань — Лаишев — Нижний — Москва. Комиссия земства отмечала: „Сибирские товары большей частью идут до Лаишева, Казани и Нижнего: из Казани и Лаишева они уходят по Волге на юг России, например, железо, масло скоромное, чай, мерлушка и кожа. Овчина, кожи и сало обрабатываются в Казани и Нижнем“. И дальше: „Соединение Сибири и Приуралья краем кратчайшим железным путем с Казанью, Лаишевым, Ниж. Новгородом и Москвой составляет для Сибирской торговли вопрос жизни или смерти“, тогда как местность от Перми до Костромы „пустыня, и ждать создания торговых центров очень долго“. Такие же города, как Екатеринбург,

Сарапул, Елабуга, Мензелинск, Лаишев, по утверждению названной комиссии, имеют значение не только сами по себе — к ним тяготеет торговля Петропавловска, Троицка, Челябинска, Шадринска и Бирска.¹

Этот вариант, „южного направления“ Сибирской магистрали в целом был принят Министерством путей сообщения.

Однако уверенность казанских дельцов в прочности этого решения поколебалась уже в 1881 году. 10 марта на заседании Казанской городской думы сообщалось, что московские и ирбитские капиталисты настаивают на осуществлении северного варианта, а торгово-промышленные круги Самары, Уфы и Петербурга просят соединить Екатеринбург с Самарой. Общее заключение гласных думы было таково, что „Самарско-Сибирское направление может совершенно убить тот транзитный путь, который существует несколько столетий между Казанью и Сибирью“. На заседании земства решено было избрать депутацию. Казанский губернатор писал 29 апреля 1881 года в Министерство внутренних дел: „В железной дороге земство видит залог оживления торговой и промышленной деятельности местного края и возможность выхода из настоящего неподвижного и тяжелого состояния“².

В 1883 г. Казанское земство вновь возбуждает ходатайство об ускорении начала работ по утвержденному проекту 1875 года на участке Нижний — Казань вследствие того, что необходимо дать значительный заработок населению, хозяйство которого расстроено до последней степени после целого ряда неурожаев. Боязнь увеличения „сельского пролетариата, т. е. бездомных и безлошадных хозяев“, боязнь „хищнической обработки земли“ побуждала земцев добиваться начала железнодорожных сооружений, тем более, что крестьяне имели уже до 10 миллионов руб. недоимок, ликвидировать которые без решительных мероприятий в области сельского хозяйства и промышленности не было никакой возможности.

21 марта 1884 г. министерство путей сообщения отвечало губернатору: „Вопрос об окончательном избрании направления Сибирской железной дороги и о приступе к ее сооружению будет в непродолжительном времени представлен на высочайшее е. и. в. утверждение“. Опять составляются адреса министрам, избирается депутация в Петербург.

Находившийся в это время в Казани на ревизии чиновник Министерства внутренних дел барон Искюль в своей записке уделяет много внимания необходимости связать Казань железной дорогой с Москвой и Сибирью. Не отрицая целесообразности Самарской магистрали, он отмечает, что для экономического развития Казанского края, начиная с сельского хозяйства и промыслов и кончая фабрично-заводской промышленностью и торговлей, постройка магистрали Москва — Казань — Екатеринбург жизненно необходима. К тому же это направление дает сокращение пути на 300 верст, а если проложить дорогу через Николо-Березовскую пристань на р. Каме, то и на 400 верст. Дорога совпадает с проторенным веками Сибирским торговым путем и обойдется не дороже Самарской магистрали, хотя и пройдет по более сложному рельефу. На основании местных исследований Искюль отклоняет возражения тех сторонников Самарского пути, которые утверждали, что Казанский край в силу своего выгодного географического положения на рр. Волге и Каме может обойтись и без железных дорог. Только до появления железных дорог водные пути были лучшими и дешевыми. А с развитием

¹ ЦГА ТАСР, ф. 1, оп. 3, д. 193 за 1869 г. Собрание бумаг о рассмотрении постановлений губернского земства, лл. 245—255 и д. 72 за 1868—70 годы „О направлении через Казань жел. дороги, на 61 листе“.

¹ ЦГА ТАСР, ф. 1, оп. 3, д. 3627 за 1875 г., лл. 1—17.

² Там же, д. 4825 за 1880—81 г. на 47 листах.

сети железных дорог они необходимы и таким центрам, как Казань, ибо нельзя „заставлять сибирский транзит делать значительный округ и обходить Камско-Волжский край, который от этого исключения из железнодорожной сети видимо упадет“. Кроме того, есть и более серьезные опасности: „Экономия эта, — писал Икскуль, — неминуемо отозвалась бы окончательным разорением этого края, хроническими недоимками, постоянным повторением и учащением продовольственных нужд, которые способны вызвать для правительства и земства серьезные затруднения“¹.

10 декабря 1884 г. губернатор отправил адрес в Министерство внутренних дел, в котором указывал на бедственное, критическое положение губернии из-за отсутствия железной дороги. Но и этого оказалось недостаточно. Предводитель дворянства назначил на 20 декабря чрезвычайное губернское собрание дворянства для обсуждения вопроса о железной дороге на тот случай, если сибирская магистраль минует Казань. На этом собрании были выдвинуты два варианта направления дороги: Муром — Казань и Нижний-Новгород — Казань. Автором первого варианта был Н. Д. Сазонов, второго — И. Е. Боратынский, и только К. А. Юшков высказывался в том смысле что „ввиду полного упадка в промышленности и чтобы спасти нас от разорения, следует ходатайствовать об утверждении направления Сибирской дороги на Казань“. Решение чрезвычайного собрания было компромиссным: 43 голосами против 6 было решено „ходатайствовать о сохранении прежнего направления (Екатеринбург — Казань — Е. Ч.), а если направление железной дороги будет утверждено на Уфу, то закрытой баллотировкой шарами 40 против 9 определено ходатайствовать о соединении Казани веткой с Нижним“². В телеграмме, посланной в Министерство внутренних дел, указывалось, что дворянство обеспокоено „постоянно возрастающим упадком благосостояния целого края“ и „небывалым до сего времени кризисом хлебной торговли“, и если по государственным соображениям не будет утверждена Сибирская железная дорога через Казань, просит соединить рельсовым путем Казань с Нижним, „ибо только одна эта линия и по значению ее для промышленности и торговли может принести существенную пользу не только городу, но и целому обедневшему краю“³. Но и это не дало никакого результата. Уже 21 декабря пришлось посылать другой адрес в Министерство внутренних дел, в котором читаем: „Весть об избрании направления железного пути в Сибирь через Самару и Уфу, как роковой удар грома, поразила всех жителей Казанской губернии от мала до велика. Паникой, страхом неизбежного разорения объято торговое, промышленное и земледельческое население... Все отрадные надежды на поднятие экономического благосостояния нашего края, истощенного двумя голодными годами, все надежды на оживление находящейся в полном застое торговли, все надежды землевладельца и пахаря на возможный сбыт продуктов тяжелого неблагодарного труда разрушились, разбились в прах. Тяжелые дни переживает весь край наш и, предвидя экономическую гибель“, видит свое спасение только... „в державной воле монарха“⁴.

Слишком ярко выраженное недовольство казанских помещиков и капиталистов не особенно понравилось „державному монарху“. В сообщении Министерства внутренних дел от 4 января 1885 г. губернатору Андреевскому читаем:

¹ Аграрный вопрос и крестьянское движение в Татарии. М., 1936, стр. 15—17.

² ЦГА ТАССР, ф. 350, арх. № 1229 за 1875—1891 гг., лл. 35—37.

³ Там же, лл. 40—41.

⁴ Там же, ф. 1, оп. 3, д. 5800 за 1883—1888 г., лл. 16—19.

„Государь император соизволил утвердить то направление дороги, которое, по зрелом обсуждении вопроса, будет более соответствовать всесторонним государственным интересам. Однако, признав полезным и скорейшее по возможности соединение г. Казани с Москвой, как центром промышленной деятельности, повелит приступить безотлагательно к изысканиям того между ними направления, которое окажется наиболее удобным и выгодным“¹.

Этим закончился первый этап борьбы за проект кратчайшей железнодорожной магистрали на Сибирь. Мало кто из казанских дельцов согласился с ответом министра, будто только интересы государства были положены в основу выбора Самаро-Уфимского направления магистрали; большинство склонно было видеть причину этого конкуренцию со стороны капиталистов других городов и краев. Никто не мог согласиться с доводами противников казанского направления и с их указаниями, что Казань при лучших искусственных сооружениях останется все же центральной паровой пристанью, а не ж.-д. станцией. В первой половине 80-х годов в среде казанских торгово-промышленных дельцов, особенно под влиянием неурожая и торгово-промышленного кризиса, возникла и укрепилась тенденция искать лучших условий для оборота своих капиталов, хотя бы для этого и нужно было уехать из Казани.

* * *

Изыскания линии Москва — Казань через Муром действительно начались довольно быстро, и уже в декабре 1885 года казанский городской голова вполне определенно называл новую линию „Казанско-Муромско-Московской“.

Через год этот проект уже изменился, и довольно существенно: от Мурома линия направлялась на Алатырь и уже отсюда на Казань. Но и об этом варианте все хлопоты были безрезультатны. Не только в 1887, но и в 1888 году работы еще не начинались, так как не было ассигнований. В 1889 году 25 очередное земское собрание телеграфирует в министерства внутренних дел, путей сообщения и финансов о своем намерении доложить царю, что Казанская губерния не может без железной дороги подняться в экономическом отношении после пережитого в 1888 году неурожая².

Но и на это обращение пришел следующий коротенький ответ 31 января 1890 г.: „За отсутствием частных предпринимателей для постройки названной (Муромско-Казанской) дороги, приступить к сооружению оной на счет казны в 1890 году представляется невозможным“. Таким образом, правительство в это время даже отказалось финансировать постройку дорог и дождалось частных предпринимателей.

7 мая 1890 года из Петербурга пришел запрос о степени необходимости Казанско-Муромской дороги. Земство и городская управа

¹ ЦГА ТАССР, ф. 1, оп. 3, д. 5800, лл. 49—53.

² „Ряд неурожаев, низкие цены на продукты земледелия и промышленности, отдаленность рынков сбыта, потеря всяких заработков с переведением Сибирского транзитного пути из Казани на рельсовый путь, соединяющий Уфу с Самарой, и, наконец, последний экономический удар в виде неурожая нынешнего года привели некогда цветущую Казанскую губернию к полному экономическому оскудению. Обездолен землевладелец невозможностью в течение полугода сбывать единственный продукт своего благосостояния — хлеб и вытекающей отсюда низкой ценой продуктов земледелия, последствием чего является падение стоимости земли“. В телеграмме утверждалось, что никакая материальная помощь не подымет прежнего благосостояния двухмиллионного казанского населения, оно не воспрянет духом, не вздохнет свободно до той поры, пока не будет введено в общую семью всех русских губерний, тесно связанных между собой железными путями...“. ЦГА ТАССР, ф. 1, оп. 3, д. 7751 за 1889—1891 гг., лл. 1—9.

занились составлением записки, которая была принята 9 октября. Записка городского головы коротко заявляла, что уже такие два объекта торговли, как хлеб и лес, вполне оправдывают железную дорогу. В записке утверждалось, что четырехугольник, составляющий Нижегородскую, Пензенскую, Симбирскую, Казанскую и Вятскую губернии, представляет собой житницу серых хлебов не только для России, но и других европейских государств, отсюда может экспортироваться до 100 млн. пудов. Земство подсчитало, что одна Казанская губерния может обеспечить для железной дороги больше 31 миллиона пудов груза¹.

Представляя эти записки в Министерство внутренних дел, губернатор добавлял, что крайне необходимой является постройка моста через р. Волгу и станции в самом городе Казани, а не в 10 верстах от него и не на правом берегу Волги, как это предусматривалось первоначальным проектом.

В конце декабря 1890 года в Министерство путей сообщения поступило предложение Акционерного общества Московско-Рязанской железной дороги построить ветку от Казани до Алатыря, откуда пойдет дорога на Саранск — Шацк — Рязань — Москву. Работы по сооружению начались 27 августа 1891 года. Осенью на строительстве было занято уже 1850 человек.

Таким образом, 29 лет понадобилось для того, чтобы Казань в конце концов была присоединена к сети российских железных дорог; при этом Казань вместо крупной магистрали получила тупичок в конце незначительной ветки, к тому же без моста через Волгу.

Товарное движение по Казанской ветке открылось только в 1894 году. Четверть века не имела Казань железной дороги. В период бурного железнодорожного строительства в России это не могло не отразиться на экономическом положении Казани. Слабый выход из положения давала и новая ветка. В 1895 году казанский губернатор писал в своем отчете:

„Даже исконные произведения Казани: кожевенное, мыловаренное, крупчатное обнаруживают склонность переходить в пункты и города, прилегающие к железнодорожным узлам, имея там оборачивать свой производственный капитал в течение года несколько раз, тогда как в Казани такой оборот мог производиться лишь наполовину. Все эти явления происходят вследствие того, что Казанская губерния только недавно и то незначительной своей частью примкнула к общей сети железных дорог. И теперь, с прекращением навигации, промышленная деятельность только некоторого пространства Казанской губернии может иметь удобный путь для сбыта своих произведений в такие губернии, с которыми у Казани не было прежде прочных торгово-промышленных связей“².

* * *

„Выход“ из создавшегося положения казанская буржуазия пыталась найти в проектировании узкоколейных путей, надеясь с течением времени превратить узкоколейку в широкую колею.

Еще в 1891 году губернское земство извещало губернатора, что земское собрание постановило ходатайствовать о сооружении: 1) узкоколейной дороги от Казани до р. Вятки через г. Малмыж, которая, соединяя бассейны рек Волги и Вятки, служила бы подъездным путем к строящейся Рязанско-Казанской линии и 2) узко-

колейной дороги от Казани до Котласа, которая соединила бы бассейны Волги и Сев. Двины¹.

Причину особенного внимания к северному направлению железной дороги от Казани отчетливо вскрывает представление казанского губернатора в Министерство путей сообщения от 7 марта 1894 года: „Сбыт хлеба на Петербургский рынок встречает сильную конкуренцию южных и средних губерний, из коих доставка обеспечена многочисленной сетью дорог и обходится дешевле, между тем направление дороги Казань — Котлас открыло бы для Казанской губернии и всего Волжско-Камского края новый обширный район для сбыта хлеба в Северный край. При урожае минувшего (1893) года излишек хлеба Казанской губернии за удовлетворением всей потребности составляет по официальным данным 30 млн. пудов, значительная часть какового излишка, не обрабатываемая на месте, могла бы с выгодой для населения Казанской губернии и Северного края направляться по железной дороге в Архангельскую губернию, а через Архангельск — за границу по наиболее для Казанской губернии краткому и дешевому пути, причем доставка эта может быть произведена отчасти и осенью, немедленно по снятии хлеба“. Отметив значение железнодорожного пути на север от Казани также для крупной и мелкой промышленности, губернатор просил удовлетворить ходатайство казанского дворянства, земства и города².

Таким образом казанские хлебные торговцы, учитывая ухудшившуюся для них конъюнктуру петербургского и вообще западных портовых рынков, нашли пути сбыта хлеба на север и ради своих будущих барышей хлопотали о железной дороге на Котлас, на Пермь или на Вятку. Строительство железнодорожных линий в этих направлениях было бы вполне рациональным, но в условиях царской России возможность его осуществления была весьма проблематичной.

Настоящие нотки отчаяния слышатся в телеграмме казанского земства министру финансов от 1 марта 1895 г.: „С проведением вновь сооружаемых и проектируемых железнодорожных путей из Вологды в Архангельск, из Перми на Вятку и Котлас и из Вятки к городам верхнего плеса Волги положение Казанской губернии и Волжско-Камского края становится безвыходным. Оставаясь в середине обширного кольца железных дорог, соединяющих всю Россию с востоком, севером и Сибирью, наш край будет вполне изолированным от всякого торгового движения и без возможности сбыта продуктов местной культуры. Наплыв серых хлебов к морским портам из Вятской, Пермской и сибирских губерний окончательно убьет сельскохозяйственную производительность нашего края и вконец разорит земледельческое население“³. Земство подчеркивало с особенной настойчивостью необходимость проложить из Казани линию на соединение с северной магистралью.

Казанское земство возбудило также ходатайство об ассигновании 5,2 млн. руб. на постройку узкоколейки Казань — Кулаево — Шали — Стекольный завод на р. Каме — Чистополь — Мамыково — Кротовка (вблизи Самары). Эта ветка длиной всего в 390 верст должна была соединить Казань с Самаро-Уфимской железной дорогой по левому берегу р. Волги и представляла собою продолжение Вятского и Пермского пути для ветки на Пермь-Котласскую железную дорогу.

Кроме того, принимая во внимание, что Казань истари связана была торговыми отношениями с юго-востоком и Средней Азией, в которых громадное участие принимает татарское купечество,

¹ ЦГА ТАССР, ф. 1, оп. 3, д. 8433, лл. 1—16.

² Там же, д. 8294, л. 19.

³ Там же, оп. 3, д. 9824, л. 2.

¹ ЦГА ТАССР, ф. 1, оп. 5, д. 7751, лл. 89—92.

² Обзор Казанской губернии за 1895 г.

земство уже производило изыскания линии Чистополь — Белебей, которая должна была пересечь богатый Бугульминский уезд.

Но дальше изысканий дело не пошло, т. к. правление Московско-Казанской ж. д. не было заинтересовано в строительстве узкоколейной дороги по левому берегу Волги.

С 1897 года большое внимание земства привлекает проект железнодорожной магистрали Егорьевск — Ардатов — Алатырь — Буинск — Тетюши — Спасск — Бугульма — Уфа с веткой на Чистополь. Вторым вариантом этого проекта было направление Егорьевск — Меленки — Арзамас — Сергач — Шихраны — Казань — Чистополь — Бугульма — Уфа с веткой от ст. Ибреси на Тетюши. И тот и другой вариант внушали казанской буржуазии большие надежды на подъем сельского хозяйства и торговли. В 1898 г. губернатор отдавал предпочтение второму варианту. В 1900 году этот вариант получил утверждение в Комиссии Министерства путей сообщения, изыскания продолжались, но до постройки было еще далеко¹.

На рубеже XX века губернское земство ходатайствовало о постройке дорог Егорьевск — Уфа, Казань — Чистополь — Кротовка и моста через Волгу, а Министерство путей сообщения производило изыскания линии, которая должна была соединить Казань с Пермско-Екатеринбургской магистралью через г. Мамадыш и устье р. Белой². Но ни министерство, ни Акционерное общество Московско-Казанской железной дороги не приступали к постройке вплоть до второго десятилетия XX века. Только промышленный подъем перед первой мировой войной стал поворотным моментом: в 1913 году закончен был мост через Волгу, а в 1916 году началось движение по линии Казань — Екатеринбург через Сарапул.

* * *

Анализируя причины отставания Казанского края в железнодорожном строительстве, мы должны признать, что все основные проекты железнодорожных линий базировались здесь на исторических торговых путях, определившихся в XVIII и XIX веках. Между тем стратегические соображения и новые хозяйственные связи областей диктовали необходимость иных направлений, тем более, что выгодное географическое положение Казани и некоторое оживление капиталистических отношений не внушали правительству мысли о необходимости усилить железнодорожное строительство в Казанской губернии.

Вместе с тем промышленные кризисы 70-х и 80-х годов заставили правительство не только сократить казенные ассигнования на железнодорожное строительство, но и пересмотреть уже принятые решения, вследствие чего Казанская дорога, как дорога почти исключительно экономического характера, была снята с государственного финансирования и передана Акционерному Обществу Московско-Рязанской дороги.

Архивные материалы подсказывают, что нельзя игнорировать и капиталистические группировки, влиявшие на выбор того или иного направления железнодорожной линии. Эти группировки создавали своего рода общественное мнение, на которое опиралась высшая бюрократия Министерства путей сообщения и Министерства финансов в своих представлениях в Комитет министров. Это была погоня за большими барышами крупнейших русских капиталистов, которые стремились использовать каждый удобный момент анархии производства, свойственной капиталистическому хозяйству. Эта анархия

в железнодорожном строительстве приняла особенно болезненный характер с 70-х годов, когда под влиянием промышленного кризиса в акционерные общества хлынул иностранный капитал. Подобная ситуация не оставляла места для удовлетворения интересов местной, краевой буржуазии, так как она оказывалась очень слабой и со стороны чисто финансовой и со стороны общественной.

Казанские капиталисты, — как русские, так и татарские, — не могли конкурировать в Петербурге и в Акционерном обществе Московско-Казанской дороги с мукомолами Самарской и Оренбургской губерний, которые были богаты пшеницей, тогда как у казанцев преобладали серые хлеба. Они не могли конкурировать с могущественными предпринимателями новых промышленных центров, которые всегда подавляли нескольких миллионеров Казанского края; тем более это сказывалось в конце XIX века, когда и самодержавие пошло на привлечение иностранного капитала.

Великая Октябрьская социалистическая революция положила конец капиталистической анархии в железнодорожном строительстве. Железнодорожный транспорт, как и другие отрасли народного хозяйства, стал общенародной собственностью. Под руководством Коммунистической партии советский народ превратил нашу страну в великую железнодорожную державу. Железные дороги Советского Союза, будучи важнейшим участком народного хозяйства, являются мощным средством укрепления экономической и оборонной мощи социалистического государства.

За годы Советской власти вместе с другими дорогами страны образцовой магистралью стала и Казанская железная дорога, сыгравшая огромную роль в развитии экономики и культуры многих народов Волжско-Камского края.

¹ ЦГА ТАССР, ф. 1, оп. 3, д. 10707 за 1897 г., лл. 1—5.

² Там же, д. 10503 на 60 листах.

Н. И. ВОРОБЬЕВ

УКРАШЕНИЕ И ВНУТРЕННЕЕ УБРАНСТВО КРЕСТЬЯНСКИХ ЖИЛИЩ У НАРОДОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Народы Среднего Поволжья, сформировавшиеся в большинстве на данной территории или живущие в течение ряда веков в близком соседстве и даже чересполосно, имеют в своем быту много общего, что, однако, не исключает ряда национальных черт, присущих каждому из них. Как пример возьмем крестьянское жилище, которое у всех народов края, по крайней мере с позднефеодального периода, представляет в своей основе четырехугольный бревенчатый сруб той или иной величины, покрытый чаще всего двускатной крышей. У более зажиточных владельцев, особенно в капиталистический период, дома делались несколько сложнее. Татары чаще ставили два сруба один против другого, соединяя их холодными сенями, русские и чуваша строили длинный сруб, разделенный надвое капитальной стеной (пятистенник), у мордвы к основному срубу делалась пристройка сбоку (прируб). Особенно богатые крестьяне стали ставить два сруба один на другой, получив двухэтажный дом. В настоящее время колхозники всех народов края ставят четырех- или пятистенники с многокомнатной планировкой. Однако по типу постройки жилой дом остается тем же срубом, и отличаются дома разных народов чаще всего лишь деталями наружного оформления и внутренней обстановки, в том числе и украшениями.

Наружное и внутреннее убранство сельского жилища у различных народов имеет немало специфических национальных черт и представляет собой проявление народного творчества наравне с другими видами изобразительного искусства. В целом орнаментика жилищ у ряда народов СССР изучена этнографами и искусствоведами более или менее хорошо, но еще мало исследован в этом направлении быт многочисленных народностей Среднего Поволжья. В настоящей статье мы намерены остановиться на художественном оформлении жилищ русского, татарского, чувашского и мордовского крестьянства в прошлом и настоящем. Описаний такого оформления либо совершенно нет, либо они разбросаны по различным статьям и монографиям, касающимся этнографического анализа быта этих народностей¹.

¹ В настоящей статье мы используем свои материалы по быту татар и чуваш, а также многие, пока еще не опубликованные данные и рисунки Е. П. Бусыгина (русское население Среднего Поволжья), Н. П. Макушина (мордва-эрзя), П. В. Денисова (низовые чуваша) и некоторых других этнографов и искусствоведов с их любезного согласия. По украшениям жилищ у мари и удмуртов в нашем распоряжении нет соответствующих материалов, так как в послереволюционные годы изучением его почти никто не занимался и ничего не опубликовано.

В феодальный период, почти до середины XIX века, жилища крестьян большинства народов края, как это видно из описаний исследователей того времени и частично из рисунков, представляли собой тех или иных размеров четырехстенные срубы, перекрытые соломой или корьем и лишенные каких-либо украшений. Даже наиболее экономически сильные крестьянские семьи ставили по два-три дома, но того же типа. Украшались только дома на усадьбах русских помещиков да татарских богачей, и нередко достаточно

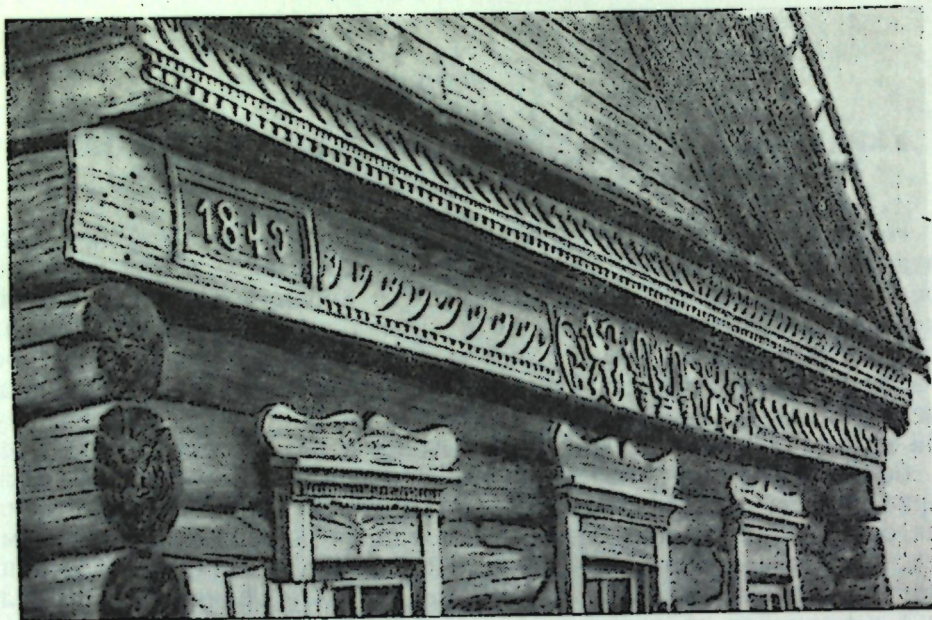

Рис. 1. Барельефная резьба на фризе мордовского дома. На наличниках старинная национальная резьба.

Фото Н. П. Макушина.

пышно. Так, богатые русские помещики края, подражая знати центральных областей государства, ставили красиво украшенные, сложные по конструкции терема, а позднее большие деревянные дома, декорированные различными колонками, балкончиками, решетками, резьбой, часто раскрашенные. У нас почти нет рисунков таких барских хором, но упоминания о подобных домах и сравнение их с подмосковными встречаются у писателей, знавших казанский край, например, у С. Т. Аксакова.

Об украшенных домах татарских феодалов сохранилось лишь общее указание кн. Курбского при описании военного похода, совершенного им по Арской земле во время осады Казани. Он пишет: «В земле той... двory княжат и вельможей зело прекрасны и во истину удивления достойны»¹. В более поздние времена феодального периода богато украшенные дома татарской знати и богачей, принужденных переселиться в деревни, продолжали существовать и явились прообразом тех байских домов, которые сохранились до нашего времени со второй половины XIX века.

Подобные дома русских помещиков и татарских баев в основном строили и украшали городские плотники, т. к. самый архитектурный стиль их носил городской характер, но, несомненно, в строительстве этих зданий участвовали и плотники-крестьяне, которые также

¹ Сказание кн. Курбского. Издание Устрялова, 3-е, 1868.

владели умением не только строить, но и украшать дома. Однако при постройке крестьянских домов украшений не применялось. Задавленные феодальным гнетом и ограбляемые помещиками или крепостническим государством, крестьяне не имели возможности строить себе хорошие жилища, тем паче украшать их.

Иное положение создалось во второй половине XIX века, особенно начиная с 80-х годов, когда капиталистические отношения стали интенсивнее проникать даже в среду нерусского крестьянства

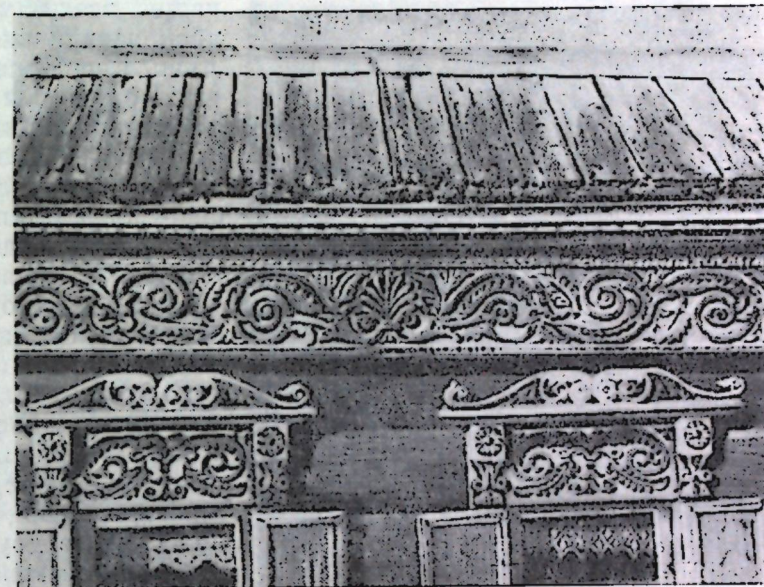

Рис. 2. Барельефная резьба у русских, д. Буртасы, Теньковского р-на, ТАССР.

Фото Е. П. Бусыгина.

края, когда уровень развития производительных сил значительно поднялся и в то же время резко усилилось социальное расслоение деревни.

В этот период богатые и зажиточные крестьяне всех народов края начали уделять серьезное внимание улучшению жилища. Дома стали строиться выше, увеличилось число и размеры окон, появилось стропильное перекрытие, что при двускатной крыше давало хорошо оформленный фронто́н, верхняя часть сруба стала завершаться фризом, обязательными стали наличники на окнах. Одновременно с этим появляется стремление к украшению домов снаружи, чтоб удовлетворить свой эстетический вкус, а иногда и тщеславие. Количество и качество украшений зависело прежде всего от имущественного положения владельцев домов. Бедняки по-прежнему не украшали своих жилищ или ограничивались только тем, что своими силами покрывали незатейливой резьбой наличники окон. Более зажиточные украшали свои дома гораздо богаче, привлекая для этого соответствующих специалистов. Особенно же обильно украшали свои дома деревенские богачи, хотя у них часто на показ выставлялось богатство, но отсутствовал художественный вкус. Не столь богато, но очень стильно и красиво стали украшать свои дома плотники и резчики, вкладывая в это дело все свои способности и умение, но таких домов было немного.

Поскольку в подавляющем большинстве случаев крестьяне всех народов края в капиталистический период при постройке домов

обращали их к улице торцовой стороной, то эта сторона (фасад) и стала украшаться больше всего. Только у пятистенников, поставленных к улице длинной стороной, эта последняя становилась фасадом и соответственно украшалась. Боковая сторона, которая выходила во двор и на которой располагалось крыльцо, украшалась редко, — чаще в домах татарских крестьян, состоявших из двух срубов, соединенных холодными сенями.

Касаясь вопроса о том, какие части зданий орнаментировались,

Рис. 3. Барельефная резьба у русских, с. Красновидово, Теньковского р-на, ТАССР.

Фото Е. П. Бусыгина.

можно сказать, что чаще всего украшались наличники окон. Лишь в наиболее бедных домах они представляли собою просто четырехугольную раму, закрывающую снаружи косяки окон и служащую для навешивания ставень.

Далее, у домов с двускатной крышей украшался фронто́н, причем можно выделить несколько типов его орнаментации. В простейшем случае оформлялось лишь слуховое окно, в другом — украшался самый фронто́н и даже не устраивалось слухового окна. Наибольшей же сложности украшения достигали тогда, когда

оформление слухового окна и фронтона сливалось в единый комплекс.

Следующей украшаемой частью фасада являлся фриз, оформляющий верхнюю часть сруба под водосливом крыши. Особенно часто и богато украшался фриз у домов, покрытых четырехскатной (шатровой) крышей и поставленных к улице длинной, а не торцовой стороной. Здесь хорошо украшенный фриз становился центральной частью всего оформления дома.

Реже, — лишь у хорошо построенных домов, — украшались защитные тесом углы сруба, а иногда и самые стены, обшитые досками. Однако обшивка стен встречалась в крае очень редко, чаще всего они даже с фасадной стороны оставались просто бревенчатыми. Если украшалась боковая сторона дома, выходившая во двор, то она оформлялась проще. Здесь иногда украшались наличники, но обычно хуже фасадных, затем фронто́н, столбики, ограда и другие части крыльца. В особенно богатых татарских домах, одноэтажных и двухэтажных, где сени выдавались в боковые стороны и дом в целом получал крестообразный план¹, украшался также фронто́н этого бокового выступа.

На заднем фасаде, который имелся только в тех случаях, когда дом не соединялся с клетью или другими надворными постройками, обычно украшались лишь наличники выходящих сюда окон пятистенника или заднего сруба. Лишь в домах наиболее состоятельных

татарских крестьян фронто́н заднего фасада украшался по типу переднего, особенно если дом был двухэтажным.

Почти никогда не украшалась глухая стена дома, выходящая на соседнюю усадьбу или в узкий проход между домом и забором к соседям.

Изредка, главным образом у казанских татар, украшался фронто́н торцовой стороны амбара или клетки, выходящей на улицу. Он оформлялся в одном стиле с фронтоном дома, только несколько проще.

Кроме фасада дома, украшались также расположенные рядом с ним ворота, калитка, а иногда и передний забор. Украшение их органически сливалось со всем оформлением фасада, дополняя его, а иногда давая тон убранству всей передней стороны усадьбы. Украшение переднего забора чаще встречалось у татар, которые в данный период продолжали по старинному обычаю ставить дома отступая от улицы вглубь усадьбы. Бедные и средние крестьяне лишь слегка отодвигали свои дома от линии улицы, отделяя их низеньким забором, иногда даже из жердей.

Зажиточные же, и особенно богачи, ставили дома глубже, отгораживая высоким забором так, что с улицы был виден только орнаментированный фронто́н, фриз и верхняя часть наличников окон.

У ворот и калиток чаще украшались столбы, полотнища створок, реже перекрытие (верей), а у так называемых «русских» ворот, перекрытых двускатной крышей, еще и фриз, орнамент которого нередко сливался с украшениями столбов посредством декоративных ластовиц.

Украшения домов в период капитализма у каждого народа имели свою специфику, хотя у большинства из них развивались на одной основе. У русских, мордвы и чуваш этой основой стала того или иного типа резьба. У татар резьба не получила сколько-нибудь значительного развития, и центр тяжести в украшении домов перешел на раскраску.

Наиболее ранней резьбой у русского населения края, а несколько позднее у чуваш и мордвы, являлась долотная барельефная резьба, так называемая барочная или судовая резь, применявшаяся еще в XVIII столетии для украшения судов (стругов, расшив, барок и т. п.), а в начале XIX века получившая широкое распространение и для украшения жилых домов приволжских деревень верхней части (считая по течению Волги) Среднего Поволжья (Горьковская область). Прекрасные образцы ее воспроизводятся в работе И. В. Маковецкого¹. При этом надо сказать, что подобная резьба была распространена

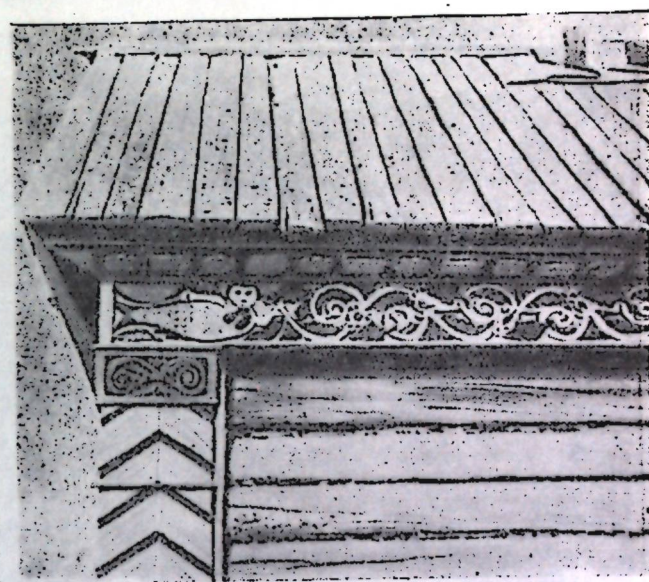

Рис. 4. Барельефная резьба фриз. Сбоку изображение наяды, д. Буртасы, Теньковского р-на, ТАССР.

Фото Е. П. Бусыгина.

¹ См. нашу работу «Казанские татары», Казань, 1953.

¹ Памятники народного зодчества Среднего Поволжья, М., 1954.

только в приволжских (правобережных) и присурских районах края. Она проникла и на волго-сурский водораздел, но только частично, отдельными гнездами. Отсюда ясно, что барельефная резьба распространялась по судоходным рекам, где население так или иначе было связано с судоходством. Проникновение же ее на водораздел, особенно к чувашам и мордве, шло преимущественно через русских резчиков, ходивших сюда на отхожий промысел с побережья Волги и с Суры. Например, у чуваш владельцы домов, украшенных судовой

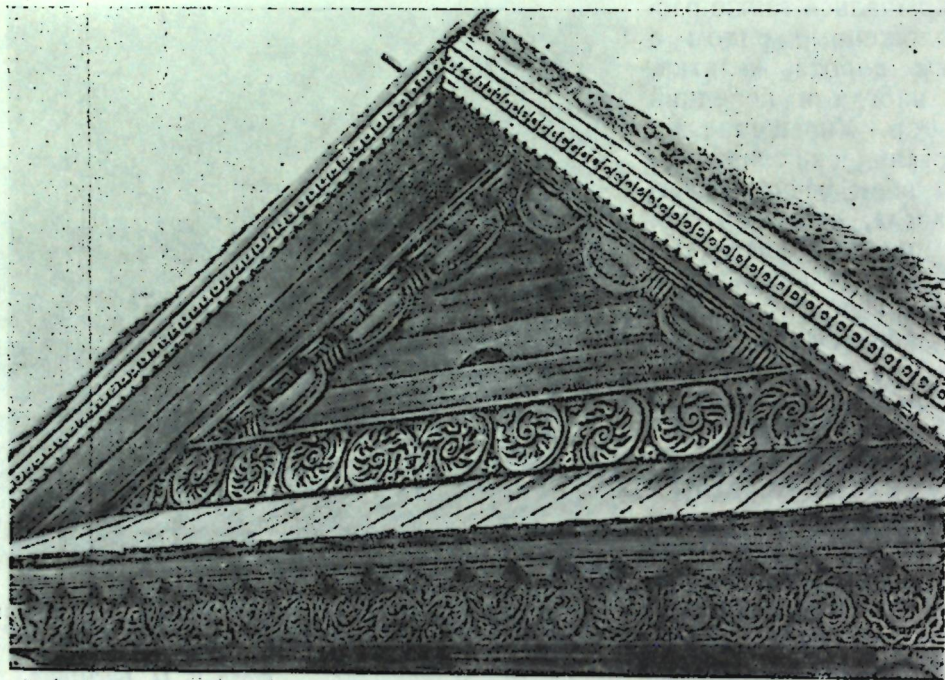

Рис. 5. Барельефная резьба на фронтоне чувашского дома Советского р-на ЧАССР. Край крыши украшен национальным орнаментом.

Фото Н. И. Воробьева.

резьбу, обычно называют авторами резьбы русских резчиков с Суры. Реже говорят, что резчик был чувашин, но почти обязательно прибавляют, что последний обучался у русских. Ту же картину можно наблюдать и у мордвы. Гнездовое распространение судовой рези на водоразделе можно объяснить тем, что русские резчики работали вместе с плотниками, а последние приходили из разных мест в те или иные районы с нерусским населением и приносили свои навыки в строительстве и украшении домов. В этих же районах, естественно, оставались их ученики из мордвы и чуваш.

В рассматриваемых нами районах Среднего Поволжья судовая резьба все же была менее распространена, чем, например, под г. Горьким. Здесь мы видим ее главным образом на фризах, наличниках окон и ставнях, иногда на карнизах крыши (полотенцах), но не на фронтонах, как в более северных районах с русским населением. При этом надо отметить, что судовая резьба шире применялась у мордвы, чем у чуваш и даже русских казанского Поволжья. Так, у русских она встречается преимущественно в приволжских селениях, обитатели которых тесно связаны с речным транспортом (Красновидово, Буртасы, Антоновка, Камское Устье, отчасти другие). При этом ею чаще украшались наличники, затем фриз и реже карнизы крыши. У мордвы ее чаще применяли на фризах, наличниках и ставнях, а у чуваш —

преимущественно на фризах и наличниках, возможно, потому, что ставни у них вообще были мало распространены. Характер резьбы, ее мотивы и техника совершенно те же, что и под Горьким (рис. 1—7). Богатый рельефный растительный орнамент из ветвей и листьев цветов, гроздьев винограда и изредка шишек хмеля, среди которых вплетались фигуры наяд (фараонов) (рис. 4) и львов со стилизованными концами хвостов. У чуваш фигуры львов — обычно двух, расположенных головами друг к другу, — изредка вырезались на полот-

Рис. 6. Барельефные и раскрашенные фигуры львов на фронтоне. Советский р-н ЧАССР.

Фото Н. И. Воробьева.

нище фронтона, ниже слухового окна (рис. 6). Так же редко у чуваш встречались резные полотенца. Возможно, это объясняется высокой стоимостью судовой рези.

Судовая резьба у мордвы и чуваш часто соединялась в украшении домов со старинной национальной резьбой. При этом употребление обоих типов резьбы было синхронично. Иногда, например, чувашин заказывал резчику только основную доску фриза, а фронтоны, карнизы крыши и наличники украшал сам, используя свои навыки в резьбе.

Национальная резьба в украшении домов у мордвы и чуваш развивалась из старинной народной резьбы, которая служила для украшения деревянных предметов бытового обихода. Так, из стари существовал обычай украшать простенькой резьбой особые кадучежки для хранения холстов и нижнего платья (сўпсе — у чуваш, авань парь — у мордвы). Обычно эти долбленные липовые кадучежки сверху обтягивались обручем в виде полоски, нижний край которой вырезался зубчиками. Иногда у чуваш зубчики делались в два ряда, как бы накладываясь друг на друга. Это достигалось сострагиванием поверхности нижнего ряда зубчиков, благодаря чему верхний ряд выступал над нижним. В отдельных случаях на зубчиках вырезались или наносились тиснением точки, кружочки, треугольнички. У мордвы

же верхний край обруча нередко покрывался полоской косо поставленных надрезов, создававших впечатление веревочки. В результате верхняя часть кадушечки оформлялась как бы незатейливым кружевом. Эти мотивы и стали использоваться в украшении домов. Кружева из зубчиков применялись преимущественно для украшения подзоров переднего края крыши, оформлявшего с двух сторон фронтоны, фриз, а также верхней части наличников. При этом характер резьбы несколько усложнялся, особенно на фризах и наличниках, путем

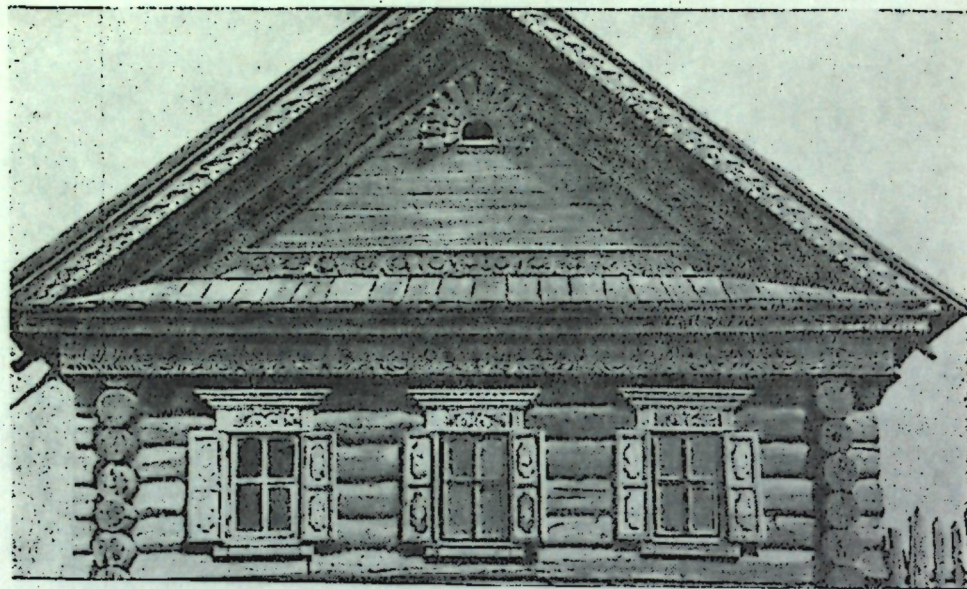

Рис. 7. Чувашский дом, украшенный барельефной резьбой. Слуховое окно украшено резным веером. Калининский р-н ЧАССР.

Фото П. В. Денисова.

нашивания нескольких украшенных досок так, что каждая верхняя доска захватывала часть нижней и ее зубчики выступали над нижними. Сюда же у мордвы вплеталась и веревочка. Получалось в целом довольно оригинальное украшение, хотя оно и было составлено из простейших элементов.

Кроме кадушечек, в прошлом, особенно у чуваш, широко применялось украшение ковшей для пива. Длинные рукоятки этих ковшей, обычно поставленные перпендикулярно к черпаку, как правило, украшались врезной резьбой, нередко переходящей в верхней части рукоятки в скульптурную (рис. 8). Чаще всего вдоль края четырехгранной рукоятки по обеим ее сторонам вырезалась рельефная веревочка, оконтуривавшая обе плоскости рукоятки, которые заполнялись врезным геометрическим орнаментом из квадратов и ромбов, иногда чередовавшихся с круглыми или многогранными розетками. Верхний конец рукоятки оформлялся в виде скульптурной фигуры лошади, птицы или другого животного. Орнаментация рукояток ковшей была очень разнообразна, и нельзя найти полного повторения орнамента не только на разных ковшах, но нередко и на разных сторонах одной рукоятки. С рукояток ковшей эта резьба позднее перешла преимущественно на воротные столбы. Обычно они украшались следующим образом: сверху вырезалась более или менее сложная розетка, а по обеим сторонам столба шла веревочка. Середина между веревочками заполнялась различным орнаментом, причем иногда несколько раз

повторялась розетка. Реже подобная резьба применялась на наличниках окон.

Поскольку украшение предметов бытового обихода чаще всего производилось самими их владельцами, а не специалистами-резчиками, то и национальная резьба на домах обычно делалась самими хозяевами. Подобная резьба встречалась на домах средних крестьян, не имевших средств для приглашения специалиста, но желавших украсить свой дом или ворота. При этом украшенные воротные столбы — и именно только столбы — нередко встречались на усадьбах, где дом был почти не украшен. Старинная народная резьба пользовалась наиболее широким распространением во второй половине XIX века, и украшенных ворот, стоящих менее 60—70 лет, почти не встречается (рис. 9—12).

Барельефная судовая резьба, так же как и национальная резьба чуваш и мордвы, появилась у населения края в начале последней четверти XIX века и просуществовала до 90-х годов, позже которых она почти не встречается. Происхождение ее в крае определено русское и появилась она с верхней Волги, откуда пришла значительная часть русского населения казанской части Среднего Поволжья.

Несколько позже появляются накладные украшения домов, нашивавшиеся на гладкую плоскость. Для этого употреблялась довольно простая пропиленная резьба, которую прибивали гвоздями к плоскости и затем подправляли резцом или долотом, так что в лучших образцах она внешне принимала характер барельефной (рис. 13). Но чаще в качестве накладных украшений применялись геометрические фигуры: квадраты, ромбы, розетки, квадранты (части круга), нередко отделанные нарезкой, а также точеные украшения (рис. 14). При этом у русских, мордвы и чуваш накладные украшения применялись главным образом на наличниках, зашитых углах домов, реже на фризе и нижней стороне выступающей части крыши, оформляющей фронтоны. Для украшения фронтона они почти не употреблялись, лишь изредка входили в орнаментику наличника слухового окна. Нередко подобные украшения входили в состав орнаментации обшитых воротных столбов и полотнищ ворот и калиток. Накладные украшения, за исключением резьбы, проникают в орнаментику жилища и у казанских татар. Геометрические накладные фигурки нашивались здесь на наличниках, реже на зашитых углах домов, полукруглых сияниях над наличниками слуховых окон, а особенно широко применялись для украшения ворот и калиток.

Нашивка на плоскость половинок точеных украшений — преимущественно различного вида столбиков — чаще применялась на боковых планках наличников, реже оформляла их нижнюю часть. Резные

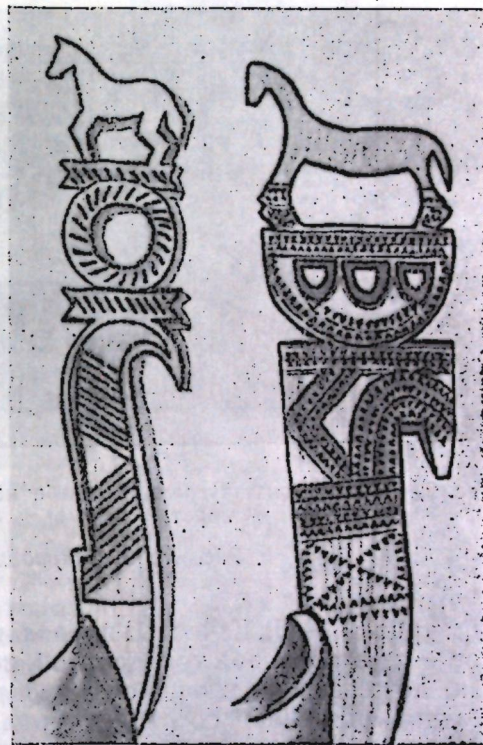

Рис. 8. Резные рукоятки чувашских ковшей для пива. Из коллекций этнографического музея КГУ.

фигурки боковых планок обычно сочетались с таковыми же, нашитыми на более украшенную верхнюю часть наличника. Для украшения зашитых углов и наличников применялись также окантовка и разбивка плоскости на части посредством нашитых фигурно выстроганных планок (пилястров), так что создавалось впечатление филенки. Плоскости, оформленные пилястрами, заполнялись различными резными или геометрическими украшениями.

Нашивная резьба и другие украшения, появившись приблизительно с конца XIX — начала XX веков, бытуют и в настоящее время. В комбинациях с другими видами украшений они применяются и в орнаментации новых домов колхозников у всех народов края.

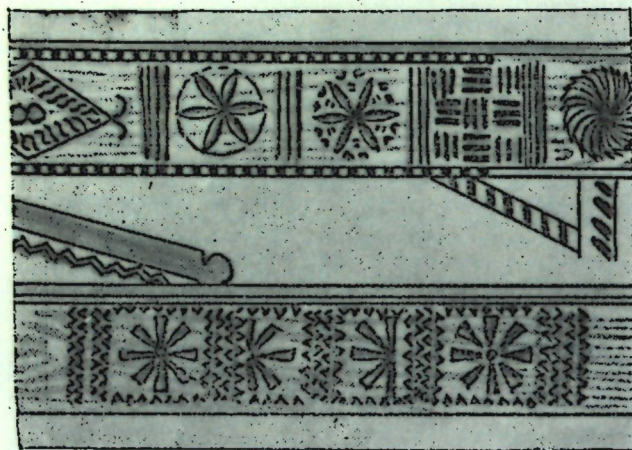

Рис. 9. Национальная чувашская резьба на фризах ворот.

Рис. М. С. Спиридонова.

Начиная с первого десятилетия XX века в крае, как и во всем Поволжье и прилегающих к нему территориях, в украшениях домов завоевывает все большее и большее место пропиловочная (пропильная) резьба с весьма сложным геометрическим и растительным рисунком, ажурная и накладная, но без последующей отделки резцом (рис. 15—16). Качество пропильной резьбы было самое разнообразное — от шаблонной трафаретной, повторяющейся во многих постройках, до резьбы, являющейся результатом индивидуального творчества резчика, увязанной со стилем дома и всех его украшений. Особенно пышно расцвела пропильная резьба в наше время, когда в тематику ее рисунка стали эффектно вплетаться советские эмблемы: серп и молот, пятиконечная звезда, а также силуэты Спасской башни Кремля, всего Кремля в целом и т. п.

Подобной резьбой стали украшаться все части зданий, но особенно эффекта она достигла в оформлении слуховых окон, становясь нередко основной частью орнаментовки всего фронтона. Круглые и полукруглые слуховые окна стали окружаться ореолом пышной накладной пропильной резьбы, занимающей значительную часть плоскости фронтона. Нередко это оформление становится ажурным, отстает от плоскости фронтона в виде широко развернутого веера или павлиньего хвоста (рис. 7), состоящего из ряда резных дощечек, прикрепленных к краю слухового окна и расходящихся в стороны.

В настоящее время пропиловочная резьба во все увеличивающихся масштабах проникает в орнаментику домов всех народов края, причем трудно сказать, у какого народа она лучше. У всех народов имеется большое количество рисунков резьбы, причем у мордвы и чуваш современные резчики часто и не без успеха используют в резьбе мотивы народного орнамента, применявшегося ранее только в вышивке. Слабее распространена резьба у поволжских татар. При этом раньше и обильнее других начала применять ее одна из этнических групп, т. н. мишари, особенно живущие на правобережье Волги и сильно затронутые культурным воздействием русских. Очень мало прибегают к резьбе, даже в настоящее время, казанские татары

Предкамья. Они издавна украшали свои дома не так, как другие народы края, — преимущественно путем многоцветной раскраски. Несколько чаще, особенно за последние годы, стала применяться пропиловочная резьба у казанских татар Правобережья и Закамья (преимущественно западного), где они живут чересполосно с другими народами, не составляя сколько-нибудь крупных массивов.

Пропиловочная резьба в настоящее время изготавливается резчиками всех народов края. Только у татар мало своих резчиков, и они появились лишь в последние годы.

Известную роль в украшениях играют также конструктивные детали самих домов или их отделки. Так, развитие украшенных наличников иногда приводит к тому, что верхняя часть их, становясь особенно пышной, принимает очень сложную форму. В процессе усложнения наличник сначала покрывается сверху горизонтально расположенной дощечкой, поддерживаемой резными или точеными кронштейнами. Подобное навершие наличников довольно часто встречается у татар Предкамья. Но у других народов, особенно у русских, сверху устраивается еще сложное, чаще ажурное, а иногда многослойное накладное навершие, которое нередко как бы нависает над всем наличником. При дальнейшем развитии середина верхней части наличника получает выступ в виде края двускатной крыши, под которой создается богато украшенный фронто́н. Подобного типа наличники перестают быть простым оформлением окон, а сами становятся как бы конструктивной деталью всего фасада дома.

У некоторых домов, покрытых шатром, на фасадной стороне крыши появляется светелка, заменяющая слуховое окно. Она представляет собой выступ, имеющий собственную крышу, окно, а иногда и маленький декоративный балкончик. Подобные светелки особенно богато оформляются различными украшениями. Светелки на шатровых крышах издавна характерны для русских домов Верхнего и Среднего Поволжья и Подмосковья, покрытых на четыре ската, но у нерусских народов края, — мордвы и чуваш, у которых имеются дома с шатровым покрытием, — они стали появляться только в последние годы и принесены, несомненно, русскими плотниками.

Совершенно оригинальной конструктивной деталью являлись особые ниши, оформлявшие в капиталистический период слуховые окна домов зажиточных и богатых казанских татар, преимущественно в Предкамье (рис. 17—18). На фронто́не, начиная от водослива и почти до самого верха, устраивалась ниша глубиной в 20—30 см с вертикальными стенками. Сверху она перекрывалась полукругом, расположенным на небольших плечиках, которые поддерживались парными ампи́рными колонками, идущими параллельно боковым стенкам

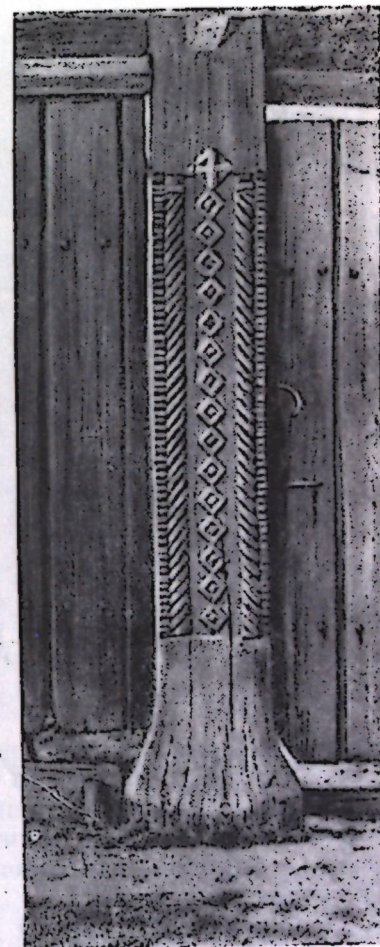

Рис. 10. Резной воротный столб д. Сталино, Цивильского р-на, ЧАССР.

Фото Н. И. Воробьева.

ниши. Иногда ниша получала очертание большей или меньшей части круга, срезанная часть которого лежала на водосливе. Подобные ниши снаружи обычно оформлялись сиянием из заостренных дощечек. Слуховое окно размером нормального окна дома, расположенное в глубине ниши, имело довольно простой наличник и само становилось лишь деталью ниши. Нижняя часть ниши с вертикальными стенками оформлялась балюстрадой высотой в 30—40 см из точеных или четырехугольных столбиков, которые

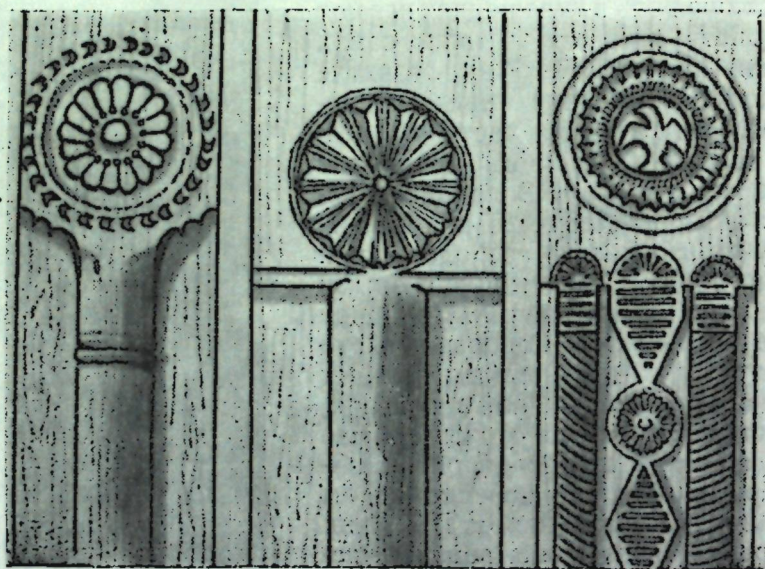

Рис. 11. Овершия резных воротных столбов у чуваш.

Рис. Н. В. Зорина

по фото Н. И. Воробьева.

вставлялись в горизонтально расположенные рейки, прикрепленные к колонкам. Это создавало вид как бы балкончика. Зрительный эффект подобных фронтовых ниш достигался полихромной раскраской. Указанные ниши обычно устраивались на переднем фронте, реже на боковом, над расширенной частью сеней, и очень редко на заднем фронте дома.

Особой конструктивной деталью является появившаяся в советское время зашивка углов фронтона. Боковые углы фронтона зашиваются на уровне края крыши в виде угольников, имеющих вогнутую сторону по направлению к середине фронтона. Благодаря этому фронтон получает в нижней части как бы полукруглое оформление, а водослив по краям укорачивается иногда на метр, а чаще на 60—70 см с каждой стороны (рис. 20). Плоскость этих зашитых углов фронтона украшается сложными резными розетками или эмблемами, но часто просто зашивается рустовкой. Подобная зашивка углов фронтона широко распространена в новых домах чувашских колхозников, реже у мордвы и еще реже у русских, живущих по соседству с чувашами. Откуда появилась эта конструктивная деталь фронтона, у какого народа она создавалась, сказать трудно, но она нравится колхозникам и с каждым годом распространяется все шире и шире.

Все указанные конструктивные детали в большинстве не имеют практического значения и являются чисто орнаментальными. Только светелки и фронтовые ниши иногда имеют сзади себя маленькие чердачные летние комнатки, но и то редко. В большинстве случаев

это только оформление слухового окна, служащее для более пышного украшения дома.

Начиная с капиталистического периода, для украшения домов применяется также т. н. фигурная или фасонная зашивка фронтонов, обшивка углов и стен зданий (рис. 21). В таком случае фронтон не просто зашивается горизонтально или вертикально поставленными досками, а создается тот или иной рисунок из досок. Иногда фронтон зашивают короткими, не более метра, узкими дощечками, составляя из них квадраты, на которых дощечки нашиты в противоположных направлениях. На фронте эти квадраты ориентируются вниз одной стороной или углом. Целый ряд таких чередующихся квадратов придает фронту вид паркета или шахматной доски. Иногда фигурная зашивка создается из дощечек, расположенных параллельно сторонам небольшого слухового окна в форме квадрата, направленного одним углом вниз. В таком случае и зашивка фронтона представляет один большой квадрат углом вниз.

Зашиваются фронтоны также длинными досками, у которых один конец уже другого. В этом случае доски нашиваются веерообразно, так что лучи расходятся снизу вверх. При этом нередко дощечки налегают краем одна на другую, давая впечатление веерообразной рустовки. Иногда центром такой рустовки становится небольшое слуховое окно.

При всех указанных видах фасонной зашивки, — а их применяется немало, — весь фронтон зашивается одним рисунком, но применяется и другой прием. Нижняя часть фронтона, до высоты около метра над водосливом, зашивается вертикально поставленными узкими дощечками с заостренными верхними, а иногда и нижними концами, создавая как бы подбор фронтона, выше которого зашивка идет тем или иным фасонным способом. Иногда на этот подбор нашивается сложная пропильная резьба, являющаяся в этом случае единственным резным украшением на фронте. Эта резьба особенно оттеняет подбор и придает фронту своеобразный и весьма богатый вид. При фасонной зашивке фронтона слуховые окна делаются обычно весьма небольшими, разной формы и сами по себе уже не орнаментируются.

Углы домов обычно зашивались и зашиваются вертикальными досками, на которых располагаются те или иные накладные украшения, но иногда сама зашивка становится украшением углов. Ее производят в таких случаях горизонтальной или косой рустовкой, причем в последнем случае на углах получаются как бы витые колонки. Подобная зашивка углов сруба прежде чаще применялась у казанских татар и, соединенная с полихромной раскраской, создавала большой эффект.

Рустовкой же, но преимущественно горизонтальной, богатые татары обшивали стены своих домов. При этом расположенные в два слоя доски поочередно меняли свою ширину. После раскраски

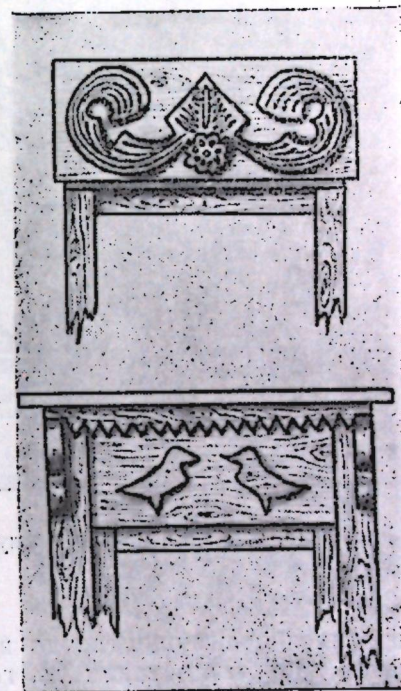

Рис. 12. Национальная чувашская резьба на наличниках окон.

Рис. Н. В. Зорина

по фото Н. И. Воробьева.

более широкие доски обычно составляли как бы фон, а узкие выделялись на этом фоне полосами другого цвета. Такая рустовка стен была также весьма красива.

Фасонная зашивка фронтонов чаще применялась и до сего времени применяется у чуваш, рустовка углов — у всех народов края, а рустовка стен применялась только в досоветский период татарскими богачами и в настоящее время почти исчезла.

Следует сказать несколько слов о декоративных заборах, встре-

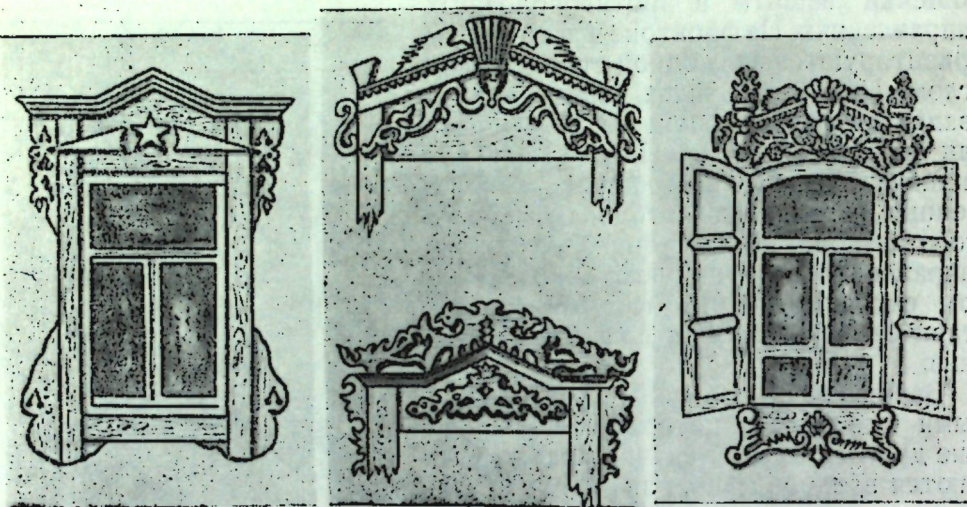

Рис. 13 (а, б, в). Накладная и ажурная резьба на наличниках у низовых чуваш.

Рис. М. С. Спиридонова.

чавшихся преимущественно на усадьбах татарских богачей. Обычно такие заборы состояли из горизонтально расположенного подбора высотой около 50—60 см и вертикально зашитого с узкими нащельниками основного полотнища. При этом иногда столбы забора с улицы не были видны, иногда же они выделялись, разбивая весь забор на секции. Высота плотной части забора, обычно составляющая около 2,5—3 метров, перед фасадом дома снижалась до полутора метров. Здесь над полотнищем забора устраивалась решетка. В простейшем случае она представляла собою штакетник с заостренными концами, которые иногда оформлялись в виде наконечников копий. Но чаще эта решетка делалась сложнее: между столбами укреплялись горизонтальные бруски, обычно два, и через отверстия в них вставлялись круглые, фигурно точенные или квадратные в разрезе столбики, заканчивающиеся фасонным острием или шариком. Верхушки столбов, доходившие, как и решетки, до общей высоты забора, увенчивались иногда крупными деревянными или разноцветными стеклянными шарами. В отдельных случаях забор перед фронтоном дома не понижался; при этом он делался менее высоким, чем обычно (до 2 метров), и весь украшался невысокой решеткой описанного типа.

Фасонную зашивку заборов, но несколько другого характера, до периода коллективизации применяли также зажиточные чуваш. Обычно такие заборы делались заподлицо с воротами и покрывались двускатной крышей. Вся ограда состояла из солидных, иногда покрытых резьбой столбов, между которыми вставлялись звенья забора, вертикально зашитые, с узкими нащельниками, без подбора. Подобные заборы начинались от дома и оканчивались у противоположного

края усадьбы. Нередко они оформляли и поставленные через ворота амбар или клеть, придавая фронтонам последних своим двустанным перекрытием своеобразную укороченную форму.

У других народов края фасонная зашивка заборов ограничивалась подбором и вертикальной зашивкой полотнищ с нащельниками, но без выступающих столбов.

Немалую роль в украшении жилищ народов края играла также окраска, или, точнее, раскраска, в несколько цветов, которая, например, у казанских татар в дореволюционный период являлась основным способом украшения зданий. Окрашивались масляной краской прежде всего наличники, затем фронтоны с их конструктивными украшениями, далее зашитые углы и изредка — у наиболее богатых хозяев — стены домов. Особенностью раскраски татарских домов являлась ее полихромность, причем подбиралась особая гамма цветов, принятая только у татар и составляющая их национальную особенность. Желтый, синий, голубой, зеленый, белый, красный цвета — сочные, без полутонов — брались в самых неожиданных на первый взгляд, но строго закономерных сочетаниях, не являющихся случайным набором. Сочетания белого с зеленым, белого с голубым, белого с желтым, синего с красным и желтым являлись наиболее частыми. При этом синий, голубой и зеленый цвета брались основными, далее шли белый и желтый, красный же цвет обычно всегда имел подчиненное место. Он употреблялся для окраски боковых плоскостей, узких полосок, но не основного поля той или иной части украшаемого дома¹.

В окраске различных частей и конструктивных деталей домов применялись разные сочетания красок, придававшие им особенно красивый вид. Так, при раскраске наличников основным тоном был обычно белый; досочка, покрывающая наличник, сверху делалась синей или голубой, кронштейны ее — голубыми сбоку и красными по торцу. Накладные украшения окрашивались в зеленый или золотисто-желтый цвета, боковые же части их — в красный. Иногда полихромно раскрашивались и рамы окон: основа в голубой, а переплеты и створки в белый. Сочетанием белого и зеленого чаще окрашивались обычно горизонтально, окрашивался чередованием белого, голубого и зеленого цветов, иногда с красными полосками. Раскраска фронтона со слуховым окном, но без ниши делалась обычно синей или зеленой краской, при этом наличник слухового окна, особенно с сиянием над ним, покрывался полной чередующейся гаммой белых, зеленых, синих и красных тонов. При наличии ниши поле фронтона окрашивалось также в зеленый или голубой цвет, глубина ниши чаще в синий, боковые стенки ее — в красный, рама и налич-

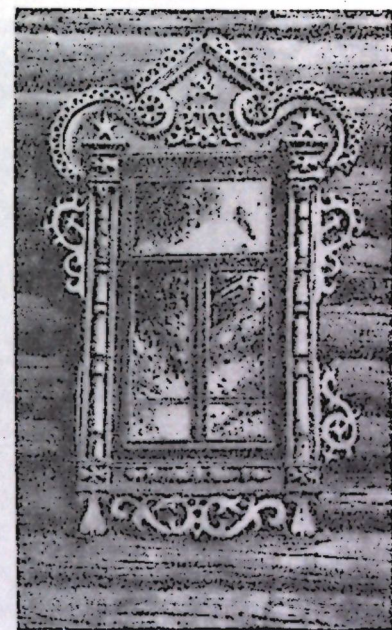

Рис. 14. Накладная и ажурная резьба с точеными деталями на наличнике окна, с. Советское ЧАССР.

Фото Н. И. Воробьева.

¹ Подробно о раскраске татарских домов смотри нашу работу „Жилища и поселения казанских татар Арского кантона ТАССР“. Вестник научного о-ва татароведения, № 4, Казань, 1928.

ник окна — в белый, колонки — в белый с красными и зелеными концами, а иногда и поясками. У решетки (балюстрады) стойки всегда делались белыми, а бруски зелеными. Наружная обкладка ниши чаще бывала белая, а если над ней имелось сияние — то многоцветная. Раскраска зашитых углов при рустовке была обычно белой с зеленым, а при накладных украшениях и пилястрах сюда примешивались также желтый, синий и красный тона. Стены, зашитые рустовкой, обычно окрашивались в белый с зеленым или голубым цвета, причем

Рис. 15. Накладная и ажурная резьба в украшении нового русского дома, д. Ст. Тура, Высокогорского р-на, ТАССР.

Фото Е. П. Бусыгина.

белый тон носил несколько подчиненный характер. Подобным же образом полихромно раскрашивались украшенные колонками и накладными украшениями крыльца богатых домов.

Раскрашенные таким образом дома татарских баев, мулл, а отчасти и зажиточных крестьян имели весьма эффектный и несколько своеобразный вид. В этой окраске чувствовалось влияние покрытых разноцветными изразцами и раскрашенных лепкой богатых жилищ древнего Булгара и старой, татарской Казани, образцы украшений которых нам известны в фрагментах.

Раскраска заборов и ворот велась также полихромно, но несколько по-иному. У заборов обычно подбор делался темно-коричневым, основное поле светло-коричневым и только решетки окрашивались в различные тона с преобладанием голубого, зеленого, белого. Полотнища ворот обычно окрашивались в коричневый цвет, а нашитые украшения — в желтый с красными торцами или в коричневый же, но контрастирующего с полотнищами

оттенка. Эти относительно скромно раскрашенные заборы и ворота особенно ярко подчеркивали многоцветные фронтоны и верха наличников спрятанных за ними домов.

Подобная раскраска домов имела место преимущественно в Предкамье, к северу от Казани, — там, где совершенно не было ни барельефной, ни пропиленной резьбы по дереву. В других районах расселения татар домов, близких по раскраске к вышеописанным, было очень мало. В большинстве случаев здесь раскрашивались только наличники, да и те чаще однотонно и в тусклые цвета.

Что касается других народов края, то полихромная раскраска наличников и фронтонов в капиталистический период иногда применялась еще у чуваш (в том случае, когда дом почти не имел резных украшений) и у русских, живущих близко к Казани. Как чуваш, так и русские для окраски фронтонов использовали зеленый и синий тона с введением во второстепенных деталях желтого и красного. Наличники же и ставни раскрашивались в несколько тонов, гамму которых уловить трудно ввиду ее слишком большого разнообразия.

Однотонная раскраска стен домов встречалась у русских и изредка у чувашских богатей. Большинство же крестьян окрашивали только наличники, реже зашитые углы. Барельефная резьба на рус-

ских, чувашских и мордовских домах никогда не окрашивалась, а пропиленная и накладная, особенно на наличниках и углах, иногда окрашивалась, чтобы резче выделить ее, но всегда однотонно, в контраст с основным фоном.

В советский период, особенно после коллективизации, полихромная раскраска новых домов татар-колхозников стала производиться значительно реже, но однотонная окраска деталей, а иногда и стен домов со стороны фасада начинает распространяться у всех народов края все больше и больше по мере повышения материального положения колхозного крестьянства.

В целом наружные украшения большинства домов у народностей края как в прошлом, так и в настоящем отличаются стильностью и комплектностью всего оформления. Лучшие образцы украшенных домов как современных, так и построенных много лет назад характеризуются тем, что украшения всех частей дома, будь то резьба или раскраска, или комбинация их, выполнялись в гармонии друг с другом, давая цельное впечатление и показывая художественный вкус владельцев или строителей. Но иногда — в домах богатеев — чувствовалось отсутствие единого стиля украшений, стремление взять из различных стилей самое дорогое и сложное, не заботясь о всем ансамбле. Так, иной раз при богатом и стильно оформленном фронтоне наличники и углы, а также фриз украшались обильной, но безвкусной трафаретной резьбой. В других случаях строгим и стильным украшениям фриза, наличников и углов сопутствовало безвкусное украшение фронтона. Бывало и так, что каждая часть дома украшалась по-своему, без заботы о взаимной увязке всех частей в целом. Все это говорит о том, что художественному чутью и чувству прекрасного в народных массах, украшавших жилища для себя или по заказу, но на свой вкус, противопоставлялось чванливое самодурство богатей, стремившихся особенно пышно украсить свои дома, но не имевших вкуса и не желавших положиться на строителей. Среди новых построек подобные некомплексно и безвкусно украшенные дома почти не встречаются, потому что чувство красоты у трудящихся — как владельцев домов, так и строителей — не стесняется прихотями богатей, что дает возможность создавать образцы великолепно украшенных домов.

Подводя итоги, можно отметить, что в капиталистический период богатые и зажиточные крестьяне всех народов края стремились украсить свои жилища. При этом у русских, мордвы и чуваш основной тип украшений был одинаков, отличаясь лишь некоторыми национальными особенностями. У татар же, особенно в наиболее древних местах их обитания, создался совершенно другой тип украшений жилищ.

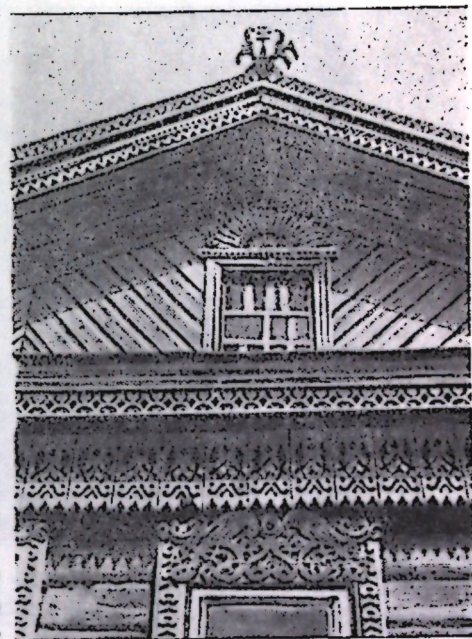

Рис. 16. Накладная и ажурная резьба, украшающая новый русский дом, д. Ст. Тура, Высокогорского р-на, ТАССР.

Фото Е. П. Бусыгина.

У русского населения края богатые украшения домов барельефной, накладной, пропиленной резьбой и т. п. являются местным вариантом тех украшений, которые выработались в крестьянском зодчестве более верхних по течению Волги областей. Они формировались там истари и лишь с особой яркостью проявились начиная с капиталистического периода, который создал для этого необходимые социально-экономические условия.

У мордвы и чуваш украшения домов близки к украшениям русских.

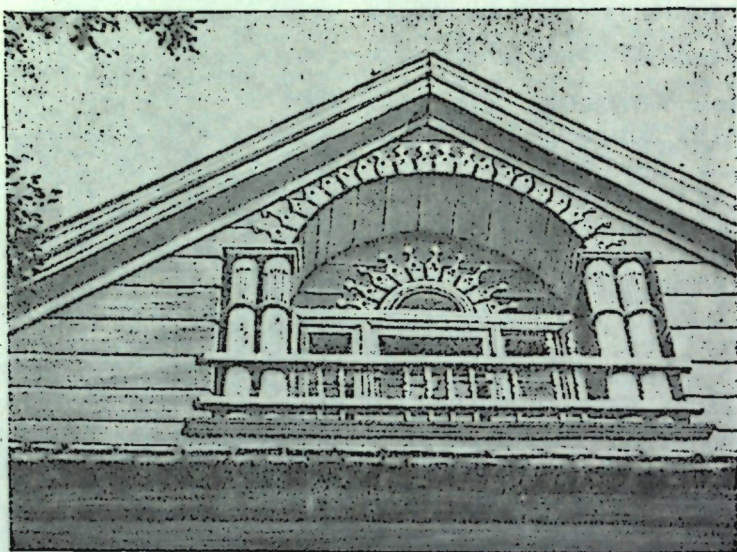

Рис. 17. Раскрашенная ниша с сиянием на фронте татарского дома. Ципинский р-н ТАССР.

Фото Г. М. Хисамудинова.

Это свидетельствует о древних культурных связях с русским народом. Однако заимствование у русских судового рез и различного типа резьбы не убило здесь собственного художественного творчества. В украшениях мордовских и чувашских жилищ при соответствующих условиях проявились древние национальные приемы резьбы по дереву, которые в пору феодализма использовались лишь для домашней утвари. При этом, пожалуй, надо отметить большее увлечение чуваш фасонной зашивкой фронтонов, чем у русских и мордвы.

Что касается окраски домов и их деталей, то у указанных народов она имела и имеет в основном утилитарное, а не орнаментальное значение, т. е. употребляется для того, чтобы предохранить стены и украшения домов от внешних влияний. Только у чуваш яркая, а иногда и полихромная раскраска фронтонов домов, возможно, является каким-то отзвуком городского зодчества Булгарии и Казанского ханства, поскольку в составе этих государств чуваш находились в течение ряда столетий. Полихромная раскраска фронтонов и других частей дома у русских, живущих близко к Казани, обусловлена влиянием живущих рядом татар.

Иной тип украшения жилищ у татарских крестьян создан в значительной степени благодаря стремлению татарских феодалов, а затем буржуазии культурно изолировать татарский народ от соседей, особенно русских. Формально это стремление мотивировалось борьбой за сохранение национальной культуры, ее исторически сложившихся особенностей в быту (в обычаях, одежде, жилище и т. п.).

Фактически же в нем проявилось желание татарских социальных верхов сохранить безраздельное право на эксплуатацию трудящихся своей национальности. В целом это не удалось, ибо трудовой народ постоянно общался с соседями, но все же некоторая культурная замкнутость долгое время сохранялась.

Все это коснулось и украшений жилища. Среди татар истари были хорошие ювелиры, резчики по камню, но в их быту не развилась резьба по дереву. Когда появилась возможность украшать

Рис. 18. Ниша на фронте татарского дома. Балтасинский р-н ТАССР.

Фото Г. М. Хисамудинова.

дома, своей национальной резьбы не оказалось, а заимствовать ее у русских мешала указанная замкнутость. Поэтому зажиточная, а за ней и середняцкая часть крестьянства стала применять в украшении своих жилищ полихромную раскраску, образцы которой имелись в деревнях в домах богатой социальной верхушки. Распространение раскраски преимущественно в Предкамье и особенно к северу от Казани можно объяснить тем, что здесь был крупный район древнего поселения татар, где старинные традиции и культурная изоляция сказались наиболее заметно. В других местах, куда татары переселились позднее или где они жили чересполосно с русскими, они теснее общались с соседями, и хотя здесь резьба все же привилась слабо, но почти не было и полихромной раскраски.

После Великой Октябрьской социалистической революции, а особенно после проведения коллективизации, когда влияние баев и духовенства было ликвидировано, сближение татар-трудящихся с русскими и с другими соседями пошло быстрее, что сказалось и на украшении домов. Новые дома татар-колхозников все более и более приближаются по оформлению к домам колхозников соседних народов, хотя некоторые черты национальной специфики, например, полихромная раскраска резьбы, все же продолжают бытовать.

Известный интерес представляет и внутреннее убранство (украшения) жилища рассматриваемых народов Среднего Поволжья.

Внутренней декоративной отделки сруба почти никогда не применялось даже у зажиточных и богатых крестьян народов края не

только в феодальный, но и в капиталистический период. Стены домов чаще всего оставались просто выстроганными. Только на рубеже XIX и XX веков у наиболее богатых появилась штукатурка; побеленная или реже окрашенная масляной краской в один светлый тон, а также оклейка чистого помещения довольно простыми обоями. Уже в XX веке, до Октябрьской революции, да и в течение нескольких лет после нее, в быту зажиточных и средних русских крестьян появился обычай оклеивать часть стены ближе к переднему

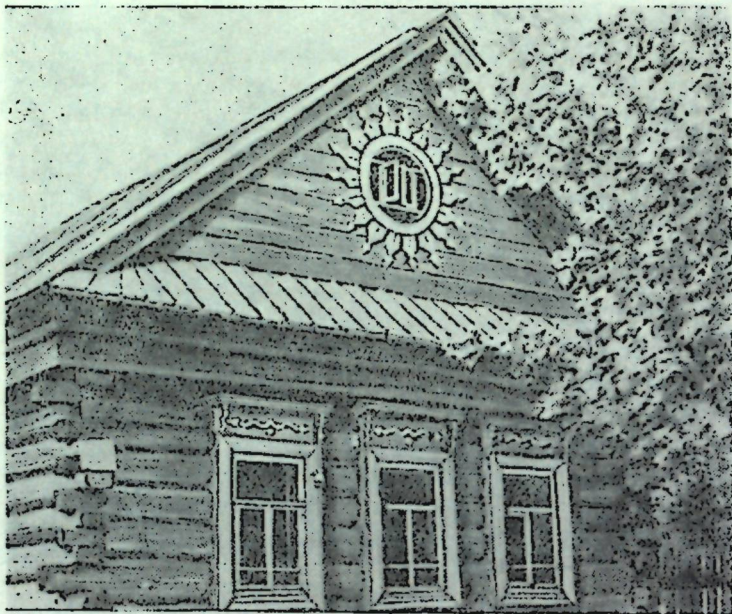

Рис. 19. Окно на фронте татарского дома, окруженное раскрашенным сиянием. Балтасинский р-н ТАССР.

Фото Г. М. Хисамудинова.

углу бумагой, газетами, наклеивать здесь портреты, лубочные картины, иногда даже красочные обертки от мыла, конфет и т. п. У крестьян других национальностей этот обычай был распространен реже и появился позже, у татар же он совершенно отсутствовал. Кроме того, иногда можно наблюдать незначительное декорирование матицы, если считать таковым фасонное выстрагивание ее ребер, обращенных внутрь помещения. Лишь в единичных случаях у русских встречалась отделка ребер матицы не только выстрагиванием, но и нанесением вдоль них простенького орнамента из врезанных треугольников или других несложных фигур.

Не было распространено и украшение предметов домашней обстановки резьбой, раскраской и т. п., как это принято у русского населения северных областей. Чаще орнаментировались обеденные столы да кноты в переднем углу (божницы). У обеденных столов не всегда, но довольно часто в той или иной степени украшались ящики для хранения хлеба и соли, расположенные под крышкой, и ножки. Стенки ящиков, особенно дверки их, находящиеся на длинной стороне, облицовывались пилястрами и покрывались врезанной резьбой, обычно геометрическим орнаментом. Ножки столов делались фигурно точеными. Подобные столы можно иногда встречать в старых, но не бедных избах у русских, мордвы и чуваш как образец старинной поделки да в коллекциях музеев как весьма редкие экспонаты. У русских можно также иногда было встретить ящики

и даже крышки обеденных столов фигурно раскрашенные масляной краской. Преобладали геометрические мотивы росписи, но изредка можно было наблюдать и изображения цветов. Реже орнамент в виде цветов вводился и в раскраску ящиков столов. Божницы иногда отделялись наподобие простенького наличника, но орнаментировался больше подзор, а не верх, который располагался в тени. В украшениях чаще применялась простая врезная резьба, реже геометрические нашивные детали. Подобное декорирование столов и божниц от русских перешло к соседям, как и сами эти предметы, не ранее середины XIX века. Передний край полатей в русских избах иногда украшали пропиленной резьбой, создавая узенький кружевной подзор. Доска коника украшалась сложнее. Ее верхняя часть иногда вырезалась фигурно, в виде головы и шеи лошади, которые в отдельных случаях покрывались (в особо старых домах) даже барельефной резьбой. Фигурной раскраски стен и печей у народов края никогда не было.

В связи с тем, что не декорировались стены помещений и редко украшались предметы обстановки, внутреннее убранство дома переносилось на снимаемые украшения. Сюда необходимо прежде всего отнести предметы декоративного убранства, имеющие одновременно и утилитарное значение: различного типа занавески, скатерти, предметы украшения постелей, а также нар у татар и чуваш. К этой же группе украшений надо отнести и зеркала.

Различного типа занавески особенно широкое распространение получили у татар, благодаря особенностям их быта. Появившись еще в конце феодального периода, в капиталистическое время стала почти обязательной принадлежностью каждой середняцкой, не говоря уже о зажиточной, избы занавеска (чаршау), повешенная вдоль матицы и закрывающая переднюю часть избы, когда в ней были посторонние мужчины. Эти занавески в капиталистическое время делались главным образом из ярких, с цветами ситцев, а раньше лучшие из них изготовлялись из самодельных тканей, покрытых богатым геометрическим браным орнаментом. Такие занавески не только имели практическое значение, но и составляли украшение избы. Над отодвигавшимся в сторону чаршау к самой матице прикреплялась узенькая занавесочка, венчавшая чаршау сверху, т. н. кашага — маты. Подобного же типа кашага вешалась под потолком вдоль передней стены дома. Иногда она закрывала находившиеся здесь полницы, но нередко помещалась прямо на стену. Кашаги чаще делались из однотонных тканей, нередко украшались пышной бахромой контрастирующего с тканью цвета и тамбурной вышивкой с растительным орнаментом. Иногда на кашага вышивались арабской вязью различные пожелания и даже молитвы. Некоторое декоративное значение

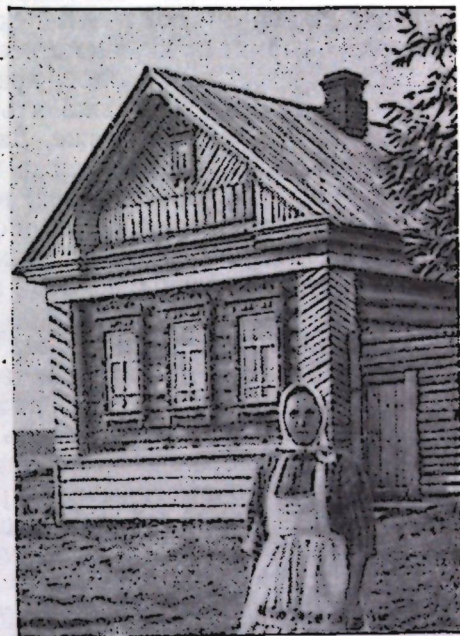

Рис. 20. Новый дом колхозника с защитными углами фронтона и рустовкой углов, с. Явтиково, Яльчикского р-на, ЧАССР.

Фото П. В. Денисова.

имели занавески на входах в помещение перед печью (пычмэк), когда с конца XIX века это помещение стало отделяться перегородкой, но не имело двери. Эти занавески также делались из ярких тканей, хотя и проще, чем чаршау. Изредка занавески типа чаршау с кашага над ними вешались для того, чтобы закрыть ту часть нар, где стопкой складывались постельные принадлежности.

Довольно рано в быту даже средних татарских крестьян появляются занавесочки на окнах, которые, как правило, делались из белой ткани; низ их украшался кружевами, сложными фестонами, а иногда и вышивкой. Шторы тканевые или тюлевые появляются только у богатых татар, и то в XX веке. Чаще же они заменялись кашага, которая оформляла верхнюю часть окон передней парадной стены.

В быту других народов края занавески не играли такой роли, как у татар, и начали появляться только в последние предреволюционные годы, а то и позже. Занавеска, закрывающая вход в кухонную часть избы (чулан), также вешалась не всегда, а если и встречалась, то очень простенькая, не имеющая декоративного значения. У чуваш юго-восточных районов ЧАССР, близких к Татарии, приходилось встречать занавесочку типа кашага, даже украшенную вышивкой. Ею завешивалось пространство над передним краем полатей.

Гораздо большее значение, особенно у русских, для украшения чистой половины дома (горницы) имели скатерти, покрытые браным орнаментом или вышивкой, иногда и кружевные, а также оформление парадных постелей. Постель обычно покрывалась ярким, нередко многоцветным, стеганым, а позднее тканевым или байковым одеялом, из-под которого выглядывали кружева и прошвы декоративных простыней. Наволочки на подушках также были или яркие с цветами, или белые с прошвами и вышивкой. Хорошо убранный постель в русской горнице служила предметом ее украшения.

У других народов края богато убранный постель не играла такой роли. Что касается чуваш и мордвы, то хотя в конце XIX века в их избах и появилась супружеская кровать, заменившая прежние нары, но она богато оформлялась и украшалась только в очень богатых домах. У татар же, которые пользовались нарами вплоть до периода коллективизации, а кое-где сохранили их и сейчас, постельные принадлежности обычно складывались стопкой на нарах и отделялись упомянутой занавеской, а чаще покрывались особой расшитой простыней (джайма) из яркой, но однотонной ткани. Однако пока у татар и чуваш сохранялись нары, обращалось внимание на убранство последних. Нары покрывали особыми покрывалами из многоцветных тяжелых тканей, нередко типа дорожек для пола, иногда с довольно богатым тканым орнаментом. Изредка, особенно у богатых татар, нары покрывались орнаментированным аппликацией войлоком и даже многоцветным тканым ковром (палас).

К орнаментальной части обстановки можно отнести встречавшиеся у татар покрывала на сундуки, которые нередко делались из разноцветных тканей, а иногда украшались широкими оборками другого цвета. Сюда же относятся и дорожки на полу, которые появились в чистой половине у татар, — сначала в зажиточных, а затем и во всех домах. Дорожки и покрывала на сундуки имелись и у русских зажиточных и богатых крестьян. Но в быту мордвы и чуваш дорожки появились только в советское время. Это связано с общим повышением чистоты жилища. В прошлом поддерживать ее в известной степени мешала обувь (лапти), которую мордовские и чувашские крестьяне не снимали при входе в помещение, как это исстари повелось у татар и довольно давно в зажиточном быту у русских.

К украшениям жилища утилитарного значения можно отнести также зеркала, которые вошли в быт всех народов края с середины XIX века. Сначала они появились в домах богачей и постепенно проникли в быт среднего крестьянства. У богатых крестьян, особенно татар и русских, в комнатах вешались сравнительно крупные зеркала в хороших рамах, у зажиточных и средних крестьян — чаще небольшие и бедно оформленные. У других народов зеркала вешались на стену редко. Девушки имели небольшие зеркальца, но они прятали их в своих коробках.

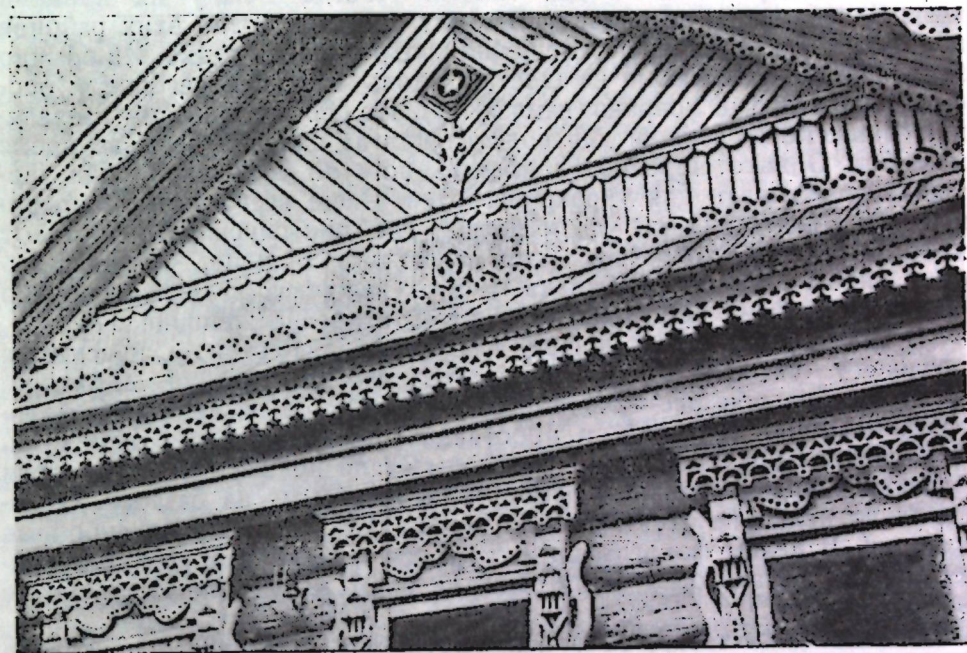

Рис. 21. Фасонная нашивка фронтона с подбором. Ажурная и накладная резьба. Дуберский р-н Мордовской АССР.

Фото Н. П. Макушина.

Применялись в убранстве помещений и чисто декоративные предметы, не имеющие утилитарного значения. Сюда необходимо прежде всего отнести полотенца с орнаментированными концами, которые, как правило, не использовались по прямому назначению. Среди русского населения края декоративные полотенца в праздники (а у богатых и постоянно) вешались прежде всего на божницу, затем над окнами, как бы заменяя шторы, и реже на стенах, над зеркалом. Полотенца, — один из наиболее старинных орнаментальных предметов в русском быту, как и в быту всех славянских народов, — употреблялись для украшения комнат в праздники и во время семейных торжеств (свадеб) еще в феодальное время, но ближе к современности количество их стало уменьшаться. У других народов края, за исключением татар, они употреблялись редко, главным образом для украшения божницы, как заимствование от русских. Реже всего полотенца употреблялись у чуваш, которые стали применять их лишь в последние предреволюционные годы. Редко вешались полотенца и у крещеных татар, где для украшения божницы довольно широко применялись особые покрытые вышивкой подзоры.

Шире других употребляли полотенца татары, особенно в закамских районах. Здесь иногда в домах зажиточных крестьян полотен-

цами, сложенными поперек, — так, чтобы были видны оба богато орнаментированных конца, — завешивали сплошь простенки и стены над нарами, придавая им как бы мягкий вид. Также сплошь затягивали полотенцами стены белой клетки, когда готовили ее для встречи новобрачных, причем здесь применялось даже смягчение ими углов помещения. Такое декоративное использование полотенец у татар являлось каким-то отзвуком кочевнических традиций. У татар Предкамья полотенца встречались в домах крестьян среднего достатка. Их вешали преимущественно в простенках между окнами, набрасывая серединой на два гвоздя. Иногда между их концами вешали небольшое зеркальце. В быту богатых татар этих районов полотенца для украшения помещений употреблялись редко. Их обычно заменяли развешиваемые на шестах вдоль стен и перегородок особые декоративные коврики (намазлыки). По своему прямому назначению намазлыки служили для подстилания на пол или нары во время молитвы. Однако нередко, покрытые богатой вышивкой, они употреблялись только для украшения стен. Чаще всего ими декорировалась глухая стена чистой половины, где они спускались почти от потолка вниз на метр или даже несколько больше, располагаясь один рядом с другим. Вышивки на этих ковриках являлись нередко исключительными образцами искусства татарских женщин.

В капиталистический период для украшения стен у русских, а позднее у чуваш и мордвы использовались фотографии, вмонтированные в большие застекленные рамы. Такие серии семейных фотографий обычно вешались в простенках передней и боковой стен. В последние предреволюционные годы стали появляться фотографии близких в индивидуальных рамах, приобретаемых на базарах. Относительно редко на стены вешали репродукции картин или лубочные рисунки. В целом фотографии и картины в быту старого крестьянства, даже богатого, у нерусских народов встречались далеко не всегда.

Что касается татар, то у них употребление картин и портретов не разрешалось религией. Вместо них у зажиточных и богатых хозяев нередко вешались в простенках и над входной дверью красиво исполненные на стекле или на бумаге сложной арабской вязью религиозные изречения, иногда различные пожелания (шамайлы). Развешивание шамайлов чаще встречалось в жилищах духовенства и богатых татар, преимущественно в Предкамье; оно появилось ближе к концу XIX века и сохранялось даже в первые послереволюционные годы вплоть до проведения коллективизации.

Немалую роль в украшении жилья у татар играли комнатные растения, пользующиеся большой любовью и заботой. На всех окнах располагались, как правило, горшки с цветущими геранями, фуксиями и особенно часто бальзаминами. Более крупные цветы: фикусы, рододендроны, лимонные деревья и др. — стояли на особых низких скамеечках в чистых половинах богатых домов, где не было нар. Даже в бедной избе часто можно было встретить на окне хотя бы несколько бальзаминов или гераней, всегда чистых и пользующихся уходом. У русских в капиталистический период цветы стали появляться вместе с элементами городской обстановки, преимущественно в пригородных селениях, как подражание городу. В более глухих местах комнатные растения встречались только в быту богачей. У чуваш и мордвы цветы появились в избах уже в послереволюционное время.

В целом убранство изб середняков и зажиточных крестьян у всех народов края, кроме татар, было весьма скромным. Более или менее хорошо и красиво помещение убиралось только в большие праздники, особенно семейные (свадьба).

Резко изменилось и стало принципиально иным убранство новых или капитально перестроенных домов колхозников всех народов края в советский период; особенно в послевоенные годы. Стены домов колхозников стали довольно часто оклеиваться красивыми, радующими глаз обоями. Новая городская обстановка сама по себе стала предметом украшения. Красивые никелированные кровати, не говоря об их обязательном хорошем убранстве, столы, покрытые хорошими скатертями, стулья, платяные шкафы, этажерки, радиоприемники и патефоны, обязательные занавески и шторы на окнах, хорошо окрашенные, безукоризненно чистые полы и т. п. имеют немалое декоративное значение в общем ансамбле помещения. У всех народов края частыми стали развешанные по стенам портреты и картины в хороших рамах, появился обычай прикреплять к стенам, особенно над кроватями, декоративные коврики из красивых орнаментированных тканей или покрытые богатой вышивкой. Вышивание — старинное искусство женщин почти у всех народов края, которое раньше использовалось для орнаментации одежды, — теперь широко применяется в украшении помещений. Особенно это заметно в быту колхозников чуваш и мордвы, поскольку раньше они совершенно не употребляли вышивок для украшения стен жилища за исключением редких расшитых полотенец. Комнатные растения стали неотъемлемой частью убранства домов и у тех народов, которые прежде их не разводили. В общем, жилище колхозников, особенно молодых, украшается теперь гораздо больше, причем в убранстве домов появились определенный вкус и художественное чутье, говорящие о значительном росте культурного уровня даже рядовых крестьян. Исключительную роль в этом сыграли связи колхозников с городом, с бытом рабочих, у которых украшение жилища стало теперь обязательным.

Заканчивая настоящую статью, хочется сказать, что советская действительность полностью опровергла „теории“ некоторых реакционных бытописателей прошлого. Эти последние утверждали, что крестьяне-трудящиеся, многие из которых строили и украшали дома представителей имущих классов, не имели якобы желания украшать собственные дома, что у них не было ни эстетических потребностей, ни вкуса, что жилище им нужно было единственно для того, чтобы выспаться в тепле после работы. Все это реакционная ложь. Нет, не в недостатке желания и вкуса крылось отсутствие украшений в бедных и середняцких домах. Причина заключалась в тех социальных условиях, в которых жило трудовое крестьянство, не имевшее для удовлетворения своих эстетических и культурных потребностей ни времени, ни, главное, средств. В советский период колхозное крестьянство, материальная обеспеченность и культурный уровень которого резко повысились, жадно потянулось к искусству, стало вплетать его в свой быт, в том числе и в украшение жилища, проявляя в этом немало вкуса и художественного чутья.

Х. Ф. ХАЙРУЛЛИН

ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННЫЙ РОМАН

Могучее чувство советского патриотизма неразрывно связано с революционными традициями прошлого, с историей нашей Родины.

Марксистско-ленинское изучение прошлого, творческое осмысление истории приобрело важнейшее значение в деле воспитания советских людей, в особенности подрастающего поколения.

Коммунистическая партия постоянно обращает внимание советских писателей на необходимость правдиво и художественно изображать героическое прошлое наших народов, раскрывая закономерности исторического процесса, подчеркивая социалистические и демократические элементы, прогрессивные общественные силы в прошлом. Партия резко осуждает любые попытки ухудшать или улучшать историю, беспощадно разоблачает проявления буржуазно-либеральных взглядов и буржуазно-националистических тенденций в толковании истории народов СССР. В постановлении от 9 августа 1944 г. о массово-политической и идеологической работе в Татарской партийной организации ЦК КПСС указал на недопустимость ошибок националистического характера в освещении истории Татарии (приукрашивание Золотой Орды, популяризация ханско-феодального эпоса об Идее). В постановлении ЦК от 26 августа 1946 г. „О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению“ была также осуждена идеализация царей, ханов, вельмож в ряде пьес некоторых советских писателей.

Изображая богатую, многообразную жизнь народов СССР, советские писатели, естественно, уделяют большое внимание также и историко-революционным темам. Одно из лучших мест в сокровищнице советской литературы принадлежит произведениям, которые художественно воплощают славные страницы революционной борьбы наших народов, воспроизводят светлые, героические образы прошлого. В основе вдохновения и пафоса таких произведений лежит глубокое чувство советского патриотизма.

Решения ЦК партии по идеологическим вопросам, постановления XX съезда КПСС наметили ясные перспективы в разработке исторических тем. XX съезд нашей партии со всей решительностью вскрыл серьезные недостатки, связанные с культом личности. Влияние культа личности нанесло значительный вред советской литературе. Это сказалось и в произведениях исторического жанра. Наглядными примерами могут служить повесть „Хлеб“ А. Толстого, пьеса „Незабываемый 1919-й“ В. Вишневского и др., в которых были допущены

отступления от исторической правды. Партия всегда призывала и призывает писателей исторически правдиво изображать прошлое и настоящее, показывать великую роль народа в истории, руководящую и организаторскую роль, вдохновляющую и воспитательную силу Коммунистической партии.

Вплощая в жизнь идеи и указания Коммунистической партии, советские писатели глубоко осмысливают и отображают в своих произведениях исторические события и факты. Советскими писателями за сорок лет создано немало замечательных, глубоко правдивых произведений исторического жанра. А. М. Горький еще в 1930 г. в статье „О литературе“ писал, что у нас „создан подлинный и высокохудожественный исторический роман“, с восхищением отзывался о превосходном романе А. Н. Толстого „Петр I“, о „шелками вытканном“ романе Чапыгина „Разин Степан“. „Я не знаю в прошлом десятилетия, — писал А. М. Горький, — которое вызвало бы к жизни столько ценных книг. Повторяю еще раз: создан исторический роман, какого не было в литературе дореволюционной, и молодые наши художники слова получили хорошие образцы, на которых можно учиться писать о прошлом не столько далеком, как далека эпоха Петра I, но очень похожем на него — я говорю о вчерашнем дне“¹.

Советская литература обладает большим опытом разработки исторических тем, в ней сложилась прочная традиция советского исторического, историко-революционного жанра. Огромное значение для формирования и развития этого жанра имели такие классические произведения, как „Жизнь Клим Самгина“ А. М. Горького, „Чапаев“ Д. Фурманова, „Петр I“ и „Хождение по мукам“ А. Н. Толстого, „Емельян Пугачев“ В. Шишкова. В послевоенной советской литературе исторический жанр получил свое дальнейшее развитие. За последние годы вышло более десятка выдающихся произведений: „Северная Аврора“ Н. Никитина, „Весенние ветры“ К. Наджми, „Абай“ М. Ауэзова, „Переяславская рада“ Н. Рыбака, „Степан Разин“ С. Злобина и другие. В этих книгах отражается возросший интерес советского народа к героическому прошлому своей Родины. „Мы вправе гордиться нашими историческими романистами, — писал А. Фадеев, — потому что такими произведениями, как „Петр I“, „Емельян Пугачев“, „Великий Моурави“, писатели утвердили в нашем сознании роль прогрессивных сил в историческом развитии нашего государства и показали лучшие передовые черты русского национального характера, как и других народов СССР“².

Если русская литература имеет огромный опыт, богатую традицию в области исторического жанра, то во многих национальных литературах нашей страны произведения этого жанра начали появляться лишь после Великой Октябрьской социалистической революции. Это характерно и для татарской литературы. В дореволюционной татарской литературе не было подлинно-исторического романа, если не считать попытку Г. Ибрагимова создать произведение в этом жанре. Роман Г. Ибрагимова „Наши дни“ был написан в 1914 году и опубликован лишь после Октябрьской революции в 1920 году. Произведение в основном посвящено событиям первой русской революции в Казани, однако автор, стоявший до Октября на мелкобуржуазных позициях, не сумел показать основные движущие силы революции. Позднее, уже в советское время, Г. Ибрагимов, пересмысливая заново весь материал романа, переработал его и издал

в 1934 году в новой редакции. Одним из интересных произведений татарской советской литературы на историко-революционную тему является также роман Шарифа Камала „На заре“ (1926 г.). Здесь правдиво показана борьба народа за социалистическую революцию и остро разоблачены ее враги — татарская буржуазия и буржуазные националисты.

Необходимо отметить, что в довоенной татарской советской литературе историческая тема занимала незначительное место. Лишь несколько произведений (повесть „Сиваш“ Г. Баширова, пьеса „Тукай“ А. Файзи и др.) можно, бесспорно, рассматривать как шаг вперед в освоении и развитии исторического жанра. Овладевая методом социалистического реализма и используя опыт русской литературы, татарские писатели несколько позднее обратились к художественному воплощению истории своего народа и его революционной борьбы. В годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период появляются зрелые произведения на исторические и историко-революционные темы. Это было закономерным явлением, говорящим о новом подъеме татарской советской литературы.

Писатели национальных республик, опираясь на богатый опыт русской литературы, создали ряд выдающихся произведений, убедительно раскрывающих жизнь и борьбу братских народов нашей страны в прошлом. Эти книги проникнуты идеей дружбы народов и пролетарского интернационализма. Таковы романы „Абай“ и „Путь Абая“ М. Ауэзова, „Переяславская рада“ Н. Рыбака, „Буря“ В. Лациса, „Бухара“ С. Айни, „Весенние ветры“ К. Наджми и многие другие. Эти произведения отражают национальный склад характера, своеобразие духовной жизни и культуры различных народов СССР и в то же время наглядно показывают дружбу трудящихся всех национальностей с великим русским народом.

Не останавливаясь на характеристике всех названных выше произведений, поскольку это не входит в задачу данной статьи, мы рассмотрим одно из характерных и ярких среди них — роман „Весенние ветры“ Кави Наджми. В этом произведении выражены многие существенные черты многонациональной советской литературы, в частности татарской литературы.

Как отмечала газета „Правда“, роман Кави Наджми „не только является выдающимся произведением татарской литературы, но имеет глубокое принципиальное значение для развития всех братских литератур“. „Для некоторых национальных литератур еще до сих пор характерен уход в далекое прошлое, они охотнее посвящают книги царям, чем революционным деятелям своего народа. Подобное „бегство в старину“ — результат непреодоленных националистических тенденций. Роман Наджми выражает противоположную тенденцию, заложенную в самой природе развития новых социалистических наций, рожденных и сплотившихся в огне революционных битв“¹.

Центральный Комитет нашей партии еще в годы войны в постановлении от 9 августа 1944 г. „О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации“ призвал историков и литераторов Татарии обратить особое внимание на исследование и освещение совместной борьбы русского, татарского и других народов СССР против чужеземных захватчиков, против царизма и помещичье-капиталистического гнета, а также на историю социалистического преобразования Татарии в период Советской власти.

История революционной борьбы пролетариата под руководством

¹ А. М. Горький. О литературе. Статьи 1928—1933 гг. Изд. С. П., 1934, стр. 54.

² Газета „Литература и искусство“, 16 октября 1943 г.

¹ „Правда“ 30 марта 1951 г., № 89 (11926). А. Макаров „Весенние ветры“.

Коммунистической партии была тем живительным источником, в котором К. Наджми черпал вдохновение, создавая замечательное произведение о славном и трудном пути нашего народа к завоеванию свободной и счастливой жизни. В историческом и художественном отношении правдиво показал автор рост классового самосознания татарских трудящихся, приобщение татарского народа к пролетарской революции и его участие в борьбе за установление Советской власти. При всем многообразии событий и образов, предстающих перед нами в романе, в центре внимания писателя стоит революционный пролетариат и его партия.

Роман „Весенние ветры“, удостоенный Сталинской премии за 1950 г., явился одним из важнейших свидетельств нового подъема национальных литератур, в частности татарской литературы. Он говорил о творческой зрелости автора, являлся итогом глубокого освоения писателем метода социалистического реализма.

Творчество писателя-коммуниста Кави Наджми, пришедшего в литературу в 1918 г. и являющегося одним из зачинателей татарской советской литературы, окрепло в борьбе против контрреволюционной идеологии буржуазного национализма. Вся его тридцатипятилетняя литературная деятельность пронизана глубоким чувством советского патриотизма, идеей братской дружбы татарского и русского народов, дружбы народов СССР. Например, в рассказе „Жребий“ (1925) писатель дал образы простых людей Хайруллы и Трофима, дружба которых возникла и закалилась в совместной борьбе за свободу; их мысли и интересы едины. Такие же образы представителей простого народа можно найти и в других рассказах („Солнечный дождь“, „Светлая тропа“ и др.).

В своих публицистических и критических статьях „Что надо выметать“ (1924), „Разрушим ваши препятствия“ (1926) и др. Кави Наджми выступал с беспощадным разоблачением реакционного националистического искусства, происков татарских буржуазных националистов в литературе.

В годы Великой Отечественной войны Кави Наджми создал ряд подлинно патриотических произведений, среди которых особенно выделяются драматическая поэма „Фарида“, поэма „Хаят апа“, очерки и статьи „Освободительная война“, „Слава тебе, Родина!“, „Живительная сила“. В последней статье речь идет о дружбе советских народов, о влиянии русской культуры на татарскую.

Тема пробуждения угнетенного трудового народа, революционной борьбы татарских рабочих рука об руку с русским пролетариатом всегда интересовала писателя. Это мы видим уже в первых его стихах и рассказах 20-х годов. Мотивы и образы, предвосхищающие некоторые мотивы и образы „Весенних ветров“, встречаются в таких его ранних рассказах, как „Порванные паруса“, „Жребий“ и в особенности „В царской казарме“, „Февральские бураны“, „Горе Минлебики“, „Солдатские письма“ и др. Однако первые произведения К. Наджми страдали схематизмом, на них сказался налет формализма. Преодолевая эти недостатки, овладевая методом социалистического реализма, писатель уверенно шел к жизненной правде, искал новых художественных средств. Прекрасным результатом этих творческих поисков и роста писательского мастерства явился роман „Весенние ветры“.

В докладе, сделанном на Татарской республиканской конференции сторонников мира в сентябре 1951 г., писатель, выражая чувства и мысли советских людей, говорил: „Приятно и радостно жить и трудиться в нашей стране, где между народами сложились самые справедливые, сердечные отношения. В жизни каждого из нас, словно солнечный луч в родниковой воде, отразился пройденный нашими

народами в единых сплоченных рядах путь славных побед, путь торжества мирных помыслов“¹. Именно это и нашло отражение в романе „Весенние ветры“ — яркие страницы совместной борьбы народов против рабства, угнетения, против самодержавия и господства капитализма, весь „пройденный нашими народами в единых сплоченных рядах путь славных побед“, путь торжества революционного пролетариата и его идеологии. Одной из основных идей романа К. Наджми является идея великой, нерушимой дружбы народов (русских, татар, чуваш и др.), закаленной в единой борьбе, идея пролетарского интернационализма. Писатель воплощает эту главную свою тему на огромном историческом материале, в живых, типичных художественных образах. В татарской литературе не было еще эпического произведения, которое так же проникновенно, как „Весенние ветры“, раскрывало бы дружбу трудящихся русских и татар.

Роман охватывает огромный исторический период — с 90-х годов прошлого века до Октябрьской революции. Исторически конкретно освещает автор периоды революционного движения пролетариата России, правдиво показывает историю борьбы казанских рабочих как часть общероссийского революционного движения.

Писатель не ставит перед собой задачу охватить все исторические события, имевшие место в России в конце XIX и начале XX веков. Действие романа разворачивается главным образом в Казани, и большей частью в ее рабочем предместье — Адмиралтейской слободе. Нарастание революционной бури в России показано через отражение больших социально-политических явлений в жизни рабочей слободы. Мы ясно ощущаем влияние на жизнь и сознание героев романа таких событий, как русско-японская война, революция 1905 года, новый подъем рабочего движения, вызванный ленскими событиями, империалистическая война, февральская буржуазно-демократическая революция и Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 года. С интересом следим мы за судьбами героев, за тем, как втягиваются в активную революционную борьбу русские и татарские рабочие. Большие революционные события, описанные в романе, не являются простым фоном, необходимым для показа внешних обстоятельств жизни героев, а органически связаны с судьбами героев и определяют их отношения, историю их духовного развития. Именно в этом заключается одно из главных достоинств произведения.

Сюжетную основу романа составляет история семьи Саубановых. В представителях трех поколений этой семьи — Саубане, Мустафе и Герее — как бы воплощена восходящая линия развития общественного самосознания татарских трудящихся.

В сильных, запоминающихся картинах рисует писатель „темное царство“ самодержавия и невыносимые условия существования труженика в буржуазно-помещичьем обществе. Перед нашими глазами проходят тяжелые картины унижения, голода и унижения трудового человека. Как это было характерно для сотен тысяч трудящихся в царской России, семья Саубановых, надеясь спастись от разорения и голода, вынуждена была бросить обжитые предками родные гнезда и „в поисках счастья“ переселиться в город. Но они не могут найти счастья в капиталистическом городе. Если в деревне властвовали помещики, муллы и кулаки Хизбуллы, то в городе господствуют Эгерсы, Иманкол-хаджи, Юнус бай Валишины. Огромные трудности и муки переносит семья Саубановых. Крестьянин Саубан, переживший тяготы крепостного строя, погибает в голодном 1891 году.

¹ „Советская Татария“, 15 сентября 1951 г., № 30.

Великодушная, кроткая старуха Малика за свою долгую жизнь переносит много горя, терпит издевательства и бесчеловечное обращение со стороны баев и мулл. Охваченная тревогой за жизнь своих детей и внуков, она падает, скошенная нуждой и голодом, во время своих скитаний между городом и деревней. Измученная тяжелой долей солдатки, вынужденная жить в сырых и темных трущобах Казани жена Мустафы — Раушана умирает от туберкулеза. Мустафа, поселившись со своей семьей в рабочей слободе Казани, работает на русских, немецких и татарских заводчиков и испытывает все ужасы рабского труда. Но никто из них не склонил головы, никогда их не покидала светлая мечта о свободной жизни, надежда и твердость духа. Много испытавший и переживший Мустафа спрашивает самого себя: „Как можно жить в таких условиях? Разве это жизнь!..“ — и чувствует в себе напор все растущего недовольства и ненависти к баям, к порядкам, установленным царской властью.

Образ рабочего Мустафы изображен особенно сильно и ярко. Идеальная и политическая закалка, внутренний рост этого центрального героя постоянно находится в поле зрения писателя. В образе Мустафы убедительно показан процесс пробуждения революционного сознания у татарских рабочих. Писатель отнюдь не идеализирует, не приукрашивает своего героя, правдиво описывает весь трудный и сложный путь становления его сильного характера, глубокие, противоречивые переживания, сомнения. Попадая в рабочую среду, Мустафа не сразу делается сознательным пролетарием. Проходят годы мучительного труда у немца Эгерса, годы, не давшие ему счастья, не создавшие ему и его семье даже элементарных условий человеческого существования. В начале он надеялся, что заработает деньги на лошадку и вернется в свою деревню. Но жизнь опрокинула его надежды. „Целый день в угарном, иссушающем кровь воздухе мастерской он с ожесточением бил молотом по раскаленному докрасна железу, огненные искры разлетались во все стороны и гасли, как его несбыточные надежды“.

В минуты озлобления и отчаяния Мустафа уходит в трактир, чтобы залить свое горе, свою душевную боль водкой, лишая тем самым свою бедную семью последних средств. Но „стыд и боль чувствовал он всякий раз, вспоминая зимний вечер, когда так, из-за какого-то не понравившегося ему слова, бросился с кулаками на Раушану, и она в одном легком платье, с ребенком, выбежала во двор, на лютый мороз. Иманкол-хаджи, возвращавшийся с вечернего намаза из мечети, видел все и только посмеивался:

„Так ей, так! Дай как следует!“

Как-то, возвращаясь домой вместе с Андреем Петровичем, Мустафа пожаловался:

— Проклятая жизнь! Вспомнил твои слова, Петрович. Ни света, ни радости, как темная ночь кругом. А выпьешь — становишься зверем¹.

Искусный конспиратор-большевик, чуткий товарищ Андрей Петрович, работающий также в кузнице Эгерса, советует Мустафе не сторониться людей, ибо „при нашей рабочей жизни не выдержишь, если будешь все один в сердце носить: горе задавит, тоска заест...“ Андрей Петрович приглашает его к себе — прийти запросто, чайку попить и поговорить; у него по вечерам „иногда собираются ребята не по пьяному делу...“

Дружба Мустафы с русским рабочим помогает ему многое понять и найти истинный путь „света и радости“.

Поворотным моментом в политическом сознании Мустафы нужно считать его участие в революционной сходке-маевке рабочих, когда он впервые услышал слова Ленина. Этот эпизод — один из лучших в романе. С большой убедительностью передает писатель и общую обстановку маевки, и чувство обновления, охватившее его героя. Рабочий-революционер Алексей Халывин читает брошюру В. И. Ленина „К деревенской бедноте“ и разъясняет необходимость совместной борьбы рабочих всех национальностей. Мустафа „полной грудью вбирал в себя чистый весенний воздух и с волнением прислушивался к словам, которые бодрящей струей лились в самую душу: „...рабочие — социал-демократы говорят, что единственное средство положить конец народной нищете, это — изменить снизу доверху теперешние порядки во всем государстве и установить *порядки социалистические*, то есть: отнять у крупных землевладельцев их имения, у фабрикантов их фабрики и заводы, у банкиров их денежные капиталы, уничтожить их *частную собственность* и передать ее в руки всего рабочего народа во всем государстве“. Писатель очень умело вводит здесь слова Ленина в ткань художественного повествования (стр. 68). Не все еще ясно понимал и представлял себе Мустафа, но главное из того, что читал Халывин, он понял. Слова Ленина, слова большевиков пробудили в нем новые силы. Впервые за долгие годы он почувствовал себя удивительно легко, и на душе у него становилось светлее. „Есть же ученые люди, — думал он. — Они все видят и знают, как избавить народ от горя и нищеты“ (стр. 68).

После этого Мустафа серьезно задумался над жизнью, часто стал бывать у Андрея Петровича, иногда и у Халывина. Однажды Мустафа шутливо сказал, что раньше он верил, будто в загробной жизни ему воздастся аллахом за пережитые муки на земле, а теперь, наслушавшись Алексея, лишился и этого последнего утешения. На это Алексей сказал ему: „А ты, брат, верь в себя больше. В своих товарищей верь. Не на небе, а здесь, на земле, твое счастье“.

Так постепенно Мустафа рос духовно, освобождался от всяких пут, в том числе и от религиозных, его сердце наполнялось верой в победу революции. В 1905 г. он становится одним из активных участников забастовок и вооруженного восстания. Его дух не сломили ни преследования, ни аресты.

Все это изменило и его жизнь, и его внутренний облик. Мустафа окончательно порвал связь с деревней, с крестьянским укладом — он уже в полном смысле пролетарий. Его жизнь, труд, все его мечты неразрывно связаны с рабочим классом. Он закаляется и растет в рабочей среде. Алексей и другие передовые представители русского пролетариата, а также революционер Хасан Айвазов помогают ему встать на ноги, правильно понять жизнь. Под их влиянием и в искренней, близкой дружбе с русскими рабочими растет классовое сознание Мустафы, а также его сестры Насимы и сына Герее. Они ясно сознают цели и задачи борьбы рабочего класса.

Мустафа — человек с твердым, суровым характером. Он беспощаден, непримирим по отношению к врагам, к угнетателям. Но в то же время он добр, открыт душой, прост в отношениях с рабочими, с друзьями. Эти качества передались и его сыну Герее, которого отец с детства приучал к труду, к выносливости, бесстрашию при встрече с трудностями.

Свой трудный жизненный путь Мустафа Саубанов окончил достойно, как человек, до конца преданный делу рабочего класса. В конце романа мы видим его вернувшимся из ссылки и участвующим с оружием в руках в борьбе за установление Советской власти

¹ Каби Наджми. Весенние ветры. Авторизованный перевод с татарского А. Садовского. Таткнигоиздат, 1954, стр. 66. В дальнейшем ссылки даются по этому изданию.

в Казани. Пуля врага — сына крупного фабриканта Юнуса Валишина смертельно ранит Мустафу в тот момент, когда он вместе с Ксенией водружал победное красное знамя над казанским Кремлем. Развитие образа Мустафы завершается сценой последней встречи его с сыном, в которой выражена мысль о преемственности поколений Саубановых. — „Сынок, помоги...“ — услышал Герей стонущий голос отца. Подбежав к отцу, он понял, что „последняя искра в его глазах горела не страхом смерти, а заботой о знамени, которое падало из его слабеющих рук. И не мольба звучала в его последней просьбе, а гордое сознание, что есть кому завещать революционную честь рода Саубановых“ (стр. 447—448).

С большой любовью рисует автор сына Мустафы — Герей. Это один из самых светлых, живых образов романа. Герей с детства живет в рабочей среде, с юношеских лет растет и закаляется под влиянием революционно настроенных людей рабочей слободы. Свое нравственный, подвижной, способный мальчик, испытывавший тяжесть нужды и лишений в бедной семье, становится впоследствии пламенным революционером-большевиком. В его духовном развитии большое значение имеет дружба с русским паренком Гришей, с которым он вместе работает в мастерской, вместе втягивается в подпольную революционную работу. Многому он учится у Андрея Петровича, Алексея Халявина, Хасана Айвазова, выполняя их поручения по революционной работе, участвуя в организованных ими митингах, сходках рабочих. Герей, как и все дети рабочих, не имел возможности учиться в школе. Впервые увидев у Гриши печатные буквы, типографские шрифты, он приходит в восхищение. Гриша учит его читать. Работая в типографии, Герей из большевистской печати узнает правду жизни, правду о борьбе русских рабочих, татар и других народов России. Он с увлечением читает книги Пушкина, Горького, Габдуллы Тукая. Мир открывается перед ним все шире и шире.

Когда Герей призвали в армию, он был уже возмужавшим человеком с революционной закалкой. В дни империалистической войны он развернул большевистскую пропаганду среди солдат, за что не раз подвергался серьезным преследованиям. Ничто не смогло сломить его боевого духа. В дни разгула контрреволюционных сил после Февральской революции Герей писал в письме любимой девушке, дочери учителя Файрузе, что на фронте вновь введена смертная казнь, митинги запрещены, „Окопная правда“ закрыта, что правительством издан приказ об аресте Ленина, но „сколько бы ни бесновалась буржуазия, ее дни сочтены. Это ее предсмертные судороги“. В конце письма Герей приводит слова из обращения Петроградской конференции большевиков: „Революция живет, и она еще даст о себе знать... Будут еще битвы! Будут еще победы!..“ И Герей верит в победу, ободряюще пишет он на родину, к своей возлюбленной: „Мы живы, Файруза, кипит наша алая кровь огнем нерастраченных сил...“ (стр. 407—408).

Все это ясно говорит о силе и духовном богатстве Герей, вся жизнь и любовь которого освещены идеалом революционной борьбы, стремлением к победе пролетариата.

Проникновенно и красочно рисует писатель чувства и переживания своих героев. В этом отношении особенно интересен содержательный и выдержанный в светлых красках эпизод, рисующий, как Герей провожает Файрузу за Волгу (глава „Дыхание весны“). С лирической теплотой передает автор чистоту, искренность любви, стремлений своих молодых героев.

В дни Октябрьской социалистической революции Герей сражается на улицах родного города. Под руководством большевиков осуществляется та мечта о новой жизни, во имя которой он не щадил

своих сил, как не щадили себя и его отец, сестра Насима, зять Хасан и все его друзья.

Мустафа и Герей являются совершенно новыми для татарской литературы героями. В дореволюционной литературе образы революционно-настроенных рабочих встречаются лишь у Г. Кулахметова (Юсуф в драме „Молодая жизнь“). Но деятельность этих героев еще очень узка, уровень сознания невысок, они мало связаны с организованным рабочим движением. В центре драмы Кулахметова стоят прежде всего революционеры-профессионалы, выходцы из интеллигенции. В дооктябрьских произведениях Шарифа Камала, Маджита Гафури образы рабочих хотя и занимают большое место, но в значительной мере отражают еще черты сезонников, связанных с деревней. При этом они изображаются не как активные борцы, а как забитые, несчастные люди. Их протест против социального гнета носит лишь стихийный характер. Понятно, что это во многом было связано с историческими условиями, с ограниченностью дореволюционных взглядов Ш. Камала, М. Гафури и других демократических татарских писателей.

Метод социалистического реализма дал возможность Кави Наджми глубоко осмыслить исторические события и создать высокоидейные, правдивые образы целеустремленных, сильных людей из простого народа, осознавших историческую роль пролетариата и под руководством партии большевиков смело выступивших на борьбу с помещичье-буржуазным строем.

Новаторство писателя проявилось и в изображении женских героинь романа. В таких ярких образах женщин-татарок, как Насима, Саима и Файруза, убедительно показан процесс пробуждения сознания, освобождение от социального и семейного гнета, от гнусных законов религии — ислама. В широком плане показал К. Наджми жизненные, цельные художественные образы сознательных и активных участниц революционной борьбы, каких было немало и в самой действительности.

Страница за страницей рисует роман изменение характера и рост сознания скромной, трудолюбивой Насимы. Уезжая с братом Мустафой из деревни в город на заработки, она не представляла себе, как сложится ее судьба. В городе среди татарских и русских рабочих и работниц она нашла искренних, честных друзей, таких, как Алексей Халявин и Хасан Айвазов, Ксения и Саима. Новые друзья поддерживали Насиму в трудные дни, помогли ей понять причины всех несчастий и унижений трудящихся женщин. Она становится на путь сознательной борьбы за свое счастье и за счастье угнетенных, вырывается из страшных пут шарната, протестует против попыток связать ее судьбу с нелюбимым человеком, извергом Хизбуллой, который по сути дела пытался купить ее за кусок хлеба — за неуплаченные долги ее матери Малики. Писатель нарисовал правдивую картину оскорбления чувств и желаний простой женщины-татарки, картину попрания ее прав со стороны кулаков и мулл, запугивавших Малику и Насиму различными угрозами. Несмотря на все трудности, они выдерживают это испытание.

В городе Насима встретила с большевиком Хасаном Айвазовым, подружилась с ним и всей душой полюбила его. Ни опасности, ни долгие разлуки не могли потушить огонь их чистой, пламенной любви. Когда Айвазов осторожно предупреждает Насиму, что с ним ей будет очень трудно, так как его в любое время могут арестовать, — она решительно отвечает: „Я на все согласна, мой милый. Что бы ни пришлось испытать — выдержу!“ И действительно, она выдержала до конца. Следуя за своим другом, любимым мужем, она включилась в революционную борьбу.

Волнующие страницы посвящены дружбе и любви Насимы и Хасана, этих исключительно привлекательных, вдохновенных героев романа. Интересный внутренний монолог героини в минуты размышления и тоски по любимому человеку помогает автору раскрыть ее душевный мир: „Неужели счастливые недели, проведенные с Хасаном в Баку, останутся лишь воспоминанием, отравленным горечью разлуки? Когда-то она слышала от матери: „Надежда заставляет жить человека...“ Нет, кроме надежды, есть нечто более сильное, что заставляет жить, верить в будущее. В народных песнях, в стихах Тукая, во многих хороших книгах, не поддающихся тлению, живет гордое, изумительно чистое, светлое чувство, закаляющее тысячи молодых сердец в своем вечном огне: любовь...“ Любовь Насимы к Хасану не была только женской любовью. „Для нее Хасан был учитель и друг, борец, с которым были связаны все самые светлые мечты. Свою любовь к нему она пронесла во всей чистоте сквозь грозные раскаты событий, через все испытания“ (стр. 350—351).

В романе довольно полно обрисованы и другие образы женщин. Вначале покорная своей судьбе, но к концу жизни охваченная чувством недовольства и ненависти старуха Малика вызывает глубокую симпатию у читателя. Это один из наиболее ярких, типичных образов тружениц-татарок. Теплое впечатление оставляют также образы Раушаны, Саимы, Ксении, Файрузы. Особенно хорошо нарисованы образы девушек-работниц, живущих одними желаниями, одними чувствами, у которых общие и горе, и радость.

Когда старик Гимади рассказывает об источниках и средствах обогащения Иманкола-хаджи, Саима ему отвечает: — „В его распоряжении, самое большое, останется вот этот надмогильный склеп. А нам — перейдет весь мир. Приближение таких времен я очень хорошо чувствую...“ Не ради красного словца сказаны эти слова. Они органически присущи девушкам-работницам, естественно вытекают из их характера, переживаний, из их мыслей и убеждений. Слова Саимы выражают надежду многих.

Как мы уже говорили, весь роман К. Наджми проникает идея дружбы и единства народов России. На протяжении всего произведения писатель, подчеркивая руководящую роль русского пролетариата, убедительно показывает общность интересов русских и татарских трудящихся.

Эту важнейшую тему писатель решает не декларативно, а в живых образах, на конкретных исторических примерах. Он изображает дружбу в проникновенных отношениях героев, в деталях их быта и труда. Она проявляется в искренних дружественных отношениях между Мустафой и Андреем, между Гереем и Гришей, в дружбе Насимы — Саимы — Ксении, в мудрых и горячих словах большевика Алексея Халявина, в его чутком, заботливом отношении к Мустафе. Андрей и Алексей всегда воодушевляют Мустафу и Насиму, в самые тяжелые минуты их жизни приходят им на помощь, вселяют в них бодрость и делятся всем, что они имеют. Особенно сильно звучат те страницы романа, которые описывают, как под влиянием Андрея и Алексея растет классовое сознание Мустафы, и он в самый критический момент, казалось, обреченный скатиться под ударами тяжелых обстоятельств на дно жизни, выпрямляется во весь богатырский рост и твердо встает в ряды борцов за свободу.

Передовые деятели татарского народа — писатели Г. Тукай, М. Гафури, Г. Кулахметов, Ш. Камал и революционеры Х. Ямашев, М. Вахитов — всегда ясно понимали, что судьба и будущее татарского народа неразрывно связаны с русским народом. Кави Наджми, хотя несколько в общем плане, но верно и правдиво отмечает

воспитательную и вдохновляющую роль выдающихся деятелей татарского народа.

Писатель сумел правильно раскрыть сущность национальной политики царизма, а также русской и татарской буржуазии. В основе этой политики лежал принцип разжигания национальной вражды, принцип „разделяй и властвуй“.

В романе „Весенние ветры“ показаны характерные эпизоды, разоблачающие попытки казанской буржуазии и жандармского управления спровоцировать столкновения русских и татар, разжечь между ними вражду, чтобы отвлечь рабочих от революционной борьбы. Так, городские власти вместе с татарскими националистами пытаются превратить традиционный кулачный бой в поножовщину между русскими и татарами, но этот кровавый замысел врагов умело и решительно пресекается рабочими — Андреем Петровичем, Мустафой и другими.

На фоне яркого изображения дружбы русских и татарских рабочих, их совместной борьбы еще яснее раскрывается хищническое лицо татарской буржуазии, коварные замыслы буржуазных националистов. Националисты Мубаракша, Гайфи, Идрис и подобные им отличаются продажностью, бесчестием, душевной пустотой. Для них характерны лживость, карьеризм, они торгуют своей совестью и честью народа, изменяют родине. В образах провокатора Мубаракши и Гайфи, которые пытались „левыми“ фразами завоевать доверие народа, а на деле были агентами жандармерии и холоуями Юнус бая Валишина, раскрывается подлое лицо буржуазных националистов.

Опорой и вдохновителем националистов является Юнус Валишин, художественно цельный и своеобразный образ которого широко и всесторонне раскрыт в романе. В образе Юнус бая, полного ненависти к рабочим, к революции, воплощены черты хитрого хищника, „европеизированного“ капиталиста, умеющего производить торговые промышленные операции в общероссийском масштабе. Он тесно связан с русской буржуазией и самодержавием, много болтает об интересах нации, народа, но на деле ревностно служит царизму, заботится о своем денежном мешке, о своей власти. В годы империалистической войны и в дни Февральской революции Юнус бай наживает капитал, исходя из принципа: „Кому война, кому — деньги на“. Когда он убедился в том, что свержение самодержавия и возникновение Временного правительства ничем ему не грозит, когда правительство объявило о верности союзным договорам и о намерении продолжать войну, он воспрянул духом и начал строить новые планы.

— „Oго! — воскликнул он, просматривая газету. — Начали снова наводить порядок. Если так дело пойдет, может быть, и мне начнет нравиться эта революция... Да, сынок, нам надо сейчас власть укреплять. А потом, голубчики, вы опять почувствуете, что такое Юнус Валишин!“ (стр. 375).

Юнус бай решает вести дело „еще более тонко“, создать свою газету и привлечь туда провокаторов-националистов Мубаракшу и Гайфи. Однако буря социалистической революции 1917 года окончательно разорила все черные расчеты капиталистов Валишиных и их агентов-националистов. Юнус бай торопится перевести свой капитал в Иран, Турцию, чтобы затем скорее улизнуть туда и самому.

Писатель исторически правдиво разоблачает предательство национальной буржуазии, ее надежды на помощь империалистических держав — Америки и Англии, а также Турции. Политически остро показана в романе фальшивость буржуазно-националистической проповеди о „единстве нации“, лживые утверждения панисламистов о „единстве интересов мусульман“. Характерен в этом отношении эпизод в царской казарме, когда Герей дает резкую отповедь попыткам вос-

хвалить буржуазно-султанскую Турцию. Герей читает солдатам патристическое стихотворение Тукая „Не уйдем!“. Жгучие слова поэта по адресу националистов доходят до сердца каждого:

Прочь, твари низкие, не вам смутить
мечты святыне!
К единой цели мы идем, свободной мы
хотим России!

Необходимо отметить здесь одно очень важное обстоятельство. В то время, когда некоторые наши литературоведы и историки ошибочно считали джадидизм прогрессивным явлением, Кави Наджми дал ему совершенно другую оценку, вскрыв в конкретных образах реакционную буржуазно-националистическую сущность идеологии джадидизма. Юнус Валишин и его дети Идрис и Суфия, а также подручник Беклемишев, эсер Мубаракшин — это представители „по-новому культурных“, „европеизированных“ деятелей татарской националистической буржуазии, в которых ясно видны черты джадидистов. Совершенно не случайно писатель постоянно сопоставляет Юнуса Валишина с купцом-кадимистом Иманколом-хаджи¹, тем самым показывая их как две стороны одной медали — националистической идеологии паразитического, эксплуататорского класса.

Ценность романа „Весенние ветры“ заключается в том, что в нем показана организующая и вдохновляющая деятельность большевиков среди масс. Андрей Петрович, Хасан Айвазов, Алексей Халявин — это люди, беззаветно преданные великому делу партии пролетариата и готовые отдать свою жизнь за торжество революции. В их образах отражена борьба казанских большевиков, подготовивших рабочих Казани к великой революции. Они являются проводниками великих идей марксизма-ленинизма.

Андрей Петрович и Алексей Халявин терпеливо и умело ведут агитационную, пропагандистскую и организаторскую работу среди масс, все больше и больше вовлекая передовых рабочих в революционную борьбу. Для Андрея, Алексея и Хасана было ясно указание партии о том, что „действительное воспитание масс никогда не может быть отделено от самостоятельной политической и в особенности от революционной борьбы самой массы. Только борьба воспитывает эксплуатируемый класс, только борьба открывает ему меру его сил, расширяет его кругозор, поднимает его способности, проясняет его ум, выковывает его волю“². Коммунисты, пробуждая волю русских и татарских масс к борьбе, направляли их к единой цели — свержению буржуазного строя и установлению власти пролетариата и трудового крестьянства. Жизнь и судьба героев, развитие сюжета романа связаны с этой борьбой.

Революционное движение в Казани показано в романе как часть общероссийского революционного движения. Автор правильно отображает влияние революционных событий в Петербурге, Москве и на Кавказе на рост политической борьбы казанского пролетариата. Очень хорошо отражена революционная связь Казани с другими городами России.

Большевики, ведя политическую работу среди рабочих, объединили их в одну организацию. Но это не означало, что не учитыва-

лись национальные особенности и в первую очередь язык. Политическая работа одновременно велась и на национальном языке. Многие листовки и другие документы переводились на татарский язык, готовились революционные кадры из среды татарского народа.

Имеется много документов, свидетельствующих о большом размахе работы среди татарского населения Казани и Казанской губернии. Так, газета „Пролетарий“ писала в 1905 г. о работе Казанского комитета РСДРП: „Работа Комитета распространяется, между прочим, и на татар. Они не выделены в особый район, их передовые люди входят наравне с прочими в организаторские группы, некоторые посещают русские кружки, все ходят на общие массовки. Но в силу особенного языка приходится устраивать первоначальные организационные собрания только из татар, чтобы привлечь их к организации“¹. Об этом же писала и газета „Искра“ еще в 1903 году².

Именно так и повествует в своем романе К. Наджми. Он показывает огромную и многообразную работу коммунистов среди трудящихся-татар. Деятельность Андрея Петровича, Халявина и Айвазова, картины массовок, посещение большевистского кружка Мустафой, Гереем и др., переводы на татарский язык партийных листовок татарским учителем и др. — все это имеет историческую основу, подтверждается фактами.

Образы Андрея Петровича, Халявина и Айвазова чрезвычайно важны для раскрытия основной идеи романа. К сожалению, писатель недостаточно внимания уделил изображению личной жизни Алексея Халявина, неполно раскрыл его духовный облик. Это упрек в известной степени можно отнести и к образу Хасана Айвазова, хотя в романе дана трогательная история дружбы и любви между ним и Насимой.

Но эти недостатки не могут, бесспорно, уменьшить огромного значения образов большевиков в романе Наджми. Читатель не может не восхищаться обаятельным, деятельным характером Алексея. Глубокое уважение к Халявину прекрасно выражено в словах Насимы. После теплой дружеской беседы с дорогим гостем Алексеем, принесшим Насиме привет от Хасана, она думает о Халявине: „Удивительный человек! Торопится, но не спешит. Остерегается, но не боится. Несмотря на седину в бороде, молод, как юноша. И голос молодой, звонкий. Серые глаза смотрят прямо, открыто. В них горит уверенность в себе, сила, и в то же время они светятся добротой. Скажет теплое слово, посмотрит своими добрыми глазами — и сразу легче становится на душе“ (стр. 213). Насима чувствовала, что знакомство и беседа с Халявиным „вселили в ее сердце весеннюю свежесть и бодрость“. Эта очень яркая, эмоционально насыщенная, запоминающаяся портретная характеристика Алексея, тонко переданная через восприятие и отношение героини, является убедительным примером художественного мастерства писателя.

Весь роман освещен радостным светом, полон поэтическими, вдохновенными описаниями наступления весны человечества, торжества борющегося народа. Писатель содержательно и проникновенно передает ощущение весны, обновляющей людей и родимую землю, — весны свободы и социализма.

Как поэтически вдохновенно и выразительно, гармонируя с духом и содержанием романа, звучат последние его строки:

„Весь Кремль и улицы вокруг гудели ликующими возгласами и песнями красногвардейцев... С грохотом пролетел на мотоциклете

¹ Кадимисты — сторонники старых методов и убеждений в быту, в обучении детей и т. д. Они были против введения каких-либо светских новшеств, строго придерживались канонов корана, обычаев феодального Востока.

² В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 233.

¹ Газета „Пролетарий“, № 22, 24 (11) октября 1905 г., выпуск VI, стр. 46—47.

² „Искра“, № 1, 1 марта 1903 г., выпуск V, стр. 111.

молодой матрос, спеша вручить губернскому ревкому полученное по телеграфу сообщение, где каждая буква пылала живительным пламенем ленинских слов:

«...Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма».

Шел легкий снежок, украшая праздничный убор города белыми лепестками, и казалось, что утренний ветерок несет в себе дыхание весны».

Многие критики, писавшие о «Весенних ветрах», правильно определили его как историко-революционный роман. Однако вскоре после выхода романа в свет некоторыми татарскими критиками и писателями было высказано и другое мнение, отрицающее эту жанровую особенность произведения. Эти литераторы упрекали автора то в бытовизме, то в чрезмерном увлечении публицистикой. Например, критик Г. Кашшаф в своей статье, напечатанной еще в 1949 году, писал: «Несмотря на то, что в произведении большое место занимают социальные и бытовые мотивы, его нельзя назвать романом, рисующим лишь бытовые стороны жизни. Его также нельзя назвать и историческим романом, мотивируя лишь тем, что там названы исторические личности»¹. С подобной точкой зрения нельзя согласиться.

Во-первых, нет никаких оснований упрекать автора в бытовизме. Правда, К. Наджми очень полно рисует национальные бытовые условия жизни татар, их своеобразные нравы и обычаи, дает типичные картины и детали, характеризующие особенности быта и индивидуальные качества героев. Мы ясно ощущаем индивидуальные черты в образах русских и татар, изображенных в романе. Это одно из отличительных качеств таланта, писательского мастерства писателя. Однако вопросы быта не занимают доминирующего места и не заслоняют главного.

Во-вторых, вряд ли можно выводить «Весенние ветры» за рамки жанра исторического романа. Среди некоторых литературоведов есть традиционный взгляд, заключающийся в том, что к историческому жанру относят только те произведения, в которых действуют исторические личности. Такое определение жанра исторического романа односторонне, узко. Оно совершенно исключает такие выдающиеся историко-революционные романы, как «движущуюся историческую панораму» (Луначарский) — эпопею «Жизнь Клима Самгина» М. Горького, «Хождение по мукам» А. Толстого и многие другие.

Г. Кашшаф был совершенно неправ, отрицая историко-революционный характер романа «Весенние ветры», фактически не относя его ни к какому жанру.

К. Наджми в своем романе исторически верно и высоко художественно изобразил исторические события в Казани и Казанской губернии с конца XIX века и до Октябрьской социалистической революции. Писатель нередко повествует о действительных, невымышленных исторических фактах, но творчески осмысливает и художественно типизирует, обобщает их в системе образов, в композиции своего произведения. К. Наджми художественно истолковал ряд важнейших вопросов и фактов из истории Татарии.

«Весенние ветры» К. Наджми являются удачным и поучительным примером сочетания исторически документального повествования с широким художественным вымыслом.

Писатель с большим искусством пользуется историческими документами — прокламациями и листовками большевиков, часть которых в переводе на татарский язык распространялась и среди татарских рабочих. Достаточно указать на такие документы, умело использованные писателем, как прокламация «За партию», бакинская листовка «Разделяй и властвуй...», первомайские листовки ЦК РСДРП и многие другие. Все это еще раз подчеркивает историческую достоверность описываемых событий, широту взглядов и познаний автора. При этом писатель включает в повествование исторические документы каждый раз в самых кульминационных эпизодах, как высшее выражение вдохновляющей мысли и как глубокое отражение реальных жизненных обстоятельств.

Совершенно справедливо писал А. Макаров в своей статье о «Весенних ветрах», напечатанной в газете «Правда»:

«Кави Наджми проявил себя как смелый художник, умеющий мыслить большими масштабами, обладающий верным пониманием истории и, как истинный советский патриот, глубоко чувствующий душу своего народа, для которого высшим источником национальной гордости является то, что он вслед за русским народом вместе с другими народами страны сознательно вступил на путь строительства социализма. Историко-революционный материал раскрыт в книге Кави Наджми с большой глубиной и проникновением»¹.

Лучшим произведениям советской литературы свойственно полное и глубокое отражение исторического процесса, в них искусство совпадает с наукой. Советские писатели, разрабатывающие исторические, историко-революционные темы, опираются на исторические факты и документы, творчески их осмысливают. Но одного знания фактов, одной эрудиции недостаточно для создания подлинно художественного произведения; кроме этого надо иметь талант, владеть мастерством художественного слова, уметь типизировать, обобщать. Закон типизации в полной мере относится и к историческому жанру. Великий Белинский писал:

«Но в том-то и дело, что верное воспроизведение фактов невозможно при помощи одной эрудиции, а нужна еще фантазия. Исторические факты, содержащиеся в источниках, не более, как камни и кирпичи: только художник может воздвигнуть из этого материала изящное здание», «...верно описывать с натуры также нельзя без творческого таланта, как и создавать вымыслы, похожие на натуру. Сближение искусства с жизнью, вымысла с действительностью в наш век особенно выразилось в историческом романе»².

Интересно высказывание на этот счет Алексея Толстого, крупнейшего мастера исторического жанра. А. Толстой, рассказывая о своей работе над историческим произведением, говорил:

«Документы давали мне развитие романа, но вкусовое, зрительное восприятие, идущее от глубоких детских впечатлений, те тонкие, едва уловимые вещи, о которых трудно рассказать, давали вещественность тому, что я описывал. Национальное искусство — именно в этом, в запахах родной земли, в родном языке, в котором слова как бы имеют двойной художественный смысл, — и сегодняшний, и тот, впитанный с детских лет, эмоциональный, в словах, которые на вкус, на взгляд и запах родные. Они-то и рожают подлинное искусство»³.

Как видно, для создания исторического романа, кроме широких познаний, без чего, конечно, немыслима серьезная работа писателя,

¹ «Правда», 30 марта 1951 г.

² В. Г. Белинский. Собрание сочинений, т. III, Госполитиздат, 1948, стр. 803.

³ А. Н. Толстой. Полное собрание сочинений, ГИХЛ, 1949, т. 13, стр. 415.

требуется мастерство, умелое сочетание исторического и поэтического, истории и вымысла. Эта важная и трудная задача в лучших советских произведениях решается успешно. Большого успеха в этом отношении достиг и Кави Наджми в своем романе.

Читая „Весенние ветры“, мы хорошо ощущаем мастерство взыскательного художника и умелого исследователя. Глубокое изучение жизни, архивных материалов, огромный писательский опыт и главное — марксистско-ленинское понимание истории помогли К. Наджми художественно правдиво и исторически верно осветить важнейшие вопросы истории революционного движения пролетариата в Татарии и создать типичные, жизненные образы как рабочих-революционеров, так и врагов революции.

В романе ясно ощущается благотворная творческая учеба писателя у основоположника социалистического реализма А. М. Горького. В изображении революционной борьбы рабочего класса, определившем как развитие сюжета, так и композицию романа, в обрисовке героев, в описаниях событий, — во всем обнаруживаются черты художника горьковской школы. Человека надо рисовать не только таким, какой он есть сегодня, но и таким, каким он будет завтра, — учил писателей А. М. Горький, требуя показывать развитие образа, его перспективу. В этом умении видеть перспективу образа заключена одна из сильных сторон его романа.

Бесспорное значение для творческого роста К. Наджми имели конкретные замечания и прямые советы Горького. К. Наджми не однажды имел личные беседы с великим писателем, вел с ним переписку. В одном из своих писем А. М. Горький писал К. Наджми:

„Получил ваш подарок — рукопись рассказа „Жребий“.
Если разрешите, я бы посоветовал Вам писать проще, истинная красота и мудрость всегда в простоте.

Не следует расставлять строчки, как это делает А. Белый, Ремизов и, подражая им, Пильняк и др.

И слова тоже должны быть простые, ясные¹.
В первых произведениях К. Наджми действительно не было еще той простоты и ясности, к которым призывал Горький; они не были свободны от искусственных „красивых“, осложненных фраз, образов. Следуя советам Горького, К. Наджми успешно преодолел эти недостатки. Ярким показателем является в особенности роман „Весенние ветры“, по плану и первым наброскам которого Горьким также были сделаны в свое время замечания.

К. Наджми в статье „Учитель советских писателей“, вспоминая о беседе с А. М. Горьким, писал:

„Тогда я еще не предполагал, что в своем романе буду давать отдельные образы казанских фабрикантов, купцов. Алексей Максимович заметил это и, покачивая головой, спросил меня:

— Как же вы хотите в таком произведении обойтись без буржуев? Ведь тогда в этой нашей книге классовая борьба не будет показана как следует?

И он тут же, по ходу беседы, начал рассказывать о казанских купцах и фабрикантах, которых он сам видел, и живыми штрихами представлял перед моими глазами их портреты...“²

Советы Горького заставили Наджми серьезно задуматься и пересмотреть свой план. Следуя примеру и советам Горького, он создал типичные образы хищников — казанских фабрикантов и купцов, душителей свободы народа.

Ярок, красочен и эмоционально насыщен язык романа „Весенние ветры“. К. Наджми мастерски пользуется неисчерпаемой сокровищницей народного языка. Он находит нужные краски, наиболее характерные слова, выражения для каждого из персонажей, благодаря чему и речевая их характеристика выступает резко очерченной, индивидуализированной.

Необходимо отметить один из приемов автора — введение в ткань повествования публицистических элементов, публицистических отступлений. К. Наджми — большой мастер публицистического слова. Очень умело, метко он пользуется публицистикой и в своем романе. Публицистические отступления включаются в текст вполне естественно, без натяжки, к месту.

Роман Кави Наджми пользуется широкой популярностью как среди татарских читателей, так и среди читателей других народов Советского Союза. Он переведен на русский, казахский, азербайджанский, латышский, эстонский, чувашский и др. языки (всего на языки 11 народов СССР). Его общий тираж около двух миллионов экземпляров. Это небывалый в истории татарской литературы тираж. „Весенние ветры“ переведены и изданы также и в ряде стран народной демократии.

Несмотря на то, что роман „Весенние ветры“ рисует жизнь и борьбу татарского народа в прошлом, он звучит как весьма актуальное произведение. В то время, когда империалисты разжигают вражду между народами мира, распространяют отраву дикого национализма, появление произведения, показывающего, как в нашей стране закалялась и стала нерушимой дружба между народами, воспевающего идею дружбы, интернационализма и совместной борьбы за свободу, передающего любовь к Коммунистической партии и к великому русскому народу, — является особенно значительным фактом.

Развивая в своем творчестве принципы социалистического реализма, татарские писатели стали глубже освещать исторические темы, создавать живые образы выдающихся деятелей прошлого татарского народа. Лучшие произведения на историко-революционную тему, вышедшие за последние годы в Татарии, свидетельствуют о том, что татарские писатели стремятся глубже раскрыть закономерности исторического прошлого, подчеркнуть значение социалистических и демократических элементов, прогрессивных сторон исторического прошлого. В таких произведениях определилась правильная, положительная тенденция, стремление правдиво показать роль народных масс в истории, изобразить исторических героев как представителей определенных классов и направлений, определенных идей своего времени; стремление показывать исторические личности как деятелей, которые „черпают мотивы своих действий не в мелочных индивидуальных прихотях, а в том историческом потоке, который их несет“¹. Характерными в этом отношении, кроме романа „Весенние ветры“, являются героическая драма „Мулламур Вахитов“ Н. Исанбета, трилогия „Потоки“ Т. Гиззата, роман „Тукай“ (часть I), пьесы „Тукай“ и „Пугачев в Казани“ А. Файзи, пьеса „Каюм Насыри“ М. Гали и Х. Уразикова и незаконченный роман „Каюм Насыри“ ныне покойного старейшего татарского писателя М. Гали. Конечно, многие из этих произведений еще не свободны от отдельных недостатков. Однако названные произведения являются в своей основе бесспорно положительным явлением, свидетельствующим о развитии исторического жанра в татарской литературе. Каждое из них заслу-

¹ „Литературная газета“, № 113, 21 сентября 1954 г.

² Журнал „Совет эдебияты“, № 6, 1951 г., стр. 83—84.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс: Соч., т. XXV, стр. 259.

живаёт специального изучения. Но здесь мы вынуждены ограничить себя, так как анализ каждого из них слишком расширил бы рамки нашей статьи.

Исторические решения XX съезда КПСС призывают советских писателей еще больше поднять идейно-художественный уровень литературы. Первые успехи не дают нашим писателям права успокаиваться. Тема героической борьбы татарского народа в единой братской семье советских народов, идеи дружбы и пролетарского интернационализма, тема жизни и борьбы рабочего класса и его революционной партии ждут дальнейшего глубокого творческого изучения и художественного воплощения. Партия призывает осваивать богатый опыт многонациональной советской литературы, ее неувядающие традиции и неустанно работать над дальнейшим развитием как жанра исторического романа, так и других жанров.

Р. Ш. БАШКУРОВ

О ПЕРЕВОДАХ ИЗ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В. И. Ленин, критикуя теоретиков и сторонников „культурно-национальной автономии“, выступавших против взаимного обогащения культур между отдельными национальностями, указывал: „Пока разные нации живут в одном государстве, их связывают миллионы и миллиарды нитей экономического, правового и бытового характера... Если экономика сплавливает живущие в одном государстве нации, то попытка разделить их раз навсегда для области „культурных“... вопросов нелепа и реакционна“¹.

Общие социально-экономические условия, в которых находились русский и татарский народы, стали основой обогащения татарской литературы под влиянием русской.

Представители татарской демократической литературы понимали, что, только опираясь на опыт передовых русских писателей, можно создать подлинно народную, демократическую национальную литературу. В конце XIX века эти стремления получили ясное и вполне оформленное выражение, стали одной из основных тенденций татарского просветительского движения, возглавлявшегося К. Насыри. Осознание исторического единства русских и татар, идея дружбы между этими народами лежали в основе положения К. Насыри о том, что только при сближении с русской культурой и литературой татарская литература сможет стать на путь подлинного своего развития, и только при общении с передовой русской культурой и литературой татарский народ сможет выйти из беспросветной темноты и невежества.

Появление переводов русских писателей на татарский язык свидетельствовало об огромном идейно-художественном значении русской литературы для татарского литературного движения. Эти переводы не только знакомили татарского читателя с произведениями русской литературы, но и выражали в течение долгого времени идейно-творческие установки самих переводчиков и писателей. Первые переводы из русской литературы на татарский язык начали появляться в 30-х годах прошлого столетия. В продолжение XIX века, благодаря деятельности М. Иванова, Г. Вагапова, К. Насыри, Т. Яхина, В. Радлова, Г. Рахманкулова, М. Умитбаева, а немного позже Х. Рамиева, на татарский язык были переведены многие басни Хемницера, Дмитриева, Крылова, некоторые стихотворения и сказки Пушкина, Лермонтова. Несмотря на то, что в большинстве случаев эти переводы преследовали узко дидактические и просветительские цели и были сделаны в прозе, они способствовали сближению татар-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 455, 456.

ского литературного языка с народно-разговорной речью и художественной литературы с устным народным творчеством. В целом ряде случаев переводные произведения мы можем рассматривать как образцы самой татарской литературы. «Русская литература была сильна своим демократизмом, своим страстным стремлением к решению задач социального бытия, проповедью человечности, песнями в честь свободы, глубоким интересом к жизни народа, целомудренным отношением к женщине, упорными поисками всеобщей, всеосвещающей правды»¹, — писал А. М. Горький.

Татарская демократическая интеллигенция видела в произведениях великих русских классиков отражение интересов народа и подчеркивала это непосредственно в своих переводах и высказываниях о русской литературе.

Еще в 1902 году Нигметзян Еникеев писал в своем предисловии к переводу «Ревизора»: «Изображением отрицательных и положительных сторон жизни людей своего времени и указанием современникам своих путей к справедливой жизни, — хотя от этого ему и трудно приходилось, поскольку кто правду говорит, тот даже родственнику своему не нравится, — Николай Васильевич Гоголь стал великим, уважаемым человеком при жизни и после своей смерти, завоевал незабываемую себе славу и прелестью освежил умы народов»². Большой знаток творчества Пушкина Султан Рахманкулов, правильно оценивая роль Пушкина в истории русской литературы и русского литературного языка, подчеркивал мировое значение творчества великого русского поэта, который оказал влияние не только на дальнейшее развитие русской, но и всей европейской литературы³. Он восторженно отзывался и о Тургеневе, видя в лице выдающегося русского писателя своего соотечественника, отразившего в «Записках охотника» горячий протест против крепостнического произвола⁴.

В свете революционной борьбы трудящихся в начале XX века глубже и шире проявлялась роль русской литературы как поборника интересов народа.

Пробуждение трудящихся национальных окраин России к сознательной, совместной с русским народом борьбе за общие интересы не могло не привести их к более тесному сближению с русской культурой и литературой.

Первая русская революция создала новые возможности для более широкого проникновения русской классической литературы в татарскую литературную жизнь. В отличие от переводных произведений XIX и начала XX века, среди которых основное место занимали басни и сказки, в этот период появляются многочисленные переводы больших социальных полотен, разнообразных по жанру и стилю.

Впервые на татарском языке появляются образцы русской революционной, пролетарской литературы. По инициативе Казанского комитета РСДРП, татарского большевика Хусайна Ямашева и писателя Гафура Кулахметова переводятся революционные прокламации, брошюры, листовки — такие, как «Полезные всем сведения» (1906), «Что должен знать и что должен учитывать каждый рабочий» (1906) и др. В переводе и распространении революционной публицистики значительную роль сыграла организованная Х. Ямашевым большевистская газета «Урал».

¹ М. Горький. Литературно-критические статьи. Гослитиздат, 1937, стр. 129.

² Н. В. Гоголь. Ревизор или чиновник по контролю. Казань, 1902, пер. Н. Еникеева.

³ А. С. Пушкин. Дубровский. Казань, 1908, пер. С. Рахманкулова.

⁴ С. Рахманкулов. Иван Сергеевич Тургенев. Газета «Альслах» («Реформа»), № 43, 31 августа 1908.

Для распространения революционной литературы много сделали татарские демократические писатели. В этой связи необходимо отметить деятельность Г. Камала, который работал в газетах «Азат» («Свобода») и «Азат халык» («Свободный народ»), где были напечатаны указанные выше переводы Г. Кулахметова¹.

Переведенные с русского языка, в татарской литературе появляются первые образцы большевистской публицистики.

Так в переводе с русского татарская литература обогащается жанром революционных песен. По просьбе рабочих алафузовской фабрики Казанский комитет РСДРП в 1905 году осуществляет перевод «Марсельезы» и распространяет ее среди татарских рабочих. По ее образцу создается «Татарская марсельеза» (1905). Переводятся песни «Вы жертвою пали в борьбе роковой» (1905), «Варшавянка», «Солнце всходит и заходит» (1907) из пьесы А. М. Горького «На дне»².

В 1906 году Г. Кулахметов переводит произведение известного революционера Г. А. Гершуни «Разрушенный мол»³. В 1914 году С. Рамиев переводит басню Д. Бедного «Пушка и Соха», являющуюся одним из образцов революционной поэзии⁴.

Растет интерес к произведениям А. М. Горького. В 1909 году Султаном Рахманкуловым переводится рассказ «Дружки»⁵, в 1913 году в Орске выходит перевод романа «Мать», распространение которого было запрещено царским правительством.

В 1915—1916 годах появляется пьеса М. Горького «На дне» в переводе Г. Камала. Постановкой этой пьесы татарский театр встретил Великую Октябрьскую революцию.

Гораздо богаче и многообразнее, чем в XIX веке, была представлена в переводах русская классика. Переводятся наиболее известные произведения А. С. Пушкина. В 1901 году выходит на татарском языке «Капитанская дочка». Султан Рахманкулов переводит «Дубровского» (1908), «Бориса Годунова» (1912), поэму «Цыгане», озаглавленную им «Алеко, или Цыгане» (1909), Идрис Богданов — «Каменного гостя» (1908), Ахметмунир Рашит — «Метель» (1909), поэтесса Гиффэт Туташ и Г. Харис — стихотворения поэта⁶. Бисан Байчиряков делает новый перевод «Сказки о рыбаке и рыбке» (1910). В журнале «Альгасрелджидит» печатается «Скупой рыцарь»⁷.

Лермонтов был представлен произведениями «Ашик Кериб» (1912), «Черкесская девушка Фатыма» (отрывок из «Героя нашего времени», 1907), «Смерть поэта» (1908) и др.; Гоголь — «Женитьбой»⁸, «Ревизором»⁹ и «Старосветскими помещиками» (1906); Л. Толстой — «Хаджи Муратом» (1908), «Крейцеровой сонатой» (1912), «Кавказским пленником» (1908), «Живым трупом» (1912) и многими другими произведениями¹⁰; Чехов — пьесой «Медведь»¹¹ (1906); Островский — пьесами

¹ См. Б. Гизатуллин. Гафур Кулахметов, «Совет эдебияты», № 5, 1951, стр. 106; Х. Хасанов, Х. Ямашев и татарская демократическая интеллигенция, «Совет эдебияты», № 3, 1952, стр. 63—65.

² Б. Гизатуллин. Татарская революционная поэзия в 1905—1907 гг., «Совет эдебияты», № 12, 1950, стр. 89.

³ Б. Гизатуллин. Г. Кулахметов, «Совет эдебияты», № 5, 1951, стр. 197.

⁴ Революционная поэзия (1890—1917). «Библиотека поэта», большая серия, Л., 1954, стр. 392.

⁵ И. Газин. О принципах перевода, «Совет эдебияты», № 3, 1936, стр. 53; М. Гайнуллин. М. Горький и татарская литература, «Совет эдебияты», № 6, 1951, стр. 88.

⁶ См., например, стих. «Цветок». Газета «Кояш» («Солнце»), № 4, 16 декабря 1912.

⁷ «Альгасрелджидит» («Новый век»), № 4, 1906.

⁸ Первый перевод в 1903 г., затем переводится в 1905 г.

⁹ Первый перевод в 1902 г., затем переводится Г. Камалом в 1914—1915 гг., Ш. Камалом в 1916—1917 гг.

¹⁰ См. «Сказки» Толстого, Казань, 1913; «Рассказы дедушки Толстого», Казань, 1913.

¹¹ Указывается дата постановки на сцене; была издана в 1908 г.

„Гроза“ (1914), „Без вины виноватые“ (1915), „Доходное место“ (1915 — 1917); Тургенев — романом „Дым“ (1909), повестью „Первая любовь“ (1909), пьесой „Безденежье“ (1909) и др. Переводились произведения Крылова, Короленко, Мамина-Сибиряка, Плещеева, Никитина и др. русских писателей и поэтов¹.

Через русскую литературу татарский читатель знакомился и с западной классической литературой. В начале XX века на татарском языке появляются первые переводы из Гете, Гейне, Шиллера, Шекспира, Байрона, Мольера, Мопассана и др. В популяризации западной классики большую роль сыграл Тукай, который использовал переводы Пушкина, Лермонтова, А. Майкова, Плещеева, Л. Толстого и др. из западных классиков.

Среди татарской интеллигенции начала XX века было заметно стремление познакомить татарского читателя не только с русской литературой, но и с литературой других народов России. Об этом свидетельствует, например, перевод рассказа украинского классика Ивана Франко „Леса и пастбища“, напечатанный в № 6 журнала „Альгасреджадит“ за 1906 год.

Значительное место среди переводов начала XX века занимает сатирическая, обличительная литература — произведения Гоголя, Толстого, Островского и др. представителей русского критического реализма. Это не могло не повлиять на усиление критического направления в татарской литературе. Переводы из русской классики отражали процесс восприятия идейно-художественного наследия русского критического реализма. Обращение к этому наследию было обусловлено в конечном счете обострившимися классовыми и социальными противоречиями в татарском обществе начала XX века.

Татарский народ тепло и с любовью относился к передовой русской литературе. Неоднократно переиздавались на татарском языке „Борис Годунов“, „Ашик Кериб“, произведения Л. Толстого.

На переводах из русской классики подготавливались переводческие кадры из татарской демократической интеллигенции. Султан Рахманкулов (1888—1916) начал заниматься переводческой деятельностью с семнадцатилетнего возраста, будучи еще учеником реального училища. Переводами произведений русской классики занимались учителя Нигметзян Еникеев, давший первый перевод „Ревизора“, Даут Губайди, переведший „Женитьбу“, произведения Тургенева. Но в большинстве случаев в роли переводчиков с русского выступали классики татарской демократической литературы: Г. Тукай, Г. Кулахметов, Г. Камал, М. Гафури, Ф. Амирхан.

Переводчики из среды демократической интеллигенции стремились к точной передаче идейно-художественных особенностей оригинала, хотя в их переводах еще нельзя не отметить ряда слабых сторон.

Султан Рахманкулов перевел в прозе „Бориса Годунова“ и „Цыган“ Пушкина, так же поступил Идрис Богданов при переводе „Каменного гостя“. Но это объясняется стремлением к наиболее верной и точной передаче содержания переводимых произведений, которые были написаны белым стихом, не вошедшим еще в литературную практику татарских писателей.

Татарский народ знакомился с русской литературой прежде всего по переводам демократических писателей и переводчиков. Они перевели на татарский язык значительную часть произведений, которые были известны татарскому читателю до Великой Октябрьской рево-

люции. Переводы из русской литературы служили делу воспитания и повышения самосознания масс в духе патриотизма и демократизма и приобрели уже, в отличие от переводов XIX века, самостоятельную идейно-художественную ценность, как одна из важных частей татарской литературы.

Переводы из русской классики оказывали благотворное влияние на идейно-художественное обогащение татарской литературы, что особенно ярко выразилось в творчестве Г. Тукая, Г. Кулахметова, Г. Камала, Ш. Камала и М. Гафури. Их творчество было неразрывно связано с передовыми традициями русского критического реализма. Одной из сторон этой связи были переводы.

Г. Тукай, переводивший Крылова, Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Толстого, Плещеева, Никитина и др., глубоко усвоил и воспринял передовые идейно-эстетические традиции русских классиков и творчески развивал их в свете задач своего времени. Г. Кулахметов, познакомивший татарских читателей с образцами революционно-пролетарской публицистики, остался верным ее идейной направленности и в своих художественных произведениях. Большое влияние оказало на него творчество А. М. Горького¹, хотя он непосредственно и не переводил его произведений. Г. Камал, сделавший переводы „Ревизора“, „Грозы“, „На дне“ и „Мещан“, учился на этих произведениях мастерству обличения окружающей действительности. Это особенно ярко выразилось в остром, сатирическом изображении Г. Камалом быта и жизни татарских мещан. Тукай в статье, посвященной десятилетию творческой деятельности Г. Камала, правильно подметил эту характерную для драматурга черту, назвав его татарским Островским². Заслуживает внимания высказывание Г. Камала о „Ревизоре“ и о „Женитьбе“, где он подчеркивает у Гоголя мастерскую типизацию явлений через их характерные особенности. „Из комедий Гоголя „Ревизор“ и „Женитьба“ всегда живы в мире литературы и театра, хотя много лет прошло с тех пор, как они были написаны. По моему мнению, причина этого не в том, что в них имеются новшества в средствах изображения и языке, а в умелом смехе над недостатками каждого типа, обобщенными им с большим мастерством в определенных типах своего времени, которые необходимо было критиковать“³, — писал Г. Камал.

Ш. Камал — один из переводчиков „Ревизора“ — умело использовал художественные приемы Гоголя в комедии „Хаджи эфенди женится“ (1914).

М. Гафури, который с 1907 года начал переводить басни И. А. Крылова, глубоко постиг их сатирический смысл и жанровое своеобразие. Учеба у русского баснописца помогла Гафури создать в татарской литературе жанр стихотворных сатирических басен. Этот эпический жанр умело использовался им и после Октябрьской революции.

Обращаясь к русской литературе, татарские демократические писатели ориентировались главным образом на ее демократические элементы, выражая этим симпатию к русскому народу, сочувствие его интересам и чаяниям, помогая демократическому подъему масс, направленному против царизма и капиталистического гнета.

Нельзя отрицать, что переводами из русской литературы занимались и представители буржуазно-националистической интеллигенции. Но как из русской, так и из других литератур они чаще всего

¹ См. Б. Гизатуллин. М. Горький и Г. Кулахметов, „Совет эдебияты“, № 6, 1952, стр. 67; М. Гайнуллин. М. Горький и татарская литература, „Совет эдебияты“, № 6, 1951, стр. 85; Г. Халил. М. Горький — наставник татарских писателей, газ. „Совет Татарстаны“, № 143, 18 июня 1952 г.

² Г. Тукай. Акад. изд., т. II, Татгосиздат, 1948, стр. 182.

³ Г. Камал. Соч., том II, Татгосиздат, 1951, стр. 218.

¹ О переводе русской классики см. также: Г. Халил. Некоторые вопросы татарского литературного движения конца XIX — начала XX века, „Совет эдебияты“ № 2, 1950, стр. 89—90.

переводили такие произведения, которые меньше всего говорили об их симпатии к патриотическим и демократическим стремлениям татарского народа. Особенно ярко это бросалось в глаза после поражения первой русской революции.

Черносотенно-клерикальные слои татарского общества находились в открытой вражде к русской классике, как и к татарской демократической литературе, признавая лишь реакционно-мистическую литературу Востока. Идеи, которые выражала русская классика, были явно несовместимы с канонами шариата.

Органы татарских клерикалов и черносотенцев — журнал „Дин ва мағишат“ („Религия и жизнь“) и газета „Баянелхак“ („Изречение правды“) — проявляли особое усердие в распространении большого количества произведений, переведенных из восточной религиозной литературы, и считали их наилучшим средством „прогресса“. На страницах демократического сатирического журнала „Ялт-Юлт“, руководимого Тукаем, зло и едко высмеивались антинародные выступления татарских клерикалов. В фельетоне „Настоящий шаг к прогрессу“ („Тэрэккыйга чын адым“) журнал хлестко высмеял так называемые „прогрессивные мероприятия“ татарского духовенства¹.

Писатели буржуазно-либерального лагеря как в своих переводах, так и идейно-эстетических формулах придерживались явной, а подчас и весьма завуалированной ориентации на реакционную восточную, особенно турецкую литературу. Почти в каждом номере журнала „Шуро“ („Совет“), органа татарской либеральной буржуазии, появлялись переводы, идеализировавшие феодальный восток, Турцию и феодальное прошлое татар. Прав был Г. Камал, высмеявший националистическую тенденцию этого журнала в злой эпиграмме:

Казань говорит: „Не кипишь,
Это разве журнал — „Шуро“:
Древние турецкие книги
Переворачивает на татарский“².

Через реакционную восточную литературу буржуазно-националистическими кругами воспринималась и загнивающая литература Запада. На страницах журнала „Анг“ („Сознание“) почти в продолжение всего 1913 года печатался на татарском языке турецкий роман „Воспитательница“, в котором рассказывалось о приключениях французской развратницы в Турции, соблазнившей всех мужчин из семьи богатого вельможи. С турецкого же языка переводились низкопробные произведения буржуазной западной литературы, служащие интересам наживы, уводящие трудящиеся массы в сторону от социальных, общественных задач. Таков был роман „Погоня за миллионами“, выпущенный в Уфе в 1907 году. На титульном листе издания была пометка, что этот „прекрасный поучительный роман“ сначала переведен с французского языка на турецкий, а затем с турецкого на татарский. Переводчика „Погони за миллионами“ имел в виду „Ялт-Юлт“, когда в статье „Прогресс печати за один год“ („Бер ел эчендэ матбугат тэрэккыйсы“) писал: „Секреты женитьбы...“ Эта статья, оказывается, сначала искаженно переведена с французского на арабский, а затем искаженно же — на турецкий и только потом специально для журнала „Шуро“ переведена на татарский язык одним из знаменитых и многообещающих искателей нашей нации — учителем Файзи Эльбарый Зарыйфи³. „Ялт-Юлт“ отмечает мещанское, ничтожное содержание этого произведения.

¹ „Ялт-Юлт“, № 1, 1910, стр. 14.

² Г. Камал. Соч., том II, Татгосиздат, 1951, стр. 36.

³ „Ялт-Юлт“, № 15, 1910, стр. 2.

Ориентируясь на реакционную восточную и загнивающую западную литературу, татарские буржуазно-националистические литераторы в то же время укрепляли свои связи с русским декадансом.

Следует заметить, что влияние декадентской литературы сказывалось не только на творчестве писателей буржуазно-националистического лагеря. Его не избежал, например, и Ф. Амирхан, видный публицист и писатель-реалист, в творчестве которого после первой русской революции наблюдались элементы упадничества. Его перевод „Рассказа о семи повешенных“¹ Л. Андреева говорил о том, что он разделял некоторые импрессионистические взгляды.

Умиление и восторг у буржуазно-националистической интеллигенции вызывали произведения, в которых идеализировался интеллигентский хлюпик, не способный ни к чему героическому, воспевался пессимизм вкупе с утонченной эротикой. Таков был перевод „Ученица“², сделанный одним из сотрульников журнала „Шуро“ Ф. Каримовым по произведению декадентствующего писателя Лазаревского, где стремления героев противопоставились горьковскому пониманию борьбы. Тем же автором был переведен по журналу „Нива“³ рассказ „Чучело“⁴, преисполненный восторгов перед „добротой“ Екатерины II, описывающий ее любовь к своей собаке. Основная мысль этого рассказа выражена в словах одного из героев: „богатством можно где угодно обрести себе родину“. Открытую проповедь мракобесия и пошлости представлял перевод „Обращение к человеку“ („Бендэгэ хитап“), призывавший к рабской покорности и оправдывавший беспощадную эксплуатацию от имени всевышнего.

Дал тебе я землю,
Но запер для тебя рай,
Сохой своей пахать землю
И жить — такую мысль тебе я дал.
От зари до ночи трудись,
Насытится голодный желудок,
А дома любимая жена
Снимет твою усталость.
От меня услышишь благодарность,
Если потеряешь надежду на что-либо другое.
Если голову склонив для молитвы,
Будешь раболепствовать предо мною⁵.

В большой моде были второсортные и третьесортные писатели (Потапенко и др.).

Татарская декадентствующая интеллигенция предала забвению те произведения русской классики, в которых выражались идеи большого социального значения, и выбирала для переводов либо слабые в идейном отношении, либо второстепенные произведения. Ее идейно-художественным интересам не мог соответствовать, например, „Молох“ Куприна, но она с удовольствием переводила его „Суламишь“⁶.

Отношение татарской либеральной интеллигенции к русской классике наиболее ярко выразилось в ее подходе к творчеству Л. Н. Толстого. Ее представители переводили по преимуществу те произведения Толстого, в которых проповедовалось его реакционное учение, непротивление злу насилием, дервишизм. Таковы были переводы „Карма“⁷, „Ассирийский царь Ассархадон“, „Три

¹ Семеро повешенных, Казань, 1909, пер. Ф. Амирхана.

² „Шуро“, № 7—9, 1910.

³ „Нива“, № 7, 1908.

⁴ „Шуро“, № 4—5, 1909.

⁵ „Шуро“, № 4, 1909.

⁶ „Анг“, № 14—19, 1915.

⁷ „Альгасрелджидит“, № 8, 1906, стр. 115.

вопроса¹, „Ильяс, или в богатстве ли счастье?“², „Рассказ деда Габдуллы“³, „Будда“⁴ и многие другие⁵.

Большинство такого рода переводов произведений Толстого относится к 1908 году, когда праздновалось восьмидесятилетие со дня рождения великого русского писателя. Татарская либеральная буржуазная интеллигенция так же, как и русская, стремилась затушевать, приглушить в творчестве Толстого критику существующего строя.

„Либералы выдвигают на первый план, что Толстой — „великая совесть“. Разве это не пустая фраза, которую повторяют на тысячи ладов и „Новое время“ и все ему подобные? Разве это не обход тех *конкретных* вопросов демократии и социализма, которые Толстым *поставлены*? Разве это не выдвигает на первый план того, что выражает предрассудок Толстого, а не его разум, что принадлежит в нем прошлому, а не будущему, его отрицанию политики и его проповеди нравственного самоусовершенствования, а не его бурному протесту против всякого классового господства?“⁶, — писал В. И. Ленин.

Стремясь усугубить слабые стороны Толстого, татарские либерально-буржуазные литераторы сопровождали свои переводы различными предисловиями и послесловиями. Таково, например, послесловие к переводу рассказа Толстого „Ильяс“, где оправдывалось богатство эксплуататоров и бедственное существование трудового народа.

Все такие переводы не столько знакомили татарских читателей с сокровищами русской литературы, сколько обнажали жалкий идейно-художественный багаж самой татарской националистической, декадентской литературы, оторванной от народа и стремившейся уклониться от решения социальных задач. Они говорили о явном отрицании буржуазно-националистическими литераторами реалистических идейно-эстетических традиций русской классики.

Подлинными защитниками передовых традиций русской литературы в татарской литературе начала XX века, опирающимися в своем творчестве на культуру демократической России, России Чернышевских и Плехановых, были татарские демократические писатели, среди которых особенно ярко выделялся Тукай.

Переводы Тукая из русской литературы выражали основанные на общности интересов русского и татарского народов патриотические и идейно-эстетические стремления, которые явились дальнейшим развитием передовых традиций татарских демократических писателей предшествующего периода.

Переводы поэта были одной из форм его творческой связи с русской литературой и характеризовали влияние ее на татарскую литературу вообще и на формирование идейно-творческих интересов Тукая в частности.

Переводы Тукая из русской литературы имели большое значение для развития татарской реалистической литературы. Благодаря им татарские писатели воспринимали передовые идейно-эстетические традиции русской литературы, непосредственно приобщались к ее

передовому наследию. Реалистические традиции русской литературы, усвоенные татарскими демократическими писателями, постепенно принимали национальное качество и становились традициями самой татарской литературы.

Влияние русской литературы отразилось на всей творческой деятельности Тукая. Переводы поэта из русской литературы выражали важные и актуальные идейно-эстетические принципы татарской демократической литературы (активная борьба за интересы трудового народа, против всякого рода насилия и деспотизма, высокая общественная роль литературы, стремление к осуществлению вольнолюбивых идеалов во всех областях жизни и деятельности, сближение литературы с народной жизнью). Переводы Тукая содействовали тематическому и жанровому обогащению его творчества, явились образцами использования реалистических традиций устного народного творчества в художественной литературе, способствовали формированию реалистического стиля поэта. Последнее наиболее ярко отразилось в его лирических и сатирических произведениях.

Переводы Тукая из русской литературы стали одним из факторов борьбы за реализм и народность в татарской художественной литературе, за усвоение и развитие реалистических традиций русской литературы, служили надежной опорой в борьбе с националистическими настроенными и чуждыми реализму писателями, отрицавшими или же искажавшими передовое наследие русской литературы.

На фоне идейно-эстетической борьбы в татарской литературе начала XX века ярче выступал факт развития Тукаем передовых традиций русской литературы соответственно задачам татарской демократической литературы. В этом немаловажную роль сыграло знакомство поэта с революционной литературой того периода, некоторые образцы которой он перевел на татарский язык. Они оказали определенное влияние на творчество Тукая. Неразрывная идейно-эстетическая связь между его оригинальными и переводными произведениями показывает, что переводы из русской литературы являлись органической частью творческой эволюции поэта.

Исходя из своих идейно-литературных интересов, Тукай основал в татарской литературе школу вольного перевода, используя при этом опыт переводческой деятельности замечательного русского поэта В. А. Жуковского. Основные принципы перевода заключались в стремлении полно и точно передать дух, содержание оригинала, сделать переводимое произведение доходчивым для татарского читателя, подчинить его творческой индивидуальности переводчика.

Вся переводческая система Тукая отличается большим своеобразием и исключает механический подход к переводимым произведениям. Нередко они перерастали в его самостоятельные произведения. Они предполагали богатое использование стилистических возможностей татарского общенародного языка и противостояли по своей сущности переводческим принципам формалистов и сторонников „вольного“ перевода из среды буржуазно-националистических писателей, которые искажали идейно-художественную сущность произведений передовой русской литературы, нигилистически относились к богатству своего родного языка.

Переводы Тукая из русской литературы обогатили творчество поэта новыми художественными средствами и образами, способствовали введению в художественную литературу и переосмыслению образов татарского устного народного творчества, которые были восприняты и развиты татарскими советскими писателями.

Переводы поэта из русской литературы, как и его оригинальные произведения, воплощали в себе высшие достижения татарской поэтической культуры, ее языковых и художественных средств,

¹ Ассирийский царь Ассархадон. Три вопроса. Казань, 1908.

² Ильяс, или в богатстве ли счастье? Казань, 1908.

³ „Шуро“, № 11, 1910.

⁴ Будда. Казань, 1908.

⁵ См. также: Р. и С. Тагиров. Лев Николаевич Толстой (библиография), журн. „Безнен юл“ („Наш путь“), 1928, № 9, стр. 43—44; М. Гали. Толстой и татарская литература, газ. „Кзыл Татарстан“, № 296, 20 ноября 1940 г. Г. Халит. Некоторые вопросы татарского литературного движения конца XIX — начала XX века, „Совет эдебияты“, № 2, 1950, стр. 94—96.

⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 16, стр. 296—297.

определяющихся внутренней закономерностью, спецификой татарского языка и в то же время исчерпывающих идейно-художественное богатство переводимых произведений. Татарским советским поэтам-переводчикам следует внимательно изучать опыт переводческой деятельности Тукая, особенно в области достижения поэтического совершенства и выявления новых художественных возможностей татарского языка в целях наиболее полного и точного воспроизведения идейно-художественной ткани переводимых произведений.

Идейно-художественные достижения русской литературы, воспринятые Тукаем, играли большую роль в приобщении к русской культуре не только татарского, но и некоторых других восточных народов России. Писатели и поэты этих народов ценили Тукая не только как выдающегося представителя татарской демократической литературы, но и как поэта, горячо любившего и пропагандировавшего передовую русскую культуру и воплотившего в своем многогранном творчестве реалистические традиции восточной и русской литератур.

Б. Гафуров в работе „История таджикского народа“ отмечает, что деятельность некоторых передовых таджикских писателей развернулась под влиянием первой русской революции. „К этим писателям относятся Хайрат, Сахбо, Ташходжа Асири, Садриддин Айни и некоторые другие,— пишет он.— Огромное значение для их деятельности имело знакомство с русской литературой, преимущественно благодаря переводам Габдуллы Тукая, Абая, Фатали Ахундова“¹.

Литературными преемниками Тукая считают себя и казахские советские писатели. На III съезде татарских советских писателей казахский писатель Габид Мусрепов сказал, что Габдулла Тукай, как и Абай, является общим предшественником казахских писателей, что Тукай был поэтом, сблизившим казахских писателей с великой русской литературой, с передовой русской культурой². Теплые чувства благодарности Тукаю выражает старейший башкирский поэт Сайфи Кудаш:

Через любимого наставника Тукая
Познакомился с великим Пушкиным;
Благодаря его (Тукая) песне я понял
Настоящее сердце великого народа³.

Неразрывная связь Тукая с русской литературой придает его творчеству еще большую значимость и художественную ценность.

Переводы Тукая и других прогрессивных писателей показывают, как велико было значение русской литературы в укреплении и развитии татарской демократической, реалистической литературы начала XX века.

¹ Б. Гафуров. История таджикского народа, т. I, М., 1955, стр. 471.

² Г. Мусрепов. Взаимопомощь многонациональной советской литературы, „Совет эдебияты“, № 8, 1954.

³ С. Кудаш. От всего сердца. Уфа, 1943, стр. 120 (на башкирском языке).

Э. М. АХУНЗЯНОВ

ФОНЕТИЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ РУССКИХ СЛОВ, ЗАИМСТВОВАННЫХ В ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК

Русский язык оказал огромное влияние на развитие и обогащение словарного состава многих языков. Разносторонним и разновременным было его воздействие на родственные ему славянские языки. Общеизвестно влияние его на языки финской, балтийской ветви, на языки тюркских народов, в частности на татарский.

Казанские татары с давних пор живут в соседстве с русскими. В продолжение нескольких столетий происходило общение этих двух народов, оставившее заметные следы в словарном составе их языков. Татарский народ за долгие годы совместной жизни с русскими заимствовал у последних множество слов и понятий, относящихся к самым различным отделам словаря.

В этом широком и многогранном использовании русских слов огромный интерес представляет освоение их заимствующим языком, подчинение их внутренним законам развития татарского языка.

Известно, что в любом языке заимствование чужих слов и освоение их родным языком является закономерным. При этом освоение это сопровождается целым рядом фонетических и морфологических процессов, обусловленных различными причинами.

Что касается фонетических изменений русских слов, перешедших в татарский язык, то причины здесь заключаются прежде всего в особенностях звуковой системы русского и татарского языков. Далеко не все фонетические элементы одного языка находят полную аналогию в другом. В русском языке имеются такие звуковые особенности, которые не подходят под фонетические нормы татарского языка, и наоборот. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить графически одинаково изображаемые русские и татарские слова, которые, казалось бы, должны звучать одинаково. Например:

русск.	татарск.
кит (морское животное)	кит (уходи)
бал (вечер с танцами)	бал (мед)

Артикуляция этих, казалось бы, сходных звуков в русском и татарском языках производит совершенно разное акустическое впечатление.

Дело заключается здесь в том, что в татарском языке, в отличие от русского, влияние гласных заднего и переднего ряда на твердость и мягкость согласных двойное — прогрессивное и регрессивное, т. е. татарский гласный переднего или заднего ряда влияет на твердость или мягкость не только предыдущего, но и последующего согласного звука. Поэтому в татарском слове кит (уйди) гласный

переднего ряда „и“ смягчает не только предыдущий звук „к“, но и последующий согласный „т“, так что это слово по-татарски звучит как к'и т' (необходимо заметить, что мягкость „т“ здесь, конечно, относительная по сравнению с русским мягким „т“).

В силу закона прогрессивной и регрессивной палатализации в чисто татарских словах невозможны сочетания гласных заднего ряда с мягкими согласными, тогда как в русском языке такие сочетания являются обычными: мальчик, пальчик, пальто и т. п. Поэтому в татарском языке в слове пальто, заимствованном из русского, с последующей субституцией гласного заднего ряда „а“ татарским гласным переднего ряда „э“, смягчаются все согласные звуки, и слово это в живом языке произносится как пэлтэ.

В русском языке, как известно, гласные переднего ряда смягчают только предшествующие согласные. В татарском же языке согласные звуки, сочетаясь с гласными переднего ряда, смягчаются независимо от их места, т. е. и перед гласным и после него. Такое изменение заимствованных русских слов объясняется действием сингармонизма, который является одним из характерных внутренних законов развития татарского языка. В татарском языке, как и вообще в тюркских языках, в одном слове могут быть или только гласные переднего ряда в сочетании с мягкими согласными, или только гласные заднего ряда в сочетании с твердыми согласными.

Таким образом, сингармонизм представляет собой один из видов уподобления звуков внутри слова. При этом различают гармонию гласных и гармонию согласных. Сущность гармонии гласных заключается в том, что гласный корня определенным образом видоизменяет гласные звуки аффиксов. В собственно татарских словах корень слова всегда имеет постоянный звуковой состав, а звуковой состав аффиксов всегда зависит от него. Если корень слова содержит гласные переднего ряда, то в аффиксах этого слова возможны только гласные переднего ряда и, наоборот, если корень слова содержит гласный непереднего ряда, то в аффиксах могут быть только гласные заднего ряда. Поэтому аффиксы в татарском языке всегда имеют твердый и мягкий варианты. Твердый вариант употребляется с гласными заднего ряда, мягкий с гласными переднего ряда, например, аффиксы множ. числа лар нар представляют твердую разновидность, а аффиксы лэр, нэр — мягкую разновидность: сравните кул (рука) — кул-лар (руки), күл (озеро) — күл-лэр (озера).

В заимствованных словах твердость или мягкость аффикса в подавляющем большинстве случаев определяется последним слогом основы, и в зависимости от этого употребляется тот или другой вариант аффикса. Например: вагон — вагоннар, революция — революциялар, колхоз — колхозлар, депо — деполар, сессия — сессиялар.

Однако необходимо указать, что закон сингармонизма в корнях слов сохраняет свою полную силу только по отношению к собственно татарским словам. Исключение составляют лишь отдельные татарские слова, которые образовались путем словосложения. Таковы слова „билбау“ (кушак), состоящее из двух корней бил (поясница) и бау (веревка), и „көнбагыш“ (подсолнух), образованное от древнетюркского корня көн (солнце) и багыш (смотреть). В этих словах один из сочетавшихся корней содержит гласный переднего ряда, а другой гласный заднего ряда.

Что же касается корней русских слов, заимствованных в более позднее время, то они, как правило, в литературном языке действительно сингармонизма не подчиняются, например, русск. машина — тат. машина, русск. техника — тат. техника, русск. самолет — тат. самолет, русск. агитатор — тат. агитатор.

Но действию закона сингармонизма подчинены многие русские слова, заимствованные в более ранний период, главным образом, устным путем. Например: русск. „скатерть“ — тат. „эскәтер“, русск. „корзина“, тат. „кәрзин“, русск. „конфета“ — тат. „кәнфит“ и т. п.

Для того, чтобы в дальнейшем выяснить основные закономерности фонетического освоения заимствованных русских слов и установить то новое, что возникло в звуковой системе под влиянием русского, необходимо уяснить те различия, которые существуют между звуками русского и татарского языков. Поэтому обратимся к сопоставительной характеристике звуков русского и татарского языков. При этом мы будем пользоваться следующим порядком изложения: 1) гласные, 2) согласные.

Татарский гласный звук заднего ряда „а“ в физиологическом отношении отличается от соответствующего русского гласного тем, что он требует более глубокой заднеязычной артикуляции. В односложных словах и в первых слогах многосложных слов этот звук произносится близко к русскому „о“ (а), но с меньшей лабиализацией, чем русское „о“; например, в словах бал (мед), тар (узкий), бар (иди) этот звук очень близок по артикуляции к русскому „о“.

Проф. В. А. Богородицкий пишет: „...экспериментальное исследование того или другого гласного в отношении ротового резонансового тона дает вполне согласное показание: резонансовый тон татарского гласного ниже русского почти на два тона. При выговаривании татаринном русских слов ударяемое „а“ естественно замещается этим природным более глубоким гласным, например: луга — „луга“, также в слове первом перед ударением сады — „сады“¹.

Эту физиологическо-акустическую особенность татарского гласного „а“ В. А. Богородицкий ставит в непосредственную связь с более глубоким произношением татарского к (җ) и җ.

Гласный заднего ряда „о“ — редуцированный, очень краткий звук. При произношении этого звука язык принимает то же положение, что и при „у“.

Характеризуя этот звук сравнительно с соответствующим русским гласным, можно сказать, что он представляет нечто среднее между русским „о“ и „у“, — средний по открытости, менее лабиализованный, чем русский звук „у“.

Гласный переднего ряда „о“ также представляет звук средний по открытости, мало лабиализованный. В русском языке аналогичного звука нет. При произношении этого звука язык принимает положение, необходимое для произношения звука „е“, а губы — положение, необходимое для произношения звука „у“.

Гласный переднего ряда „и“ — очень краткий звук, близкий по артикуляции к соответствующему русскому звуку, и отличается от него лишь своей краткостью. Сравните русск. кидай — тат. килде, кимә, килә, кирәк и т. п.

Краткий гласный звук переднего ряда „э“ (е) представляет нечто среднее между русским „и“ и „э“ и напоминает безударный гласный „е“. Сравните, русск. тише, лучше с тат. килде, эшче, элек. В современной татарской орфографии этот звук в начале слова обозначается буквой „э“, а в середине и в конце — через „е“.

Краткий гласный заднего ряда „ы“ сильно редуцирован, по качеству своему близок к редуцированному русскому „о“: сравните русск. м'ял'а'дой, гор'ьт с татарским сыр (резьба), сын (изваяние), кыр (поле).

¹ В. А. Богородицкий. Введение в татарское языкознание. Таткиногиздат, 1953, стр. 39.

Татарский гласный переднего ряда „э“ — более открытый звук, чем русское открытое „э“. При заимствовании татарами русских слов звук „а“ с предшествующей мягкостью согласного замещается татарским „э“, например, русское ряд — татарское рэ т.

Гласный заднего ряда „у“ мало отличается от русского ударяемого „у“. Сравните тат. бул (будь) с русск. булочка; тула (сукно) с русск. тупость. Но следует заметить, что в заимствованных русских словах это „у“ нередко заменяется татарским „о“. Сравните русск. пуд — тат. пот. Такая замена, по мнению В. А. Богородицкого, объясняется тем, что русские ударяемые гласные более подходят в отношении длительности к татарским гласным с меньшей длительностью, т. е. кратким. „...При заимствовании русских слов в татарский язык русское ударяемое „и“ и „у“ нередко субституируются через „е“ и „о“, что ставлю в связь с соотношением по длительности ударяемых гласных звуков в этих языках сравн. произношение движу — „двигу“, нива — „нива“, пот — „пуд“. Такая субституция, по моему мнению, вызывается тем, что русские ударяемые гласные более подходят в отношении длительности к татарским гласным с меньшей длительностью, т. е. кратким“¹.

Гласный „ү“ отличается от предыдущего гласного тем, что относится к переднему ряду. Это звук средний по открытости, несколько напоминающий немецкий „й“, но менее палатализованный, чем последний. В русском языке аналогичного звука нет, слегка напоминает его „у“ в русском слове чуть. Сравните русск. „чуть“ с тат. күл (озеро), бүл (дели).

В области согласных прежде всего укажем, что система согласных татарского языка и количественно и качественно отличается от системы согласных русского языка. Количественное их различие выражается в том, что некоторые согласные, известные в одном из этих языков, совершенно отсутствуют в другом, и наоборот. Так, в татарском языке имеется слитный звук „ж“, состоящий из двух смягченных согласных д + ж и представляющий собой аффрикату, несвойственную русскому языку. С другой стороны, в татарском языке исконно не были известны согласные „ж“, „ц“, „щ“ и „в“.

Из других согласных сперва рассмотрим те, которые имеют параллели в обоих языках, и попытаемся выяснить их качественное различие.

Из звонких взрывных согласных вызывает замечание татарский согласный „б“, который, сравнительно с соответствующим русским звуком, произносится более укороченно и с меньшей степенью замыкания губ. Сравните русск. баба и тат. бабай (дед).

Согласный „в“ в татарских и заимствованных словах употребляется только в начале слова перед гласным и в середине слова между двумя гласными, например, „вак“, „вакыт“, „тавык“, „савыт“.

Татарский согласный „в“ отличается от соответствующего русского звука местом образования. Он, в отличие от русского „в“, является не губно-зубным, а губно-губным. Звук этот очень близок к южно-русскому билабиальному „у“. Сравните южно-русские деуки с тат. савыт, тавык и т. п.

Губно-зубной звук „в“ появился в татарском языке под влиянием русского языка, он пришел вместе с заимствованными словами.

В области заднеязычных согласных татарский язык отличается от русского тем, что в нем в сочетании с гласными заднего ряда употребляется глубоко-заднеязычный звук „г“, например, ага (брат), туган (родня), а в сочетании с гласными переднего ряда употреб-

ляется среднеязычный „г“, близкий по артикуляции к соответствующему русскому звуку, например гөл (цветок), сөлге (полотенце), билге (метка). В этих татарских словах звук „г“ произносится почти так же, как в русских словах ноги, гибель и т. п.

Кроме того, вместе с заимствованными словами в татарском языке появился неглубоко-заднеязычный звонкий согласный „г“ („газ“, „вагон“, „газета“ и т. д.). Точно так же обстоит дело и с заднеязычным глухим „к“. В сочетании с гласными заднего ряда в татарском языке употребляется глубоко-заднеязычный „к“, например, кар (снег), кыр (поле), кул (рука), а в сочетании с гласными переднего ряда употребляется среднеязычный глухой согласный, аналогичный соответствующему русскому „к“. Сравните татарск. кер (белье), күл (озеро), кил (иди) с русскими куль, культура и пр. Появление в татарском языке среднеязычного взрывного „к“, как и в предыдущем случае, нужно считать следствием влияния русского языка.

Заднеязычный татарский глухой „х“ отличается от соответствующего русского звука более сильным придыханием и более заднеязычной артикуляцией. Сравните тат. хата (ошибка), халык (народ) с русск. холод, хлеб.

Кроме того, в татарском языке имеется фрикативный „һ“, который несколько напоминает украинское „г“. Этот звук произносится с легким гортанным придыханием и употребляется только в словах, заимствованных из арабского и персидского языков, например, һәр (каждый), һич (вовсе).

Едва ли не самый интересный факт, указывающий на влияние русского языка на татарский в фонетическом отношении, — появление в нем вместо татарских глубоко-заднеязычных „г“, „к“ русских заднеязычных „г“, „к“, которые встречаются повсюду не только в литературном языке, но и в диалектах.

К признакам влияния русского языка на татарский нужно отнести также и появление в татарском языке слитного согласного „ц“, который исконно не был известен в татарском языке, за исключением отдельных говоров западного (мишарского) диалекта, в частности сергачского говора. Однако нужно заметить, что произношение этого звука в живом народном языке пока еще отличается от произношения соответствующего русского звука. Он произносится со слабой смычкой и с преобладанием спиранта, т. е. в этом звуке взрывной элемент слышится слабо, а преобладает придумной, и поэтому многие татары вместо „ц“ произносят просто „с“. Точно так же почти без взрывного элемента, шепелевато произносится и звук „ч“.

Носовой „н“ в татарском языке представлен двумя фонемами — небо-зубным „н“, соответствующим русскому „н“ (сравните русск. тон — тат. туң (шуба), и заднеязычным носовым „н“, например, туң (мерзлый), таң (заря), уң (правый). При произношении этого звука производится плотный затвор задней спинки языка и мягкого неба. Небная занавеска открывается, весь поток воздуха проходит в полость носа, и создается акустическое впечатление глубокого носового звука.

Наконец, нужно указать, что татарский язык отличается от русского и степенью смягчения согласных. Разные категории согласных смягчаются в татарском языке по-разному.

В. А. Богородицкий по этому поводу писал: „Оценивая степень смягчения согласных в татарском языке, нельзя не отметить, что разные категории представляют неодинаковую смягчаемость: наибольшую — плавные „д“ и „р“, носовой „н“, меньшую „т“, „д“, „ш“, а еще меньшую — губные; несмотря, однако, на разную степень

¹ В. А. Богородицкий. Этюды по татарскому и тюркскому языкознанию. Казань, 1933, стр. 24.

смягчения разных согласных, тем не менее, в татарском языке существует грамматический параллелизм в чередовании твердой и мягкой (полумяжкой) разновидности согласных¹.

Как видно из проделанного нами краткого обзора, звуковые системы русского и татарского языков сильно отличаются друг от друга.

Оформление руссизмов в народной речи татар приспосабливается к законам фонетики данного языка. Отсюда сильное изменение русских слов, иногда до неузнаваемости; так, русское слово *околица* в мензелинском говоре татарского языка превратилось в *үкличә*, русское *снасть* — в *ычнач*, *гостинец* — в *күчтәнәч*, *мельница* — в *милцә* (Сергач). Конечно, эти слова являются примером крайности, так как далеко не все заимствованные слова изменяются в одинаковой степени. Руссизмы в процессе их усвоения подвергаются известной фонетической дифференциации в зависимости от времени заимствования, от значения данного слова, а также и в зависимости от субъекта речи. Понятно, что чем древнее заимствование, тем значительнее изменения, которые с ним произошли, и, наоборот, слова, которые пришли в татарский язык в сравнительно недавнюю пору, подвергаются народному оформлению с наименьшей долей изменения, а нередко употребляются и с точным соблюдением русской формы. Это относится к тем заимствованиям, которые были сделаны в послеоктябрьскую эпоху. Заимствования этой поры, особенно в языке сельской интеллигенции, учащихся, а также грамотных колхозников, владеющих русским языком, почти не искажаются ни фонетически, ни морфологически.

Но основная масса руссизмов, которая проникла в татарский народный язык еще задолго до Октябрьской революции, подвергалась значительным фонетическим изменениям, сообразно с законами фонетики татарского языка.

Наша задача состоит в том, чтобы установить, какие рефлексы давал и дает на татарской почве тот или иной русский звук. Но прежде чем перейти к детальному рассмотрению русско-татарских фонетических соответствий в заимствованных словах, считаем необходимым дать хотя бы краткую характеристику звуков русских говоров Казанского края. Необходимо это потому, что основная масса древнейших заимствований, вошедших в словарный состав татарского языка, проникла главным образом через живую речь, в процессе устного общения татар с русским населением. Поэтому в дальнейшем при объяснении изменений звуковой стороны русских слов, заимствованных в татарский язык, по мере надобности мы будем обращаться к тем наблюдениям над говорами Казанского края, которые в свое время были сделаны такими известными диалектологами, как Е. Будде, В. А. Богородицкий, А. М. Селищев, А. И. Соболевский и другие.

Как установлено диалектологами, русский говор жителей бывшей Казанской губернии является окающим. „Говор Казанской губернии, — пишет проф. Е. Будде, — есть прежде всего говор окающий и, следовательно, принадлежит по этому признаку своего вокализма к говорам северно-великорусским; но наряду с этой типичной чертой северно-великоруссов мы замечаем здесь некоторые признаки смешанного типа, т. е. черты говора средней полосы России, говора южно-великорусского, и это смешение, хотя и в незначительной степени, но все-таки достаточно для того, чтобы считать несомнен-

ным колониционное движение в нынешнюю Казанскую губернию не только из северных областей России, главным образом, из областей старой Суздальской Руси, как показывает современный говор, но из областей старой Муромо-Рязанской земли¹. В отношении гласных проф. Е. Будде прежде всего отмечает тот факт, что в казанском говоре „гласный „а“ после твердого согласного ударяемый или неударяемый произносится ясно, согласно древнему или орфографическому гласному. Так мы слышим: сани, сама, возами, дома и т. п.“ В татарском языке этот звук также не претерпел особых изменений и сохранил звуковой вид оригинала. Сравните русск. *расход* — тат. *расхут*, *завод* — тат. *завут*, *вагон* — тат. *вагун*, *патефон* — тат. *патифун*.

В татарском народном языке русское ударяемое „о“ в заимствованных словах переходит в „у“. Для иллюстрации приведем примеры, извлеченные нами из фольклорных материалов и татарских диалектов. В начале слова: русск. „погреб“ — тат. „пугрэп“, русск. „форма“ — тат. „фурмы“, русск. „комната“ — тат. „кумыт“; в односложных словах: русск. „поп“ — тат. „пуп“, русск. „спор“ — тат. „спур“, русск. „фронт“ — тат. „фрунт“, русск. „мох“ — тат. „мүк“; в конце слов: „доход“ — тат. „дахут“, „расход“ — тат. „расхут“, „завод“ — тат. „завут“.

Что касается ударяемого „о“ с предшествующей мягкостью согласного, то он в татарском языке переходит в „у“ и „ү“, например, *тётя* — *түтэй*, *счёт* — *чут*.

Наблюдаются, правда, не столь многочисленные случаи перехода русского ударяемого „о“ в татарском языке в „а“ или „э“, например, русск. *солома* — тат. *салам*. Такая замена объясняется наличием в первом слове этого слова безударного „о“, которое в живом произношении почти совпадает с татарским „а“, что в свою очередь под влиянием закона гармонии гласных обусловило появление подобного же звука и в последующем слове.

Другой факт, который нуждается в объяснении, — это замена русского ударяемого „о“ в татарском народном языке звуком „э“. Сравните русск. *стол* — тат. *өстәл*. Такая замена, по-видимому, объясняется тем, что в этом слове протеза „ө“ под действием закона гармонии гласных оказала влияние на корневую гласную, не дав ей возможности перейти в „у“ или „а“.

Таким образом получается, что русский ударный звук „о“ в татарском народном языке отражается в трех разновидностях: как „а“, как „э“ и как „у“. Русский звук „о“, находящийся перед ударяемым гласным, в татарском языке отражается в виде „у“ и реже „а“, например, русск. „соха“ — тат. „сука“, „кольцо“ — тат. „кулча“, „мочало“ — тат. „мунчала“, „больница“ — „балнис“ (диалект. „булнис“), „контора“ — „кантур“ и т. п. Такая субституция, с одной стороны, объясняется тем, что подобные случаи перехода звука „о“ в „у“ во втором слове перед ударением встречаются, как это отмечено В. А. Богородицким, и в некоторых русских говорах Казанской губернии. Так, в говоре деревни Белой „мы встречаем, — пишет В. А. Богородицкий, — случаи „у“ вместо начального „о“ во втором слове перед ударением, но они вероятно представляют явления особого рода². С другой стороны, переход этот облегчается еще тем, что татарский гласный заднего ряда „о“ по качеству своему представляет нечто среднее между русским „о“ и „у“, отличается

¹ В. А. Богородицкий. Этюды по татарскому и тюркскому языкознанию, Казань, 1933, стр. 30.

² Е. Будде. Главнейшие черты народного русского говора в Казанской губернии, РВФ, т. XXXII, Варшава, 1894, стр. 78.

³ В. А. Богородицкий. Исследование говора деревни Белой Казанской губернии, 1909.

от русского „о“ большей лабиализацией и приближается по своей артикуляции к русскому „у“. Поэтому нередко русский звук „о“ воспринимается в татарских диалектах как „у“. Кроме того, может быть, имеет значение и то обстоятельство, что татарский звук „у“ по долготе более близок к русскому „о“, нежели татарское „о“, которое произносится более кратко. Что касается звука „о“ в 3-м и 4-м слоге перед ударением, то, согласно указанию проф. Будде, в русском говоре жителей Казанской губернии он звучит неясно, т. е. получается впечатление звука то более близкого к „о“, то к „а“, то наконец к глухому¹. Обозначает он этот звук через „о“ с точкой; „доставля́т“—3 ед., „говори́т“, „согребу́т“, „покупа́ш“—2 ед., „кочеа́ры“, „хорошо́“, „холоди́н“, „молоды́х“, „распо́л“².

Проф. Будде пишет, что в русских говорах края „звук „о“ начальный в 3-м слоге перед ударяемым звучит как почти чистое „у“, иногда с легким оттенком „о“, т. е. как бы дифтонгическое сочетание „уо“, причем элемент „о“ чуть слышен, и то далеко не всегда: „уста́нца“ (3 ед.), „уоботи́сь“, „удда́ла“, „уотвори́ла“, „убо́значил“, „уотвези́“, „упоса́нца“, „убопре́ш“, „убра́шсался“ (3 ед.), „упуска́нца“ (3 ед.). В следующих словах звук „о“ хотя и не является начальным, но звучит близко к „у“: „навоу́рва́ла“, „доу́рога“, „поу́ложыл“³.

На это же обстоятельство указывает проф. Селищев, который пишет: „...во втором предударном слоге вм. „о“ по всем говорам представлено образование для гласного „о“ с более значительной лабиализацией оу и уо для гласного „у“. Ослабление артикуляции отражается и в этих случаях. В говорах деревни Сергеевки я отмечал сильно редуцированные гласные оу или у в этом положении: угоро́т, убжыра́тца, устано́йтца, оупосла́, оубаза́т'елна, ут н'ово́“⁴.

В татарских диалектах всякое начальное „о“ независимо от места ударения отражается или в виде „у“ или „а“, например: русск. „опы́т“—тат. „у́пыт“, „орде́р“—тат. „урди́р“, „орде́н“—тат. „урди́н“, „опто́м“—тат. „упты́м“, „око́лица“—тат. диалект. мензели́нск. „укли́ча“, „общество́“—тат. „упшества́“, „обоз́“—тат. „абуз́“, „око́п“—тат. „акуп́“, „обро́к“—тат. „абруќ“ и т. п.

Из других гласных значительные перемены коснулись гласного „е“. Русский ударяемый „е“ в татарском народном языке в положении между согласными переходит в „и“; например: „газета́“—тат. „га́зит“, русск. народн. „фа́тера“—тат. „фа́тир“, „губерния́“—тат. „губи́рна“, „дворе́ц“—тат. „дварис́“, „молоде́ц“—тат. „маладис́“. Неударяемый звук „е“, находясь перед ударяемым гласным и в положении после ударяемого гласного, в татарском народном языке переходит в „и“, например: русск. „деля́нка“—тат. „диле́нка“, „ве́дро“—тат. „бидра́“, „се́мья“—тат. „симия́“, „вени́к“—тат. „минне́к“. Реже встречаются случаи замены безударного „е“ татарским звуком „э“, например: „кероси́н“—тат. „ка́рэчин“.

Замена как ударяемого, так и неударяемого „е“ в татарском языке гласным „и“ происходит потому, что татарский гласный переднего ряда „е“ представляет собой нечто промежуточное между русским „и“ и „э“. Поэтому русское „е“ в татарских говорах заме-

няется близким ему в родном языке звуком „и“. С другой стороны, этой замене может способствовать и то, что в русских говорах края звук е (ѣ), находясь перед мягким согласным, звучит закрыто, приближаясь к „и“. Проф. Будде обозначает этот звук через е': „се'бя́“, „не'льзя́“, „приве'сти“, „те'бя́“, „пе'дье́сят“, „ве'рхом“¹. На этот факт указывает и А. М. Селищев: „Во втором предударном слоге вместо „е“ (ѣ) находится гласный „е“ или „и“, тот и другой ослабленного образования. Тот же гласный заменяет в этом положении и прежний гласный „а“ после мягкого согласного... одна пре́мывочка (Серг.), зили́н'о'ш'ын'ки (Чигур.), п'итуха, п'идд'ис'ат, пр'им'иком (Тетюш. у.)“².

Особо следует отметить замену русского „е“ в начале и в конце слов татарским диалектным „ж“, например: „ежели́“—тат. диал. „жи́жли“, русск. собств. имя „Евла́мий“—тат. диал. „Жа́блэ́нтэ́й“, русск. „ефрейто́р“—тат. диал. „жа́прэ́тел“. В конце слова: „варе́нье“—„ва́ринжа́“, „жалова́нье“—„жа́лунжа́“. Вообще и в самих татарских диалектах наблюдается колебание между „йот“ и „ж“, например, говорят „ю́л“ и „жу́л“ (дорога).

Кроме указанных выше, можно привести ряд других примеров замены русского „а“ (я) в сочетании с гласным татарским диалектным „ж“. Сравните русск. народн. „яро́план“—тат. народн. „жа́раплан“, „ясли́“—тат. народн. „жа́слэ́“, „ярма́рка“—тат. народн. „жа́рминка́“.

Русский гласный „а“ с предшествующей мягкостью согласного в середине слова обычно заменяется звуком „э“, более открытым, чем русский открытый „э“, например: „ура́дник“—тат. „у́рэ́тник“, „зе́млянка“—тат. „зими́ленка́“, „дядя́“—тат. диалект. „да́да“.

Типичной особенностью консонантизма русских заимствований в татарском народном языке является субституция многих русских согласных.

Русский звонкий согласный „в“ в татарских диалектах во всех положениях в слове обыкновенно замещается другими губными согласными, чаще всего „б“ и „п“, иногда билабиальным „у“ и даже звуком „г“, причем последняя замена встречается крайне редко. Приведем примеры:

а) Русский звук „в“ в диалектах субституируется татарским „б“: русск. „вра́ч“—тат. „бра́ч“, „вени́к“—„бини́к“, „минне́к“, „ве́дро“—„бидра́“, „ве́дь“—„бит“ и т. п.

б) Русский звук „в“ заменяется „у“ неслоговым, характерным для татарского языка, например: „квашня́“—„куа́шна“, „пудовка́“—„подэ́ука́“, „канава́“—„кана́у“, „водока́чка“—„уа́дакачка́“. Переход этот происходит потому, что все эти слова заимствованы из русского народного языка, в котором „звук „в“ звучит почти как неслоговое у: „у́се́роуно́“, „зоу́йт“—3 мн., „чоу́б расте́т“, „се́удня“ (с. Сунгурово, Каз. уезда), „у ёу́б“ (но и „у ёво́“), „вороу́ка“, „у́се русски́й“, „у нас у дере́йни“, „у́ друг'ех“, „у́ погреби́“ и пр.“³

в) Русский звук „в“ также субституируется татарским „п“: „со́всем“—тат. диалект. „ча́пчим“, „све́рло“—тат. диалект. „спи́рла“, реже встречаются случаи замены русского „в“ звуком „г“, например: „во́все“—тат. диалект. „гу́пче“.

¹ Е. Будде. Главнейшие черты народного русского говора в Казанской губернии, РВФ, т. XXXII, 1894, стр. 81.

² Там же.

³ Там же.

⁴ А. М. Селищев. Русские говоры Казанского края и русский язык у чуваш и черемис, РАНИОН, Институт языка и литературы. Уч. записки, т. I (лингвистич. секция), М., 1927.

¹ Е. Будде. Главнейшие черты народного русского говора в Казанской губернии, РВФ, т. XXXII, 1894, стр. 81.

² А. М. Селищев. Русские говоры Казанского края и русский язык у чуваш и черемис, РАНИОН, Институт языка и литературы. Ученые записки, т. I, 1927, стр. 49.

³ Е. Будде. Главнейшие черты народного русского говора Казанской губернии, РВФ, т. XXXII, 1894, стр. 100.

Употребление вместо русского звонкого губно-зубного „в“ губных согласных „п“, „б“, „г“ объясняется еще и тем, что звук „в“ исконно в татарском языке не был известен. Он пришел в татарский язык позднее вместе с русскими словами. Поэтому естественно, что татарский язык при заимствовании русских слов, содержащих этот звук, заменял его близкими по артикуляции другими губными звуками.

Позднее в татарском народном языке, как следствие влияния русского языка, появляется губно-зубный звук „в“, который пришел в татарский язык с большой группой заимствованных слов, например: русск. „винт“ — тат. „винт“, „вывеска“ — „вывеска“, „совет“ — „совет“.

Пестрота и разнообразие рефлексов русского губно-зубного „в“ на почве татарского народного языка заставляет нас признать, что употребление русского „в“ в татарских диалектах не является последовательно проведенным.

Русские звуки „п“ и „б“ очень часто в татарском народном языке переходят в носовую „м“. По-видимому, это происходит потому, что татары „п“ и „б“ произносят неплотно сжимая губы, а при неплотной смычке губ эти звуки легко превращаются в „м“ даже в самом татарском языке. Сравните „кыйммэт“ (дорого) и „кыйбат“ (дорого). Подобной же субституции подвергаются и русские заимствования, содержащие звуки „п“ и „б“, например: русск. „бочка“ — тат. „мичкэ“, русск. „печь“ — тат. народн. „мич“ и т. д.

Заднеязычный взрывной звук „г“ в татарском фольклоре и диалектах передается по-разному.

Если слово заимствовано давно, то вместо русского заднеязычного „г“ употребляется татарский глубоко-заднеязычный звук „г“ (как правило, перед гласным заднего ряда), в арабском алфавите этот звук обозначался особой буквой. Так, русское слово „дуга“ заимствовано очень давно, но до сих пор произносится с глубоко-заднеязычным „г“ (е). В словах, заимствованных в более поздний период, русский звук „г“ заменяется татарским средненебным „г“, например, русск. „газ“ — тат. „газ“. Перед гласными переднего ряда русский звонкий заднеязычный звук „г“ также заменяется татарским средненебным „г“, близким по артикуляции к русскому „г“, например: русск. „генерал“ — тат. „гинирал“, русск. „гирия“ — тат. „гер“.

И наконец, вместе со словами, заимствованными из русского языка, появляется звонкий взрывной „г“, который встречается в положении перед гласным заднего ряда и непалатальными согласными, например: русск. „гармонь“ — тат. „гармун“, „льгота“ — „эльгут“, „груша“ — „груш“, „губерния“ — „губирна“, „градус“ — „градус“ и т. п.

Глухой заднеязычный взрывной русский звук „к“ в татарском народном языке отражается в трех разновидностях. В положении перед гласным переднего ряда, а также перед твердыми согласными русскому заднеязычному взрывному „к“ соответствует глубоко-заднеязычный татарский звук „к“ (в арабском алфавите этот звук обозначается буквой „ك“), русское слово полк писалось как „كول“. В положении перед гласными переднего ряда русский заднеязычный „к“ заменяется татарским заднеязычным „к“, мало отличающимся по артикуляции от соответствующего русского „к“. Сравните: русск. „букет“ — тат. „букит“, „скрипка“ — тат. „эскрипкэ“, „ботинок“ — „ботинкэ“, „канцелярия“ — „кэнсэлэр“ (диал.) и т. п.

Наконец, обычный заднеязычный русский звук „к“ проникает в татарский язык с большой группой русских заимствований. Встречается этот звук во всех положениях в слове перед гласными переднего ряда и перед твердыми согласными. Например, русск. „канава“ — тат. диал. „канау“, „картуз“ — „картуз“, „кантора“ — „кантур“, „балкон“ — „балкун“, „склад“ — „ысклат“, в конце слов:

русс. штык — тат. диал. „ыштык“, русск. срок — тат. „срук“, банка — „банкы“ и т. п.

Судьба русского глухого фриктивного заднеязычного „х“ в татарских диалектах довольно своеобразна. Вместо ожидаемой замены его заднеязычным татарским „х“ (ح) мы встречаем замену его глубоко-заднеязычным „к“ (ك), например: „хомут“ — „камут“, „соха“ — „сука“.

Объясняется эта замена, по-видимому, тем, что татарский язык принадлежит к той группе тюркских языков, которым исконно звук „х“ вообще не был известен. Поэтому в более ранних заимствованиях его заменяют звуком „к“.

В остальных же случаях судьба этого звука аналогична судьбе „ф“ и „к“, т. е. русское „х“ заменяется глубоко-заднеязычным соответствующим ему „х“, например: „пехота“ — „пихут“, „доход“ — „дахут“, „расход“ — „расхут“, „сухари“ — „сохари“.

Однако следует отметить и такие факты, когда между русским и татарским „х“ разница почти не ощущается. Это относится главным образом к заимствованиям, сделанным после Великой Октябрьской социалистической революции, например: русск. „химия“ — тат. „химия“, „хлор“ — „хлор“, „хроника“ — „хроника“, „ход“ — тат. диал. „хут“.

Русский зубной фриктивный звук „с“ на территории распространения татарских диалектов порой заменяется звуком „ч“, например, в мензелинских говорах: русск. „керосин“ — тат. диал. „кэрэчин“, „снасть“ — „ычнач“, „костюм“ — „кэчтум“.

Эта замена объясняется, по-видимому, тем, что „во многих (русских) говорах Казанского края мягкие „с, з“ произносятся шепеляво „сш“, „зш“. Такие согласные записаны в говоре в дер. Сергеевке и дер. Елкиной. Степень шепелявления не у всех говорящих одинакова; у одних шепелявление сильно выражено, у других слабо или почти совсем незаметно: в Ш'и'б'ир'е — в Сибири, просш'ил, осш'мой, п'идд'исш'а'т, соскуч'иласш', ш'и'м раже мышл'енно... Шепелявы „с“, „з“ в говоре дер. Николаевки Каз. уезда и села Соболевского Свияжского уезда, „сш“, „зж“ находится и в других говорах Казанского края¹. На эту черту русских говоров Казанского края обратил внимание и Е. А. Будде: „Звук „с“ переходит в „ш“ в слове: пош-надцать — с. Сунгурово Каз. у. В некоторых местностях замечается очень шепелявый говор: вместо всякого „с“ произносят „ш“, вместо „з“ — „ж“: у наш, пишал, мяшо, вжял и т. п. (дер. Брехово. Лаишевского уезда, Зюзинской волости). Говорят, что за свой говор они прозваны шептунами“². Вполне вероятно, что такое шепелявое „с“ татарами воспринималось как „ч“.

Наряду с вышеприведенными примерами встречается употребление заимствованных русских слов, в которых звук „с“ остается без всяких изменений, например: русск. „опись“ — тат. диал. „упис“, русск. „секретарь“ — тат. диал. „сиклатар“ и т. д.

Звук „ф“ нередко воспринимается в диалектах как „п“, например: „фураж“ — тат. диал. „пураж“, „ферма“ — „пирма“, „форма“ — „пурма“, „фонарь“ — „панар“ и т. п.

В приведенных примерах русский звук „ф“ везде заменяется близким к нему по артикуляции губным „п“. Объясняется это тем, что в татарском языке исконно не было звука „ф“. Звук „ф“ в татарском литературном языке заимствован из арабского языка. Но уже к началу нашего века в татарских фольклорных памятниках появляются русские слова, содержащие звук „ф“, который постепенно начинает осваиваться в народной речи, например: русск. „флаг“ —

¹ А. М. Селищев. Русский говор Казанского края и русский язык у чуваш и черемис, РАНИОН, 1927, стр. 52.

² Е. Будде. Главнейшие черты народного русского говора в Казанской губернии, РВФ, т. 32, 1894, стр. 99.

тат. диал. „флак“, „флот“ — „флут“, „фальшь“ — „фальшы“, „автомобиль“ — „афтамобиль“.

Все же колебание в употреблении звуков „ф“ и „п“ не прекращается в диалектах и до сих пор, что приводит часто и к обратным заменам, например, русское „пункт“ дает татарское диалектное „функт“, русск. „пулемет“ — тат. диал. „фулэмэт“.

В связи с постепенным освоением звука „ф“ в некоторых говорах прежние заимствования, в которых вместо звука „ф“ употребляется „п“, произносятся теперь соответственно русскому оригиналу. Например, вместо прежних „панар“, „пурашка“, „памилля“ теперь все больше произносятся „фанар“, „фурашка“, „фамилля“.

Аффриката „ц“ („т+с“) не является исконно татарским звуком и представляет трудность для произношения ее татаринами. Поэтому при выговаривании русских слов, содержащих этот непривычный звук, в живом народном языке произносится только вторая часть этого звука. Сравните: русск. „канцелярия“ — тат. диал. „кэнсэлэр“, „глицерин“ — „гелсирин“, „центнер“ — „ситнир“, „центральный“ — „синтральный“, „дворец“ — „дварис“, „больница“ — „болнис“, „бульвар“ — „булвар“ и т. п.

В отдельных случаях вместо аффрикаты „ц“ употребляется аффриката „ч“, например: русск. „матка“ — тат. „матча“, „кольцо“ — „кулча“, „околица“ — „уклича“, „цыган“ — „чиган“, „горница“ — „гүрнича“ и пр. Может быть, такая замена находится в связи с тем, что „в отдельных (русских) говорах Казанского края согласный „тш“ заменяет собою не только „ч“, но и „ц“ других говоров: нож³ нитшы. Так в дер. Николаевке Каз. у. такой же или близкий согласный употребляется вместо „ц“ и „ч“, а также в дер. Шуманы Каз. у. цајку¹.

Но в последнее время в процессе овладения литературной речью под влиянием школы, радио в татарских диалектах все больше осваивается звук „ц“. По данным фольклорной и диалектологической экспедиций КФАН ИЯЛИ последних лет можно судить, что этот процесс все более расширяется, создавая условия для полной ликвидации вышеуказанных замен. Так, в говорах Азнакаевского, Тумутукского районов ТАССР записаны частушки, в которых встречаются русские слова „ударница“, „красавица“, где звук „ц“ произносится соответственно русскому оригиналу:

Жилфер-жилфер итмәсә,
Жилләр алып китмәсә,
Эшкә батыр, төскә матур,
Ударница житмәсә.

Аффриката „щ“ в татарских диалектах произносится как долгое „ш“, например: русск. „пуще“ — тат. диал. „пушше“, „еще“ — тат. диал. „ишшу“, „приказчик“ („прикащик“) — тат. диал. „перкәшшик“, „прикәшшик“.

Это происходит, по-видимому, потому, что и в русских говорах Казанского края „долгие или полудолгие „ш“ заменяют звук „щ“: „мешанска“, „шшотка“, „яшшык“ (Казань, ее окрестности и другие места)².

Заканчивая обзор фонетических изменений русских согласных в словах, заимствованных татарскими диалектами, укажем, что вместе с заимствованными словами в татарских диалектах появился, и довольно рано, еще один звук — „ж“, ранее отсутствовавший

в татарском языке. Сравните: русск. „жар“ — тат. диал. „жар“, „дюжина“ — тат. „дужина“, „жалованье“ — тат. „жалунжэ“, „пиджак“ — тат. „пинжэк“ и т. п.

В живом разговорном языке фонетические изменения заимствований не ограничиваются перечисленными звуковыми заменами. Заимствованные слова подвергаются целому ряду других комбинаторных изменений, вызванных так называемыми процессами метатезы, эпентезы, синкопы, апокопы.

Рассмотрим каждый из них в отдельности.

Протеза, или прибавление звука. Это явление в заимствованных словах встречается в начале слова при стечении согласных, а именно, прибавляется гласный, облегчающий произношение группы согласных. Протеза в начале слова обычно в народном произношении чаще всего практикуется перед группой „с“ плюс другой согласный, но не исключена также возможность появления протезы и при сочетаниях других согласных. Приведем примеры. Перед группой „с“ плюс другой согласный: русск. „стол“ — тат. „өстэл“, „склад“ — „ысклат“, „скирд“ — „эскерт“, „старшина“ — „ыстаршина“; при других согласных: „шляпа“ — „эшлэпэ“, „льгота“ — „өлгүт“, „шпала“ — „ышпал“ и т. п.

Эпентеза, или вставка звука внутри заимствованного слова, часто употребляется как средство разрядки скопления согласных или как противодействие стыку согласных, несвойственных татарскому языку, например: „смола“ — тат. диал. „сумала“, „клещи“ — „келәшшә“, „грубиян“ — „гөрбиян“, „шарф“ — „шарыф“, „нефть“ — „нефит“, „крестьянин“ — „керәстиән“, „председатель“ — „персидәтел“.

Эпентеза встречается также в виде наставки звука в конце слова, например: русск. „банк“ — тат. „банкы“, „пропуск“ — „пропускы“, „продукт“ — „продукты“, „корм“ — „курмы“.

Синкопа, или убавление звука внутри слова, русск. „портрет“ — тат. диал. „патрит“.

Апокопа, или убавление звука в конце слова; сюда относятся такие примеры: русск. „артист“ — тат. „артис“, „спекулянт“ — „ыспикүлән“, „корабль“ — „кәрәп“, „скатерть“ — „эскәтер“. В заимствованных словах наблюдается также метатеза (перестановка звуков). Так, в некоторых татарских диалектах, в частности в мензелинском, русское слово носилки превращается в лачинка, начальник — ләчәнник, процент — пырансит. Кроме того, можно привести отдельные примеры частичной ассимиляции и диссимиляции. Примером регрессивной ассимиляции может служить видоизменение слова „конверт“ в мензелинском говоре в „комбирт“. В данном случае русский губно-зубной „в“ изменился в губно-губной „б“, последний в порядке ассимиляции превратил переднеязычный „н“ в губно-губной „м“. Примерами диссимиляции (расподобление звуков) являются видоизменения русских слов: „фуфайка“ — тат. диал. „куфайка“, „секретарь“ — тат. диал. „сиклатар“, „коридор“ — тат. диал. „калдур“, „фонтан“ — тат. диал. „фантал“. Надо полагать, что диссимиляция в этих словах, за исключением, может быть, слова „фонтан“, произошла еще до заимствования их татарским языком, так как эти слова в подобном виде известны в русском народном языке.

Указанные фонетические изменения относятся главным образом к словам, заимствованным в дооктябрьский период. Слова, заимствованные после Октября, максимально сохраняют звучание русского оригинала.

Рост культурного уровня населения, влияние радио, кино, школы способствуют усвоению русской орфоэпической нормы в произношении заимствованных слов. Большинство татар, особенно молодежь, теперь знакомится с трудами классиков марксизма-ленинизма, ве-

¹ А. М. Селищев. Русские говоры Казанского края и русский язык у чуваш и черемис, РАНИОН, 1927, стр. 52.

² Там же.

ликих русских писателей не только в переводах на родной язык, но и в подлиннике.

Таким образом, русская орфоэпическая норма становится образцом, к которому постепенно приближаются приемы произношения заимствованных слов в татарском языке.

В силу этого все указанные выше дореволюционные особенности произношения заимствованных слов постепенно изменяются. Многие из них в современном языке, особенно в литературном произношении, исчезли или идут к этому. Наиболее устойчивым и не поддающимся изменению является произношение только тех слов, которые проникли в татарский язык очень давно и уже не осознаются как русские, например: „арыш“ (рожь), „ужым“ (озимь), „буразна“ (борозда), „бүрэнэ“ (бревно), „камыт“ (хомут) и т. п.

Исчезает в диалектах, а в литературном языке исчезло давно, появление гласного при стечении двух согласных в заимствованных словах, — так называемая протеза. Теперь чаще говорят по-татарски „стена“, а не „ыстина“, „столовая“, а не „ысталовай“.

Также исчезает подведение заимствованных слов под закон гармонии гласных. Например: „культура“ — тат. тоже „культура“, „агитация“ — тат. тоже „агитация“.

В послереволюционное время, в результате массового усвоения татарским литературным языком интернациональной социально-политической, научно-технической и общекультурной лексики с соблюдением орфографических и орфоэпических норм русского языка, сильно изменилась фонетическая система татарского языка, появился целый ряд новых звуков. Так, в системе гласных появилось два новых звука „о“ и „е“, ранее отсутствовавшие в татарском языке, а в системе согласных звуки „ц“ и „щ“, которые пришли в татарский язык только в послеоктябрьский период.

Ударение в заимствованных русских словах претерпевает также различные изменения. Но прежде чем перейти к характеристике этих изменений, следует сделать несколько замечаний о характере ударения в русском и татарском языке.

Основное значение ударения в обоих языках заключается в том, что оно, организуя звуковую оболочку слова в некое законченное единство, образует связный отрезок речевого потока. Эта организующая роль ударения в разных языках реализуется по-разному.

О природе и характере ударения в тюркских языках среди ученых нет единого мнения. Но подавляющее большинство советских тюркологов — авторов грамматик и специальных исследований по этому вопросу — считает, что в тюркских языках главным ударением является экспираторное, которое, по мнению части представителей этого направления, может сопровождаться повышением тона, т. е. музыкальным ударением¹.

Вопрос об ударении в татарском языке был разработан проф. В. А. Богородицким. Работы В. А. Богородицкого и некоторых его учеников, основанные на экспериментальных данных, дают основание считать татарское ударение количественным или квантитативным, при котором ударяемый слог выделяется по сравнению с неударяемым главным образом большей длительностью своего гласного. Проф. В. А. Богородицкий писал: „В отношении временной длительности ударяемые гласные татарского языка распадаются на две категории: более длительные — а, а, у, ӯ, ы, более краткие ё, е, і, й, с вариациями в зависимости от открытости и закрытости слога,

причем в закрытых слогах та и другая категории несколько укорачиваются“¹.

В русском языке, в отличие от татарского, ударяемые гласные имеют приблизительно одну и ту же длительность, варьируясь лишь в открытых и закрытых слогах. „В русском языке нет и не может быть таких слов, в которых гласные по долготе и краткости различались бы, т. е. могли произноситься в одном и том же фонетическом положении как с большей, так и с меньшей длительностью; поэтому большая или меньшая длительность гласных не может быть в русском языке использована для различительных целей. Это означает, что русский язык не знает фонетической категории долготы — краткости гласных“².

Следовательно, принципиальное отличие русского ударения от татарского заключается в том, что в русском языке удлинение гласного не может считаться признаком ударения.

В результате удлинения ударяемых гласных в татарском языке безударные гласные в многосложных словах подвергаются меньшей редукции, чем в русском. Если сравнить произношение татарского слова баганá (столб) с русским в о р б а, тат. балалáр с русским голо́ва, то легко заметить, что безударные гласные в словах баганá и балалáр произносятся почти без редукции, т. е. так же, как и под ударением, но более кратко. Кроме того, татарское ударение отличается от русского и своим местом. Различают обычно два основных типа ударения: 1) подвижное или разноместное, иначе свободное; оно может падать на любой слог слова и на разные его морфологические элементы; 2) неподвижное или фиксированное ударение, прикрепленное к определенному слогу слова.

В русском языке ударение разноместное, например, рука́, ру́к, ру́ки (род. падеж, ед. ч.). В противоположность этому в татарском языке ударение падает, как правило, на последний слог, например: „алма́“ (яблоко), „балá“ (ребенок), „бакá“ (лягушка). Исключения составляют слова типа һи́ч б е р, һә́мм ә с е, һи́ч к е м, состоящие из сочетания персидских и татарских слов; в них ударение падает на первый слог. Сколько бы аффиксов ни прибавлялось к слову, ударение в татарском языке всегда падает на последний слог, например, „ат“ (лошадь), „ат-ла́р“ (лошади), „ат-лар-га́“ (лошадям), „ат-лар-ыбыз-га́“ (нашим лошадям).

Но в татарском языке есть некоторые аффиксы, которые, присоединяясь к концу слова, не принимают на себя ударение. Это прежде всего аффиксы отрицания „ма-мэ“, вопросительные аффиксы „мы-ме“, например: „ба́р“ (иди), „ба́рма“, но „барды́“, „а́л“ (бери), „а́лма“, но „алды́“, „кы́л“ (приди), „кы́лмэ“, но „килдэ́“.

Место ударения и направление его движения в татарском языке зависят главным образом от характера аффиксов. Аффиксы эти можно разделить на две категории: те, которые перетягивают на себя ударение предыдущего слога, и те, которые не пропускают ударение за себя. Так, к первой категории можно отнести аффикс повелительного наклонения 3-го лица единственного числа „сын“, „сен“ — укы́ын (пусть читает), эшлэ́сін (пусть работает), ашасы́н (пусть ест), где носителем ударения выступает не корень, а аффикс. Ко второй категории относятся аффиксы повелительного наклонения 2-го лица множественного числа „ге́з“, „гы́з“, например: укы́гыз (читайте), язгы́з (пишите), эшлэ́гез (работайте), көлэ́гез (смейтесь),

¹ В. А. Богородицкий. Введение в татарское языкознание, Казань, 1953, стр. 38.

² Р. И. Аванесов. Ударение в современном русском литературном языке, Учпедгиз, 1953, стр. 15.

¹ Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, часть 1, изд. АН СССР, 1952.

И. А. Батманов. Фонетическая система современного киргизского языка, Фрунзе, 1946.

Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка, изд. АН СССР, 1948.

которые, сочетаясь с корнем слова, ударение на себя не притягивают¹. Если же между корнем и аффиксом первой категории встречается еще аффикс второй категории, то ударение удерживается на корне слова, так как аффиксы „сын“ и „сен“ перенимают на себя ударение только предыдущего слога, например, язсы́н (пусть пишет), укы́масын (пусть не читает), алма́сын (пусть не берет), кү́рмәсен (пусть не видит). А если после корня слова стоит несколько аффиксов первой категории, то ударение ставится на конце слова, например: „эшлэ-де-гез“ (вы работали), „бар-ды-гыз“ (вы ходили), „кил-де-гез“ (вы пришли), „китте-гез“ (вы ушли).

Таким образом разница в ударении татарского и русского языков заключается в том, что место ударения и характер его передвижения в татарском языке зависят от аффиксов, оказывающих влияние на систему ударения, в то время как в русском языке в подавляющем большинстве случаев место ударения зависит не от аффиксов, а от самих корней слов, а также от взаимоотношения этих корней с аффиксами в различных грамматических формах.

Как в русском, так и в татарском языке сложные слова, образованные путем сложения двух основ, а также многосложные слова могут иметь два ударения: наряду с основным, обычным, словесным ударением, второе, побочное, более слабое, которое мы обозначаем знаком, например: „урынбасар“ (заместитель), „куштырнак“ (кавычки), „ашъяулык“ (скатерть), „бишьеллык“ (пятiletка), „көнкуреш“ (жизнь-бытьё), „пешермәгәнлекләреннән“ (из-за того, что не пекли), „китергәннәрмен“ (разве принесли).

После этих замечаний о характере ударения в русском и татарском языках перейдем к анализу тех изменений, которым подвергается ударение русских слов, заимствованных в татарский язык. В зависимости от времени и характера заимствований получаются разные типы оформления заимствованных слов по ударению. Одни слова усваиваются с точным соблюдением иноязычной формы, а другие приспособляются к законам фонетики и морфологии заимствующего языка, третьи же подвергаются компромиссу между ними. Значительную долю слов живого разговорного языка, а также слов, употребляющихся в отдельных образцах татарской литературной речи, составляют единичные и слоевые заимствования из русского языка, которые были сделаны татарским языком в разное время. Заимствования более ранней поры, приспособляясь к законам татарского языка, изменили свое ударение.

Слова, которые с переходом в татарский язык подверглись изменению со стороны ударения, можно разделить на три группы. К первой группе относятся русские слова с безударным окончанием, которые, попадая в татарский язык, переносят свое ударение на последний слог, потому что в татарском языке все неодносложные слова имеют, как правило, только конечное ударение. Приведем примеры: русск. „бóчка“ — тат. „мичкэ“, „вéник“ — „миннэк“, „гостíнец“ — „күчтэнэч“, „дéготь“ — „дегёт“, „мáлый“ — „малáй“, „мáтица“ — „матчá“, „мочáло“ — „мунчалá“, „рéкрут“ — „никрúт“, „мáшина“ — „машинá“ и т. п.

Ко второй группе относятся русские слова, в которых ударение

падает на предпоследний слог. Сюда относятся имена существительные, которые в татарском языке теряют свою флексию, благодаря чему предпоследний слог русского слова в татарском языке становится последним слогом слова. Хотя формально ударение русских слов этого типа остается на своем месте, фактически оно также передвигается на последний слог и поэтому не противоречит законам татарского ударения. Приведем примеры: русск. „аптéка“ — тат. „эптíк“, „газéта“ — „гэзít“, „контóра“ — „кантúр“, „канцеля́рия“ — диал. „кэнсэлэр“.

Третью группу составляют русские слова с ударением на последнем слоге, которые сохраняют его на своем месте и при переходе этих слов в татарский язык, так как оно не противоречит законам татарского ударения. Приведем примеры: „бревнó“ — „бүрэнэ“, „бороздá“ — „буразнá“, „дугá“ — „дугá“, „кровáть“ — „каравáт“, „молодéц“ — „маладís“, „расхóд“ — „расхúт“, „сохá“ — „сукá“ и т. п.

Если к перечисленным трем категориям заимствованных слов присоединяются татарские аффиксы, то они переносят свое ударение на конец слова, т. е. на последний аффикс. Например: русск. „бревнó“ — тат. „бүрэнэ“, но „бүрэнэлэр“; „бороздá“ — „буразнá“, но „буразналáр“, „буразналаргá“, „буразналардán“, русск. „закóн“ — тат. „закóн“, но „законнáр“, „законнаргá“, „законнардán“. Но если прибавляются ударяемые аффиксы, которые, присоединяясь к слову, делают его ударение неподвижным, например, вопросительный аффикс „мы“, „ме“, то ударение русских слов не переносится на последний слог, а изменяется только по указанным нами выше трем линиям.

Наконец, необходимо выделить наиболее значительную группу русских заимствований, которые сохраняют ударение оригинала. Это общественно-политическая и научно-техническая лексика, проникшая в татарский язык главным образом после Великой Октябрьской социалистической революции. Весь этот словарный материал с точки зрения правильности ударения можно в свою очередь разделить на две группы. К первой можно отнести все слова с безударным окончанием, ударение которых в татарском языке передается правильно, независимо от того, прибавляются ли к ним татарские аффиксы или нет. Приведем примеры: русск. „áвтор“ — тат. „автór“, „áвторлар“, „áвторларга“, „автоно́мия“ — тат. „автонóмия“, „автонóмияле“, „автоно́миялэр“, „автонóмиялэрдэн“.

Ко второй группе относятся слова с ударением на конце слова. В том случае, если к ним присоединяются татарские аффиксы, они наравне с татарскими словами переносят свое ударение на последний аффикс. Например: „совéт“ — тат. „совét“, но „советлáр“, „советларгá“, „коммуни́ст“ — тат. „коммуни́ст“, но „коммунистлáр“, „большеви́к“ — тат. „большеви́к“, но „большевиклáр“, „большевиклардán“, „большевикларгá“.

Таким образом, мы видим, что в результате большого притока русских слов в татарском языке изменяется система ударения. Если в исконно татарских словах ударение ставилось только на последнем слоге, то теперь в татарском языке бытует немало слов, ударение которых может стоять на любом слоге. И весь этот словарный материал с необычным для татарского языка ударением возрастает с каждым днем. Он незаметен его носителю; для него все эти слова — те же равноправные члены родной ему словарной семьи.

¹ Сюда же относятся словообразовательные аффиксы наречий ча-чэ, дай-дэй, дый-ди, тай-тэй, которые также не перетягивают на себя ударение, например, татарча (по-татарски), бези́нчэ (по-нашему) и т. п. Не перенимают на себя ударение ограничительные аффиксы деепричастий на чы-че, например, үтергәнче (до смерти), туйганчы (досыта), арганчы (до усталости), беткәнче (до конца).

СООБЩЕНИЯ

Ш. Ф. МУХАМЕДЬЯРОВ

МАЛОИЗВЕСТНАЯ ПИСЦОВАЯ КНИГА КАЗАНСКОГО УЕЗДА
1602—1603 гг.

Хранящиеся в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА) в Москве писцовые, переписные и межевые книги земель бывшего Казанского ханства, составленные во второй половине XVI—XVII вв.¹, являются важным источником при изучении истории народов Среднего Поволжья.

Начало выявлению писцовых книг по территории бывшего Казанского ханства положил К. И. Невоструев, снявший копию со списка писцовой книги гор. Казани и Казанского уезда 1565—1568 гг.²

Снятая К. И. Невоструевым в 1877 г. копия была издана советом Казанской духовной академии в связи с подготовкой к IV Археологическому съезду³. В археографическом отношении это издание весьма несовершенно и не может удовлетворить современным требованиям. Оно имеет много неточностей и ошибок в передаче текста. Язык рукописи в ряде случаев модернизирован. Имеются большие пропуски текста, особенно в описании земель Казанского уезда. Нельзя упускать из виду и исключительную тенденциозность издателя, что безусловно отразилось на характере издания. Это было отмечено еще в 1877 г. В. Иконниковым: „Самое извлечение сделано с специальной целью — показать местоположение древних казанских монастырей, соборов и церквей, а также их украшение, богатство, содержание духовенства и различные угодья, принадлежащие церквам и монастырям“⁴.

Та же тенденция была весьма прозрачно выражена издателем писцовой книги по гор. Свияжску и Свияжскому уезду 1565—1567 гг. протоиереем А. Яблоковым. Этот последний прямо писал о целях, побудивших Казанское церковное историко-археологическое общество издать список указанной книги: „... поводом к изданию послужило желание общества воспользоваться ценным материалом его при составлении историко-статистического описания церквей и приходов Свияжского уезда“⁵. Аналогичные цели преследовал профессор Казанской духовной академии И. М. Покровский, который в своих трудах по

¹ ЦГАДА, фонд № 1209 поместного приказа.

² По рукописи № 556/404 бывшего архива Вотчинного департамента, которая сейчас числится в качестве книги № 152 в фонде № 1209 в ЦГАДА.

³ Список с писцовой книги по г. Казани с уездом. Казань, 1877, 88 стр.

⁴ В. Иконников. Библиографические сведения о новых книгах. Университетские известия. 1877, № 8, Киев, стр. 3.

⁵ Список с писцовой и межевой книги города Свияжска и уезда; письма и межевания Н. В. Борисова и Д. А. Кикина (1565—1567). Казань. Изд. Церковного историко-археологического общества Казанской епархии, 1909, стр. XIII.

русской церковной истории¹ впервые использовал извлечения из писцовых книг XVII века по территории бывшего Казанского ханства.

Тем не менее эти издания до сих пор широко распространены, ибо мы не имеем в своем распоряжении более полных и в научном отношении более объективных публикаций, кроме изданных в 1932 г. Академией наук СССР писцовых книг по городу Казани 1565—1568 гг. и 1646 г.²

За последние годы совершенно прекратилась работа над выявлением и изданием писцовых, переписных и межевых книг по территории Среднего Поволжья.

Между тем в ЦГАДА хранится список с одной малоизвестной писцовой книги Казанского уезда, представляющей значительный интерес. Мы имеем в виду книгу письма и меры Ивана Болтина 7111 года (1602—1603 гг., под № 642)³. Эта книга в кожаном переплете формата in folio на 252 листах написана русской скорописью XVIII в. на серой бумаге с различными филигранями, среди которых на 64, 65 и 242 листах встречается водяной знак 1779 года. На всех лицевых листах в середине, ближе к корешку скрепа секретаря-регистратора Сергея Ленева. На нижнем углу лицевых листов 1—98 скрепа подканцеляриста Дмитрия Михайлова, а на последующих листах упоминаются подканцеляристы Петр Бородастов (99—138 л.), Козьма Марков (139—202 л.) и Никита Волков (203—242 л.). На обороте 242 листа имеется приписка: „Подлинная писцовая книга по листам за скрепою дьяка Ивана Ларионова, в которой за ветхостью и гниlostью многих слов и речей не значаща“. Дьяк Иван Ларионов, по сведениям С. К. Богоявленского, служил в 1635—1650 гг.⁴

На первом листе сверху имеется надпись: „Из межевой канцелярии 2 декабря 1840 г. принято“. Такая же надпись имеется на книге под № 643, которая представляет из себя второй список писцовой книги по городу Казани с уездом 1565—1568 гг., снятый с первого более старого списка (кн. 152) во второй половине XVIII века. Таким образом, книга под № 642 является копией, снятой во второй половине XVIII века для руководства при генеральном размежевании с более старой рукописи XVII века.

Эта книга была известна Г. Перетятковичу, но он ограничился только цитированием из этой книги отдельных сведений о служилых и ясачных новокрещенах⁵. С. В. Рождественский по материалам писцовой книги 1602—1603 гг. дал общую характеристику поместного землевладения служилых татар в своем исследовании „Служилое землевладение в Московском государстве в XVI веке“⁶. Словом, рассматриваемая книга хотя и использовалась в исторической литературе, но лишь частично и весьма недостаточно.

Между тем эта книга, в отличие от изданных писцовых книг по Ка-

¹ И. Покровский. Русские епархии в XVI—XIX вв., их открытие, состав и пределы. Опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования. Том I (XVI—XVIII вв.), Казань, 1897, 534 + X + VIII стр.

И. Покровский. Казанский архиерейский дом, его средства и штаты, преимущественно до 1764 года. Церковно-археологическое, историческое и экономическое исследование (В память 350-летия существования Казанской епархии 1555—1905 гг.). Казань, 1906, стр. XII + 482 + XXX + 264 + XVI. Одесса, 1882.

² Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги г. Казани 1565—1568 и 1646 гг. Изд. АН СССР, Л., 1932.

³ ЦГАДА, фонд 1209, кн. 642. В дальнейшем ссылки на листы этой книги даются в тексте.

⁴ С. К. Богоявленский. Приказные судьи XVII в., М.—Л., 1946, стр. 267.

⁵ Г. Перетяткович. Поволжье в XVII и начале XVIII вв. Одна ссылка на писцовую книгу И. Болтина имеется в „Симбирском сборнике“ (т. II, Симбирск, 1870, стр. 1—2).

⁶ См. Записки историко-филологического факультета императорского С.-Петербургского университета, часть 43. СПб, 1897, стр. 358—361.

занскому и Свияжскому уездам, посвященных в основном русскому землевладению, описывает поместья и селения татар, чуваш и других народностей края. При описании часто отмечается, что татарин владеет землей „по старине“ и что „теми жеребьи владели отцы и дядья и братья до Казанского и после Казанского взятия, а они после их теми поместными жеребьи владеют по старине ж без дач“ (лл. 69—70, 140, 295 и др.). Выражение „Казанское взятие“, употреблявшееся в русских документах того времени, обозначает взятие Казани Иваном Грозным в 1552 г. Следовательно, в книге отразились формы землевладения и социальные взаимоотношения, господствовавшие в период независимости Казанского ханства. Эти данные были частично использованы автором настоящей статьи в его диссертации, автореферат которой опубликован в 1950 г.¹

Так, при описании Хозеевской пустоши имеется указание на землевладение казаков со ссылкой на времена казанского хана Мухаммед Эмина: „...в грамоте, какову на тое пустошь положил Чюреев сын Булаш 65 году, написана по царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси слову боярин и воевода и наместник Казанской князь Семен Иванович Микулинской и все воеводы пожаловали тою пустошью старых казаков Юлгуша Бакшандина со всеми угодии, как было при Магмедеме царе“ (л. 196-об.).

Очень часто упоминаются в книге чуваш, которые, по терминологии писца, как правило, владеют поместьями „вопче“ со служилыми татарами. В таких случаях в книге обычно содержатся записи, подобные следующей: „Деревня Ментески за служилым татариним в поместье вопче с ясачною чувашею, а в ней служилой Абыз Ишей Илчебаков, оклад его 5 рублей, поместье за ним жеребей, что был отца его, а преж отца был за служилым Теребердейком...“ (л. 17-об. — 18). Затем упоминается о принадлежащих служилому татарину угодьях и отмечается количество дворов ясачных чуваш. В данном случае в дер. Ментески указано 28 дворов ясачных чуваш, которые владели пашней и перелогом в количестве „128 четвертей в поле, а в дву потому ж“. В конце описания деревни перечисляются присутствовавшие на межевань лица.

При описании Арской дороги приводятся сведения о землевладении марийских крестьян. На лл. 124—125-об. указано, что в волости Малмыже „за ясачною черемисою за 38 дворы... насчитывалось пашни, перелого и лесом поросло 248 четвертей с осьминою в поле а в дву потому ж...“ На 190 л. упоминается полянка около дер. Утенгиш, которая принадлежит „истари Барать волости черемисы Чекалчи Качкамогу да Негози Тярегулова“. В книге упоминаются в качестве землевладельцев и представители других народов: „латыш Якушко Дербышев“ (л. 103-об.), „немчин Анца Сонталева“ (л. 103-об.), „латыш Гришка-приходец“ (л. 138-об.), „латыш Ондрюшка-приходец“ (л. 138-об.), „шелкаловский выходец Чегрей Терегулов“ (л. 188-об.), „крымчей Бахтыев“ (л. 194-об.) и др.

Описание селений и имеющихся в них поместий дается по дорогам — Ногайской (л. 154), Зюрейской (л. 54-об. — 103), Арской (л. 103—168-об.), Алацкой и Галицкой (л. 168-об. — 242-об.). Сопоставление сведений писцовой книги с другими источниками подтверждает мнение о том, что дороги являлись крупными административными единицами, на которые делилась территория бывшего Казанского ханства.

Учет обрабатываемой или пригодной к обработке земли — пашни паханой, перелога, дикого поля и земли, поросшей лесом, — в книге

¹ Ш. Ф. Мухамедьяров. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV — первая половина XVI вв.). Институт истории АН СССР, 1950.

ведется в трех полях из расчета „в одном поле, а в два потому ж“. Деление на три поля нельзя рассматривать только как удобный технический прием при описании земли. В качестве доказательства сошлюсь на более ранние писцовые и межевые книги, в которых уже встречаются прямые указания на трехпольную систему земледелия. В частности я имею в виду указание о том, что после раздачи в октябре 1566 г. в поместья государственных сел, деревень и пустошей, которые по письму Семена Норматского 1563 г. написаны были в дворцовых селах, „доход с тех дворцовых сел и деревень опричь пашни по его письму не помечен некоторый, а пахати на государя царя и великого князя в тех селах и в деревнях крестьяне живущих вытей десятины на выть по десятине ржи да по десятине яри“¹. В межевой книге Казанского уезда 1565—1568 гг. имеется упоминание о третьем поле селения Ички Казань².

В рассматриваемой книге также неоднократно упоминается яровая пашня. Так, при описании земельного спора между служилым татаринном дер. Ертуш Ногаем Терегуловым и чувашскими крестьянами дер. Черевчи говорится: „... что та земля, о которой били челом чуваша Черевчи деревни истари их деревни Черев, а в споре де та земля меж их годы с три. А по смете на той земле посеяно ярью перелезчи через две изгороди... торы³ десятины и на той земле яровой хлеб отписан на государя и приказано беречи. Чюравчи деревни да Мамед деревни Чюваше. А как тот яровой хлеб поспеет, и тот хлеб велено пожать и класти в той же деревни Чюравчи до государева указу“ (лл. 204—240-об.).

Таким образом, в писцовой книге И. Болтина мы сталкиваемся с указаниями на вполне сложившуюся трехпольную систему земледелия. Только для систематически вспахиваемого поля имело смысл определять точные границы владения, ибо только такой участок представлял значительную ценность. Все это позволяет утверждать, что трехпольная система земледелия у татар и чувашей в начале XVII в. была широко распространена.

Не меньший интерес для изучения истории хозяйства у народов Среднего Поволжья представляют сведения книги о бортных ухажаях, бобровых гонах и рыбных ловлях. По Ногайской дороге упоминаются бортные ухажан на р. Юре, на р. Шурене близ дер. Елги (л. 11), по р. Волге на Черемшанском устье (л. 47) и около Девичьих гор (л. 46). По Алацкой дороге упоминается ухажай около дер. Сая за р. Казанкой (л. 114-об.). По Зюрейской дороге отмечен большой бортный ухажай по р. Волге „от Майнского устья до Синбирского городища“ (л. 55-об. — 56).

Рассматриваемая писцовая книга дает материал и для установления размеров крестьянского землевладения. В этом отношении важны сведения о деревне Середние Алаты. По этой деревне записан один двор служилого татарина Курмана Килдербышева с пашней „21 четверть в поле, а в два потому ж“. Кроме того, в деревне указано 17 крестьянских дворов с общим количеством пашни „51 четверть в поле и в два потому ж“. При этом писец указывает: „Ясачные люди били челом государю царю, а сказали: прежде того было в той деревне до Алацкого поставления 10 дворов, а пашни пахали на двор по 12 четвертей и по 13 четвертей, а как де Алаты поставлены и у них де пашни отошло в пашню алатских стрельцов и тем ясачным людям, которые у них отделились от отцов дети и братья от братья и от дядь племянники, а давали де они тем ясачным лю-

дям пашню из своих жеребьев, а ныне де за ними только по 3 четверти на двор пашни и им де тое земли мало и государева ясаку платить не с чего“ (л. 207). „Алатское поставление“ означает основание русской администрацией Алатского пригорода после подавления в 1556 г. волнений в Арской земле под руководством Мамич-Бердея. Естественно предположить, что заселение Алат русскими стрельцами произошло тотчас же после восстания, т. е. после 1556 г. Это предположение находит себе подтверждение в том, что в казанском разряде городов в 1583 году уже числится город Алат¹. Таким образом, пашня, приходившаяся на один крестьянский двор до построения Алатского городка, то есть до 1556 года, составляла 12—13 четвертей „в поле а в два потому ж“. Можно предполагать, что таким же был размер крестьянского землевладения в дер. Середние Алаты до присоединения края к Русскому государству. И действительно, анализ сведений по другим селениям дает более или менее сходные результаты. Например, в дер. Большой Атне указан 51 крестьянский двор с пашней в 724 четверти „в поле а в два потому ж“. Значит, средний размер пашни на один крестьянский двор здесь равнялся 14 четвертям „в поле, а в два потому ж“ (л. 209-об.).

В книге зафиксированы также факты купли-продажи крестьянских земель. Здесь представляет интерес судьба пустоши между деревнями Елгуловым и Салауч. Служилый новокрещен Никита Бакшигов бил челом об этой своей наследственной пустоши, так как ее стали пахать чувашские крестьяне дер. Салауч. В книге говорится, что в качестве доказательства своего права „на тое пустошь положил купчую татарского письма новокрещен Никита Бакшигов, что был черемисин Баим. А в купчей написано: купил тое пустошь в бортным ухажом Бакшанда Бакшиев, а его Микитин отец, у Килдыша Салаучева“ (л. 166-об.). Отсюда можно заключить, что во второй половине XVI — начале XVII вв. крестьяне бывшего Казанского ханства имели закрепленные за ними на правах собственности земельные участки, которые были предметом юридических сделок в письменной форме².

Книга позволяет изучить и податное обложение крестьянского населения края. Материал для этого дают указания о взимании татарским феодалом Бакшанда Нурушевым „дорогильной пошлыны“ с волости Нали Кукмор по Арской дороге „з девяноста з десяти дворов“ и „кунишной пошлыны“ со свадеб. При этом писец замечает: „государевы грамоты, князь Бакшанда на то не положил“ (л. 105-об.). Это дает основание предполагать, что право на взимание пошлыны Бакшанда унаследовал от предков, живших еще во времена татарских ханов. „Дорогильная пошлына“ взималась в размере „14 рублев и 18 алтын 2 деньги“. Вскрыть точное содержание самого термина „дорогильная пошлына“ не удастся. Может быть, перед нами редкий случай сохранения пошлыны в пользу даруги — управителя ханской власти на местах.

В конце описания каждой дороги приводятся сводные данные. По Арской дороге „за служилыми князьями и мурзами и за татарами в поместье и за ясачною чувашею на ясак пашни и перелогу и лесом поросло 5534 четверти с третником в поле а в два потому ж“ (л. 168). По Зюрейской дороге общее количество земель определяется в 4737 четвертей „в поле а в два потому ж“ (л. 102). По Ногайской

¹ См. Историко-статистическое описание церквей и приходов Казанской епархии. Вып. III. Казанский уезд. Казань, 1916, стр. 19. (Приложение к журналу „Известия по Казанской епархии“ за 1916 г., №№ 7—8.)

² Ср. также указания на крепости татарского письма, по которым чувашским крестьянам „земля досталась до взятия Царства Казанского“ (Н. Н. Ардашев. Татарские земляные письма XV в. и спорное дело XVIII в. о ясашных землях. М., 1908).

¹ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 152, л. 134-об.

² Там же, л. 123-об.

³ Так написано в книге.

дороге — 2735 четвертей „без полтретника в поле, а в дву потому ж“ (л. 53-об.). По Алацкой и Галицкой дорогам дана общая цифра — 6011 „четвертей с осьминою в поле, а в дву потому ж“ (л. 237). В конце книги на 238-об. — 242-об. лл. приведены итоговые данные по Казанскому уезду. Всего за служилыми татарами „вопче с ясачными новокрещеными и с чювашею“ числилось в 73 деревнях Казанского уезда пашни, перелога и леса 8914 четвертей „в поле, а в дву потому ж“. Кроме того, „за ясачными новокрещены и за ясачною чювашею за 802 дворы“ И. Болтин особо отмечает пашни, перелога и леса 1106 четвертей с полтретником (л. 240-об.).

Таким образом, в писцовой книге И. Болтина 1602—1603 годов содержится много интересных сведений, проливающих свет на социально-экономическую историю народов Среднего Поволжья XVI — начала XVII вв. Их, бесспорно, следует ввести в научный оборот. Содержащиеся в книге указания о месте расположения деревень и отдельных татарских кладбищ вместе с данными ранее изданных писцовых книг Казанского и Свияжского уездов дадут возможность восстановить историческую географию Казанского ханства, которая еще очень слабо изучена. Систематизация этих сведений позволит также развернуть археологические исследования татарской феодальной деревни. Писцовая книга И. Болтина несомненно окажется полезной и при изучении вопроса о расселении народов края в период феодализма, в частности для решения вопроса о пребывании чувашей в Заказанье.

Все это делает настоятельно необходимым издать в самое ближайшее время писцовую книгу Казанского уезда письма и меры И. Болтина 1602—1603 гг., сопроводив ее соответствующими комментариями.

А. Х. ХАЛИКОВ, А. Б. БУЛАТОВ

МАЛО-АТРСЯНСКИЙ МОНЕТНЫЙ КЛАД XIV—НАЧАЛА XV вв. (ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ)

25 сентября 1954 года в 800 м к ССЗ от с. М. Атрысы, Апастовского района, пастухами колхоза „25 лет Октября“ Р. Садыковым и М. Гараевым был обнаружен в поле монетный клад. Монеты находились в небольшом глиняном горшке, зарытом в землю на глубине 40—50 см. Горшок при вспашке был разбит, и монеты рассыпались по поверхности. В течение 25—29 сентября место находки клада было перекопано жителями с. М. Атрысы, которые собрали здесь значительное количество монет. Р. Садыков и М. Гараев сдали в районное отделение милиции около 10 кг серебряных монет.

9 декабря 1954 г. место находки клада обследовали А. Х. Халиков и А. Б. Булатов, которые установили, что общий вес серебряных монет в кладе доходил до 15 кг. Ими же дополнительно было собрано у разных лиц 1597 экземпляров серебряных монет. Было установлено, что в кладе содержались и золотые монеты, из которых 2, просмотренные на месте, оказались золотыми динарами индийских султанов и были чеканены в гор. Дели в 1341 г.

В декабре 1954 г. в Институт языка, литературы и истории поступила часть клада общим весом в 8100 г, остальная часть весом в 1300 г была получена в марте 1955 г. Всего для изучения в Казанский филиал поступило 13619 серебряных монет. Из них нумизматом А. Б. Булатовым было определено 13463 монеты. Монеты в основном были чеканены в XIV и в начале XV веков от имени 23 ханов в 15 монетных дворах различных городов Золотой Орды и в том числе в городах: Сарай-ал-Джедид (1546 монет), Гюлистан (2296 монет), Азак (631), Орду (283), Хорезм (45), Ас-Сарай (224), Сарай-ал-Махрусе (233), Булгар (11), Мохша (13), Тебриз (7), Сарайчук (3), Маджар (1), Белед (4), Астрахань (1).

Предварительно выделены 22 группы монет, чеканенных от имени следующих ханов:

- 1) Тукта-хана (1290—1313 гг.) — 221 монета;
- 2) Узбек-хана (1313—1339 гг.) — 1829 монет;
- 3) Джанибек-хана (1339—1357 гг.) — 6639 монет;
- 4) Бердибек-хана (1357—1360 гг.) — 1470 монет;
- 5) Кульна-хана (1359—1360 гг.) — 417 монет;
- 6) Навруз-хана (1359—1360 гг.) — 1088 монет;
- 7) Хызр-хана (1359—1361 гг.) — 727 монет;
- 8) Тимур-ходжи — 16 монет;
- 9) Ордумелик-хана (1361—1363 гг.) — 55 монет;
- 10) Хаир-гулад-хана (1362—1363 гг.) — 5 монет;
- 11) Кильдибек-хана (1361—1362 гг.) — 123 монеты;
- 12) Булат-Тимура — 17 монет;

- 13) Азиз-шейх-хана (1364—1367 гг.) — 87 монет;
- 14) Мюрид-хана (1361—1363 гг.) — 337 монет;
- 15) Абдуллах-хана (1362—1369 гг.) — 100 монет;
- 16) Мухаммед-Булак-хана (1368—1370 гг.) — 24 монеты;
- 17) Арабшах-хана (1373—1380 гг.) — 1 монета;
- 18) Тохтамыш-хана (1379—1395 гг.) — 293 монеты;
- 19) Пулад-хана (1407—1413 гг.) — 1 монета (?).

Из редких монет следует отметить по 1 экземпляру монеты, чеканенные от имени Ахмед-бахадур-хана (джелаирида), Баязид-хана (джелаирида) и Эмир-Тимура (джагатаи).

Наиболее ранняя монета клада относится к 1310 г. и чеканена от имени Тукта-хана. Позднейшие монеты трудно определимы. Наиболее многочисленными из поздних монет являются монеты Тохтамыш-хана (293 монеты). Однако клад был зарыт, видимо, несколько позднее, чем при Тохтамыш-хане. Об этом свидетельствует, во-первых, трудночитаемая монета Пулад-хана 1410 г., содержащаяся в кладах. Во-вторых, дату — начало XV в. — косвенно подтверждает и тот факт, что все монеты клада обрезаны и вес их в основном совпадает с весом золотоордынских монет начала XV в. Вес большей части обрезанных монет клада колеблется в пределах 0,70—0,90 г. Вплоть до рубежа XIV—XV вв. золотоордынские монеты имели вес около 1,40 г. При Шадибеке (1399—1408 гг.) вес монет упал до 1,12 г. После смерти Шадибека при Пулад-хане (1407—1413 гг.) средний вес монет, распространенных в Булгарском Поволжье, составлял уже 0,75—0,80 г. При Улу-Мухаммеде (1417—1437 гг.) вес булгарских монет снизился до 0,51 г¹.

Исходя из указанного весового распределения золотоордынских монет, время обрезки монет Мало-Атрянского клада следует отнести к периоду Пулад-хана, т. е. к 1407—1413 гг. Этим же временем можно датировать и время захоронения клада. Несмотря на то, что Мало-Атрянский клад был зарыт в начале XV в., в нем очень немного монет конца XIV и начала XV вв. и преобладают монеты ханов первой половины XIV в. (из 13463 определенных монет 12291, т. е. 95%, чеканены до 1361 г.). Клады золотоордынских монет конца XIV в., известные в Татарии, дают иное соотношение монет. Так, в известном Тетюшском (Атрянском 1) кладах, найденном в 1856 г. преобладающее количество монет относилось ко времени Тохтамыша². В Чистопольском (М.-Толкишском) кладах монеты, чеканенные до 1361 г., составляют около 50%, а монеты Тохтамыша около 25%³.

Весьма примечательно и место находки клада. Между селами Большие и Малые Атрысы находятся остатки большого городища, известного у местного населения под именем „Мен ойле Шунгат“ („Тысячедомный Шунгат“)⁴. На этом городище в 80 гг. XIX в. И. А. Износковом были собраны различные предметы, в том числе железные наконечники стрел, бронзовый гребень, пастовая бусинка, глиняные матрицы и т. д., хранящиеся ныне в фондах Государственного музея Татарской АССР. А. Б. Булатовым установлено, что известный Тетюшский клад серебряных монет (свыше 10000 экзем-

пляров, описанный П. С. Савельевым¹) был обнаружен в 1856 г. в окрестностях с. Б. Атрысы. В Государственный музей Татарской АССР в 1932 г. поступил клад медных золотоордынских монет общим весом около 200 г, который был обнаружен у с. М. Атрысы. По сообщению старожилов обоих сел, в конце XIX в. здесь также был найден большой клад серебряных гривен, находившихся в глиняном кувшине.

Наконец, весьма примечательным является наличие здесь хорошо сохранившегося древнего кладбища XIV в. с 22 надгробными камнями. Часть надгробных надписей была опубликована в XIX в. в трудах Ш. Марджани, а часть описана Г. Ахмаровым. В 1943 г. камни были осмотрены и описаны А. Б. Булатовым, а в 1949 г. они были подвергнуты подробной научной фиксации археологической экспедицией Казанского филиала АН СССР под руководством Н. Ф. Калинина².

Все эти данные ясно свидетельствуют о том, что место находки Мало-Атрянского клада 1954 г. и сам клад заслуживают самого настойчивого и тщательного научного исследования.

¹ П. С. Савельев. Тетюшский клад. Записки императорского археологического общества, т. XII, СПб, 1865.

² Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков. Итоги археологических работ 1945—1952 гг. Труды Казанского филиала АН СССР, серия исторических наук, т. I, 1954, стр. 109—110.

¹ С. А. Янина. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Булгарах в 1946—1952 гг. МИА, т. 42, М., 1954, стр. 453.

² П. С. Савельев. Тетюшский клад. Записки императорского археологического общества, т. XII, СПб, 1865.

³ Н. П. Загоскин. Описание клада золотоордынских монет, найденного в 1881 г. близ с. М. Толкиш. ИОАИЭ, т. III, 1884, стр. 352—353.

⁴ С. М. Шпилевский. Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казани, 1877.

Н. Ф. КАЛИНИН

К ИТОГАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ КФАН СССР 1955 года

После четырехлетнего перерыва 1951—1954 гг., когда казанские археологи работали исключительно в зоне затопления Куйбышевского водохранилища, ИЯЛИ КФАН возобновил начатую в 1945 г. работу по сплошному археологическому обследованию территории Татарской АССР. Маршруты предыдущих экспедиций покрыли более 20 западных районов республики, где было открыто и исследовано около 450 памятников¹.

В 1955 г.² четыре отряда археологической экспедиции проделали в общей сложности до 2000 км в пределах Пестречинского, Тюлячинского, Мамадышского, Кзыл-Юлдузского и Рыбно-Слободского районов Татарской АССР. Были обследованы долины р. Меши с притоками Нурмой, Нырсой и р. Вятки от Мамадыша до устья; правый берег р. Камы с ее малыми притоками: Сикинесь, Омарка с Кирменкой, Дигитлинка, Берсут с Сюнем, Шумбут с Челнинками.

Всего было выявлено и обследовано 82 памятника.

К древнейшим памятникам *неолита и бронзы* относятся шесть стоянок и девять местонахождений, которые расположены по р. Меше в Пестречинском районе около сс. Нурме, Чита, Иски-Юрт (см. карту) и в Тюлячинском районе у сс. Ковали, Сауши, Шармаши, а также в пределах Мамадышского района на р. Каме, близ сс. Вандовка, Покровское и Отарный. К этой группе памятников относится стоянка Березовая Грива, исследованная раньше А. В. Збруевой.

Часть находок — керамика и каменные орудия (кремневые ножи, скребки, пластины и отщепы; прекрасно шлифованные и сверленные каменные долота, топоры и песты) относятся к неолиту. Но в большинстве случаев этими находками датируются стоянки II тысячелетия — начала I тысячелетия до н. э. Характер керамических и кремневых изделий определяет принадлежность стоянок к Приказанской культуре эпохи бронзы. Открытие этих памятников подтверждает ранее высказанное предположение, что территория Приказанской культуры простирается на восток до р. Вятки³.

Памятники железного века обнаружены по рр. Вятке и Каме в Мамадышском и Кзыл-Юлдузском районах. Обследовано 10 городищ

¹ Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. Итоги археологических работ за 1945—1952 гг. Труды Казанского филиала Академии наук СССР, серия гуманитарных наук, т. 1, Казань, 1954.

² Участники экспедиции: Н. Ф. Калинин (руководитель), мл. науч. сотруд. КФАН А. Х. Халиков (начальник II отряда), студент КГУ В. А. Стоянов (начальник III отряда), препаратор КФАН Н. А. Кошурикова (начальник IV отряда), фотограф Р. Мухитдинов, восемь студентов КГУ. Работа продолжалась один месяц (июнь).

³ Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. Поселения эпохи бронзы в Приказанском Поволжье по раскопкам 1951—1952 гг. МИА, № 42, М., 1954, стр. 169, рис. 2.

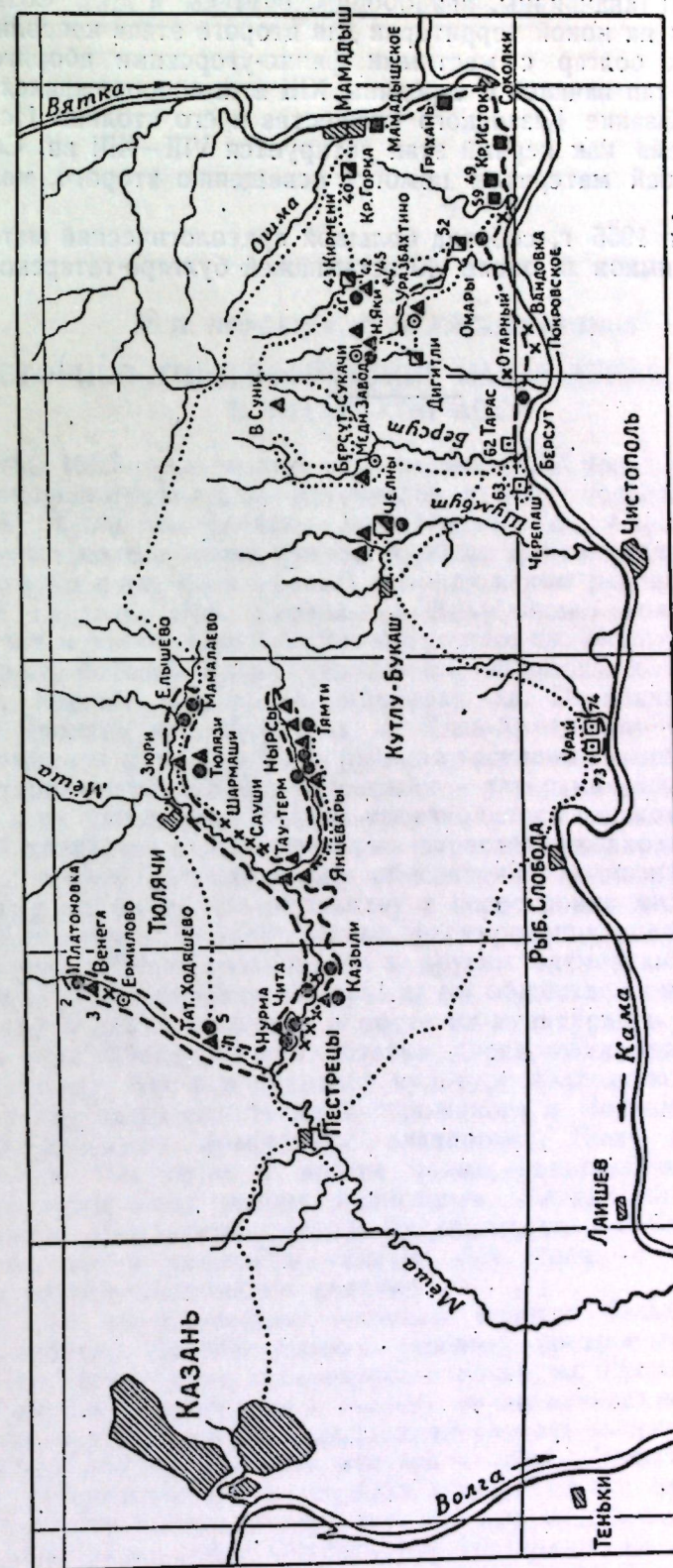
и одно селище; из которых ранее было известно только одно городище — Граханское¹. Одно городище было обнаружено у самого города Мамадыша в 1,5 км вниз по Вятке. На Каме открыты городище у с. Красный Исток (0,5 км к ЗСЗ от села, два рядом стоящих городища у с. Березовая Грива, названные „Сикинесская Гора“ (на карте № 49; в 4,5 км к востоку от Березовой Гривы), и „Лисьи норы“ (№ 59; в 150 м к западу от предыдущего). У Омарского починка на левом берегу р. Омарки исследовалось Омарское городище (№ 52), имеющее культурные остатки поздне-пьяноборского и болгарского времени. Интересны городища у Тарасовой Пристанки (№ 62), с. Черепашки (№ 63) и два рядом стоящие Урайские городища, расположенные на очень высоком берегу и разделенные крутым оврагом (№ 73, № 74; у с. Троицкое-Урай, Рыбно-Слободского района). Они привлекают внимание главным образом тем, что содержат остатки двух смежных, сменивших друг друга культур — пьяноборской и восточно-буртасской. В районе с. Ермилова Арского района на р. Нурме найдена керамика ананьинско-пьяноборского типа, указывающая на селище данной культуры. Как известно, селищ ананьинско-пьяноборской культуры до сих пор известно очень мало.

Часть городищ и селищ относится к началу ананьинской эпохи (Красный Исток), другие — к классической ее поре (Грахань, Мамадышское), третьи датируются пьяноборским временем и временем перехода к восточно-буртасской культуре II половины I тысячелетия н. э. или к болгарской культуре.

Булгаро-татарские памятники на исследованной территории оказались наиболее многочисленными. Сюда относятся, кроме названного раньше Омарского городища, еще три городища: Красногорское (№ 40) у с. Красная Горка, Мамадышского района, Кирменское (№ 43), известное раньше по работам Е. Т. Соловьева, Н. И. Воробьева, Г. М. Хисамутдинова и др., и Челнинское около районного центра Кутлу-Букаш. Всего исследовано 17 селищ, 4 местонахождения и 24 кладбища. По р. Нурме, притоку Мешы, расположены 2 селища — Платоновское (№ 2), Татходяшевское (№ 5) и 3 кладбища — два Татходяшевских булгаро-татарских XIV—XVI вв. (№ 1) и одно „черемисское“ у с. Венета (№ 3). На Меше от Нурмы до Елышева установлено 10 селищ и 5 кладбищ — у Юнусова, Читы, Б. Казылей, Кибечей, Мамалаева, Елышева, Зюрей и Тюлязей. На небольшой речке Нырсинке установлено три селища и 9 кладбищ — у селений Янцевары, Тау-Термень, Б. Нырсы, Тямти, Шадки. Южнее, на камских притоках, обследовались на р. Кирменке селище и два кладбища.

На р. Шумбут рядом с Челнинским городищем открыто селище, тянущееся вдоль реки к югу и к востоку от городища более 1 км. Это самое большое из встреченных нами селищ; оно является, по-видимому, остатком посада, который находился рядом с укреплением (кремлем) города, представлявшего, по преданиям, центр феодального княжества XV—XVI вв., подчиненного казанским ханам. Обнаруженные булгаро-татарские селения и некрополи XIV—XVI вв. дополняют сведения о расселении булгар и сложении татарской народности. Все эти селения датируются археологическими и эпиграфическими данными не ранее конца XIII или XIV вв. Булгарское население в Предкамье появляется в основном только в это время. Многочисленные военные удары и угнетение, которому подвергалось население богатого центра Булгарского государства в Закамье со стороны золотоордынских ханов, привели к переселению трудящихся масс, а за ними и булгарских феодалов в более глухие лесные се-

КАРТА АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ КФАН 1955 г.

Булгаро-татарские памятники
конца XIII—XVI вв.:
Городища
Селища
Кладбища

Маршруты экспедиции
Стоянки (неолит и бронза)
Городища Ананьинского типа
Городища В. Буртасского типа
Селища Ананьинского типа

¹ А. В. Збруева. Городище Грахань. КС ИИМК XVI, 1947, стр. 52—64.

верные пространства, где жили раньше предки удмуртов, мари, мордвы, чуваш (ананьинцы, пьяноборцы, буртасы и др.). Создались новые условия на новой территории для второго этапа консолидации тюркоязычных болгар с местными финно-угорскими аборигенами. Этот второй этап начался с середины XIII в. и сопровождался образованием на Казанке Казанского княжества и его столицы Иски-Казани, в то время как первый этап датируется VIII—XIII вв. Собранные экспедицией материалы помогут освещению второго, малоизученного этапа.

Экспедиция 1955 г. собрала большой археологический материал, сотни фотоснимков и около 40 эстампажей булгаро-татарской эпиграфики.

Н. И. ВОРОБЬЕВ, Г. М. ХИСАМУТДИНОВ

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ 1955 года В ТАТАРСКОЙ АССР

Летом 1955 года группой этнографии ИЯЛИ производились сборы историко-этнографических материалов в ряде поселений Прикамья ТАССР. Были обследованы дд. Псеево, Тат. Сарсаз и выселок им. Тукая (колхоз имени Тукая), а также д. Бизяки (центр производства корзин и плетеной мебели) в Бондюжском районе, дд. Старые и Новые Гардали, Нов. Сарайлы и Альмушкино (колхоз „Гигант“), д. Биклян и ряд выселков около нее (колхоз им. Молотова) в Челнинском р-не, поселок Урахча (колхоз им. Жданова) в Чистопольском р-не, с. Каргали (колхоз им. Жданова), дд. Исляйкино и Тат. Тукмаклы (колхоз им. Молотова) в Кзыл-Армейском р-не. Поселки Бондюжского и Челнинского районов населены казанскими татарами, а Чистопольского и Кзыл-Армейского — татарами-мишарями.

Во всех населенных пунктах производилось ознакомление с постановкой хозяйства и его отдельных отраслей в колхозах за последние годы, с ростом материального обеспечения колхозников. Большое внимание уделялось строительству и перестройке жилищ колхозников, изменению обстановки жилищ, формированию нового типа одежды, изменению питания колхозников и другим элементам материальной культуры. Были собраны материалы по общественному и семейному быту колхозников и данные о росте их культурного уровня и т. д. Кроме того, фиксировались остатки дореволюционного быта как в материальной, так и в духовной культуре колхозников.

Поселки казанских татар Бондюжского и Челнинского районов имеют довольно правильную планировку. Дома, в большинстве своем, — в том числе и многие новые, — поставлены за заборами или же перед ними разбит палисадник. Улицы довольно хорошо озеленены. Мишарские деревни Чистопольского и Кзыл-Армейского районов своими широкими улицами без зелени и расположением домов внешне напоминают русские.

Во всех обследованных поселках ведется большое жилищное строительство. До 30% домов в деревнях построено за последние 5—6 лет. Новые дома представляют такие же бревенчатые срубы с двускатной крышей, как и старые, но они никогда не покрываются соломой, а кроме того в большинстве случаев имеют новую многокомнатную планировку того или иного типа. Большинство новых домов четырехстенные, но передки и пятистенники, которых в прошлом казанские татары строили мало. Во многих домах, — построенных преимущественно после Октябрьской революции, но еще до проведения коллективизации, — за последние годы произведена внутренняя перепланировка: печь повернута топкой к боковой или задней стене и выделена чистая передняя половина из одной или двух комнат.

Таких перестроенных домов приблизительно столько же, сколько построенных заново. Много еще домов со старой, традиционной планировкой, но нары встречаются изредка, только у глубоких стариков. Обстановка в домах в основном городская — кровати, столы, стулья, реже гардеробы. На стенах — фотографии, портреты, плакаты. Но вместе с тем даже в новых домах часто встречаются прежние длинные занавески над окнами (кашага). Внешними украшениями большинства новых домов является фасонная рустовка фронтона, резьбы весьма мало.

Мужская одежда, за исключением одежды стариков, целиком городская. Женская одежда сложнее. Старухи носят старинные кюльмяки с оборками, женщины средних лет такие же кюльмяки, но без оборок. Молодые женщины и девушки одеваются по-разному. Некоторые делают кюльмяки типа городских платьев, стягивая их в талии, другие носят черные юбки и белые кофточки. Фартуки разного типа у молодежи почти обязательны. Голову покрывают платками, чаще по-татарски — за два соседних конца, но некоторые и по-русски, на угол. Одеваются полностью по-городскому и ходят с непокрытой головой или в различного типа шляпках преимущественно лишь представительницы сельской интеллигенции. Обувь в основном городская, но часто галоши носят прямо поверх чулок или носочков без туфель или ботинок.

В питании колхозников, кроме обычных татарских блюд, часто встречаются жареные кушанья, что в прошлом было редкостью. Много также стали употреблять овощей, особенно помидоров в качестве салата.

Заметные изменения произошли в общественных и семейных отношениях. Колхозники весьма активно участвуют в решении хозяйственных вопросов, серьезно заботятся о подъеме хозяйства. Весьма активны женщины, особенно молодые. В молочном хозяйстве, садоводстве и огородничестве именно они являются не только основной рабочей, но и руководящей силой. За годы Советской власти изжиты прежние неприязненные отношения между татарами и кряшенами. В колхозе „Гигант“ в одну артель объединены татары и бывшие кряшены. Работают они сообща и вместе борются за дальнейший подъем общественного хозяйства. При этом руководство колхоза умело использует старые хозяйственные навыки отдельных групп. Так, у крещеных татар и в прошлом были большие огороды, они также разводили свиней. В настоящее время крупный огород колхоза обслуживается преимущественно кряшенами, имеющими необходимые для этого навыки. Свиноводческая ферма также обслуживается в большинстве бывшими кряшенами.

Претерпели изменения и устои старой татарской семьи. Старику-отцу обычно оказывается большое уважение, но ведущую роль в семье чаще играет молодежь, и нередко девушки. Совершенно незаметен стал старинный давящий гнет отца как хозяина семьи и всего имущества. В семьях много молодежи со средним и даже высшим образованием. Часть их работает на месте, но немало их живет также и в городах. Поэтому связь между городом и деревней становится особенно тесной. Большинство обследованных поселений весьма тяготеет к городам. Особенно сильно тяготение к Чистополю, где в промышленности работает много бывших колхозников. Старинные производственные связи соединяют также жителей окрестных деревень с Бондюжским заводом, а с рабочими этого завода их соединяют и родственные связи.

В целом быт колхозников значительно изменился, и эти изменения увеличиваются с каждым годом. Город влияет на все стороны культуры деревни, но все же нельзя сказать, что старое целиком

исчезает. В деревне происходит своеобразное смешение нового с полезным и ценным из старого быта. Изменения быта протекают в процессе преодоления пережитков прошлого. С каждым годом новая социалистическая культура все сильнее проникает в повседневный быт колхозного крестьянства, особенно среди молодежи. Огромную роль в этом играет, конечно, экономика колхозов. В частности, с улучшением материального положения колхозников заметно усиливается стремление переселившихся в город крестьян возвратиться обратно в деревню. Большая часть молодежи, получив образование, стала оставаться на работе в своем колхозе. Это в свою очередь значительно влияет на общий подъем культуры на селе.

Параллельно с этнографическими исследованиями производилась также регистрация древних памятников.

На территории Бондюжского района, в 2 км к северу от дер. Бизяки, обнаружено старинное кладбище, на котором сохранился 1 надгробный камень периода Казанского ханства. Местные жители указывают, что в стороне от данного кладбища, за оврагом, где протекает небольшой ручей, часто находят старинные вещи и обломки посуды, но осмотреть эти места не удалось. Нахождение данного памятника весьма интересно, ибо он фиксирует наличие татарского населения в XV—XVI вв. далеко на востоке, за пределами официальных границ Казанского ханства.

В Чистопольском и Кзыл-Армейском районах маршрут исследований проходил, по-видимому, через густо населенный в XIV столетии район Булгарского государства. Здесь, к востоку от г. Чистополя до р. Шешмы и на юг до г. Билярска, находится большое количество памятников данного периода, частично известных в литературе, но в целом почти совершенно не изученных.

Зафиксировано 2 надгробных камня XIV столетия у д. Тат. Толкиш (Чистопольский р-н). Интересно, что на одном из них, расположенном к северу от деревни, по боковым граням выцарапано большое количество знаков собственности (тамг), одинаковых с тамгами современного населения деревни. Тамги вырезаны позднее постановки камня, — вероятно при вторичном поселении около камня жителей д. Тат. Толкиш. Данный камень был обнаружен нами еще в 1926 году, но сфотографировать его удалось только во время данной поездки. Через овраг от камня с тамгами имеются остатки, по-видимому, большого селища, на котором обнаружено значительное количество подъемного материала, преимущественно черепков посуды булгарского периода.

К северо-западу от д. Нарат-Илга между двумя огромными оврагами обнаружено сильно укрепленное городище, размером приблизительно 200—250 на 250—300 м, на поверхности которого расположены многочисленные ямы, вероятно, от прежних жилищ, и находится большое количество обломков булгарской посуды. Около д. Нарат-Илга и находящейся через овраг от нее кряшенской деревни Сосновый Ключ обнаружены два сильно разрушенных булгарских камня и один чардуган, но без камня.

В километре к северо-западу от с. Изгары на высоком ровном месте обнаружено городище размером около 200 на 300 м четырехугольной формы со скошенными углами, укрепленное со всех сторон двойным валом и рвами. Городище заросло высокой травой, и подъемного материала при беглом осмотре обнаружить не удалось.

Приблизительно в 2 км к западу от с. Каргали (Кзыл-Армейский р-н), к югу от шоссе, зафиксировано булгарское кладбище, расположенное между двумя оврагами. На нем находится 13 надгробий, из которых на 8 сохранились довольно хорошо читаемые надписи, а также украшения в виде сложных розеток. К востоку от оврага,

на вспаханном поле обнаружено большое количество подъемного материала. Вероятно, здесь находилось крупное селище.

Километрах в 5 к северу от указанных кладбища и селища, на юг от д. Ст. Ромашкино, между двумя крупными оврагами расположено большое городище. Оно имеет форму вытянутого треугольника длиной до 400 м и шириной на внешней части до 150 м. В месте присоединения к матерiku и на острой вершине треугольника имеются укрепления в виде валов и рвов. Высота валов достигает 6—8 м.

В 1,5 км к юго-западу от д. Исляйкино между двумя небольшими речками обнаружено древнее болгарское кладбище. На нем находится 4 надгробных камня, из которых два сильно разрушены и надписи совершенно не поддаются прочтению. По рассказам населения, камней здесь раньше было больше, но затем их растащили.

На всех осмотренных городищах проводилась глазомерная съемка и собирался подъемный материал. Надгробия измерялись и фотографировались.

Интересно отметить, что жители закамских районов почти не имеют исторических преданий об этих памятниках, не связывают с этими городищами и эпитафиями свои родословия, как это часто наблюдается в районах Заказанья. О плохом знании памятников говорит и то, что население, указывая на надгробные камни и городища, обычно связывает их с восстанием Пугачева, или другими относительно близкими историческими событиями.

Данное сообщение является предварительным. Собранные материалы в настоящее время обрабатываются и будут использованы для монографии, посвященной современному быту татарского колхозного крестьянства, а также для ряда статей по этнографии и истории Среднего Поволжья и Прикамья.

Х. Х. ЯРМУХАМЕТОВ, В. Ф. ПАВЛОВА

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ФОЛЬКЛОРНЫХ ЭКСПЕДИЦИЙ (1955—1956 гг.)

По сбору татарского устно-поэтического творчества

Основным методом собирания различных жанров устной поэзии являются экспедиции. За последние десять лет группой фольклора ИЯЛИ организовано более 25 фольклорных экспедиций с охватом 400 населенных пунктов.

В результате работ этих экспедиций за последние годы при институте создан специальный фонд татарского фольклора, насчитывающий сейчас более 80 тысяч народных песен, 30 тысяч строк бантов, более 400 печатных листов различных эпических произведений (сказок, сказов, воспоминаний, легенд и др.), 15 тысяч народных пословиц, поговорок и загадок.

Наряду со сбором и записью устно-поэтического творчества группой фольклора проводится также научная обработка этих материалов и осуществляется их публикация. На основе собранных за последние годы фольклорных материалов в 1951 г., при активном участии писателей-фольклористов Г. Баширова, А. Шамова и доцента Х. Усманова, был опубликован большой сборник „Татарское народное творчество“ объемом 30 печатных листов, который в 1954 г. был переиздан. В 1946 и 1956 гг. Таткнигоиздатом были выпущены две книги татарских народных сказок объемом 45 печатных листов. В 1952 г. в Москве вышел в свет сборник татарских народных сказок „Гульчечек“ на русском и в 1954 году в Пекине на китайском языке. А в 1955 г. в Казани, под редакцией профессора В. И. Чичерова, вышла книга „Русское народно-поэтическое творчество в Татарской АССР“ объемом 20 печатных листов.

По пятилетнему плану института в 1955 году должно было закончиться обследование татарских населенных пунктов нашей республики. С этой целью и для более широкого охвата оставшихся не обследованными районов в 1955 году работала экспедиция из 9 человек в составе 3 отрядов. В течение июня и июля месяцев экспедиционные отряды работали в Тетюшском, Б.Тарханском, Кайбицком, Нурлатском, Красноборском, Агрызском, Дрожжановском, Подберезинском, Камско-Устьинском, Теньковском и Верхне-Услонском районах. Этим было завершено планомерное обследование республики в области татарского фольклора.

В 1956 году фольклорная группа института впервые организовала экспедицию в татарские населенные пункты соседней Кировской области (нократские татары) и Удмуртской АССР (глазовские татары), где обследовано 12 населенных пунктов.

Во всех 62 населенных пунктах, обследованных во время экспедиции 1955 и 1956 гг., записано более 12 тысяч песен-частушек, 30 бантов, 32 народные сказки, более 200 хороводных и игровых песен и значительное количество пословиц, поговорок и загадок.

Большой интерес представляют новые варианты традиционных баитов об Отечественной войне 1812 года, о прошлой тяжелой жизни женщин-татарок и баит о семи девушках. В Б.-Тарханском, Кайбицком и Красноборском районах записаны новые советские баиты о героической борьбе советского народа в годы Великой Отечественной войны.

Собранные во время экспедиций фольклорные материалы свидетельствуют о разнообразии тематики народных песен. Записаны сотни прекрасных высокохудожественных песен о Коммунистической партии, о Ленине, о любви народа к Советской Родине. Песни о московском метрополитене, о Волго-Доне, об освоении целинных земель и другие явились новым хорошим пополнением нашего фонда.

Собранные в 1955—1956 гг. материалы представляют интерес для изучения вопроса о взаимоотношении и взаимовлиянии литературы и фольклора. Новые народные варианты стихов поэтов С. Хакима („Юксыну“) и Ш. Маннура („Шахта“) свидетельствуют о том, что отдельные, причем лучшие, совпадающие по смыслу с народными чаяниями литературные произведения органически вливаются в репертуар народного творчества и получают новое звучание.

Среди записанных во время экспедиций песен-частушек большое место занимают интимно-лирические песни, песни о любви, о разлуке, о личных радостях, о светлых ожиданиях и мечтах молодых людей. Но характерно, что герои татарских народных лирических песен теперь совершенно другие. Самый близкий и любимый человек не тот, кто только внешне красив, как это было в старых народных песнях, а тот, кто является передовым человеком в нашей жизни. Центральными образами любовных песен стали передовые комбайнеры и трактористы, отважные советские воины, лучшие доярки и вообще знатные люди колхозной деревни. Новые люди и их социалистические отношения определяют теперь основную тематику татарских народных песен. Тема о морали молодого советского человека и о здоровом быте занимает большое место в народных песнях.

В связи с завершением экспедиционных обследований районов ТАССР по татарскому фольклору необходимо полностью обработать и систематизировать собранный богатый фольклорный материал, дать ряд исследовательских, обобщающих работ по татарскому устно-поэтическому творчеству. Перевод лучших образцов татарского фольклора на русский язык и их издание являются неотложной задачей.

В дальнейшей работе следует войти в еще более тесный контакт с фольклористами Башкирской, Чувашской, Удмуртской, Марийской АССР и других соседних республик и областей и продолжить работу по записи татарского фольклора на территории этих республик. Назрела необходимость созыва межобластной научной конференции, с привлечением ученых Москвы и Ленинграда, по актуальным вопросам советской фольклористики.

Среди собранных многочисленных фольклорных материалов подавляющее место занимают народные песни как дореволюционного, так и послеоктябрьского периода. Но, к сожалению, ввиду отсутствия в институте специального кабинета музыкального фольклора, до сего времени приходится записывать лишь тексты народных песен, а мелодии — эти „крылья“ песни — остаются не зафиксированными, что является большим недостатком в сборе и изучении богатой сокровищницы народного творчества.

По сбору русского устно-поэтического творчества края

Русская фольклорная экспедиция 1955 г. обследовала 23 населенных пункта Актанышского, Мензелинского, Набережно-Челнинского районов ТАССР.

В 1956 году экспедиция работала в Ново-Шешминском и Кзыл-Армейском районах республики. Обследовано 19 селений. Всего в экспедициях этих двух лет собрано 8000 частушек, 1700 песен, 15 сказок, 16 топонимических сказов и пр. жанры.

Среди записанного материала выделяется большая группа частушек. В них звучит уверенность в завтрашнем дне, стремление к культурной зажиточной жизни, радость коллективного труда на социалистических полях. Эти мотивы развиваются на фоне основной тематической линии любви к Родине, преданности и благодарности Коммунистической партии и Советскому правительству.

Значительное количество частушек рисует трудовые успехи колхозных бригад, колхозников, рост их материального благополучия.

Все большее место находят в частушках критика и самокритика. Особенно часто осуждаются и высмеиваются лодыри, люди, работающие недобросовестно. Их молодежь предупреждает:

За такую за работу
В стенгазету угодишь.

(Мензелинский район.)

В репертуаре молодежи большое место занимает советская массовая песня, которая воспринимается из книги или по радио. Быстрое распространение в деревне получили песни „Уральская рябинушка“, „Русская красавица“ и др. Особенной любовью колхозного крестьянства всех возрастов пользуется песня М. Исаковского из кинофильма „Кубанские казаки“ „Каким ты был...“.

Из собранных нами исторических песен особенный интерес представляет одна, записанная в с. Новая Матвеевка, Мензелинского района, от колхозника Клочкова Д. П., 83 лет.

Она представляет собой хорошо сохранившийся текст, повествующий о нападении Батыева войска на Чернигов-город. Крайне интересно включение в данную историческую песню, отражающую события 1239 г., былинного героя Добрыни в качестве защитника родной земли.

В Ново-Шешминском районе от Быстровой К. П., 70 л., владеющей значительным песенным репертуаром, записано 60 песен. Среди них впервые отмеченная в нашей республике старая песня о неудачном сватовстве царя Ивана IV к крестьянской девушке, красавице Домнушке. Она смело отвечает на царское предложение:

Не пойду я за носастого,
Не пойду я за глазастого,
Не пойду я за красные волосы!

Разгневанный царь приказал девушку „казнить-вешать“.

Значительный интерес представляют песни о вожде крестьянского люда Степане Разине, записанные в Кзыл-Армейском районе: „Не белы-то в поле снежочки забелелися“ (о выборе Степана Разина атаманом), „Ой, туманушки мои, непроглядные“ (о дружине Разина).

В народе бытуют песни литературного происхождения на стихи А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова, А. В. Кольцова, И. З. Сурикова и др. Устное творчество обследованных в этом году районов характеризуется преобладанием песенных жанров.

Сказок записано немного, но они интересны четко организованной композицией и местным приурочением сюжета. Бытовые сказки Гагарина А. А., 74 л. (Мензелинский район), слушаются с большим интересом. Сюжет их рассказчик насыщает деталями и фактами

собственной биографии и рассказывает их от первого лица, делая вид, будто все припоминает и говорит о себе. Это придает рассказу большую живость.

Народные таланты широко проявляются также в хореографическом творчестве, которому, к сожалению, уделяется мало внимания. В колхозной деревне бытует большое количество танцев, многие из которых, — например, подгорная, — имеют по несколько интересных разновидностей.

Н. Б. БУРГАНОВА

СВАДЕБНЫЕ ПРИЧИТАНИЯ НЕВЕСТЫ У КРЕЩЕННЫХ ТАТАР ПОДБЕРЕЗИНСКОГО РАЙОНА ТАССР

В 1948 году во время поездки в Подберезинский район ТАССР с целью изучения особенностей местного говора мы записали также старинные свадебные обряды крещеных татар¹. Свадебные обряды подберезинских кряшен имеют много общего с обрядами соседних чуваш². Такая общность обнаруживается не только в отдельных этнографических элементах, но характерна вообще для всего быта здешних крещеных татар. Исследователь материальной культуры и быта татарского и чувашского народов проф. Н. И. Воробьев, касаясь этой общности, пишет: „...Что касается материальной культуры, то элементы ее у кряшен полностью совпадают с соседними чувашами. Употребляются одни и те же предметы быта, но называются они по-разному, — так чувашский сарпан кряшены называют по-татарски тастар, тухья — такья, хушпу — кушбау“³.

В данной статье мы не будем останавливаться на всех моментах свадебных обрядов этой группы татар, а попытаемся дать описание главным образом свадебного причитания невесты, носящего здесь название кыз жыруы (песня девушки).

В день свадьбы подруги (кыз жаннары) одевали невесту, покрывали ей голову белым покрывалом с расшитыми краями (бөркәнчек). Невеста, обращаясь к своим родителям и родным, начинала свои причитания, в которых заключены слова укора и упрека:

Туган гына этәвем,
Туган гына энәвем,
Жиде бала эчендә
Ят күрәнгән мин булдым.
(Родненький мой папа,
Родненькая мама моя,
Среди семерых детей
Чужой оказалась я.)

¹ Подберезинские кряшены населяют западную часть района, образующую как бы полуостров, вклинившийся в территорию Чувашской АССР. Здесь насчитывается 9 населенных пунктов: Молькеево, Ст. Курбаш, Хозесаново, Бол. Тябердино, Ст. Тябердино, Баймурзино, Ст. Бува, Нов. Бува и Янсуриновское.

² В. К. Магницкий. Этнографические и статистические данные о браках чуваш Казанской губернии. Известия о-ва археологии, истории и этнографии, том X, вып. 2, 1892.

К. Прокопьев. Брак у чуваш. ИОАИЭ, том XIX, вып. 1, 1930.

³ Н. И. Воробьев. Отчет о поездке с этнографической целью в Свияжский и Тетюшский кантоны ТАССР летом 1927 г. Вестник научного общества татароведения, № 8, 1928.

И этэвем, энэвем,
 Минне сатып ни алдың?
 Минне сатып ни алдың?
 — Ярты тустаган бал эчтен!
 (О папа мой, мама моя,
 Продав меня, что купили?
 Продав меня, что купили?
 — Полстакава меду выпили!)

Казан тулы сөт астыгыз,
 Кан'ап бетсен дидегез.
 Минне яшьли бирдегез, —
 Өмре жылап үтсен дидегез.
 (Полный котел молока налили,
 Пусть выкипит, — сказали,
 Меня смолodu выдали,
 Пусть пройдет жизнь в слезах, — сказали.)

Югары келәт алдында
 Киндер кипмәс, — дидегез.
 Минне быел китмәс,
 Өмер китмәс, — дидегез.
 (Перед верхней клетью
 Полотно не высохнет, — сказали,
 Если она нынче не выйдет,
 То навсегда останется, — сказали.)

Ай ишегем, ишегем,
 Ишек ачар кеше идем.
 Асрый белгән кешегә
 Асу итәр кеше идем.
 (О дверь моя, дверь моя!
 Я могла бы открывать двери;
 Для знающего (мне цену) человека
 Я могла бы пользу принести.)

Югары келәт алдында
 Битемә конш төшә лә;
 Хәзер искә төшмәсә дә,
 Соңрак искә төшәр лә!
 (Перед верхней клетью на мое лицо
 Падают солнечные лучи,
 Если сегодня не вспомнится,
 То вспомнится позже!)

Невеста говорит в песне, что если она оказалась чужой в родной семье, то в чужой семье, куда она должна прибыть после свадьбы, ей будет еще труднее:

Ике киём башмагым,
 Ничек киеп туздырмын?
 Чит кешеләр арасында
 Ничек өмер уздырмын?
 (У меня две пары башмаков,
 Как я их изношу?
 Среди чужих мне людей
 Как я только проживу?)

Аршин-аршин киндерне
 Тартырлар да жыртырлар,
 Бу жиде ят диерләр,
 Сугарлар да жыгарлар.
 (Белое полотно аршинное
 Потянут и разорвут.
 Она совершенно чужая, — скажут,
 И ударом с ног сшибут.)

Тулы казан аскач та,
 Төпсез килең диерләр;
 Ярты казан аскач та,
 Казан яндыра диерләр.

(Если заварю полный котел,
 Неэкономная сноха, — скажут;
 Если заварю полкотла,
 Скажут, что (понапрасну) котел жжет.)

В своих причитаниях невеста обращается и к родным жениха, предупреждает их, что они сами затеяли эту свадьбу, поэтому не должны ее потом упрекать:

Быел чикмән жүләттем,
 Кыска диеп әт'мәгез.
 Карап күреп аласыз,
 Начар диеп әт'мәгез.
 (Нынче кафтан я сшила,
 Не говорите, что короток.
 Видя и зная берете меня,
 Не говорите, что я плоха.)

Если невеста сама не умела петь, то пела одна из ее подруг или же для этой цели специально приглашалась женщина. Невеста при исполнении этого обряда должна была громко плакать, считалось предосудительным, если она не плакала. Следующий куплет песни как раз указывает на это:

Ах, тиндәшләр, тиндәшләр,
 Жылый белми димәгез;
 Сүләп-сүләп көлмәгез,
 Сөзгә дә килер бу эшләр.
 (Ах, сверстницы, сверстницы,
 Не говорите, что плакать не умеет;
 Рассказывая, не смейтесь,
 Эта беда и вас постигнет.)

Как только кончалось угощение гостей в доме родителей невесты, начиналась церемония проводов невесты в дом жениха. Сначала выносили из дома приданое невесты (перину, подушки, сундук и др.). Невеста, обращаясь к родителям, снова причитала:

И жиңгәем, жиңгәем!
 Тулы тустыган бирәсе, —
 Эчәсем килми, нишләем?
 И этэвем, энэвем!
 Китәсем килми, нишләем?
 (О сноха ты моя, сноха!
 Полный стакан ты подаешь, —
 Пить не хочу, как мне быть?
 О папа мой, мама моя!
 Уходить не хочу, как мне быть?)

И, бак көзгә, бак көзгә,
 Багар багыт житте лә;
 Тиндәшләрем, дусларым,
 Аерылар багыт житте лә.
 (О, смотри в зеркало, смотришь,
 Настало время смотреться.
 Сверстницы мои, подружки мои,
 Настало время расстаться.)

Ике панар, өч панар,
 Панар саен ут жанар.
 Моннан жакшы күрмәсәм,
 Керпек саен жәш тамар.
 (Два фонаря, три фонаря
 В каждом фонаре свет горит.
 Если после этого добра не увижу, —
 С каждой ресницы будут слезы капать.)

Урман аркылы кичкәндә
 Өзеп каптым бер миләш.

Эткәм-энкәм, сездән аерылгач,
Кем белән итәрмен кинәш?
(Проходя через лес,
Я сорвала и положила в рот рябинку.
Папочка-мамочка, с кем буду советоваться,
Когда расстанусь я с вами?)

Ее с большим трудом выводили из дома и сажали в кибитку.
По приезде в дом жениха, прежде всего, вносили приданое невесты, затем жених с невестой вместе входили в дом и становились на колени перед родителями.

После того, как невеста была принята в дом жениха, гости садились за стол и угощались. В это время с головы невесты снимали бөркәнчек (покрывало) и одевали тастар (женский головной убор в виде полотенца). При этом невеста причитала:

Ак юкә агач суйдыгыз,
Кабыгын кая куйдыгыз?
Ап-ак тастар сардыгыз,
Яулыгым кая куйдыгыз?
(Белую липу обдирали,
Куда лыко положили?
Белый тастар на меня одели,
Платок мой куда положили?)

Когда заканчивалось угощение, гости разъезжались. Провожая гостей, невеста снова причитала, обращаясь на этот раз к лошади, на которой она приехала:

Тиндәш кенә, алашам,
Мине тартып килгәндә,
Комнактан жиңгел булдыммы?
Мине ташлап китәсен,
Таштан авыр булдыммы?
(Дружочек мой, лошадка,
Когда ты везла меня сюда,
Разве я легче хмеля была?
Оставляешь меня здесь,
Разве тяжелее камня стала я?)

Ах, алашам, алашам,
Тартып килдең, тартып кит.
Таштан авыр мин булдым,
Комнактан жиңгел син булаң.
(Ах, лошадка моя, лошадка,
Привезла меня, так и увези,
Я оказалась тяжелее камня,
Ты оказалась легче хмеля.)

Ах, алашам, алашам,
Якшы күрәсем булса,
Ун аягын алдан бас;
Начар күрәсем булса,
Сул аягын алдан бас.
(Ах, лошадка моя, лошадка,
Если ожидает добро,
Иди с правой ноги;
Если ожидает меня зло,
Иди с левой ноги!)

Все участвовавшие в проводах гостей с большим вниманием смотрели, с какой ноги пойдет лошадь. Если лошадь ступала правой ногой, то, по примете здешних татар, невесту ожидала жизнь в богатстве и счастье.

Л. Т. МАХМУТОВА

СТАРИННАЯ СВАДЕБНАЯ ПЕСНЯ У КАСИМОВСКИХ ТАТАР.

Татарские обрядовые песни до сих пор еще не подвергались специальному изучению, а между тем они являются своеобразным материалом, отражающим отдельные стороны жизни народа.

Наибольший интерес в этом отношении представляют свадебные песни.

Во время диалектологической экспедиции в Касимовский район Рязанской области в 1951 году нам удалось записать несколько вариантов обрядовых песен невесты¹.

Судя по воспоминаниям пожилых женщин, примерно до конца 90-х годов прошлого столетия у касимовских татар существовал такой обычай: в день свадьбы невеста, лежа на кровати, горько оплакивала свою судьбу („әжәл итеп жылау“). Обливаясь слезами, она пела песни, которые заранее слагались ею самой или ее подругами; иногда невеста импровизировала. Обычно осуждалось, если невеста повторяла песню, уже до этого кем-нибудь спетую.

В песнях невесты отразились своеобразные черты исторического прошлого народа; в них вскрывается ряд специальных моментов, ярко отражающих зависимое, тяжелое положение дочери в семье, отношение к ней как к лишнему рту, неограниченное право отца распоряжаться судьбою дочери, полное бесправие ее в выборе жениха и т. д.

В начале песни говорится о том, что невесте трудно высказать все те чувства, которые переполняют ее душу:

Кавын илә карбыз ашајым,
Кабыккајын каја ташлајым.
Таспих тәгәл, таһлил тәгәл,
Ничек кенә жыры башлајым. (II)
Поесть бы мне дыни и арбуза,
Куда (же) мне корки выбросить?
(Это ведь) не „таспих“² и не „таһлил“³,
Как же мне песню начать?

Девушки у касимовских татар обычно должны были прятаться от мужчин. Поэтому нередко случалось так, что родители выдавали свою дочь замуж за человека, которого она никогда в жизни не видела. Если жених был богат, то родители не обращали внимания

¹ В д. Казаково — от Илишевой Ф. Х., в с. Подлипки — от Тантамышевой З., 65 лет, а также в д. Болотцы — от 94-летней старухи. В дальнейшем варианты песен, записанные от них, будем соответственно обозначать римскими цифрами I, II, III.

² Произнесение хвалы богу, гимн.

³ Молитва, читаемая над покойником.

ни на его возраст, ни на внешность и поведение, ни на наличие нескольких детей или даже жены. При этом совершенно не считались с мнением дочери, которую вынуждали выйти замуж за нелюбимого и даже постылого человека. Все это находило яркое отражение в песнях невесты, ведущей темой которых являлись судьба и горестные переживания девушки, насильно выдаваемой замуж:

Бакча ишеккәҗен ачајым,
Түбәсенә гәлләр чәчәјем,
Иһтиар бирегез, ығлајым,
Тулған дәркенәмне чәчәјем. (I)
Открою-ка дверь в сад,
Посею-ка над ней цветы,
Дайте волю (мне), я поплачу,
Рассею накопившуюся печаль.

Пешәдер лә иләк пешәдер,
Пешеп сабагынан төшәдер,
Монајып үскән јәтим башым
Тагы монајырга төшәдер. (III)
Созревают же ягоды, созревают,
Созрев, с черенка падают.
Я, сиротинушка, выросшая в печали,
Снова попадаю в печаль.

Девушка в песне говорит, что лучше бы ей умереть, чем пережить это горе:

Күктән фәрештәләр инсәче,
Һәрберсә салават әйтсәче.
Ошбу хасрәтне мин күргәнчәк,
Азраил жаным алсачы. (I)
Если бы спустились с неба ангелы,
Если бы каждый из них произнес благословенье!
Чем мне переносить такое горе,
Пусть (лучше) бы Азраил¹ меня умертвил.

Мысль о смерти повторяется и в следующих строках песни:

Мөәззиннәр тәһарәт аладыр,
Иртә намазларга барырга.
Азраил иһјәт итә микән
Мән фәкирның жанын алырга? (I)
Муэдзинны совершают омовение,
Чтобы пойти на утреннюю молитву,
Быть может Азраил намеревается
Умертвить меня бедную.

Исполнительница песни сознает, что в семье она лишний человек, что отец готов избавиться от нее как от лишнего рта.

Мәнем әткијгәнәм шикәр вата,
Бахрадан килгән тоз кебек.
Бер-ике-эч јыл сабыр итмәдегез,
Асырарга алған кыз кебек. (I)
Мой папочка сахар колет,
Словно соль из Бухары,
Не подождали два-три года,
Словно (я) дочь, взятая на воспитание.

Тәрәзмине ачып карасам,
Киләсен, әткијем, шатланып,
Сыјмас балакајым китә дијеп,
Јерисен, әткијем, шатланып. (II)
Когда я открыла окно свое, увидела,
(Что) идешь ты, отец мой, радостный,
Говоря: „Лишнее мое дитя уходит“,
Ходишь, отец мой, радуясь,

Отец как полновластный хозяин распоряжается судьбой своей дочери. Она, зная свое безвыходное положение, во всем подчиняется его воле:

Күктә күгәрченнен күрке бар,
Түбәсә эстенди бүрке бар.
Асрап үстәргин әтијемнен
Утка-суга салса, ирке бар. (I)
На небе голубь красив,
На голове у него хохолок есть,
У моего отца, воспитавшего меня,
Даже в огонь (и) воду бросить право есть.

Эстәлгенәјемдә эскәтерем
Ујмар гына ујмар ујылған.
Ығламајын ла, тиндәшләрем,
Вәәдәле кәнәм кујылған. (I)
Скатерть моя на моем столике
Изодрана клочьями.
Не плачьте же, мои сверстницы (подружки),
Обетный день мой назначен.

В эту тяжелую для невесты-девушки минуту единственно близким человеком, который может понять ее горе и искренне сочувствовать ей, является лишь мать, когда-то сама испытавшая всю горечь подневольного замужества и на всю жизнь оставшаяся существом таким же бесправным, как и дочь:

Абзаргынајымда јәшел үләи,
Ашатма, әнкијем, атларга,
Кул гына арамдан чыга дијеп,
Ташлама, әнкијем, јатларга. (I)
На моем дворике зеленая трава (растет),
Не корми (ее), мамочка моя, лошадям,
Говоря, что она уходит из моих объятий,
Не бросай (меня), мамочка моя, чужим людям.

Абзаргынајымда саз гына,
Ајак басардај тышы аз гына.
Ығлама, әнкијем, мәнем эчен,
Бәлки әмерем ди аз гына. (I)
На моем дворике болото (только), —
Места, куда можно бы ступить ногой, мало.
Не плачь, мамочка моя, за меня,
Быть может, и жизнь моя коротка.

Вызывая жалость и сострадание к себе, невеста необычайно трогательно обращается к родным и близким, говорит о приближающейся разлуке:

Кыбыладан таба болот килә,
Салаватлар әйттем кәйтсын дип.
Сез, тутикајымны, көткән идем,
Мәрхәмәтле бер сүз әйтсен дип. (I)
С юга идет туча,
Произнесла я молитвы, чтобы она вернулась.
Я ждала вас, тетушку мою,
Чтобы сказали вы слова сочувствия.

Башкынајымда торған калфаккајым
Бахралардан килгән тегелме?
Ишеккәјдин кереп монајып гора,
Минем јадашкынам тегелме? (III)
Калфак (что) на твоей голове
Не привезен ли из Бухары?
Стоит у двери грустная
Не сестричка ли моя?

Бәтис кепә күләк бечәр идем,
Алып бујгынасын бујласан,

¹ Ангел смерти.

Тоҗмый торсаныз да, тиндәшләрем, авыр
Аҗрылышу һәлен уҗласан. (I)

Батистовое платье скроила б я,
Если б длину ты смерила.
Хотя и не чувствуете, сверстницы мои, как бывает тяжело,
Когда думаешь о разлуке.

Перед самым приездом жениха, как правило, к невесте заходила одна из подруг или родственниц, которая дарит ей платок или отрез на платье или то и другое одновременно. Этим дареным платком закрывают лицо невесты. Обряд этот у касимовских татар назывался „бәр'инче“, аплау“. Получив подарок, девушка поет песню, в которой называет платок саваном.

Башкынаҗымдагы җавлыккаҗым —
Күземә күренә җәшел-күк.
Җапмаса, тутикаҗ, бу пәрдәне —
Күземә күренә кәфен тик. (I)

Платок, что на моей головушке,
Кажется мне (досл. моим глазам) синие-зеленым.
Не покрывай, тетушка, этим покрывалом,
Кажется оно (досл. моим глазам) саваном.

Невеста говорит своей родственнице, что лучше бы она убила ее, чем накрывала этим платком:

Сондок кына сондок сары шәл,
Кирәк кенә булса, чыгып ал.
Җапмасачына бу фәрдәне, жингикәҗ,
Азраил булып жаным ал. (III)
Полны сундуки желтых платков,
Если нужно, выйди и возьми.
Не покрывай этим покрывалом, невестушка,
(Лучше), став Азраилом, душу мою возьми.

Кульминационным пунктом песни является приезд жениха, которого невеста считает своим губителем:

Шалтыр гына шалтыр итте лә,
Капка тепкенәмә житте лә.
Җыгламаҗ нәҗләҗем, тиндәшләрем,
Җаңгы башкынама житте лә. (I)
Звон раздался „динь-динь-динь“
И послышался у моих ворот.
Как же мне не плакать, мои сверстницы (подруги),
Погибла моя головушка.

Мәнем әткиҗемнен абзарында
Тәвәгә тиҗәгән мал тора.
Җыгламаҗ нәҗләҗем, тиндәшләрем,
Җаным алырдаҗык жау тора. (I)
Во дворе моего отца
Навьючен на верблюде „мал“¹.
Как же мне не плакать, мои сверстницы (подруги),
Передо мной смертельный враг.

Но в конце концов невеста примиряется со своей печальной участью и в прощальной песне поет о том, что уходит из родительского дома навсегда:

Боролош кына боролош бәскечләрдин
Нәчә борсаныз да каҗтмамын.
Бимазади булып сез тормагыз,
Нәчә сорасаныз да әйтмәмен. (I)

По лестнице с поворотами
Сколько (раз) ни повернули б, не вернусь,
Вы не беспокойтесь,
Сколько бы ни спрашивали, не скажу.

Обычай петь прощальные песни невесты с начала XX века исчез, но не исчезла сама причина, порождающая их. Форма брака несколько изменилась, стала менее грубой, но подневольное положение невесты, как и женщины вообще, зависимость ее от отца и мужа продолжали оставаться. И только Великая Октябрьская социалистическая революция ликвидировала полностью гнет и насилие, освободила и женщину-татарку, дала ей возможность устраивать свою судьбу так, как она хочет. Теперь невеста не только не поет, но и не может петь подобные песни, так как исчез тот социальный порядок, который их породил.

¹ Т. е. имущество, богатство, возможно здесь „товар“.

СОДЕРЖАНИЕ

Х. Г. Гимади. Об изучении истории Татарской АССР за 40 лет	3
М. К. Мухарямов. Первые шаги в разрешении национального вопроса в Татарии после победы Великой Октябрьской социалистической революции .	15
Г. М. Хисамутдинов. К вопросу о ликвидации фактического неравенства татарской нации	21
А. М. Залялов. О некоторых итогах осуществления ленинского кооперативного плана в Татарии к концу восстановительного периода	41
К. Л. Байрамов. Машинно-тракторные станции Татарии в борьбе за укрепление колхозного строя (первые годы второй пятилетки)	53
Г. И. Шумилов. Вопросы социально-культурного строительства в Чувашии в годы первой пятилетки	69
Х. Х. Хасанов. Татария в дни Всероссийской политической стачки в октябре 1905 года	81
М. Г. Софронов. Развитие капиталистических отношений среди государственных крестьян Казанской губернии в 40—50 годы XIX века	91
Е. И. Чернышов. К истории строительства Казанской железной дороги .	105
Н. И. Воробьев. Украшение и внутреннее убранство крестьянских жилищ у народов Среднего Поволжья	117
Х. Ф. Хайруллин. Историко-революционный роман	143
Р. Ш. Башкуров. О переводах из русской литературы на татарский язык в начале XX века	161
Э. М. Ахунзянов. Фонетическое освоение русских слов, заимствованных в татарский язык	171

Сообщения

Ш. Ф. Мухамедьяров. Малоизвестная писцовая книга Казанского уезда (1602—1603 гг.)	191
А. Х. Халиков, А. Б. Булатов. Мало-Атрянский монетный клад XIV — начала XV вв. (предварительное сообщение)	197
Н. Ф. Калинин. К итогам археологической экспедиции КФАН СССР 1955 года	201
Н. И. Воробьев, Г. М. Хисамутдинов. Историко-этнографические наблюдения 1955 года в Татарской АССР	205
Х. Х. Ярмухаметов, В. Ф. Павлова. Некоторые итоги фольклорных экспедиций (1955—1956 гг.)	209
Н. Б. Бурганова. Свадебные причитания невесты у крещеных татар Подберезинского района ТАССР	213
Л. Т. Махмутова. Старинная свадебная песня у касимовских татар . .	217

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
стр. 43	14 строка сверху	32701 пуд	32701 тыс. пудов
стр. 44	11 строка снизу	203324	2033.249
стр. 44	1 строка снизу	3	9
стр. 46	7 строка сверху	29005	25005
стр. 48	5 строка снизу	ЦГАО	ЦГАОР

Заказ № 0234

Редактор Г. Я. Солганик

Техн. редакторы М. З. Шарафутдинова и Р. С. Набиуллина

Корректоры О. А. Крылова и Л. П. Рябикова

Сдано в набор 18/VI-1957 г. Подписано к печати 18/XI-1957 г. ПФ 08714. Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆.
Печати. листов 14,0 (19,18). Учетн. изд. листов 17,89. Количество знаков
в 1 листе 68.100. Заказ № 0234. Тираж 500. Бесплатно.

Типография Татполиграфического Министерства культуры ТАССР.
Казань, ул. Миславского, д. № 9.